

ЛЕССИНГЪ,

ЕГО ВРЕМЯ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческое значеніе нѣмецкой литературы въ послѣдней половинѣ прошедшаго вѣка.—Мѣсто, которое принадлежатъ Лессингу въ исторіи развитія нѣмецкаго народа.

Объясняя жизнь, служа посредницею между чистою отвлеченною наукою и массою публики, доставляя человѣку облагораживающее эстетическое наслажденіе, пробуждая умъ къ дѣятельности, литература всегда имѣетъ болѣе или меньшее вліяніе на развитіе народовъ, всегда играетъ болѣе или менѣе важную роль въ историческомъ движеніи.

Но какъ ни очевидно ея участіе въ исторіи, надобно согласиться, что очень рѣдки въ жизни человѣчества тѣ случаи, когда литература, въ строгомъ смыслѣ слова, какъ мы здѣсь его употребляемъ—то есть поэзія и ученныя сочиненія, писанныя такъ, что читаются всею массою публики, а не одними специалистами—рѣдки тѣ случаи, когда литература бывала въ историческомъ движеніи главною, преобладающею силою. Почти всегда литературныя вліянія отгѣснялись, въ развитіи народной жизни, на второй планъ другими, болѣе пылкими чувствами или матеріальными, практическими побужденіями: соперничествомъ племенъ и державъ, религіею, политическими, юридическими и экономическими отношеніями и т. д. Точно такова же была почти всегда и судьба науки. Но чрезвычайная важность науки въ жизни и исторіи нимало не теряется черезъ это скромное положеніе: творя тихо и медленно, она творитъ все; создаваемое ею знаніе ложится въ основаніе всѣхъ понятій и потомъ всей дѣятельности человѣчества, даетъ направление всѣмъ его стремленіямъ, силу всѣмъ его способностямъ. Наука—чернорабочій, не играющій блистательной роли въ обществѣ; но трудами этого чернорабочаго живетъ все: и государство и семейство, и политика и промышленность; только оплодотворенныя знаніемъ стремленія человѣка получаютъ характеръ, совмѣстный съ общимъ и частнымъ благомъ, силы человѣка производятъ полезное дѣйствіе. Литература не имѣетъ этого права считаться первою виновницею всякаго прогресса. Она не общая мать всѣхъ другихъ дѣятельностей человѣка: она сама такая же специальная, частная дѣятельность, какъ и все остальное въ человѣческой живни, кромѣ знанія.

Когда преобладаніе литературы въ историческомъ движеніи не очевидно, то я на самомъ дѣлѣ она не играетъ въ немъ главной роли. Вѣдь она не создаетъ машинъ и инструментовъ, юридическихъ понятій и нравственныхъ отношеній, государственной власти и промышленной дѣятельности, какъ создаетъ ихъ знаніе. Пусть политика и промышленность шумно движутся на первомъ планѣ въ исторіи, исторія все-таки свидѣтельствуетъ, что знаніе — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное въ человѣческой жизни. А до литературы нѣтъ исторіку дѣла, если она насильно не выпуждаетъ у него признанія своего историческаго могущества: чѣмъ не овладѣетъ она сама, въ томъ никто не уступитъ ей доли.

И, надобно признаться, доля литературы въ историческомъ процессѣ, никогда не бывая совершенно маловажна, обыкновенно бывала и вовсе не такъ значительна, чтобы заслуживать особеннаго вниманія. Дѣствительно, литература почти всегда имѣла для развитія человѣческой жизни только второстепенное значеніе. Такъ напримѣръ, въ древнемъ мірѣ мы не замѣчаемъ ни одной эпохи, въ которой историческое движеніе совершалось бы подъ преобладающимъ вліяніемъ литературы. Несмотря на все пристрастіе грековъ къ поэзіи, ходъ ихъ жизни обуславливался не литературными вліяніями, а религіозными, племенными и военными стремленіями, впослѣдствіи, кромѣ того, политическими и экономическими вопросами. Литература была, подобно искусству, лучшимъ украшеніемъ, но только украшеніемъ, а не основною пружиною, не главною двигательною ихъ жизни. Римская жизнь развивалась военною и политическою борьбою и опредѣленіемъ юридическихъ отношеній; литература была для римлянъ только благороднымъ отдыхомъ отъ политической дѣятельности. Въ блестящій вѣкъ Италіи, когда она имѣла Данте, Аріосто и Тассо, также не литература была основнымъ началомъ жизни, а борьба политическихъ партій и экономическія отношенія: эти интересы, а не вліяніе Данте, рѣшали судьбу его родины и при немъ и послѣ него. Въ Англіи, гордящейся величайшимъ поэтомъ христіанскаго міра и такимъ числомъ первостепенныхъ писателей, какого не найдется, быть можетъ, въ литературахъ всей остальной Европы, вмѣстѣ взятыхъ, — въ Англіи отъ литературы никогда не зависѣла судьба націи, опредѣлявшаяся религіозными, политическими и экономическими отношеніями, парламентскими преніями и газетною полемикою: собственно такъ называемая литература всегда имѣла только второстепенное вліяніе на историческое развитіе этой страны. Таково же было положеніе литературы почти всегда, почти у всѣхъ историческихъ народовъ.

Исключеній изъ этого обыкновеннаго порядка случаевъ, когда литература являлась дѣйствительно главною двигательною историческаго развитія, очень немного. Нѣмецкая литература послѣдней половины прошедшаго и первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка есть одно изъ самыхъ важныхъ между этими рѣдкими явленіями. Отъ начала дѣятельности Лессинга до смерти Шиллера (до завоеванія западной Германіи Наполеономъ, законодательства Штайна въ Пруссіи и до распространенія философій — явленій, которыя овладѣваютъ послѣдующимъ развитіемъ нѣмецкаго народа), втеченіе пяти-

десяти лѣтъ, развитіе одной изъ величайшихъ мѣжду европейскими націями, будущность странъ отъ Балгійскаго до Средиземнаго моря, отъ Рейна до Одера опредѣлялась литературнымъ движеніемъ. Учасіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ и событій въ національномъ развитіи должно назвать незначительнымъ сравнительно съ вліяніемъ литературы. Ничто не помогало въ то время ея благотворному дѣйствію на судьбу нѣмецкой націи; напротивъ, почти всѣ другія отношенія и условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь, не благопріятствовали развитію народа. Литература одна вела его впередъ, борясь съ безчисленными препятствіями.

Каковы же были результаты этого пятидесятилѣтія?

Въ пятьдесятъ лѣтъ литература совершила для прочнаго блага нѣмецкаго народа болѣе, нежели когда нибудь было совершено всѣми другими общественными силами для какого нибудь народа во сто, въ двѣсти лѣтъ. Нѣмецкая литература застала свой вародъ ничтожнымъ, презрѣннымъ отъ всѣхъ и презирающимъ себя, не имѣющимъ даже никакого сознанія о своемъ существованіи, грубымъ до средневѣковаго варварства въ однихъ слояхъ, развращеннымъ до нравовъ временъ Регентства въ другихъ слояхъ, ничего не желающимъ, ничего не надѣющимся, безжизненнымъ. Она дала ему сознаніе о національномъ единствѣ, пробудила въ немъ чувство законности и честности, вложила въ него энергическія стремленія, благородную увѣренность въ своихъ силахъ. Въ половинѣ XVIII вѣка нѣмцы, во всѣхъ отношеніяхъ, были двумя вѣками позади англичанъ и французовъ. Въ началѣ XIX вѣка они во многихъ отношеніяхъ стояли уже выше всѣхъ народовъ. Въ половинѣ XVIII вѣка нѣмцкій народъ казался дряхлымъ, отжившимъ свой вѣкъ, не имѣющимъ будущности. Въ началѣ XIX вѣка нѣмцы явились народомъ, полнымъ могучихъ силъ,—народомъ, которому предстоитъ великая и счастливая будущность,—народомъ, готовымъ дать начала обновленія для всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, если бы тотъ или другой изъ нихъ нуждался въ посторонней помощи для своего обновленія. Все это совершила литература, наперекоръ безчисленнымъ препятствіямъ, безъ всякой посторонней помощи, и Шиллеръ имѣлъ полное право прославить нѣмецкую поэзію за то, что ею возвеличенъ нѣмецкій народъ, и никто не дѣлитъ славы этой съ нѣмецкими писателями.

„Не было у наней литературы ни Августовъ, ни Медичи, не ободрялъ и не поддерживалъ ея никто. Съ отрадною гордостью можетъ сказать нѣмецъ, что самому себѣ обязанъ онъ всѣмъ, въ чемъ нынѣ честь его“.

Rein Augustisch' Alter blühte,
Keines Mediceers Güte
Lächelte der deutschen Kunst;

Rühmend darf's der Deutsche sagen,
Höher darf das Herz ihm schlagen:
Selbst erschuf er sich den Werth!

Потому то нѣмецкая литература въ періодъ времени отъ половины прошлаго до начала нынѣшняго вѣка есть явленіе величайшей исторической

важности, какой не имѣютъ многія другія эпохи литературной дѣятельности у другихъ народовъ, блиставшія писателями, которые по поэтическому генію были не ниже или даже и выше корифеевъ нѣмецкой литературы. Суворовъ, конечно, былъ геніальнѣе Кутузова и Барклая-де-Толли; но дѣло, совершенное Барклаемъ и Кутузовымъ, бесконечно превышаетъ своимъ историческимъ значеніемъ всѣ дивныя подвиги Суворова. Такъ Мильтонъ и Данте, по поэтическому генію, быть можетъ, выше Гете и Шиллера; но въ исторіи человѣчества Гете и Шиллеръ занимаютъ гораздо болѣе значительное мѣсто. То—люди, высошіе въ своей специальности; это—двигатели историческаго развитія, имѣвшіе прямое вліяніе на судьбу человѣчества, стоящіе въ ряду великихъ правителей націй, въ одномъ ряду съ Ришелье, Штейномъ, Робертомъ Пилемъ *).

Если бы не вышелъ изъ моды старый и въ сущности вовсе не безполезный обычай объяснять въ предисловіяхъ къ сочиненіямъ, трактующимъ объ ученыхъ предметахъ, какую пользу приносить вообще знаніе, какую пользу въ частности приносить знаніе того предмета, о которомъ трактуется въ этомъ сочиненіи, и какую пользу въ особенности принесетъ знаніе этого предмета тѣмъ чѣтателямъ, для которыхъ назначается это сочиненіе,—если бы не вышелъ изъ моды этотъ старый добрый обычай, мы должны были бы сказать что нибудь о той особенной пользѣ, какую можемъ извлечь мы, русскіе, изъ знакомства съ судьбами нѣмецкой литературы временъ Лессинга, Шиллера и Гете.

Если бы не вышелъ также изъ моды другой старый добрый обычай—проводить параллели между сходными явленіями въ исторіи различныхъ народовъ, мы могли бы также отыскать нѣкоторыя занимательныя аналогіи между положеніемъ нѣмецкой литературы того времени и положеніемъ нѣкоторыхъ другихъ литературъ въ другія времена.

Наконецъ, если бы не вышли изъ моды „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, мы могли бы выставить Лессинга, разговаривающаго, напримѣръ, съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ Елисейскихъ поляхъ: Лессингъ спрашивалъ бы Пушкина и Гоголя о русской литературѣ и, въ свою очередь, сообщалъ бы имъ различныя замѣчанія о литературѣ вообще.

Но „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, историческія параллели въ родѣ Плутарха, предисловія о пользѣ наукъ,—все это рѣшительно вышло изъ моды, и мы, не желая прослыть людьми, отставшими отъ вѣка, отказываемся и отъ разсужденій о пользѣ изученія судьбы нѣмецкой литературы для русской литературы, и отъ идеи вывести Лессинга, разговаривающаго съ Пушкинымъ и Гоголемъ, и повторимъ только, что важнѣйшею стороною нѣмецкой литературы отъ Лессинга до Шиллера надобно считать вліяніе ея на историческую жизнь нѣмецкаго народа. Потому особенно интересно разсматривать ее не въ отдѣльности отъ другихъ сторонъ жизни, какъ чисто художественную дѣятельность, а въ связи съ общею исторіею народа, какъ силу, властвовавшую надъ умами, нравами и жизненными стремленіями и приготовлявшую событія,—словомъ, смотрѣть на нее не какъ на исключен-

*) Гервингусъ, си. особенно предисловіе къ 1-му и 4-му томамъ изданія 1853 года.

тельное достояніе искусства, а какъ на одинъ изъ великихъ фазисовъ общей исторіи народа.

Лессингъ былъ главнымъ въ первомъ поколѣніи тѣхъ дѣятелей, которыхъ историческая необходимость вызвала для оживленія его родины. Онъ былъ отцомъ новой нѣмецкой литературы. Онъ владычествовалъ надъ нею съ диктаторскимъ могуществомъ. Всѣ значительнѣйшіе изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей, даже Шиллеръ, даже самъ Гете въ лучшую эпоху своей дѣятельности, были учениками его; оставались учениками его даже тогда, когда возставали противъ него или по одностороннему увлеченію, какъ писателя „періода бурныхъ стремленій“ (Sturm- und Drang-Periode), или по тайной зависти, какъ Гердѣръ и Гете. Нынѣ, когда литература въ Германіи утратила свою преобладающую силу надъ развитіемъ общественной жизни, и безусловное восхищеніе литературными знаменитостями прежняго времени уступило мѣсто другимъ симпатіямъ, величіе Лессинга возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается авторитетъ писателей, снѣбившихъ его, и по мѣрѣ того, какъ очевиднѣе убѣждаются наши современники въ односторонности поштіи, которыми еще недавно были удовлетворяемы, все болѣе и болѣе научаются они цѣнить Лессинга. Онъ ближе къ нашему вѣку, нежели самъ Гете, взглядъ его проницательнѣе и глубже, понятія его шире и гуманнѣе. Только еще недавно стали постигать почти безпримѣрную гениальность его ума, удивительную вѣрность его идей обо всемъ, чего ни касался онъ. Слава Лессинга все возрастаетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ возрастать. Но и теперь стало уже ясно для всѣхъ, что только очень немногіе изъ людей XVIII вѣка, столь богатаго гениальными людьми и сильными историческими дѣятелями, могутъ быть поставлены на ряду съ нимъ по гениальности и огромному историческому значенію. Между своими соотечественниками онъ рѣшительно не находитъ соперниковъ въ своемъ вѣкѣ; самъ Фридрихъ II не имѣлъ такого сильнаго вліянія на развитіе нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ*).

Мы уже сказали, что нѣмецкую литературу послѣдней половины прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка надобно разсматривать преимущественно со стороны ея вліянія на жизнь нѣмецкаго народа. Дѣятельность Лессинга, которая будетъ предметомъ нашихъ статей, заключаетъ въ себѣ начала всего того, чѣмъ сильна и благотворна для своего народа была эта литература; всему основаніе было положено Лессингомъ: подвигъ его преемниковъ былъ только осуществленіемъ его мысли, и наибольшую часть того, что считалъ онъ нужнымъ совершить, успѣлъ совершить онъ самъ, оставивъ своимъ преемникамъ только меньшую и легчайшую половину труда; въ великой борьбѣ, цѣлью которой было возрожденіе нѣмецкаго народа, не только планъ битвы принадлежать ему, но и побѣда была одержана имъ, — Гете и Шиллеръ только довершали то, что уже было сдѣлано Лессингомъ, — ихъ слушали, потому что Лессингъ заставлялъ слушать; имъ сочувствовали, потому что Лессингъ заставлялъ сочувствовать идеямъ, которыя выражали они, — и все, что было здороваго въ ихъ идеяхъ, было имъ внушено Лессингомъ.

*) Шдоссеръ, Гервинусъ, Гиллебрандъ и проч.

Въ немъ или черезъ него и отъ него вся новая нѣмецкая литература до смерти Шиллера и до конца плодотворной эпохи въ дѣятельности Гете.

Мы хотимъ разсказать, что и какъ сдѣлалъ Лессингъ для историческаго развитія Германіи,—и намъ надобно начать съ того, чтобы взглянуть, въ какомъ положеніи засталъ онъ Германію.

Читатель не найдетъ страннымъ, что изложеніе дѣятельности писателя начинается обзорѣніемъ состоянія его родины не въ одномъ литературномъ или умственномъ отношеніи, но и въ государственномъ: писатель этотъ имѣлъ могущественнѣйшее вліяніе не на одну литературу, а на всю общественную жизнь Германіи; результатомъ его дѣятельности было не возрожденіе одной литературы, а возрожденіе націи. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи засталъ онъ свой народъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Причины, замедлившія соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ одну національную державу и содѣйствовавшія распаденію Германіи на множество самостоятельныхъ государствъ — Слѣдствія этого распаденія. — Положеніе нѣмецкаго народа въ половинѣ XVIII вѣка по отношенію къ общимъ національнымъ интересамъ. — Характеристика государственной и частной жизни въ различныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ.

Русскіе, англичане, французы часто осуждаютъ нѣмцевъ за то, что они до сихъ поръ не составили изъ себя одной великой державы, каковы Россія, Англія, Франція. Многіе заходятъ въ этомъ осужденіи такъ далеко, что объявляютъ нѣмцевъ народомъ неспособнымъ къ высшей государственной жизни. Эти люди забываютъ, что судьба народа зависитъ не отъ однихъ его способностей, но также и отъ обстоятельствъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать, до какой степени извиняются обстоятельствами предки нынѣшнихъ нѣмцевъ, за то, что въ XV — XVII вѣкахъ не успѣли образовать одной державы, какъ успѣли достигъ государственнаго единства французы и англичане. Но при внимательномъ разборѣ оказывается, что препятствія, съ которыми нѣмцы должны были бороться въ этомъ дѣлѣ, были гораздо значительнѣе, нежели тѣ затрудненія, которыми задерживались другіе народы. Въ Англіи, напримѣръ, вся страна была занята однимъ и тѣмъ же племенемъ, во Франціи были только два племени, изъ которыхъ сѣверное съ самаго начала было гораздо могущественнѣе южнаго, такъ что безъ особеннаго труда получило рѣшительный перевѣсъ надъ нимъ, — въ Германіи было нѣсколько племенъ, одинаково сильныхъ или защищенныхъ географическими условіями отъ преобладанія другъ надъ другомъ, — фризы, саксы, тюрингцы, аллеманы, баварцы не такъ скоро могли слиться между собою въ одно цѣлое, какъ франки Шампани съ франками Анжу и Берри. По своему географическому положенію, нѣмцы имѣли сосѣдями иноплеменниковъ и на западѣ, и на югѣ, и на востокѣ, между тѣмъ, какъ французы имѣли чужихъ сосѣдовъ только съ одной восточной стороны (на югѣ горы отдѣляли ихъ отъ другихъ народовъ твердою границею), англичане только на сѣверной границѣ встрѣчались съ малочисленными шотландцами, — и если Англія окончательно слилась съ Шотландіей только въ началѣ XVIII вѣка, то можно ли дивиться, что сліяніе пяти или шести равносильныхъ нѣмецкихъ племенъ замедлилось? Во Франціи стремленіе народа къ единству не было развлекаемо дѣломъ покоренія сосѣднихъ племенъ характеру французской національности, въ Англіи борьба за обладаніе Франціею началась уже по соединеніи всѣхъ англійскихъ областей въ одно государство. Въ той и другой странѣ, до утвержденія государственнаго единства, всѣ усилія и народа и верховной

власти были устремлены къ созданію и упроченію этого единства. Въ Германіи, напротивъ того, на югѣ и востокѣ нѣмецкое племя было занято упорною борьбою съ иноплемениками и расширеніемъ границъ своей національности. Представитель верховной власти, императоръ, въ качествѣ главы всего католическаго міра, занятъ былъ не столько утвержденіемъ строгаго государственнаго единства въ Германіи, сколько завоеваніемъ Италіи и борьбой съ папою, а народъ—расширеніемъ предѣловъ своихъ на востокъ. Такимъ образомъ, при значительнѣйшихъ внутреннихъ препятствіяхъ къ основанію государственнаго единства, существовали въ Германіи историческія отношенія, не позволявшія силамъ народа и усніямъ правительства сосредоточиваться на одномъ стремленіи къ созданію одного національнаго государства, между тѣмъ, какъ въ Англіи и Франціи не существовало этихъ отношеній, неблагопріятныхъ, стремленію къ государственному единству.

Этими особенными обстоятельствами и отношеніями уже достаточно объясняется, почему исторія Германіи, по вопросу о государственномъ единствѣ одноплеменнаго народа, представляетъ противоположность, напримѣръ, французской исторіи; и нѣтъ надобности предполагать въ нѣмцахъ менѣе способности къ составленію одного національнаго государства, нежели въ какомъ нибудь другомъ изъ европейскихъ народовъ, ранѣе нѣмецкаго народа достигшихъ этой цѣли потому только, что имъ на пути встрѣчалось менѣе препятствій, нежели нѣмцамъ.

Нельзя осуждать нѣмцевъ за то, что они еще не слились въ одну державу: не народъ нѣмецкій виноватъ въ томъ, а географическія и историческія отношенія. Но дѣйствительно, подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, исторія Германіи, по отношенію къ государственному единству, представляетъ, съ XIII или XIV вѣка, совершенную противоположность тому, что мы видимъ во Франціи. Начало развитія въ обѣихъ странахъ было одно: имперія Карла Великаго постепенно распалась на малыя государства, которыя и по объему, и даже по характеру управленія, скорѣе можно сравнить съ частными владѣніями, нежели съ національными державами. Королевская власть во Франціи, императорская въ Германіи была очень слабою связью между раздробленными частями одного народа. Но во Франціи эта центральная власть постепенно усиливается и наконецъ даетъ народу политическое единство; въ Германіи она все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, такъ что въ XVIII вѣкѣ существуетъ только по имени, а отдѣльные князья, сначала бывшіе подданными императора, становятся независимыми государями, которые только на бумагѣ называются членами одной конфедерации, на самомъ же дѣлѣ не хотятъ ни думать о національныхъ интересахъ, ни подчиняться имперскому сейму. Каждое великое событіе, театромъ котораго была Германія, подвигало судьбу націи къ этому результату. Чтобы не заходить въ слишкомъ отдаленныя времена, припомнимъ ходъ событій съ Реформаціи. Она раздѣлила Германію на двѣ враждебныя половины, и раздѣленіе это не было слѣдствіемъ какого нибудь разяорбчія между стремленіями народа въ южной и сѣверной Германіи, а только слѣдствіемъ того, что католикъ-императоръ, папа и баварскіе іезуиты успѣли удержать въ религіозномъ повнновеніи области, ближайшія къ центру ихъ

могущества, и насильственно подавить реформацію въ южной Германіи, чего не успѣли сдѣлать въ зеняхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Рима, Вѣны и Мюнхена. Изъ двухъ враждебныхъ партій, протестантская напрягала всѣ силы для ослабленія непріязненной центральной власти, католическая находила себѣ главную опору не въ императорѣ, а въ герцогахъ баварскихъ. Власть императора упала, власть отдѣльныхъ князей возвысилась. Имперскій сеймъ сталъ уже не органомъ союза, хотя и слабого, но все-таки общаго національнаго союза, какъ то было прежде, а конгрессомъ двухъ враждебныхъ коалицій, послѣднее слово которыхъ всегда — угроза войною. Католики и самъ императоръ ищутъ покровительства Испаніи, протестанты — Англіи, Даніи, Швеціи; поочередно тѣ и другіе — покровительства Франціи; тѣ и другіе одинаково находятся подъ вліяніемъ иноземцевъ, которые становятся покровителями нѣмецкимъ державамъ противъ нѣмецкихъ же державъ. Мало по малу, съ ослабленіемъ религіознаго энтузіазма, ослабѣла и та связь, которая соединяла протестантовъ съ протестантами, католиковъ съ католиками: прежнія крѣпкія коалиціи исчезаютъ; послѣ Тридцати-лѣтней войны нѣтъ прочнаго союза ни между протестантами, ни между католиками; вмѣсто духа партій водворяется духъ полнаго эгоизма. Благодаря чужеземному вмѣшательству, отдѣльные князья становятся, по вестфальскому миру, совершенно самостоятельными, изъ непокорныхъ вассаловъ дѣлаются независимыми отъ императора государями. На сеймѣ каждый руководится только своими частными выгодами; сеймъ безсильнъ, а если имѣетъ еще нѣкоторую тѣнь вліянія, то вліявіе это уже открытымъ и законнымъ образомъ находится въ рукахъ чужеземцевъ: Франція, Швеція, Данія имѣютъ голосъ въ совѣщаніяхъ. Самъ германскій императоръ заботился исключительно о выгодахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, чуждыхъ общимъ интересамъ нѣмецкаго народа: онъ дѣйствовалъ, какъ государь Венгріи, равныхъ славянскихъ и итальянскихъ земель, лежавшихъ внѣ границъ Германіи. Таково же было положеніе сильнѣйшихъ князей, курфирстовъ саксонскихъ, бывшихъ королями польскими; духовные князья-архіепископы майнцскій, кельненій и трірскій не имѣли даже и династическаго интереса: они руководились исключительно личными выгодами. Не будемъ уже говорить о раздѣленности интересовъ по вопросамъ внутренней политики: какъ бы ни была безпощадна борьба партій, раздѣляющихъ народъ во времена мира, но при внѣшней опасности со стороны чужеземцевъ всѣ области страны, всѣ партіи народа имѣютъ одинъ общій интересъ и соединяются для защиты. Послѣ вестфальскаго мира не было и этого въ Германіи: съ половины XVII вѣка, не было ни одной войны, въ которой Германская имперія являлась бы какъ одно цѣлое: каждый разъ, какъ только вспыхивала въ Западной Европѣ война, одни изъ германскихъ владѣтелей сражались за одну, другіе за другую изъ враждующихъ сторонъ, хотя обыкновенно Германіи не было собственно никакой нужды вмѣшиваться въ войну. Да и могло ли быть иначе? кромѣ вліянія иноземцевъ, нѣмецкія области вовлекались въ чуждыя имъ распри и потому, что сильнѣйшіе изъ нѣмецкихъ князей владѣли государствами или провинціями внѣ Германіи: саксонскіе курфирсты были также польскими королями, курфирсты бранденбургскіе владѣли Пруссією; такимъ образомъ, Бранденбургъ

запутывался во всё распри, касавшіяся Прусской области, и въ XVII вѣкѣ былъ государствомъ наполовину чуждымъ Германіи, а Саксоніи еще больше страдала отъ соединенія съ Польшею. Помераніею владѣла Швеція, Ганноверомъ—Англія, и обѣ эти державы пользовались силами Ганновера и Помераніи, конечно, не для выгоды этихъ областей, а только по своимъ собственнымъ расчетамъ. Баварія поелъ веефальскаго мира постоянно искала у Франціи помощи противъ Австріи. Въ эти чуждыя національнымъ интересамъ, чуждыя всякому помышленію объ общемъ отечествѣ интриги и отношенія сильнѣйшихъ германскихъ державъ вовлекались, какъ ихъ кліенты, десятки второстепенныхъ и сотни третьестепенныхъ князей и князьковъ, пользовавшихся правами политической независимости графовъ, бароновъ и рыцарей, архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ и имперскихъ городовъ.

Таково было положеніе Германіи въ началѣ XVIII вѣка, таково же оставалось оно и черезъ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, — даже сдѣлалось еще безнадежнѣе и позорнѣе.

Общія выраженія слишкомъ слабы и блѣдны, — надобно припомнить событія нѣмецкой исторіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, чтобы имѣть точное представленіе о томъ, какъ далекъ былъ нѣмецкій народъ отъ всякой идеи о единствѣ, когда вліяніе литературы начало противодѣйствовать совершенному расторгженію членовъ одной націи.

Ограничиваясь событіями XVIII вѣка, мы не будемъ говорить ни о томъ, какія постыдныя измѣны общему дѣлу со стороны многихъ нѣмецкихъ владѣтелей Германіи были причиною успѣховъ Людовика XIV въ порвыхъ его войнахъ; не будемъ говорить о томъ, съ какимъ позорнымъ равнодушіемъ, съ какою жалкою трусостью сеймъ позволялъ ему захватывать во время мира нѣмецкіе области и города. Мы начинаемъ свой обзоръ прямо съ войны за наслѣдство испанскаго престола *).

Въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола Англія и Голландія начали борьбу съ Франціею за свои жизненные интересы. Не говоря ужъ о соперничествѣ въ морской торговлѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ, вспомнимъ только, что Людовикъ XIV хотѣлъ завоевать Голландію и вооруженною рукою возвратитъ въ Англію Стюартовъ, которые были его вассалами и правленіе которыхъ грозило погибелью всему, что было священо для англичанина, отъ протестантской религіи до гражданскихъ законовъ. Австрія имѣла въ войнѣ съ Франціею очень важный интересъ, если не народный, то, по крайней мѣрѣ, государственный; дѣло шло о томъ, австрійскому или французскому нліянію первенствовать въ Западной Европѣ, господствовать въ Испаніи, Италіи, испанскихъ Нидерландахъ. Эти вопросы были совершенно чужды интересамъ Германіи; она не могла ничего выиграть въ этой распрѣ, каковъ бы ни былъ коноцъ, и не имѣла причинъ вмѣшиваться въ войну. Германскій сеймъ сначала объявилъ, что будетъ соблюдать нейтралитетъ. Но съ одной стороны подкупалъ германскихъ князей Людовикъ XIV субсидіями, съ другой — императоръ, обѣщаніями повышеній въ титулахъ.

*) Обзоръ состоянія Германіи и событій ея исторіи составленъ почти исключительно по Шюссеру.

Потому въ Готѣ и Вольфенбюттлѣ начали вербовать войска для французскаго короля, что было запрещено рѣшеніемъ сейма относительно нейтралитета. Ганноверскія войска заняли неповорныя области. При посредничествѣ бранденбургскаго курфирста, войска, на вербованныя для французовъ, отданы были въ распоряженіе императора. Сеймъ мало-по-малу склонился на австрійскую сторону. Но курфирсты баварскій и кельнскій остались союзниками французовъ и на деньги, данныя Людовикомъ, вербовали войска, чтобы вмѣстѣ съ французами двинуться на Вѣну. Сеймъ опредѣлилъ выставить армію для защиты границъ имперіи,—онъ рѣшился наконецъ вести войну, но только оборонительную, а не наступательную. Между тѣмъ, курфирстъ баварскій собралъ на французскія деньги 20,000 войска, пошелъ противъ имперской арміи, которая отступила, и двинулся на Рейнъ; курфирстъ кельнскій, съ французскими и собственными войсками, также вступилъ въ германскія области, жегъ, грабилъ и хвалился, что на двадцать миль отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояла его главная квартира, не осталось ни одного поселенина, — и, однако же, четыре года провелъ сеймъ въ совѣщаніяхъ, должно ли этихъ двухъ князей признать врагами германскаго союза. Имперское войско терпѣло во всемъ совершенный недостатокъ; князья выставили едва пятую часть контингента, который обѣщались дать. При такихъ условіяхъ имперская армія, конечно, терпѣла повсюду неудачи и во все продолженіе войны играла самую жалкую роль, между тѣмъ, какъ австрійцы и англичане покрывались славою. Людвигъ Баденскій, назначенный предводителемъ имперской арміи, не могъ сдѣлать ничего, потому что генералами ему даны были люди неспособные, безпечные, которые изъ мелкой зависти старались нарочно мѣшать успѣху его плановъ. Имперскій сеймъ не обращалъ вниманія на его требованія, занимаясь только разборомъ нескончаемыхъ жалобъ различныхъ князей и городовъ на то, что контингенты, на нихъ возложенные, слишкомъ велики. Пренія о каждомъ пустѣйшемъ дѣлѣ тянулись мѣсяцы и годы. Каковы были жалобы, можно судить по слѣдующему примѣру. Одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ, Франкфуртъ, въ 1706 году утверждалъ, что наложенный на него денежный контингентъ не можетъ быть уплаченъ безъ раззоренія города. Какъ же великъ былъ контингентъ?—800 гульденовъ (500 руб. сер.). Франкфуртъ просилъ, чтобы эта сумма была уменьшена до 300 гульденовъ, сложениемъ 500 гульденовъ, хотя, по мнѣнію города, справедливо было бы уменьшить ео до 266 гульденовъ и 40 крейцеровъ, сложениемъ двухъ-третей, именно 533 гульденовъ и 20 крейцеровъ“. Король прусскій предложилъ свое заступничество столь жестоко угнетеннымъ франкфуртцамъ подъ условіемъ, что въ ихъ лютеранскомъ городѣ будетъ дано реформатамъ позволеніе отправлять богослуженіе по обряду своей церкви. Можно судить, съ какою поспѣшностью, въ какой полнотѣ и въ какомъ видѣ столь ревностные патріоты выставляли свои войска, и какъ аккуратно уплачивали они наложенныя сеймомъ военныя подати. Когда въ 1706 году коллегія курфирстовъ, послѣ четырехлѣтнихъ требованій со стороны императора, объявила наконецъ врагами союза курфирстовъ баварскаго и коельнскаго, съ 1702 года опустошавшихъ, въ союзѣ съ французами, юго-западную Германію, коллегія князей начала изъ-

являть протензіи за то, что это сдѣлано безъ ея согласія. А, между тѣмъ, на словахъ, члены союза кипѣли ненавистью къ французамъ. Графъ фонъ-Тюнгенъ, при крещеніи своихъ дѣтей, формулу „отреченія отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его“ измѣнялъ даже слѣдующимъ прибавленіемъ: „отрекаемся ли сатаны и французовъ и всѣхъ дѣлъ ихъ“.

Когда умеръ Людвигъ Баденскій, начались споры о томъ, католикъ или протестантъ долженъ начальствовать имперскимъ войскомъ; наконецъ, противъ воли императора, сеймъ назначилъ главнокомандующимъ маркграфа Эрнста Анспахъ-Байрейтскаго, и тутъ оказалось, что Людвигъ Баденскій былъ великимъ полководцемъ, если могъ еще хотя какъ нибудь держаться съ своимъ войскомъ, никуда негоднымъ. Новый полководецъ былъ тотчасъ же разбитъ французами на голову, такъ что потерялъ всю артиллерию и весь обозъ. Французы хлынули на юго-западную Германію и опустошили всю страну на огромное пространство. Кое-какъ убѣдили маркграфа сложить съ себя команду, и новый предводитель имперской арміи, курфирстъ ганноверскій, рѣшилъ обороняться отъ французовъ, по системѣ Людвига Баденскаго, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Онъ постоянно долженъ былъ жаловаться сейму на дурное состояніе войска, недостатокъ провіанта и аммуниціи и на то, что въ солдатахъ нѣтъ никакого нѣпотизма; князья, по прежнему, не исполняли обязанностей, возложенныхъ на нихъ сеймомъ. Англійскія и голландскія газеты наполнены были насмѣнками надъ медленностью сейма, неисправностью нѣмецкихъ князей; голландскіе уполномоченные упрекали въ своихъ нотахъ сеймъ самымъ жестокимъ языкомъ за то, что „нѣмецкимъ князьямъ деньги дороже собственной чести“. Во все продолженіе войны сеймъ и его армія были посмѣшищемъ Европы. Самъ Евгенийъ Савойскій, такъ блистательно поражавшій французовъ съ австрійскими войсками, не могъ ничего сдѣлать съ имперскою арміею, когда она поступала въ распоряженіе, долженъ былъ отступать и смотрѣть, какъ французы въ его глазахъ брали одну крѣпость за другою. Сеймъ разеуждалъ, велъ жарнія пренія, писалъ длинныя инструкціи и дедукціи, но никто не платилъ денегъ по его назначенію, армія не имѣла ни хлѣба, ни аммуниціи. Зато и при заключеніи мира съ Франціею въ Ранштадтѣ никто не спрашивалъ согласія у сейма: Австрія подписала трактатъ безъ его уполномоченныхъ, и уже потомъ, въ Баденѣ, начались новые переговоры между французскими и имперскими посланниками. Разумѣется, это была чистая комедія; но имперскіе педанты важно и долго трактовали о томъ, что уже давно было рѣшено въ Ранштадтѣ безъ ихъ согласія, и чему они принуждены были безусловно покориться. Само собою разумѣется также, что Баварія и Кельнъ, союзники французовъ, получили полное извиненіе въ томъ, что воевали противъ имперіи, членами которой считались.

Въ то время, какъ юго-западная Германія страдала отъ войны, участвовать въ которой не имѣла никакой нужды, сѣверо-восточная Германія еще больше страдала отъ другой войны, еще болѣе чуждой ея интересамъ. Честолюбивые замыслы короля польскаго навлекли на Польшу странное мщеніе Карла XII; но король польскій былъ вмѣстѣ курфирстомъ саксонскимъ, и Саксонія подверглась той же участи, какъ Польша. Бѣдствіи на-

чались съ того, что саксонскія войска были истреблены шведами въ остзейскихъ провинціяхъ и Полюняѣ, куда, безъ всякаго вниманія къ пользамъ Саксоніи, завелъ ихъ Августъ II. Потомъ Карлъ, преслѣдуя Августа, пошелъ нъ Саксонію черезъ Силезію, которая тогда принадлежала императору,—императоръ не дерзнулъ выразить неудовольствіе за то, что иноземцы самовольно проходятъ по его областямъ, напротивъ, даровалъ различныя льготы снлезскимъ протестаптамъ, чтобы только пріобрѣсть благосклонность шведскаго короля. Саксоніи не могла и не думала защищаться: Карлъ занялъ се безъ битвы и, однако же, систематически разорялъ эту страну, чтобы лишить своего врага средствъ къ продолженію войны. Потери, которыя понесла Саксонія только въ первыя пять лѣтъ Сѣверной войны отъ наборовъ и поборовъ Августа, еще до занятія шведами Саксоніи, оцѣниваются въ 88,000.000 талеровъ — сумма, равняющаяся, при тогдашней рѣдкости денегъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ, двумстамъ милліонамъ по нынѣшней цѣнности денегъ: изъ саксонскихъ войскъ погибло до 36,648 человекъ — потери страшныя для страны, которая имѣла всего какихъ нибудь два милліона жителей. Всю эту погибель навлекъ Августъ на свою родину только для того, чтобы получать субсидіи отъ Петра Великаго и тотчасъ же растрачивать эти субсидіи на свои роскошныя увеселенія. Русскимъ хорошо извѣстна жалкая роль двоедушнаго измѣнника, которую иринялъ на себя Августъ, выдавъ Карлу русскаго посланника Паткуля на колесаніе, въ то самое время, какъ увѣрялъ Петра Воликаго въ своей дружбѣ; извѣстно и то, какъ горько отомстилъ ему за измѣну Меньшиковъ, заставивъ его, уже заключившаго мпръ съ Карломъ, сражаться подлѣ русскихъ въ битвѣ при Калингѣ, гдѣ были поражены шведы. Августъ, униженно прося за то прощенія у Карла, хвалился передъ нимъ, что тайкомъ отъ Меньшикова извѣщалъ шведскихъ генераловъ о движеніяхъ Меньшикова, а сражался только изъ страха и какъ нельзя хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ Августъ отдалъ подъ судъ, наказалъ денежными штрафами и заключеніемъ въ крѣпости тѣхъ сановниковъ, которые по его приказанію заключали миръ съ Карломъ: „они должны были догадаться—говорилъ онъ—что я только хочу обмануть шведовъ“. Между тѣмъ шведы хозяйничали въ Саксоніи такъ своевольно, что изнѣжились отъ роскошной жизни и отвыкли отъ прежней строгой дисциплины. Кромѣ квартиръ и пищи, они получали отъ жителей добавочныя деньги къ жалованью. Саксонцамъ пришлось такъ тяжело, что, по выраженію, употребленному въ оффиціальномъ представленіи саксонскаго Ландтага, „различныя обыватели отъ слишкомъ большаго утѣненія и недостатка пропитанія впали въ меланхолію, ртчаяніе и даже самоубійство, потому что немилосердно отнимали у нихъ скотину и домашній скарбъ и продавали набравшимся въ Саксонію жидамъ, а солдату въ день должны они были давать два фунта мяса, съ овощами и двѣ кружки пива“. Пышность саксонскаго двора не уменьшалась въ это бѣдственное время, и сборщики контрибуціи, простиравшейся до 500.000 талеровъ въ мѣсяцъ, пользовались случаемъ, чтобы еще почти столько же отнимать у народа въ собственную пользу. Такое несносное состояніе продолжалось цѣлый годъ, пока Карлъ вышелъ изъ раззоренной земли. Между тѣмъ онъ вербовалъ въ свои войска не только въ Саксоніи,

но во всѣхъ имперскихъ городахъ, въ Бранденбургѣ, Пруссіи, даже въ Силезіи, несмотря на занрещеніе императора. Когда, послѣ пораженія Карла подъ Полтавою, Дашя и Польша возобновили непріязненныя дѣйствія противъ ивевдовъ, вся тяжесть войны обрушилась на нѣмецкіи провинціи; русскіе опустошили ивевдскую Померанію, въ отмщеніе за то Стенбокъ раззорялъ Гольстинію, съ такою свирѣпостію, какой мало бывало примѣровъ: цѣлю его, по собственному его объявленію, было „выжечь въ Гольстиніи столько же городовъ и селъ, сколько выжгли русскіе въ Помераніи“. Между прочимъ, онъ велѣлъ сжечь городъ Альтону; Гамбургъ, лежащій по сосѣдству, не пустилъ несчастныхъ изгнанниковъ переночевать, и они должны были, среди жестокой зимы, ночевать въ полѣ, передъ запертыми для нихъ воротами Гамбурга; многіе замерзли въ эту ужасную ночь. Переходя изъ рукъ въ руки, Мекленбургъ, Померанія и Гольстинія были совершенно опустошены шведами, саксонцами, датчанами и русскими; Данцигъ, Гамбургъ, Любекъ и другіе города платили страшныя контрибуціи, села были разрушены.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Испанія, въ союзѣ съ Франціею, вздумала отнять у Австріи итальянскія провинціи, а въ Польшѣ произошли смуты по случаю избранія короля, Германія въ 1733—1734 годахъ опять съ двухъ сторонъ была наводнена врагами, опять подверглась раззоренію изъ-за споровъ, которые были совершенно чужды ея прямымъ интересамъ, и опять многіе германскіе князья явились союзниками иноземцевъ противъ своей родины, и опять имперское войско покрыто было позоромъ. Французы вступили въ юго-западную Германію, прогнали имперскія войска, ограбили прирейнскія области. Потомъ вступили во Франконію пруссаки, посланные на помощь императору, и также грабили эту страну, между прочимъ, за то, что франконцы не позволяли курфирсту, страшно любившему высокихъ солдатъ, насильно брать въ свою службу чужихъ подданныхъ, имѣвшихъ нечастію родиться высокорослыми. Баварскій курфирстъ продалъ себя французамъ и сталъ на французскія деньги собирать войско противъ имперіи, но, къ счастью, набралъ его немного, потому что большую часть плученныхъ субсидій истратилъ на своихъ фаворитовъ. Пфальцъ и Майнцъ также были въ союзѣ съ французами; кельнскій курфирстъ также продалъ себя французамъ. Курфирсты ганноверскій и бранденбургскій перессорились такъ, что грозили другъ другу войною, и первый вызывалъ втораго на дуэль. Три французскія арміи уже давно раззоряли Швабію, Франконію и Лотарингію, а сеймъ все еще не объявлялъ войны; наконецъ объявилъ,—и начался споръ о томъ, кому предводительствовать имперскою арміею, существовавшею, впрочемъ, только еще на бумагѣ. Единственнымъ средствомъ покончить этотъ споръ было то, что команду принялъ Евгеній Савойскій, хотя былъ уже дряхлъ. При всей своей гешальности, онъ могъ только отступать передъ французами; да и то было верховъ искусства, что онъ успѣлъ отступить съ такою жалкою арміею, не потерявъ ея. На защиту нѣмцевъ должны были явиться русскія войска. Война кончилась тѣмъ, что имперія потеряла Лотарингію.

На другомъ концѣ Германіи, въ войнѣ за польскій престолъ, всего

болѣ пострадали опять-таки нѣмецкія провинціи, и, напримѣръ, Данцигъ долженъ былъ заплатить 2,000,000 талеровъ контрибуціи, изъ которыхъ, впрочемъ, половина была потомъ прощена ему, по невозможности уплаты.

Со времени вступленія Фридриха II на пруссій престолъ, сила и достоинство Пруссіи въ кругу европейскихъ державъ быстро увеличиваются. Но это возвышеніе нѣмецкой державы было едва ли не самымъ пагубнымъ ударомъ упавшему, уже почти павшему единству Нѣмецкой имперіи. Пруссія стала такъ сильна, что рѣшительно не захотѣла ни въ чемъ подчиняться даже формальной зависимости отъ сейма; но, съ другой стороны, она вовсе не была ни такъ могущественна, ни такъ общительна въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ, чтобы сдѣлаться центромъ новаго единства для Германіи. Она только оторвалась отъ союза, не представляя новыхъ залоговъ единства въ замѣнъ окончательно разорванныхъ прежнихъ узъ. И не только государственныя связи различныхъ частей Германіи потерпѣли отъ ея возвышенія: оно въ самомъ народѣ поселило непріязненные чувства, основанныя, съ одной стороны, на зависти, съ другой—на гордости. До Фридриха II ни одно изъ нѣмецкихъ племенъ не могло хвалиться особенно славными подвигами, не имѣло знамени, которое могло бы съ честью быть выставлено противъ общаго національнаго знамени. Послѣ блистательныхъ побѣдъ Фридриха жители прусской державы стали гордиться и хвалиться тѣмъ, что они пруссаки, и стали съ презрѣніемъ смотрѣть на жителей другихъ нѣмецкихъ областей, уже не хотѣли даже считать себя нѣмцами. До того времени они мало думали объ отечествѣ, но когда думали, то все-таки отечествомъ представлялась имъ Германія; теперь отечествомъ они стали считать Пруссію, равнодушно и нагло отзываясь о Германіи, до которой не хотѣли имѣть никакого дѣла. Въмѣсто прежняго, хотя слабаго, чувства національнаго единства, въ значительной и сильнѣйшей части нѣмецкаго народа явилось положительное отчужденіе отъ общаго отечества, въ другихъ племенахъ — вражда къ этому отчуждающемуся, соединенная съ унижительнымъ сознаніемъ собственного безсилія.

Фридрихъ II съ самаго начала сталъ дѣйствовать, какъ глава государства, совершенно независимаго отъ союза. Онъ, оставивъ юридическій путь, которому всегда слѣдовали нѣмецкіе князья, и въ томъ числѣ его предки, при столкновеніяхъ своихъ съ другими нѣмецкими князьями, рѣшилъ споръ свой съ епископомъ Люттихскимъ, занявъ войсками округи, о нравахъ на которые шло дѣло. Точно также принудилъ онъ курфирста чайнцскаго уступить Румпенгеймъ ландграфу гессенскому, объявивъ безъ всякой церемоніи, что вышлетъ войско противъ Майнца, если курфирстъ не покорится волѣ прусскаго короля. Послѣ этого очевидно было, къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ онъ для завладѣнія нѣсколькими округами Силезіи и Юлихъ-Клеве-Бергомъ, на обладаніе которыми Пруссія имѣла притязанія. Важность дѣла состоитъ не столько въ справедливости или несправедливости притязаній, сколько въ томъ, что Фридрихъ рѣшалъ несогласіе единственно военною силою, какъ бы споръ веденъ былъ съ державами, совершенно чуждыми, и какъ бы германскаго вовсе не существовало, даже и на бумагѣ.

Около того самаго времени, какъ явился на прусскомъ престолѣ Фрид-

рихъ II, умеръ императоръ Карлъ VI, оставивъ императорскую корону своей дочери, Маріи-Терезіи. Завѣщаніе это оспаривали многіе государи, въ томъ числѣ одинъ изъ нѣмецкихъ князей, курфирстъ баварскій, Карлъ-Альбертъ. рѣшившійся войною отнять у Маріи-Терезіи императорскій титулъ и ея германскія владѣнія (Австрію, Богемію и Тироль); но у самого Карла-Альберта не было ни денегъ, ни арміи. Отецъ оставилъ ему 30,000,000 долгу и безчисленную толпу голодной придворной челяди, для содержанія которой число войска было уменьшено до 10,000; французскія субсидіи, выдававшіяся на усиленіе арміи, поглощались придворными праздниками, фаворитками и іезуитами. Вся надежда Карла-Альберта была на новую помощь отъ Франціи,—и онъ, государь, принявшій титулъ германскаго императора, высшій титулъ во всемъ европейскомъ мірѣ,—обращался съ самыми униженными просьбами не только къ французскому королю, но и къ кардиналу Флери, управлявшему дѣлами: онъ писалъ къ Флери въ такомъ тонѣ, какого постыдился бы даже вельможа французскаго двора, просящій какой нибудь должности. Вотъ отрывокъ одного изъ этихъ писемъ, съ негодова-ніемъ приводимый Шлоссеромъ:

„Увѣренный въ нилостяхъ его величества (короля французскаго), исполненный надежды на дружбу вашего высокопреосвященства (кардинала Флери), я питаю убѣжденіе, что первымъ дѣломъ моимъ должно быть — броситься въ объятія его величества, въ которомъ и вѣчно буду видѣть единственную мою опору и единственную мою помощь, и высказать вашему высокопреосвященству мысль мою, что настоящія обстоятельства могутъ быть источникомъ величайшей славы для вашего министерства, такъ какъ вы можете преувеличить могущество короля, уменьшивъ могущество династіи, издавна съ нимъ соперничающей, я съ тѣмъ вѣстѣ вознаграждать вѣрность союзника, котораго постоянная преданность французскому дому извѣстна вамъ. На замѣчаніе нашего высокопреосвященства я признаюсь, что вѣра моя въ короля не была ошибочна, потому что первыя мысли его величества обратились на меня, съ выраженіемъ желанія его величества возвести меня, если то возможно, на императорскій орестоль...“

И такъ далѣе, въ томъ же униженномъ тонѣ. Флери, какъ и слѣдовало, отвѣчалъ на эти презрѣнныя мольбы сухо и сомнительно, читалъ назиданія претенденту, безъ церемоній говорилъ ему, что если французскій король помогаетъ ему, то онъ долженъ считать это за величайшую милость, не общалъ ому ничего вѣрнаго, заставляя его снова умолять и унижаться, наконецъ послалъ къ нему своего агента, который распоряжался въ Мюнхенѣ такъ, какъ римскіе проконсулы распоряжались во владѣніяхъ союзныхъ Риму царей пергамскихъ или египетскихъ. Карлъ-Альбертъ продолжалъ умолять Флери и дѣлать на депешахъ, къ нему отправляемыхъ, собственноручныя приписки такого рода:

„Приблизилась минута, которая должна рѣшить судьбу вѣрнѣйшаго изъ союзниковъ короля и увѣковѣчить славу его царствованія, давъ ему случай доставить императорскую корону князю, который, по признательности и преданности, поставитъ вѣсѣднее своею обязанностью соединять интересы Имперіи съ интересами Франціи: и такъ какъ это будетъ вашъ дѣломъ, то я возлагаю всю мою надежду на васъ, котораго я всегда любилъ и почиталъ, какъ истиннаго своего отца...“

Пока тянулись эти просьбы, Фридрихъ II безъ всякой церемоніи объявилъ войну австрійской императрицѣ, какъ независимый отъ нея государь.

точно такъ, какъ Англія объявляла войну Франціи или Австріи Турціи.

Ободренный успѣхами Фридриха, кардиналъ Флери рѣшился также начать войну съ Австріею, склонился на мольбы Карла-Альберта и попытался сдѣлать его императоромъ. Заключенъ былъ трактатъ, по которому Карлъ-Альбертъ ставилъ себя въ полную зависимость отъ Франціи и обѣщался, когда будетъ возведенъ на императорскій престолъ, безпрекословно предоставить Франціи всѣ тѣ германскія области, которыя успѣетъ она занять своими войсками, помогая ему. Онъ обязывался никогда не требовать возвращенія Германскому союзу этихъ областей и городовъ.

При избраніи императора, на императорскомъ сеймѣ всѣмъ управлялъ французскій посланникъ, будто въ странѣ, уже завоеванной. Ему было уступлено первое мѣсто во всѣхъ церемоніяхъ; нѣмецкіе князья уже составляли только его свиту. Всѣ курфирсты, повинувшись его приказаніямъ, объявили императоромъ Карла-Альберта.

Но Марія-Терезія выслала противъ кліента французовъ свои славянскія и венгерскія войска: они опустошили всю Баварію, которую, впрочемъ, не щадили и союзники Карла-Альберта; остальныя части юго-западной Германіи были раззоряемы французами; самая Богемія, переходившая изъ рукъ въ руки, много потерпѣла. Когда Фридрихъ, овладѣвъ Силезіею, помирился съ Австріею и англичане выслали противъ французовъ на Рейнъ сильное войско, состоявшее болѣею частью изъ наемныхъ солдатъ тѣхъ самыхъ германскихъ князей, которые признавали Карла-Альберта императоромъ, когда умеръ Карлъ-Альбертъ, сынъ его, взявъ 8,000,000 на свои придворныя расходы, призналъ императоромъ мужа Маріи-Терезіи.

Результатомъ войны было усиленіе Пруссіи и пріобрѣтеніе Фридрихомъ славы великаго полководца; но слава эта была пріобрѣтена междоусобною войною, пораженіемъ нѣмецкихъ войскъ нѣмецкими же войсками. Пріобрѣли славу также славянскія и венгерскія войска, защищая германскую императрицу противъ германскихъ государей. Саксонія, Силезія, Богемія, Баварія и вся западная Германія были опустошены, потому что одному изъ нѣмецкихъ князей хотѣлось быть вассаломъ французскаго короля и предать Франціи Германію; а другому члену Германской имперіи угодно было не признавать за собою никакихъ обязанностей относительно Германіи. О безпощадности, съ какою нѣмецкія области раззорялись нѣмецкими же государями, можно судить уже изъ того, что Лейпцигъ, кромѣ всѣхъ контрибуцій, взятыхъ съ него пруссаками во время Второй Силезской войны, долженъ былъ, по мирному трактату, заплатить Фридриху еще миллионъ талеровъ.

Семилѣтняя война, начатая Фридрихомъ черезъ нѣсколько времени, была славна для Фридриха и для пруссаковъ; быть можетъ, она принесла пользу всей Европѣ, доказавъ силу новыхъ началъ государственнаго управленія, представителемъ которыхъ являлся Фридрихъ. Строгая экономія, неденная королемъ прусскимъ въ расходахъ, дала ему возможность чрезвычайно хорошо приготовиться къ войнѣ и съ честью выдержать ее; нелицепріятное правосудіе, неусыпная заботливость о благосостояніи народа, отбѣгъ отъ тяготивительной формалистики въ судопроизводствѣ и администраціи,—

все это приобрѣло ему неизмѣнную любовь подданныхъ и возбудило въ нихъ энергическое желаніе защищать государя и государство. Всѣ эти качества порядка дѣлъ, введеннаго въ Пруссіи Фридрихомъ, не только были чужды администраціи другихъ державъ въ то время, но и служили главнымъ основаніемъ ненависти, какую питали къ Фридриху фавориты, фаворитки и ханжи, владычествовавшіе почти повсюду. Фридрихъ, могущественный своею экономіею и патрістизмомъ подданныхъ, устоялъ противъ соединенныхъ силъ почти всей Европы, хотя владѣлъ только небольшимъ государствомъ, имѣвшимъ менѣе семи милліоновъ жителей. Расточительность и дурная администрація, которою страдали Франція и германскія державы, кромѣ Пруссіи, была наказана постыдными пораженіями. Общественное мнѣніе было возбуждено противъ казнокрадства и беззаботности въ администраціи. Для Европы вообще Семилѣтняя война была полезнымъ урокомъ. Но для единства нѣмецкаго народа она была гибельнѣйшимъ событіемъ. Странное раззореніе, которому подверглись отъ пруссаковъ Саксонія и многія другія нѣмецкія владѣнія, а прусскія области—отъ австрійскихъ армій, поселило глубокую ненависть между подданными Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ. Надменность пруссаковъ, гордыхъ своими побѣдами, дошла до крайняго презрѣнія ко всѣмъ остальнымъ нѣмецкимъ племенамъ.

До Семилѣтней войны многіе члены Германскаго союза вступали въ сообщество съ иноземцами противъ Германіи; но то были второстепенныя государства, ихъ поступки имѣли характеръ измѣны, незаконнаго возстанія противъ имперскаго сейма. Сеймъ и глава его, императоръ, всегда объявляли себя противъ иноземцевъ. Теперь Австрія и германскій сеймъ просили помощи иноземцевъ противъ германскаго государя, призывали ихъ на Германію и хотѣли дѣлить съ иноземцами нѣмецкія области. Это было вдвойнѣ ужасно для патріота: законная власть, союзъ, чтобы смирить одного изъ своихъ членовъ, отдавалъ Германію подъ чужое иго и тѣмъ публично показывалъ не только недостатокъ патріотизма, но и безсиліе свое.

Сеймъ объявлялъ войну Пруссіи. Но сѣверные князья, которымъ выгодно было продавать свои войска Англіи, нежели даромъ отдавать ихъ въ распоряженіе союзной власти, протестовали противъ рѣшенія сейма: Липпе, Вальдекъ, Гессонъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Гота вступили въ союзъ съ англичанами, защитниками Пруссіи.

Было бы напрасно въ подробности говорить о страшномъ раззореніи, которому подверглись всѣ германскія области во время Семилѣтней войны. Французскія арміи, вторгавшіяся съ запада, болѣе походили, по сознанію самихъ французскихъ генераловъ, на огромныя шайки мародеровъ, нежели на регулярныя войска. Такъ, за нѣсколько времени до Росбахской битвы, начальникъ штаба въ арміи Ришлье, генералъ Мальбуа, доносилъ военному министру: „войска наши совершаютъ всевозможныя неистовства и большіе любятъ грабить, нежели сражаться“. Опустошеніе восточныхъ прусскихъ провинцій русскими долго было памятно Европѣ; Австрійскіе кроаты не уступали свирѣпостью башкирамъ и татарамъ; имперскія войска грабили не хуже французовъ, съ которыми раздѣлили и безпримѣрный позоръ росбахскаго пораженія. Шведское правительство, посылая войско въ Германію, не

давало ему ни жалованья, ни провіанта, прямо объявляя командующему генералу, что онъ долженъ содержать свой отрядъ грабежѣмъ и контрибуціями. Фридрихъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ. Не говоря уже о Саксоніи, контрибуціи съ которой составляли главный источникъ доходовъ Фридриха во всю войну*), и страшное раззореніе которой лежитъ самымъ чернымъ пятномъ на славѣ Фридриха, довольно сказать, что съ бѣднаго и пустыннаго Мокленбурга успѣлъ онъ вынудить болѣе 17,000,000 талеровъ контрибуціи. Но когда французы и австрійцы отнимали Саксонію у пруссаковъ, саксонцамъ приходилось еще тяжелѣе, такъ что они молились о возвращеніи пруссаковъ. Франконія, Вестфалія, Гессенъ, Бранденбургъ, Силезы, Богемія, Ганноверъ, вообще вся сѣверная половина и, кромѣ того, всѣ западныя области Германіи были опустошены. Отъ пагубныхъ нашествій уцѣлѣли только южныя части австрійско-германскихъ владѣній и Баварія. Все народонаселеніе—земледѣльцы и землевладѣльцы, работники и промышленники—всѣ классы народа были раззорены, кромѣ одного класса: чиновниковъ, которые разбогатѣли во время неурядицы, во время усиленныхъ наборовъ и поборовъ, поставокъ и контрибуцій. Разбогатѣли и придворные, потому что вездѣ, кромѣ Пруссіи, большая часть собранныхъ для войны денегъ переходила въ ихъ карманы или растрачивалась для ихъ увеселенія.

На Семилѣтней войнѣ остановимся, потому что слѣдующіе годы принадлежать другому періоду—періоду оживленія Германіи. Много принесли тяжкихъ испытаній нѣмецкому народу и эти послѣдующіе годы, особенно эпоха наполеоновскаго владычества; но эти испытанія были уже плодотворны, потому что пробуждена была мысль народа.

Мы видѣли, какой рядъ событій, пагубныхъ для нѣмецкаго народа, былъ слѣдствіемъ политическаго раздробленія Германіи. Каждый разъ, какъ только вспыхивала война въ Европѣ, враждебныя арміи устремлялись на нѣмецкую землю, опустошали ея поля, сжигали ея села, раззоряли контрибуціями ея города. Чаше, нежели какая нибудь другая страна Западной Европы, несчастная, беззащитная Германская имперія подвергалась ужасамъ военнаго грабежа, и подвергалась имъ единственно вслѣдствіе своей раздробленности и беззащитности, потому что причины всѣхъ войнъ были, собственно говоря, чужды ея интересамъ,—и, однако же, она въ каждой войнѣ принимала участіе, чтобы быть добычею обѣихъ враждующихъ партій. Франція, Англія, Австрія вели войны за свои государственные интересы. Положимъ, что часто и правительствамъ и народамъ этихъ державъ казалось дѣломъ государственной потребности и чести то, что въ сущности было бесполезно или даже вредно для народнаго благосостоянія; положимъ, что они ослѣплялись ложными понятіями о славѣ расширять границы своихъ владѣній, суетными желаніями выказать свою силу, достичь ненужнаго преоблада-

*) Приведемъ одинъ примѣръ. Въ 1760 году, послѣ четырехлѣтняго раззоренія, были наложены на истощенную область слѣдующія огромныя контрибуціи: Эрфуртъ долженъ былъ дать пруссакамъ 100,000 талеровъ, 500 лошадей, 400 рекрутовъ, Наумбургъ 200,000 талеровъ, Тюрингенскій округъ 1,375,000 талеровъ, Мерзебургъ 120,000 талеровъ, 377 рекрутовъ, 254 служителей и 420 лошадей, Цвикау 8,000 талеровъ, Хемницъ 215,000 талеровъ, Мариенбургъ 9,000 талеровъ, Анябергъ 15,000 талеровъ, Лейпцигскій округъ 2,000,000 талеровъ, городъ Лейпцигъ 1,100,000 талеровъ.

нія надъ другими державами; пусть отъ войны за испанское наслѣдство до Семилѣтней войны всѣ кровавыя распри въ Западной Европѣ возникали только по ошибочнымъ понятіямъ о высшихъ цѣляхъ государственной жизни: но все-таки австрійское, англійское, французское правительства всегда знали, за что и зачѣмъ ведутъ они войну, стремились къ достиженію цѣлей, сообразныхъ съ поимтїями и желанїями подвластныхъ имъ народовъ (исключеніе одно: участіе Франціи въ Семилѣтней войнѣ), все-таки для француза, англичанина, даже для подданиаго Австріи каждая изъ большихъ войнъ, начинаемыхъ его правительствомъ, была дѣломъ патріотическимъ. Одна Германія, постоянно страдавшая отъ всѣхъ этихъ войнъ, и страдавшая каждый разъ больше, нежели какая нибудь другая страна, никогда не имѣла, дажо въ предразсудкахъ, никакихъ основаній сочувствовать той или другой изъ враждующихъ партій или надѣяться какой нибудь, хотя бы даже мнимой выгоды, на чью бы сторону ни склонилась побѣда.

Войска всѣхъ державъ выигрывали славныя побѣды,—австрійскія—при Евгеніѣ Савойскомъ, Даунѣ и Лаудонѣ, англійскія—при Мальборо, французскія—при знаменитыхъ полководцахъ Людовика XIV и Маршалѣ Саксонскомъ; однѣ только имперскія арміи постоянно покрывались самымъ жалкимъ позоромъ: кто бы ни былъ непріятель, онѣ всегда бѣжали передъ нимъ, или были разбиваемы на голову, когда не успѣвали убѣжать.

Какъ ни велики бѣдствїя, кашія терпѣла Германія отъ войнъ, эти временныя бѣдствїя незначительны въ сравненіи съ постояннымъ внутреннимъ зломъ, тяготѣвшимъ надъ нѣмецкимъ народомъ. Дурное управленіе, беззаконность, расточительность и насилие—вотъ слова, которыми еще слишкомъ слабо характеризуется германскій государственный бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Послѣ Тридцатилѣтней войны, которая нанесла страшные удары и благосостоянію и образованности Германіи, нравы огрубѣли, Германія стала полуварварскою землею. Когда въ концѣ XVIII вѣка, побѣды Людовика XIV, его могущество, его блескъ ослѣпили Европу, и подражаніе французамъ стало общею модою, роскошь и утонченный развратъ, заимствованные изъ Франціи, самымъ дикимъ образомъ соединились при нѣмецкихъ дворахъ съ прирожденною грубостью. Изъ этого сочетанія произошелъ порядокъ вещей, болѣе нелѣпый и пагубный, нежели все то, что угнетало Германію до XVIII вѣка.

При грубости нравовъ до французскаго вліянїя въ привычкахъ высшихъ классовъ существовала простота, и потребности вельможъ были ограничены. Теперь каждый баронъ маленькаго нѣмецкаго двора хотѣлъ блистать подобно французскимъ аристократамъ; каждый князь, имѣвшій подъ своею властью кусокъ земли, едва равнявшійся одной французской провинціи, хотѣлъ соперничать великолѣніемъ съ французскимъ королемъ, хотѣлъ имѣть свой Версаль, свой *Paris aux cœurs*, и его фаворитки хотѣли не уступать роскошью фавориткамъ французскаго двора. Если прихоти Людовика XIV раззорили Францію, большое и богатое государство, легко вообразить, каковы были слѣдствїя подобныхъ претензій для маленькаго Касселя или Вольфенбюттеля, для Саксоніи или Баваріи. Предавшись всѣми мыслями же-

лаиію блистать, находя единственное наслажденіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пышныхъ праздникахъ, нѣмецкіе владѣтели перестали обращать всякое вниманіе на порядокъ управленія и рѣшительно не занимались дѣлами. При каждомъ былъ фаворитъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы развлекать князя и всѣми правдами и неправдами добывать деньги для придворныхъ расходовъ. Онъ безотчетно распоряжался всѣмъ, и не было границъ его самовластию, лишь бы только доставлялъ онъ двору средства для роскошныхъ развлеченій. Только немногіе князья, оставшіеся чужды новому французскому образованію, сами занимались государственными дѣлами. Они подвергались всеобщимъ насмѣшкамъ со стороны придворныхъ и князей, увлеченныхъ версальскою модою. Къ чести этихъ немногихъ государей, сохранившихъ старо-нѣмецкіе нравы, надобно сказать, что они были единственными германскими владѣльцами, заботившимися о собственной чести и благѣ подданныхъ. Но хотя они были лучшими изъ германскихъ государей своего времени, въ ихъ личныхъ привычкахъ и въ системѣ ихъ управленія было чрезвычайно много грубаго, тяжелаго, жестокаго. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ шли дѣла въ государствахъ, гдѣ дворъ слѣдовалъ французской модѣ, и въ государствахъ, гдѣ князья остались вѣрны старымъ нѣмецкимъ обычаямъ. Лучшимъ образцомъ государей грубыхъ, но честныхъ и дѣятельныхъ, былъ въ первой половинѣ XVIII вѣка отецъ Фридриха Великаго, король пруссій Фридрихъ-Вильгельмъ. Самыми блистательными представителями господствующаго направленія, состоявшаго въ подражаніи версальскому двору, были саксонскіе курфюрсты.

Начнемъ нашъ обзоръ положеніемъ дѣлъ въ Саксоніи, при Августѣ II и Августѣ III и любимцахъ ихъ Флемингъ и Брюль.

Мы говорили о страшныхъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглась Саксонія, будучи запутана Августомъ II въ войну Россіи и Польши съ Карломъ XII. Эти бѣдствія нимало не мѣшали придворнымъ забавамъ; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась нищета въ Саксоніи, возвышался блескъ двора Августа II, увеличивались его расходы на праздники, на фаворитовъ, фаворитокъ и побочныхъ дѣтей. Когда шведы отняли у него польскій престолъ, всю тяжесть этихъ расходовъ на поддержаніе королевскаго великолѣпія и гвардіи, составленной изъ дворянъ, должны были нести одни саксонцы. Были придуманы и истощены всевозможныя позволительныя и непозволительныя средства; государственные долги быстро возростали, хотя ландтагъ налагалъ на бѣдныхъ саксонцевъ все новыя подати, пошлины и акцизы, хотя въ мирное время продолжалось взиманіе военныхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ податей. Король заложилъ Борнскій округъ Саксенъ-Готъ. Гrefенгайнъ княгиня Дессауской, свой участокъ Мансфельда Ганноверу, Фортскій округъ Саксенъ-Веймару. Полученныхъ за то денегъ едва достало на одинъ карнавалъ; однако же, съ каждымъ годомъ праздники становились великолѣпнѣе. Такъ, напримѣръ, при бракосочетаніи наслѣднаго принца съ австрійскою принцессою, нѣсколько недѣль сряду давались во дворцѣ балы, оперы, маскарады. На одномъ маскарадѣ король явился въ такомъ костюмѣ, который стоилъ нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ. Вслѣдъ затѣмъ начались торжества по случаю встрѣчи турецкаго посла. Король, принимая его, былъ одѣтъ въ

бархатный фиолетовый костюмъ съ брильянтовыми пуговицами, которыя однѣ стоили миллионъ талеровъ, не считал столь же богатой шпаги и другихъ не менѣ драгоцѣнныхъ принадлежностей. Въ біографіи Августа, написанной Фассманомъ, описаніе торжества по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца яаполняетъ не менѣ семидесяти-восьми страницъ. „Мы упоминаемъ о всѣхъ этихъ вещахъ—говоритъ Шлоссеръ—желая показать, какими разсказами во время нашихъ отцовъ занималась нѣмецкая публика, и каковы были историческія книги, которыми назидался народъ“. Фассманъ приводитъ и причину, по которой описываетъ пиры Августа II. такъ подробно: „Надобно въ точности знать всѣ эти церемоніи и пиршества, потому что ими обнаруживается высочій умъ и превосходный вкусъ короля Августа, который самъ занимался устройствомъ праздниковъ“. Они продолжались нѣсколько недѣль: итальянскія и французскія оперы и комедіи смѣнялись охотами и фейерверками, конные и пѣшіе турниры—каруселями и маскарадами, маскированные базары всѣхъ націй—балами и танцами. Надобно замѣтить, что въ то самое время свирѣпствовалъ въ Саксоніи голодъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1725 году, отъ 7 января до 13 февраля, праздновались карнавальныя торжества, которыя, по словамъ Фассмана, помрачили своимъ блескомъ всѣ прежшіе праздники. Въ іюнѣ того же года начался новый рядъ праздниковъ, опять тянувшийся нѣсколько недѣль: поводомъ было то, что одна изъ побочныхъ дочерей короля выходила за графа Фризена. Каждый годъ подобныя исторіи повторялись по нѣскольку разъ. О расходахъ можно судить изъ того, что въ 1719 году одна лоттерія для дамъ стоила 60,000 талеровъ, а лоттерія эта была только второстепенною принадлежностью одного изъ многихъ баловъ. Для покрытія расходовъ, города и округи отдавались въ залогъ, и не только сосѣднимъ владѣтельнымъ князьямъ, но и жидамъ-ростовщикамъ; и такъ какъ суммы, взятыя дворомъ, не уплачивались, то ростовщики дѣлались настоящими владѣльцами частей государства,—напримѣръ, жидъ Леманнъ владѣлъ городами Лиссою и Рейссеномъ.

Нравы Августа II были достойны временъ регентства. Фаворитки его официально занимали на придворныхъ праздникахъ болѣе почетныя мѣста, нежели его супруга; такъ, напримѣръ, когда, по удаленіи шведовъ, посѣтилъ Августа датскій король, и разоренная страна должна была давать подати на дивныя торжества въ честь высокаго гостя, высокій гость былъ на балахъ и каруселлхъ кавалеромъ не супруги хозяина, королевы, а графини Козель. Этого примѣра довольно, чтобы судить о нравахъ двора Августа II. Нѣмецкіе подражатели французской распущенности нравовъ пошли въ цинизмъ далѣе своихъ учителей: не только Людовикъ XIV, но и регентъ, принцъ Орлеанскій, не позволили бы себѣ такого нарушенія всѣхъ приличій, какое было обнаружено въ случаѣ, который мы указали. Не осганавливаясь па множествѣ другихъ примѣровъ разврата, представляемыхъ саксонскимъ дворомъ въ XVIII вѣкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ поступкахъ Августа II и его придворныхъ, которые относятся къ государственной жизни. Пиръ и любовницы до такой степени заставляли Августа пренебрегать всѣмъ остальнымъ, что въ то самое время, какъ шведы вторгались въ его владѣнія, онъ продавалъ свои войска Ни-

дерландамъ, которые вели тогда войну съ Людовикомъ XIV: ему важнѣе было давать балы и награждать фаворитокъ, нежели защищаться отъ врага. Безцеремонность курфирста саксонскаго была такъ велика, что даже у простыхъ солдатъ онъ удерживать подъ разными предлогами половину жалованья, которое должны были они получать отъ голландцевъ. По удаленіи шведовъ, онъ опять, собравъ новое войско, продалъ его голландцамъ и англичанамъ. Исполнять свои обѣщанія онъ вообще не имѣлъ привычки и даже самъ открыто признавался въ томъ: такъ, напримѣръ, онъ формально говорилъ, что заключаетъ миръ съ Карломъ XII только для того, чтобы обмануть его, и наказалъ своихъ уполномоченныхъ за то, что они исполнили его инструкцію, которою онъ велѣлъ имъ руководиться при переговорахъ: они должны были знать, по его выраженію, что эта инструкція дается только для обмана. Русскіе читатели знаютъ безпримѣрное вѣроломство, съ какимъ выдалъ онъ на мучительную казнь Карлу XII Паткуля, бывшаго русскимъ посланникомъ при немъ, между тѣмъ, какъ увѣрялъ Петра Великаго въ неизмѣнной своей дружбѣ.

Флемингъ, управлявшій дѣлами при Августѣ II, будучи дурнымъ правителемъ, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, репутацію хорошаго генерала. Брюль, который правилъ Саксонію при Августѣ III, былъ лишенъ всякихъ достоинствъ, кромѣ тѣхъ качествъ, которыя нужны временщику расточительнаго князя. Онъ устраивалъ пиры и праздники, доставалъ деньги на придворные балы—этого было довольно для Августа III, и Брюль совершенно безотчетно самовластвовалъ въ Саксоніи. Король не зналъ и не хотѣлъ знать, что такое дѣлалось въ его государствѣ. Эта небрежность доходила до такой степени, что когда однажды какому то полковнику удалось, имѣя случай говорить съ королемъ наединѣ, открыть ему, что саксонская армія уже двадцать-шестой мѣсяцъ не получаетъ жалованья, Августъ необыкновенно изумился и душевно огорчился отъ такого неожиданнаго обстоятельства. Но Брюль успокоилъ его, объяснивъ, что полковникъ личный врагъ его, Брюля, и оклеветалъ его, и полковникъ былъ предоставленъ мщенію оскорбленнаго министра, какъ низкій клеветникъ, хотя каждый житель Саксоніи зналъ, что слова этого несчастнаго были совершенно справедливы. Подобные случаи могли у каждаго отнять охоту мѣшаться не въ свое дѣло, то есть говорить громко противъ грабежей и расточительности Брюля. И не только подданные, сама наслѣдная принцесса, сама королева не смѣли сказать королю слова противъ Брюля, какъ ни возмущало ихъ безуміе этого временщика. Въ похвалу Брюля надобно сказать, что онъ былъ человѣкъ мягкаго характера, не любившій кровавыхъ наказаній: смертию не казнилъ онъ недовольныхъ; только Зонпенштейнъ, Кенигштейнъ и Плейсбургъ были вѣчешіе двадцати-четырехъ лѣтъ его самовластия постоянно наполнены людьми, имѣвшими непріятность возбуждать въ немъ опасенія. И если саксонская армія голодала, люди, преданные Брюлю, не имѣли причинъ на него жаловаться: адъютанты и чиновники, состоявшіе при временщикѣ, всегда исправно получали жалованье чистыми деньгами, между тѣмъ, какъ офицеры королевской арміи, если не хотѣли умереть съ голоду, должны были брать вмѣсто денежнаго жалованья пошлинныя квитанціи (Steuerscheine), которыя при

размѣнѣ на звонкую монету отдавались только за четвертую или даже за восьмую часть своей номинальной цѣны, по какой получались изъ казначейства офицерами.

Когда, по прекращеніи одной изъ боковыхъ линій саксонскаго дома, княжество Кверфуртское перешло во владѣніе старшей, курфиршеской линіи, Брюль тотчасъ же, при помощи услужливыхъ юристовъ, объявилъ недѣйствительными продажи и контракты, совершенные прежними киявьями: всѣ помѣстья, всѣ регаліи, законнымъ образомъ перешедшія изъ удѣльнаго имущества въ частныя руки, были конфискованы, и множество семействъ, изстари пользовавшихся этими имуществами безспорнымъ и законнымъ образомъ, совершенно раззорились. Вотъ одинъ случай, показывающій, какъ все дѣлалось тогда въ Саксоніи. Между прочимъ, Брюль отнялъ у города Вейсенае изстари отмежеванныя ему казною земли, безъ которыхъ цѣлый городъ умеръ бы съ голоду. Несчастные горожане обратились къ королю, — это не помогло; тогда они заключили съ Брюлемъ сдѣлку, по которой въ замѣнъ отнимаемыхъ земель обязались уплатить 20,000 талеровъ и, дѣйствительно, уплатили, но сдѣлались совершенными нищими, потому что сумма платежа далеко превышала ихъ средства. Они снова обратились съ просьбами къ королю: онъ сжалился и велѣлъ изъ 20,000 выдать имъ обратно восемь тысячъ. Брюль поставилъ въ отчетѣ, что онъ выдалъ раззореннымъ эту сумму звонкою монетою, а горожанамъ далъ пошлинныя квитанціи, которыя не стоили и тысячи талеровъ.

Подати были возвышены до такого страшнаго размѣра, что въ многихъ имѣніяхъ моргенъ земли, котораго нельзя было отдать въ наемъ дороже полутора талера, платилъ два талера подати. При такомъ порядкѣ дѣлъ, недоимки, конечно, возрастали съ каждымъ годомъ и простирались наконецъ до громадной суммы тридцати миллионовъ талеровъ. Безпечность Брюля простиралась до того, что, когда Саксонія должна была готовиться къ войнѣ съ Пруссіею, составъ арміи былъ уменьшенъ, для увеличенія придворныхъ расходовъ.

Саксонскіе правители формально не заботились ни о чемъ, кромѣ увеличенія налоговъ, кромѣ придворныхъ интригъ и удовольствій. Въ Баваріи при вступленіи на престолъ Максимиліана-Іосифа явилась было у министровъ мысль позаботиться нѣсколько и о народномъ благосостояніи; но тутъ выказалось только безсиліе подражателей французамъ сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное, и результатомъ слабыхъ попытокъ было только новое угнетеніе. Кромѣ всѣхъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Саксоніею, Баварія страдала еще отъ зла, не касавшагося протестантскихъ земель: въ Баваріи, какъ во всѣхъ почти тогдашнихъ католическихъ государствахъ, господствовали іезуиты. Они, въ союзѣ съ вельможами, старавшимися о сохраненіи своихъ феодальныхъ правъ, упорно поддерживали — и успѣли поддержать — злоупотребленія, беззаконность, апатію и невѣжество. Да и самыя преобразованія дѣлались въ такомъ духѣ, что могли только еще больше испортить дѣло, а не помочь ему. Напримѣръ, чтобы уменьшить число преступленій и смягчить нравы, преобразователи усилили жестокость уголовныхъ законовъ, которые и прежде были безчеловѣчны. Смертная

казнь, пытка, колосованіе явились на каждой страницѣ уголовнаго кодекса. Нравы стали еще грубѣе прежняго, и число преступленій возрасло. Курфюрстъ хотѣлъ улучшить земледѣліе; но онъ страстно любилъ охоту и потону усилилъ законы, воспрещавшіе простолюдинамъ бить дикихъ животныхъ—хищные звѣри размножились и опустошали поля. Множество денегъ и заботъ было употреблено, чтобы развестъ шелководныя плантаціи въ холодномъ горномъ климатѣ, гдѣ шелководство невозможно; между тѣмъ, о дѣйствительно важныхъ отрасляхъ сольской промышленности не заботились. То же было съ ремеслами и фабриками. Напримѣръ, въ Баваріи не было порядочныхъ слесарей—преобразователи не думали о томъ, а старались распространить ювелирное искусство. Точно также заводили фабрики, не имѣвшія возможности существовать, и для того разоряли поселянъ различными стѣсненіями въ покупкѣ товаровъ. Хотѣли уничтожить нищенство, а, между тѣмъ, размножали нищенствующіе монашескіе ордена и раздачею имъ щедрыхъ подацій создали цѣлыя арміи бродягъ. Іезуиты продолжали господствовать и распоряжаться всѣми дѣлами. Само собою разумѣется, что всѣ попытки улучшеній, совершаемыя въ странѣ, управляемой іезуитами, должны были остаться безплодны; но и безъ содѣйствія іезуитовъ онѣ, конечно, не принесли бы ничего, кроиъ вреда, потому что преобразователи не имѣли понятія ни о потребностяхъ страны, ни о средствахъ привести ихъ исполненіе свои планы. Но даже и тѣя нелѣпыя и неудачныя попытки улучшеній были рѣдки въ Германіи; почти постоянно и почти во всѣхъ иладѣніяхъ дѣла шли такъ, какъ шли они въ Саксоніи при Флемингѣ и Брюлѣ. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ укажемъ только одинъ—виртембергское управленіе при герцогахъ Эбергардѣ-Людвигѣ и Карлѣ-Александрѣ, и, въ заключеніе этой части очерка, приведемъ изъ „Записокъ“ Фридриха II о бранденбургскомъ домѣ тѣ страницы, въ которыхъ этотъ великій монархъ дѣлаетъ общія замѣчанія о личныхъ качествахъ и характерѣ правленія своего предка, Фридриха I, перваго короля прусскаго.

Эбергардъ-Людвигъ, герцогъ виртембергскій, въ 1708 году сблизился съ дѣвицею Гревеницъ и женился на ней, хотя его законная супруга была еще жива. Черезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе угрозъ императора, онъ развелся съ своею фавориткою и отдалъ ее за графа Вюрбена, чтобы тѣмъ безопаснѣе продолжать свою связь. Графиня Вюрбенъ самовластно управляла дѣлами: она сдѣлала министрами своего брата и племянника и официально предсѣдательствовала въ совѣтѣ министровъ. Всѣ должности продавались фавориткамъ; дворъ наполнился ея креатурами; она великолѣпно украшала свой любимый Люднигсбургъ, хотя государство не имѣло ни денегъ, ни кредита. Графиня страстно любила игру и проигрывала огромныя суммы; жадность къ деньгамъ и жажда удовольствій равно владычествовали надъ нею. Имя ея было бы внесено въ молитвы общественнаго богослуженія, если бы тому не воспротивился прелатъ Озіандеръ, отвергнувшій это предложеніе отвѣтомъ, что и безъ того уже каждый разъ, когда читаютъ „Отче нашъ“, упоминаютъ о графинѣ Вюрбенъ словами: „избави насъ отъ лукаваго“. Наслѣдникъ Эбергарда, Карлъ, также думалъ только объ удовольствіяхъ и великолѣпіи: деньги на то, при истощеніи всѣхъ источниковъ,

доставлялъ жидъ Іозефъ Зюссъ, которому была дана власть распоряжаться по усмотрѣнію всею администраціею, лишь бы только добывать побольше денегъ, и который раздавалъ мѣста посредствомъ аукціоннаго торга. Гревеницы, фавориты прежняго герцога, были арестованы. Графиня Вюрбентъ должна была удалиться въ Мангеймъ, а ея помѣстья были конфискованы. Но у вей было много денегъ: она скоро приобрѣла могущественныхъ друзей въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, подкупила и жида; такимъ образомъ, дѣло наконецъ уладилось безъ большихъ потерь для графини и родственниковъ ея. Но множество другихъ виновныхъ и невинныхъ лицъ были замѣшаны въ процессъ и должны были откупаться, торгуясь съ жидомъ, который былъ предсѣдателемъ судной комиссіи. Этимъ и тому подобными средствами получилъ онъ въ два года болѣе 450,000 гульденовъ. Продажа должностей въ три года доставила ему болѣе милліона гульденовъ. Суммы эти употреблялись на содержаніе великолѣпной охоты, на дивныя празднества, на пѣвицъ и танцовщицъ. Для княжескихъ охотъ, дикимъ животнымъ предоставляли полную свободу размножаться, и, дѣйствительно, они расплодились подъ защитою администраціи до такой степени, что въ 1737 году было затравлено герцогомъ Карломъ 3,500 оленей, до 5,000 кабановъ и проч.—убыль, впрочемъ, нечувствительная для покровительствуемаго населенія лѣсовъ, потому что въ слѣдующемъ году вредъ, нанесенный хищными звѣрями и дикими животными скоту и посѣвамъ, былъ оцѣненъ не менѣе, какъ въ 500,000 гульденовъ. Войнственныя увеселенія охоты нimalo не мѣшали карнаваламъ, маскарадамъ и т. д. Какъ щедро награждались артистки, достаточно покажетъ слѣдующій примѣръ: когда по смерти герцога Карла начались преслѣдованія его кліентовъ и кліентокъ, у одной изъ пѣвицъ нашлось до полутораста карманныхъ часовъ. Чувствуя упадокъ силъ, герцогъ хотѣлъ ѣхать лечиться въ Данцигъ, но не могъ оторваться отъ блестящихъ удовольствій приближающагося карнавала—и умеръ, посѣщая балы, спектакли и маскарады. По вскрытіи его тѣла оказалось—какъ сказано въ официальномъ протоколѣ—слѣдующее: „сердце, голова и всѣ другіе органы найдены совершенно здоровыми, но легкія такъ наполнены пылью и душными испареніями карнавала и оперы, что необходимо воспослѣдовало „*suffocatio sanguinis*“.

Вотъ отрывокъ изъ „Записокъ“ Фридриха Великаго:

„Мы обозрѣли событія жизни Фридриха I; остается бросить общій взглядъ на его личность и характеръ. Онъ былъ малъ ростомъ и дурно сложенъ; фязіономія его вмѣла выраженіе надменное и вмѣстѣ пошлое. Душа его была похожа на зеркало, отражающее каждый предметъ, безъ всякаго разбора. Онъ подчинялся каждому впечатлѣнію, какое хотѣли на него произвести. Люди, успѣвше пріобрѣсть надъ нимъ нѣкоторое вліяніе, могли по произволу раздражать или успокоивать его умъ, по тупости мягкій, но безхарактерный, по капризу вспыльчивый. Онъ не звалъ различія между пустяками и истиннымъ величіемъ, былъ болѣе привязанъ къ блеску, нежели къ пользѣ. Въ войнахъ императора (германскаго) и его союзниковъ онъ оожертвовалъ тридцатыми тысячами своихъ подданныхъ, чтобы добиться королевскаго титула, котораго желалъ только для удовлетворенія своей любви къ црсмоніямъ и для оправданія благовиднымъ предлогами своего пристрастія къ пышности.

„Онъ былъ роскошенъ и рсточителенъ; во какой цѣною покупалъ онъ удовольствіе удовлетворять свою страсть! Онъ продавалъ англичанамъ и голландцамъ кровь

своих подаввшихъ, какъ ародаютъ кочевые татары свои стада на убой подольскимъ мясникамъ. Пріѣхавъ въ Голландію для полученія наслѣдства послѣ короля Вильгельма, онъ хотѣлъ вывести свои войска изъ Фландріи; во ему дала большой бральянтъ, в пятнадцать тысячъ человекъ были убиты на службѣ союзникамъ *).

„Предразсудки толпы благоприятны роскоши государей; но расточительность государя не то, что расточительность частнаго человека. Государь—первый слуга и первый чиновникъ государства. Онъ обязанъ государству отчетомъ въ употребленіи налоговъ; онъ собираетъ ихъ для содержанія войскъ на защиту государства, для поддержанія чести своего сана, для вознагражденія службы и заслугъ, для возстановленія нѣкотораго равновѣсія между богатыми и бѣдными, для помощи несчастнымъ всякаго рода, наконецъ для поддержанія величія во всемъ, что касается государства вообще. Государь, одаренный просвѣщеннымъ умомъ и честнымъ сердцемъ, будетъ направлять всѣ свои расходы къ пользѣ общей и благу своихъ народовъ.

„Великолѣпіе, которое любилъ Фридрихъ, было не такого рода: это скорѣе была расточительность суетаго и расточительнаго государя. Дворъ его былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ отнималъ послѣдній грошъ у бѣдныхъ, чтобы пресыщать богатыхъ; фавориты его получали богатый пенсіи, между тѣмъ, какъ народъ его погрязалъ въ нищетѣ: его постройки были роскошны, его праздники пышны; его ковюшвы и кухня поражали болѣе азіатскою пышностью, нежели европейскимъ вкусомъ.

„Его щедрыя награды кажутся скорѣе дѣломъ случая, нежели разсудительнаго выбора. Прислужники и придворные его обогащались, вытерпѣвая первые взрывы его горячности. Онъ далъ помѣстье въ 40,000 талеровъ царю, съ которымъ затравилъ большерогаго оленя. Онъ хотѣлъ заложить голландцамъ свои владѣнія въ Гальберштадтсконъ княжествѣ, чтобы купить знаменитый брильянтъ Питтъ, пріобрѣтенный послѣ во время Регентства Людовикомъ XV; продавалъ 20,000 человекъ солдатъ соманивамъ, чтобы хвастаться тѣмъ, что содержитъ 30,000 солдатъ.

„Дворъ его былъ большая рѣка, поглощающая всѣ ручейки. Любимцы его обогатились, разжирили отъ его щедрыхъ наградъ, роскошь его стоила ежедневно огромныхъ суммъ, а Пруссія была отдана въ жертву голоду и заразительнымъ болѣзнямъ, безъ помощи отъ щедратаго монарха“.

Къ этой характеристикѣ можно прибавить слѣдующій анекдотъ, который также разсказанъ въ „Запискахъ“ Фридриха Великаго. Софія-Шарлотта, супруга Фридриха I, лежала при смерти. Одна изъ ея статсъ-дамъ плакала о своей доброй и умной государынѣ.

„Не плачьте—сказала ей умирающая,—я иду узнать то, что не могъ объяснить мнѣ Лейбницъ **); а для короля, моего супруга, я приготавливаю церемонію похоронъ, которая доставитъ ему новый случай выказать свое великолѣпіе“. И, дѣйствительно—прибавляетъ Фридрихъ Великій—мужъ ея утѣшился великолѣпіемъ похоронъ.

О расточительности Фридриха I можно судить изъ того, что, когда онъ, вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, поѣхалъ въ герцогство Пруссію, то по всей дорогѣ отъ Берлина до Кенигсберга на каждыя десяти миль были выставлены для перевозки его свиты по 1,000 лошадей, и

*) По смерти Вильгельма III, владѣвшаго, между прочимъ, княжествомъ Оранскимъ, Фридрихъ изъявлялъ притязаніе на эту землю, какъ дальній родственникъ Вильгельма по женѣ; но Вильгельмъ, завѣщая княжество герцогу Нассаускому, назначилъ душеприкащиками голландскіе чины, которые хотѣли передать наслѣдство лицу, означенному въ завѣщаніи. Фридрихъ разсердился и грозилъ вывести свои войска изъ Фландріи, гдѣ они сражались за голландцевъ, противъ французовъ. Тогда голландцы послали ему большой брильянтъ изъ наслѣдства Вильгельма. Фридрихъ смягчился, согласился удовольствоваться частью земель, на которыя изъявлялъ требованія, и остался вѣрнымъ союзникомъ голландцевъ.

**) Софія-Шарлотта была ученица Лейбница.

на каждой из таких станцій былъ построенъ, для его отдыха, особенный домъ, расположенный и украшенный совершенно такъ, какъ занимаемый Фридрихомъ апартаментъ берлинскаго дворца. Выдавая дочь за вассальнаго принца гессенъ-кассельскаго, Фридрихъ купилъ ей въ приданое брильянтовъ и другихъ нарядовъ на 4,000,000 талеровъ (весь годичный доходъ Прусскаго королевства простирался едва до трехъ милліоновъ). Себѣ онъ сдѣлалъ корону, которая стоила нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ; брильянты его супруги стоили до 3,000,000 талеровъ. Страна была совершенно изнурена податями и поборами.

Совершенный контрастъ Фридриху I составляетъ его преемникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I, котораго надобно считать лучшимъ представителемъ немногихъ нѣмецкихъ государей, не подчинившихся французскому вліянію. Это былъ характеръ твердый и честный, но суровый; нравы Фридриха были чисты, но грубы. Дѣятельность его неутомима и проникнута стремленіемъ къ народному благу; но средства, какия онъ, при своемъ невѣжествѣ, выбиралъ для достиженія этой цѣли, часто бывали произвольны, жестоки и вели къ невыгоднымъ для государственнаго благосостоянія результатамъ. Дѣти, которыхъ онъ угнеталъ, и люди, жившіе по французской модѣ, которыхъ онъ не терпѣлъ, осмѣяли его память, выставили его тираномъ и чудовищемъ. Онъ не былъ таковъ, онъ былъ лучшимъ изъ нѣмецкихъ государей своего времени; но, дѣйствительно, и въ личныхъ его привычкахъ и въ способѣ его управленія было много варварскаго.

Фридрихъ-Вильгельмъ I манерами и всѣми привычками походилъ на зажиточнаго простолюдина, у котораго главная забота — копить деньги. Экономіи его доходила до скряжничества; но скряжничество было похвально въ сравненіи съ безумною расточительностью другихъ нѣмецкихъ дворовъ. Онъ презиралъ науку, потому что она являлась ему или въ видѣ нѣмецкаго геллертера, безжизненнаго педанта, или въ видѣ развратнаго и легкомысленнаго французскаго болтуна. Онъ былъ искренно преданъ религіи; но штизмъ его доходилъ до нетерпимости, и фанатики заставляли его преслѣдовать всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе заслужить ихъ нерасположеніе. Болѣе всего извѣстнѣе Фридрихъ-Вильгельмъ своею страстью имѣть высокорослыхъ солдатъ. Вербовщики его были разсылаемы по всей Германіи, и ни одинъ нѣмецъ высокаго роста, хотя бы жилъ въ Баваріи или Виртембергѣ, не могъ считать себя бзопаснымъ отъ ихъ преслѣдованій: даже изъ иностранныхъ государствъ силою похищали они великановъ на службу прусскому королю. А когда можно было купить высокорослаго солдата, опъ не жалѣлъ никакихъ денегъ: у него были гренадеры, купленные за пять, за шесть, за восемь тысячъ талеровъ. Эта прихоть стоила ему страшныхъ суммъ: разсчитываютъ, что въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ для своего войска на покупку иностранцевъ-великановъ истратилъ онъ до 12,000,000 талеровъ. Это нѣсколько разъ превышаетъ весь тогдашій годичный доходъ Прусскаго королевства. Управленіе Фридриха-Вильгельма имѣло характеръ величайшаго произвола.

Сначала онъ хотѣлъ, чтобы въ Пруссіи не существовало ни одной газеты. Когда началась война со шведами, было разрѣшено издавать газеты,

чтобы знакомить публику съ подвигами его воиновъ. Онъ презиралъ много-учепыхъ законовѣдовъ своего времени, которые безконечно растягивали процессы формальностями и тонкостями римскаго права. Онъ справедливо замѣчалъ, что смѣшно, при тяжбѣ между двумя померанскими поселянами изъ-за клочка земли, справляться, какъ думали о подобныхъ случаяхъ различные законовѣды временъ Юстиціана. Когда спрошенный педантъ начиналъ ему исчислять мнѣвія прежнихъ ученыхъ, онъ грубо прерывалъ его словами: „я хочу знать не то, что думали когда-то другіе, а что думаешь ты“. Часто онъ нарушалъ своимъ вмѣшательствомъ правильный ходъ судопроизводства. Въ случаѣ преступленій противъ нравственности, которую онъ старался всячески поддерживать, онъ опредѣлялъ самыя тяжелыя наказанія, произвольно преступая и гражданскіе и уголовные законы. Пытки и казни при немъ были неизмѣнно жестоки. Людей, которые чѣмъ нибудь ему не понравились, онъ безъ церемоніи колотилъ своею палкою или, просто, кулакомъ, такъ что каждый дрожалъ, когда долженъ былъ представляться королю. Праздность и роскошь были ненавистны ему. Прогуливаясь по улицѣ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, онъ часто останавливалъ прохожихъ, разспрашивалъ, какого они званія, чѣмъ занимаются, и, если отвѣты казались ему подозрительны, тутъ же колотилъ палкою празднотцевъ и вертопраховъ. Если наказываемый пускался бѣжать отъ справедливой палки, Фридрихъ-Вильгельмъ посылалъ въ догонку своего адъютанта или слугу бить по спинѣ бѣглеца. Дамы особенно боялись встрѣчъ съ нимъ, потому что строгость Фридриха-Вильгельма не разбирала ни пола, ни возраста. Полиція при Фридрихъ-Вильгельмѣ была невыносима: она вмѣшивалась во все. Заботясь о равномерномъ распредѣленіи налоговъ, онъ не щадилъ вредныхъ для государства, обременительныхъ для горожанъ и простонародья привилегій, которыми повсюду пользовались юнкеры—владѣльцы такъ называемыхъ „рыцарскихъ (дворянскихъ) помѣстій“, многочисленное сословіе, присвоившее себѣ множество правъ и льготъ. Повсюду въ Германіи эти юнкеры жили на счетъ другихъ сословій, но принося государству никакой пользы и надменно обращаясь со всѣми не принадлежавшими къ ихъ классу. Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ обуздать ихъ заносчивость въ частной жизни, а въ государственномъ отношеніи заставить раздѣлять съ горожанами и поселянами тягость налоговъ. Юнкеры негодовали; но Фридриха-Вильгельма нельзя было бы остановить и основательнымъ ропотомъ. Когда, однажды, по случаю переложенія части поземельнаго налога съ имуществъ простолюдиновъ на помѣстья юнкеровъ, графъ Дона, предсѣдатель чиновъ Восточно-Прусской провинціи, представилъ ему отъ имени чиновъ, т. е. юнкеровъ, протестацію противъ этой мѣры, написанную, по свѣтскому обычаю, на французскомъ языкѣ и оканчивавшуюся словами: „tout le pays sera ruiné“, король далъ чинамъ слѣдующій лаконичесшій отвѣтъ, въ насмѣшку надъ французскимъ краснорѣчіемъ юнкеровъ, составленный изъ тарабарской смѣси иѣмецкихъ словъ съ латинскими и французскими: „Tout le pays sera ruiné?—Nihil credo; aber das credo, dass die Junkers ihre Auttorität wird ruinirt werden. Ich stabilire die Souverainität wie einen Rocher von Bronze“.—„Все государство погибнетъ? Не вѣрю; а то вѣрно, что вліяніе юнкеровъ погибнетъ. Какъ

мѣдный утѣсь, стоитъ надъ ними моя верховная власть“. Юнкеры должны были повиноваться, и многія феодальныя права, отяготительныя для народа, были у нихъ отняты. Строгое правосудіе короля не щадило преступника за знатность рода. Онъ доказалъ это, когда фонъ-Шлюбхутъ, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, былъ уличенъ въ утайку 14,000 талеровъ изъ суммы, которая была дана ему, какъ члену одного изъ правительственныхъ мѣстъ, для раздачи переезженцамъ. Судъ приговорилъ фонъ-Шлюбхута къ заключенію въ крѣпость. Осужденный обратился къ королю съ жалобою на чрезмѣрную строгость приговора и предлагалъ возвратить казнѣ украденныя деньги. „Не хочу я твоихъ мошенническихъ денегъ!“ (dein schlemisches Geld) грозно сказалъ король и велѣлъ его повѣсить на висѣлицѣ, поставленной у крыльца того присутственнаго мѣста, гдѣ служилъ преступникъ, чтобы товарищи его тверже помнили законъ. Не только подданныхъ, какъ бы знатны они не были, но и сына своего не хотѣлъ онъ щадить въ случаѣ вины: извѣстно, что наслѣдный принцъ Фридрихъ, впослѣдствіи названный Великимъ, не избѣжалъ строгаго наказанія и едва избѣжалъ смертной казни, прогнѣвавъ родителя и государя своимъ непослушаніемъ. Но правосудіе и произволъ имѣли равное вліяніе на его дѣйствія. До какой мелочной придирчивости и грубости доходило самовластіе Фридриха-Вильгельма, видно изъ одного уже того, что онъ колотилъ и бранилъ дамъ, которыхъ встрѣчалъ одѣтыми не по его вкусу. Онъ издавалъ декреты, которыми опредѣлялъ моды для своихъ подданныхъ: такъ, напримѣръ, никто въ Берлинѣ не смѣлъ носить матерій съ пестрыми узорами. Онъ не терпѣлъ хлопчатобумажныхъ тканей и вздумалъ запретить ихъ: повсюду начались домовые обыски, чтобы конфисковать ситецъ и каленкоръ. Вдругъ Фридриху-Вильгельму показалось, что полиція дѣйствуетъ въ этихъ обыскахъ безъ надлежащей строгости,—и онъ назначилъ генераль-фискаломъ одного изъ своихъ гренадеровъ. Сдѣлавшись начальникомъ полиціи, гренадеръ этотъ сталъ дѣйствовать совершенно по-солдатски, и Фридрихъ-Вильгельмъ былъ совершенно доволенъ ревностью, съ какою производились по всему королевству домовые обыски, съ цѣлію открыть и уничтожить всякій клочекъ хлопчатобумажной ткани.

Впрочемъ, совершенно такой же грубый произволъ полицейско-фискальнаго управленія существовалъ и въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ которыхъ придворныя подражали французскимъ модамъ.

Глубоко презирая титулы, Фридрихъ-Вильгельмъ открыто продавалъ ихъ: нужно было только внести опредѣленную сумму въ казну, и желающему выдавался патентъ. Это, конечно, не могло никому дѣлать вреда. Но точно такимъ же образомъ Фридрихъ-Вильгельмъ продавалъ и административныя должности. Впрочемъ, опять надобно прибавить, что обычай этотъ существовалъ тогда во многихъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ система продажи развита была до такого совершенства, что продавалась не только должность, но и право быть кандидатомъ на эту должность. въ ожиданіи смерти или перемѣщенія чиновника, которымъ занято мѣсто.

Фридрихъ Бельній, какъ человекъ гсціальный, дѣйствовалъ блистательнѣе своего отца; но система управленія при немъ оставалась та же самая.

и только немного смягчалась тамъ, гдѣ онъ являлся самъ, съ его французскими манерами. Эта система, знавшая только фискальныя и полицейскія средства, сама по себѣ была крайне недостаточна для упроченія народнаго благосостоянія. Ея полезныя дѣйствія при Фридрихъ-Вильгельмѣ и Фридрихъ II зависѣли единственно отъ тѣхъ рѣдкихъ достоинствъ, какими были одарены эти люди: честная и неутомимая дѣятельность отдѣльнаго человѣка можетъ, до нѣкоторой степени, давать хорошее направленіе самому дурному механизму; но какъ скоро отнимается отъ этого механизма твердая рука, его двигавшая, онъ перестаетъ дѣйствовать или дѣйствуетъ дурно. Прочно только то благо, которое не зависитъ отъ случайно являющихся личностей, а основывается на самостоятельныхъ учрежденіяхъ и на самостоятельной дѣятельности націи. Объ этомъ не думали ни Фридрихъ-Вильгельмъ, ни его сынъ. Они не заботились пробудить духъ своего народа или дать государству прочныя учрежденія, потому съ ними исчезли и тѣ блага, которыми давали они пользоваться прусскому народу: исчезли порядокъ и быстрота въ администраціи, справедливость въ судѣ. Учрежденій, которыми обезпечивались бы эти качества, Пруссія не имѣла, какъ не имѣли ихъ и другія нѣмецкія государства. Все зависѣло отъ произвола. Каковъ былъ этотъ произволъ въ большей части случаевъ, мы видѣли. Фридрихъ-Вильгельмъ и Фридрихъ II являются рѣдкими, почти единственными исключеніями изъ общаго правила.

Но и при нихъ въ Пруссіи, какъ постоянно во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, единственными участвовавшими въ государственной жизни классомъ были чиновники; за то этотъ классъ былъ совершенно полновластенъ.

Правда, въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ существовали ландтаги; но они были совершенно безсильны, и совѣщанія ихъ нельзя назвать иначе, какъ жалкою комедіею. Послѣ Тридцатилѣтней войны они потеряли всякую важность, во многихъ государствахъ совершенно были уничтожены, въ другихъ—только записывали въ свои протоколы приказанія, отдаваемые княжескими комиссарами. Мозеръ, писавшій около половины XVIII вѣка, описываетъ ландтаги съ ироніею совершенно безнадежною:

„Въ различныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ—говоритъ онъ—имѣтъ я случай вблизи насмотрѣться на дѣятельность нашихъ сеймовъ. По словамъ княжескихъ комиссаровъ, у князя разрывается сердце отъ горести, что онъ долженъ требовать новыхъ налоговъ,—овъ, который былъ бы счастливъ только тогда, когда бы могъ обогатить и осчастливить своихъ подданныхъ. Одно утѣшаетъ его, что къ отягощенію страны новыми налогами вынуждаютъ его неотвратимыя и неиспосылаемыя Провидѣшемъ обстоятельства. Послѣ этой шарлатанской рѣчи начинаются переговоры. Наслѣдный маршалъ, комитеты прелатовъ, рыцарей и горожанъ и проч. начинаютъ кушать на пирахъ, слушать ласки и угрозы, потомъ выражаютъ свое согласіе, и рѣшается необходимость новаго кровопусканія для любезной родины. Тогда сеймъ закрывается рѣчью, столь же ученою, какъ надгробное слово, а министръ съ своими маклерами, поварами и погребщиками возвращается въ триумфъ ко двору; жизнь и блаженство вливаются снова въ сердца фаворитовъ и фаворитокъ: псаря, при радостной вѣсти о благополучномъ результатѣ сейма, весело трубятъ въ роги; примадонна, уже тринадцать мѣсяцевъ не получавшая жалованья, снова возлетаетъ въ руладахъ къ небу, подобно жаворонку; конюшня и псарня, которымъ уже грозили погибелью кредиторы, оглашаются бодрымъ ларемъ и ржаньемъ, и всѣ титулованные и нетитулованные тунеядцы уже пробираются

къ новооткрытой золотой россыпи. Изъ денегъ, вытребованныхъ у сейма, предполагалось заплатить просроченное жалованье войскамъ, уплатить просроченные государственные займы,—все это пвсьмевно, съ првлжвемъ печатей, клятвенно в присяжно было обѣщано при требованіи налоговъ. Воже сохрани, чтобъ на дѣлѣ хотя одна буква изъ этихъ обѣщаній была исполнена“!

Всѣмъ управляя въ Германіи совершенный произволъ. Приведа нѣсколько примѣровъ, мы можемъ теперь сдѣлать общую характеристику нѣмецкаго быта въ первой половинѣ XVIII вѣка, не опасаясь того, что она покажется утрированной.

Французское вліяніе на Германію ограничивалось тѣмъ, что при дворахъ и въ аристократическомъ кругу развилась непомѣрная страсть къ блеску. При безвкуеи, блескъ этотъ измѣрялся только грубою пышностью, которая достигала нелѣпыхъ размѣровъ и требовала тѣмъ болѣшихъ расходовъ. Такъ. напримѣръ, число служителей было неправдоподобно велико. При значительныхъ дворахъ они считались не тысячами, а десятками тысячъ. Чтобы не утомлять читателей, приведемъ только два или три случая. Когда, въ 1702 году, во время войны за испанское наслѣдство, Іосифъ I, бывшій еще наслѣдникомъ австрійскаго престола и королемъ римскимъ, поѣхалъ изъ Вѣны предводительствовать арміею, свита его состояла изъ 232 лицъ придворнаго вѣдомства. Тутъ были, между прочимъ, начальникъ рыболовства короля римскаго, три садовника, начальникъ птичьей охоты, три погребщика и вице-лейбповаръ съ двадцатью помощниками, не считая капеллановъ съ вице-капелланами, духовника съ вице-духовникомъ и двѣнадцати камергеровъ. Впрочемъ, на русскомъ языкѣ нѣтъ возможности точно передать титулы этихъ господъ, и потому не лишимъ читателя пріятности знать ихъ въ подлинномъ видѣ *). Въ обозѣ были фуры для птицы, для походныхъ печей, для различныхъ сортовъ поварскихъ принадлежностей, для садовничества и т. д. **). Королева, сопровождавшая своего супруга, имѣла въ своей свитѣ 170 персонъ, съ 63 каретами (Chaise) и 14 колясками (Kalesche), для которыхъ требовалось 192 упряжныхъ лошади (Wagenpferd), не считая 14 верховыхъ лошадей. Жалкій комизмъ этихъ громаднхъ свитъ, требовавшихъ страшнаго расхода, довершается тѣмъ, что венгерскіе государственные чины назначили на весь походъ только 100,000, а чины эрцгерцогства Австрійскаго—40,000 гульд. (60,000 и 25,000 руб. сер.).

Если походная свита наслѣдника престола состояла изъ такого страшнаго числа людей, легко повѣрить, что число всѣхъ придворныхъ служителей въ постоянныхъ резиденціяхъ австрійскаго дома равнялось цѣлой арміи: въ самомъ дѣлѣ, иногда оно достигало до 40,000 человекъ. Но и

*) 1 Fischmeister, 3 Ziergärtner, 1 Geflügelmaier, 3 Kellerdiener, 2 Kellerhinder, 1 Mundbäcker, 1 Vicemundkoch, 20 Meisterköche und Unterköche, 1 Oberst-Kuchelmeister, 12 Kämmerer, 1 Unter-Silberkämmerer, 1 Mundechenk, 1 Vorschneider, 1 Truchsess, 1 Beichtvater und 1 soclus, 1 Hofprediger, 2 Hofcapellane, 4 Zusätzer, 4 Träger, 3 Kesselreiber и т. д. У каждаго изъ этихъ чиновъ и служителей были свои помощники: Gehülften, ordinarii und extraordinarii Jungen и пр.

**) 2 Geflügelwagen, 1 Kammerheizerzeltwagen, 1 Tafeldeckerzeltwagen, 3 Muudkuchelwagen, 2 grosse Bagage-Kuchelwagen, 1 Speisefeldtafelwagen, 2 Ziergartenbagagewagen, 1 Tafeldeckerbagagewagen, 1 Kammerfourierbagagewagen, 6 Kellerwagen, 21 Rüstwagen (каждая на 6 волахъ) и пр.

владѣтели, гораздо менѣе значительные, мало уступали австрійскому дому обширностью придворнаго штата. Такъ, напримѣръ, кельнскій епископъ въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ 150 камергеровъ. Часто свиты владѣтельныхъ особъ бывали даже многочисленнѣе той, какал сопровождала римскаго короля. Напримѣръ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ Пруссскій женился на дочери Георга Ганноверскаго, свита, сопровождавшая невѣсту, была такъ велика, что поѣздъ состоялъ изъ 520 лошадей. Навстрѣчу невѣстѣ изъ Бранденбурга выѣхала свита жениха на 350 лошадяхъ. Отецъ жениха, Фридрихъ, первый король прусскій, въ своихъ путешествіяхъ имѣлъ свиту, требовавшую до 1,000 лошадей. Въ конюшнѣ курфирста баварскаго находилось до 1,400 лошадей.

Каждый вельможа, слѣдуя примѣру князя, также окружалъ себя придворнымъ штатомъ и, наполняя свой домъ безчисленною прислугою, недостаткомъ вкуса замѣнялъ страшною расточительностью и нелѣпою пышностью. Такъ, напримѣръ, за столомъ у саксонскаго министра Брюля никогда не подавалось менѣе 30 блюдъ; на малыхъ парадныхъ обѣдахъ число блюдъ доходило до 50, а на большихъ до 120. Прислуга Брюля состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 12 камердинеровъ, 12 пажей, 4 метрдотелей, 12 поваровъ и 12 ихъ помощниковъ и проч., такъ что вообще въ кухонномъ его штатѣ находилось болѣе 300 человѣкъ. Ливрейныхъ лакеевъ было у него сто человѣкъ. Не только башмаки сотнями и парики дюжинами выписывалъ онъ для себя изъ Парижа, но даже пастеты присылались ему также изъ Парижа съ нарочными курьерами. Вообще въ домѣ его рѣшительно все было выписное изъ-за границы. Даже во время войны, когда Саксонія была истощена и разорена, онъ продолжалъ жить съ королевскимъ великолѣпіемъ,—и, несмотря на свою чрезвычайную расточительность, онъ оставилъ послѣ себя огромное состояніе.

Безумная пышность была для тогдашнихъ вельможъ единственнымъ средствомъ отличиться отъ престопадаря, потому что нравы ихъ были чрезвычайно грубы. Чтобы судить объ этомъ, достаточно одного примѣра.

Несмотря на то, что у Георга II Ганноверскаго было множество фаворитокъ, супруга его, королева Каролина, пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла. Одинъ изъ придворныхъ, фонъ-демъ-Бушъ, подаривъ ей десять акцій горнозаводскаго общества, приносившихъ 20,000 талеровъ ежегоднаго дохода, приобрѣлъ право самовластвовать въ Ганноверѣ, какъ ему хотѣлось. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ онъ держалъ себя даже съ людьми, которыхъ удостоивалъ приглашенія къ своему столу, довольно знать, что онъ самъ сидѣлъ на своихъ парадныхъ обѣдахъ со шляпою на головѣ, заставлялъ гостей переодѣваться, когда былъ недоволенъ ихъ костюмомъ (между прочимъ, онъ не терпѣлъ голубаго цвѣта и манжетокъ), нѣсколько разъ въ продолженіе обѣда приказывалъ тому или другому пересѣсть съ одного стула на другой, и т. д. Разскажемъ два, три анекдота о подобныхъ случаяхъ. Однажды пришелъ обѣдать къ нему совѣтникъ горнаго управленія Бютемейстеръ. Лишь только вошелъ гость въ столовую, какъ министръ бросился вонъ изъ комнаты, съ крякомъ: „камердинеръ! камердиноръ!“ Явился въ столовую камердинеръ и объяснилъ гостю, что г. министру по нра-

вился костюмъ г. горнаго совѣтника, и потому не угодно ли будетъ г. Бютемейстеру выбрать себѣ въ гардеробной другое платье. Гость послушался, хотя предвидѣлъ, что одежда высокаго и худоцаваго фонъ-демъ-Буша будетъ не совсѣмъ хорошо сидѣть на немъ, толстомъ человѣкѣ, маленькаго роста, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ столовую совершеннымъ шутомъ. За то хозяинъ былъ съ нимъ очень любезенъ во все продолженіе обѣда. Съ непокорными гостями бывало не такъ: фонъ-демъ-Бушъ безъ церемоній ругалъ ихъ. Однажды, напримѣръ, телятина въ окрошкѣ показалаеь ему ягнятиною,—одинъ изъ гостей, нѣкто Гейлигеръ, замѣтилъ, что г. министр, вѣроятно, ошибся, потому что окрошка сдѣлана изъ телятины; фонъ-демъ-Бушъ закричалъ, чтобы привели повара. Предупрежденный о положеніи вопроса, поваръ подтвердилъ мнѣше своего господина.

— Ну, что, г. Гейлигеръ! такъ вы ѣдите телятину? а, братецъ Гейлигеръ, что скажешь?

— Баше превосходительство, аго телятина; поваръ называетъ ее ягнятиною только изъ угожденія вамъ, отвѣчалъ непреклонный гость.

Министръ разгнѣвался и сказалъ: ты, любезный, видно, никогда у себя дома не ѣдалъ такой окрошки, ты толкуешь о вещахъ, которыхъ не смыслишь. Замолчи, пожалуйста, не говори глупостей.

Гейлигеръ, однако, защищалъ свое мнѣше; но другіе гости прекратили споръ, всѣ согласившись, что окрошка, дѣйствительно, сдѣлана изъ ягнятины, и упросилъ Гейлигера замолчать. Однако, фонъ-демъ-Бушъ все продолжалъ кричать: ну, такъ что же, г. Гейлигеръ, по вашему, это телятина?—Наконецъ Гейлигеръ надѣлъ шляпу и ушелъ изъ-за стола.

Еще случай въ томъ же родѣ. Фонъ-демъ-Бушу въ серединѣ обѣда вздумалось, чтобъ одинъ изъ гостей, графъ фонъ-Ойнгаузенъ, пересѣлъ съ одного мѣста на другое. Ойнгаузенъ послушался. Но черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ опять велѣлъ ему перемѣнить мѣсто.

Тогда графъ отвѣчалъ:

— Разъ я послушался каприза вашего превосходительства, а въ другой разъ—слуга покорный. Еслибъ не скверная ваша привычка обѣдать такъ поздно, я ушелъ бы въ гостиницу Лондонъ; но тамъ ужъ я не найду обѣда, потому нечего дѣлать, поѣмъ здѣсь. Но впередъ говорю, что съ этихъ поръ вы не приглашайте меня къ себѣ обѣдать—не поѣду.

Министръ замолчалъ; графъ, по окончаніи стола, ушелъ, не простясь съ хозяиномъ.

При многихъ дворахъ въ первой четверти XVIII вѣка держали еще шутовъ. Послѣдній шутъ при саксонскомъ дворѣ, Кяу (Kiau), умеръ въ 1733 году. У Фридриха-Вильгельма Прусскаго также былъ шутъ; при Мангеймскомъ дворѣ существовали шуты еще въ 1744 году, хотя этотъ дворъ, подобно саксонскому, хотѣлъ соперничать съ версальскимъ.

Неимовѣрная грубость нравовъ Саксонскаго двора соединялась съ утонченнѣйшимъ развратомъ. Регентъ французскій, принцъ Орлеанскій, прославился буйнымъ и безграничнымъ цинизмомъ въ развратѣ; но нравы версальскаго двора при немъ должны быть названы скромными сравнительно съ тѣмъ, что позволяли себѣ дѣлать въ Саксоніи его подражатели. Тутъ было

уже полное безчинство развращенных дикарей, не имѣющихъ понятія даже о вѣнкінемъ приличіи.

Можно легко повѣрить, что подобные люди не знали никакой разборчивости въ средствахъ для добыванія денегъ: они прибѣгали къ мѣрамъ, которыхъ устыдился бы не только регентъ, но даже итальянскіе тираны XV вѣка, устыдились бы Александръ VI и Цезарь Борджіи. Не будемъ говорить ни о податяхъ, ни о ваяткахъ, ни о нарушеніи частныхъ контрактовъ и государственныхъ договоровъ: всему этому можно найти примѣры и въ исторіи другихъ народовъ Западной Европы, хотя нигдѣ и никогда грабительство не достигало, кажется, такого полного и безсовѣстнаго развитія. Укажемъ только двѣ привычки, встрѣчаемыя постоянно въ Германіи XVIII вѣка и не казавшіяся никому дѣломъ безчестнымъ: продажность правительствъ иноземцамъ и обычай продавать войска.

Во время смутъ, иногда бывали и въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, примѣры того, что партіи искали помощи у иноземцевъ: такъ, французскіе гугеноты обращались за помощію къ нѣмецкимъ и англійскимъ протестантамъ, французскіе католики—къ Филиппу II Испанскому; но все-таки эти партіи призывали иноземцевъ и брали отъ нихъ деньги за тѣмъ, что сами хотѣли господствовать въ своемъ отечествѣ: онѣ хотѣли, чтобы иноземцы имъ помогали, а не владычествовали надъ ними; онѣ были увлекаемы фанатизмомъ, властолюбіемъ, ненавистью, но не безсовѣстною подлостью,—онѣ искали союзниковъ, а не покупателей. Германскіе князья XVIII вѣка хладнокровно, безъ всякихъ увлеченій продавали себя всякому, кто только платилъ имъ деньги. Мы уже видѣли тому нѣсколько примѣровъ,—приведемъ еще общее обозрѣніе продажности Германіи французамъ въ половинѣ XVIII вѣка, во время отъ Второй Силезской до конца Семилѣтней войны. Маркграфу анкпахскому французы давали пособіе только до 1757 года, всего около 100,000 ливровъ; маркграфу байретскому давались субсидіи постоянно; сумма пособій еоставляетъ 1,100,000 ливровъ. Герцогъ вюртембергскій получилъ до войны полтора милліона, во время войны семь съ половиною милліоновъ; курфирстъ пфальцскій—до войны пять съ половиною, во время войны—около одиннадцати съ половиною милліоновъ; курфпрстъ кельскій въ 1751—1761 гг.—около семи съ половиною милліоновъ; Баварія до 1768 г.—болѣе восьми съ половиною: герцогъ цвейбрюкенскій до 1772 г.—около четырехъ съ половиною милліоновъ; маркграфъ гессен-дармштадтскій въ 1750 г.—100,000; курфирсту майнцскому дано въ разные годы до 500,000, нѣсколькимъ другимъ князьямъ—всего до 3,000,000; Саксонія въ 1750—1761 гг. получила восемь съ половиною милліоновъ. Австрія также получала пособія во время войны; но то были, дѣйствительно, военныя субсидіи, полученныя отъ союзника. Деньги, получаемыя другими нѣмецкими государствами отъ французовъ, были, просто, цѣною продажи этихъ государствъ французамъ. Плата имъ была, какъ видимъ, не высока: отъ слишкомъ сильнаго желанія продавать себя продавцы уронили цѣну, и французы безъ церемоніи то давали, то отнимали свои субсидіи—всякая подачка всегда принималась съ низайшею благодарностью.

Мы видѣли и примѣры того, какъ продавались иноземцамъ войска на

время войны,—прибавимъ еще нѣсколько такихъ случаевъ къ тѣмъ, которые встрѣчались въ прежнемъ разсказѣ. Въ войну за австрійское наслѣдство 6,000 гессенцевъ были проданы одной изъ воюющихъ сторонъ, англичанамъ и голландцамъ, другіе 6,000 другой сторонѣ, баварскому претенденту и французамъ. Во Вторую Силезскую войну саксонскія войска были проданы австрійцамъ, а когда по заключеніи мира стали не пужиы Марин-Терезин. были перепроданы голландцамъ. Фридрихъ Гессенскій торговалъ своими солдатами съ такимъ успѣхомъ, что только до 1750. года отъ однихъ англичанъ получилъ болѣе 15,000,000 гульденовъ; а онъ продавалъ солдатъ не однимъ англичанамъ, а всякому желающему. Проданные солдаты обыкновенно ставились на самыя убійственныя мѣста. Нанимающимъ было оттого мало потери: выбывшіе изъ строя замѣнялись, по контракту, свѣжими людьми; а продавцы имѣли даже въ томъ прямую выгоду, получая особенную условленную плату за каждаго убитого и раненаго.

Таковъ былъ порядокъ дѣлъ въ Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Зная его, не нужно много говорить о томъ, каково было состояніе среднихъ классовъ и простаго народа: оно угадывается само собою. Довольно будетъ сдѣлать два-три кратнія замѣчанія.

Различные классы населенія были до того раздѣлены предрасудками, гордостью сверху и раболѣпствомъ снизу, что представлялись какими то египетскими кастами. Въ каждомъ классѣ существовало множество подраздѣленій, изъ которыхъ каждое презирало всѣ низшія, будучи, въ свою очередь, презираемо высними. Такъ, напримѣръ, въ дворянствѣ, за членами владѣтельныхъ фамилій слѣдовалъ Grafenstand, потомъ Reichsritterschaft, потомъ различные сорта жалованныхъ дворянъ, между которыми опять было различіе, смотря по тому, отъ самого ли императора, или отъ другаго владѣтеля даны имъ были титулы.

Чиновники раздѣлялись другъ отъ друга такими же китайскими стѣнами. Любовь къ чинамъ и титуламъ была безмѣрна и послѣ привычки къ грабительству составляла сильнѣйшую пружину всей жизни.

Даже торговый классъ не былъ свободенъ отъ этой заразы: гильдіи въ цехи считались старшинствомъ между собою и были раздѣлены взаимнымъ презрѣніемъ и надменностью.

Дворянинъ презиралъ чиновника, и былъ презираемъ придворными; чиновникъ, раболѣпно преклоняясь передъ родовымъ дворянствомъ, презиралъ купца; купецъ презиралъ ремесленника; наконецъ народъ, презираемый всѣми, презиралъ самого себя.

Для курьеза можно замѣтить еще, что профеесоръ рангомъ своимъ равнялся лейбъ-кучеру, и что ученое сословіе вообще стояло такъ низко, что никогда не считалось достойнымъ награды ни однимъ изъ безчисленныхъ орденовъ. Когда знаменитый Михаалисъ получилъ орденъ, всѣ тому дивились, какъ неслыханной рѣдкости; да и ему орденъ былъ данъ не нѣмецкимъ, а иноземнымъ государемъ.

Офицерское званіе даже при Фридрихѣ II, этомъ другѣ французскихъ философовъ, было доступно исключительно только однимъ родовымъ дворянамъ.

Торговля и промышленность вообще упадали, города постоянно бѣднѣли. Только одинъ Гамбургъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила: онъ богатѣлъ отъ заграничной торговли. Другіе города, даже служившіе центрами торговой дѣятельности, напримѣръ, Бременъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Аугсбургъ, счастливы были уже тѣмъ, что сохраняли остатки прежняго благосостоянія, постепенно, впрочемъ, уменьшавнагося. Всѣ другіе города падали.

Участью поселянъ была нищета. Домикъ со свѣтлыми окнами составлялъ рѣдкость, которую далеко не во всякомъ селѣ можно было найти; верхнее платье изъ грубаго сукна имѣли только немногіе поселяне; огромное большинство жило въ низенькихъ, мрачныхъ избункахъ, довольствуясь холщовою одеждою и скудною пищею.

Остается сказать еще одно только, чтобы завершить картину состоянія Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Невѣжественный фанатизмъ былъ такъ силенъ, что не только католики чуждались иротестантовъ и протестанты католиковъ, но и между протестантами лютеране и реформаторы преслѣдовали другъ друга. Въ лютеранскихъ городахъ не было терпимо реформатское богослуженіе, и наоборотъ. Религіозныя преслѣдованія вообще были господствующею чертою того вѣка. Рѣдкая область была свободна отъ гоненій за вѣру. Такъ, даже Марія-Терезія преслѣдовала въ своихъ владѣніяхъ ироте-стантовъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка усилились гоненія на иротестантовъ въ Палатинатѣ, то въ Бранденбургѣ и Ганноверѣ, въ отмщеніе за то, начались гоненія противъ католиковъ. Архіепископъ зальцбургскій, около 1730 г., рѣшилъ очистить свою область отъ еретиковъ. Протестанты, доведенные до крайности жестокими притѣсненіями, стали жаловаться—ихъ объявили возмутителями, и Карлъ VI Австрійскій выслалъ армію для примѣрнаго ихъ наказанія. Болѣе 30,000 человекъ были изгнаны изъ зальцбургскихъ владѣній. Въ лютеранскихъ земляхъ попеременно то подвергались преслѣдованіямъ иезисты, то сами преслѣдовали своихъ прежнихъ гонителей. Реформаторы и лютеране смертельно ненавидѣли другъ друга. Въ Гамбургѣ, гдѣ господствовало лютеранское исповѣданіе, лютеранскіе пасторы писали сочиненія, въ которыхъ приписывали реформатамъ гнуснѣйшіе пороки. Франкфуртъ-на-Майнѣ, также лютеранскій городъ, несмотря на всѣ просьбы прусскаго короля, не позволялъ въ своей области отправлять реформатское богослуженіе. Лютеранскій Виттенбергскій Университетъ не давалъ ученыхъ степеней реформатамъ.

Невѣжество было такъ велико, что въ концѣ XVII вѣка Томазіусъ едва не былъ объявленъ еретикомъ за то, что возсталъ противъ обычая сожигать колдуновъ и волнебницъ; еще въ 1749 году сожжена была въ Вюрцбургѣ за колдовство монахиня, а въ 1750 году, въ Ландсгутѣ, тринадцатилѣтняя дѣвочка.

Таково было состояніе Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились тогда тѣ силы, отъ которыхъ нація могла ожидать себѣ избавленія: взглянемъ на состояніе нѣмецкой науки и литературы и на расположеніе умовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣмецкая литература до Лессинга. — Гогтшедъ и саксонская школа. — Бодмеръ и швейцарская школа. — Клопштокъ. — Галлеръ. — Гагедорнъ. — Рабенвуръ. — Геллертъ. — Университеты и школы. — Публика. — Начала новой жизни. — Томазиусъ. — Мозеръ.

Трудно представить себѣ что нибудь печальнѣе и безнадежнѣе того порядка вещей, жертвой котораго была Германія въ первой половинѣ XVIII вѣка. Французскіе историки не находятъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы характеризовать состояніе Франціи въ послѣдніе годы правленія Людовика XIV, во времена Регента и Людовика XV. Но всѣ тѣ бѣдствія, которыя терпѣлъ французскій народъ въ эту эпоху, правда, очень тяжелыя, незначительны, можно сказать, въ сравненіи съ тѣми ужасными страданіями, какия терпѣлъ нѣмецкій народъ, — именно, терпѣлъ, потому что не было въ немъ даже ропота, недовольства своимъ положеніемъ, не было мысли о чемъ нибудь лучшемъ. Тяжесть, угнетающая людей, была такъ велика, что даже надежды и стремленія были въ нихъ подавлены. Они отупѣли ко всему, стали равнодушны даже къ своей судьбѣ. Германія была чѣмъ-то подобнымъ чудовищному нильсонскому подземелью; нѣмецкій народъ, томившійся въ этомъ удручливомъ мракѣ втеченіе цѣлаго столѣтія, походилъ, наконецъ, на Боннивару, который свыкъ съ своимъ подземельемъ такъ, что потерялъ даже скорбь о себѣ и впалъ въ холодную, безмысленную апатію. Подобно ему, нѣмецкій народъ могъ бы сказать, вспоминая свое состояніе послѣ Тридцатилѣтней войны:

....Что потонъ сбылось со мной,
Не помню: свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ: воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи етоялъ
Везъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней ладныхъ камнемъ я,
Н видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднѣе, тѣннѣе, тусслѣе мнѣ;
Все въ смутную елилося тѣнь.
То ве было ни ночь, ян день....
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ веба, солнца и свѣтилъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣтъ,
Ни жизнь, ни смерть, — какъ сонъ гробовъ.
Какъ овсавъ безъ береговъ,
Подавленнѣе тяжелой мглой,
Недвнжнѣе, ладный и нѣмой....

Послѣдніе отголоски умирающей народной жизни слышатся въ литературѣ, первыя надежды, первыя требованія народа обыкновенно высказываются устами его поэтовъ и литераторовъ. Народъ, потерявшій или еще не получившій силы дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, говорить, ищетъ свѣта въ словѣ, если не находитъ его въ жизни, жадно слушаетъ воодушевленныхъ негодовавшемъ и надеждами своихъ поэтовъ. Даже и этого не было въ Германіи. Писали чрезвычайно много, читали не такъ много, но все-таки очень много. Стихотворцевъ, литераторовъ и ученыхъ Германія въ первой половинѣ прошлаго вѣка имѣла тысячи, читателей—десятки тысячъ; но изъ этихъ тысячъ писателей едва пять-шесть человѣкъ говорили о чемъ нибудь заслуживающемъ вниманія, да и тѣхъ никому не было охоты слушать. Всѣ остальные сочиняли торжественныя оды, идилліи, бессмысленныя басни и бессмысленныя панегирики, безжизненные эпосы, писали мертвыя диссертациі о мертвыхъ предметахъ,—и ихъ читали, ими восхищались, и они сами собою восхищались. Перья скрипѣли, литературныя самолюбія надувались, часто бранились, но чаще взаимно восхваляли свое величіе. Во всемъ этомъ не было ни смысла, ни жизни; но публика была совершенно довольна и счастлива: она воображала, что имѣетъ литературу, не предчувствуя даже, что языкъ данъ человѣку не для стихотворнаго или педантическаго пустословія.

Быть можетъ, даже русская публика, несмотря на свою чрезвычайную малочисленность, болѣе способна служить опорой и почвою для сильнаго литературнаго развитія, нежели нѣмецкая въ прошломъ вѣкѣ: у насъ чѣтаютъ немногіе; но изъ этихъ немногихъ половина ищетъ въ книгѣ смысла и своимъ разумнымъ голосомъ заставляеть иногда смиряться невѣжественныя толпы, заставляеть задумываться тупую апатію, своею симпатіею поддерживаетъ святой жаръ въ благородныхъ писателяхъ. Мы восхищаемся Гоголемъ, не хотимъ знать о другихъ писателяхъ (быть можетъ, и талантливыхъ, но какое намъ до того дѣло), которые толкутъ воду и занимаются пересыпашемъ изъ пустаго въ порожнее. Наша литература очень слаба и блѣдна, наша публика — горсть людей; но эта литература, каково бы ни было ея достоинство, все-таки стремится къ жизни и свѣту, эта публика, каково бы ни было ея число, все-таки требуетъ отъ литературы мысли и жизни. Въ Германіи предъ эпохою появленія Лессинга и того не было: Лисковъ прошелъ незамѣченнымъ, а Готтшедъ, Бодмеръ, Рабенеръ, Геллертъ, Галлеръ, Клопштокъ имѣли толпы подражателей и легіоны почитателей.

Сама по себѣ, нѣмецкая литература до Лессинга представляетъ очень мало интереса, какъ явленіе тунейное и безжизненное. Но для людей, занимающихся исторіею русской литературы, ея изученіе должно имѣть большую важность, потому что всѣ мертвые стихотворцы-педанты и прозаики-педанты, которыми восхищались нѣмцы въ половинѣ прошлаго вѣка, были переводимы на русскій языкъ и, вѣроятно, восхищали немногочисленныхъ нашихъ грамотныхъ людей въ ту пору или нѣсколько позднѣе и служили образцами подражанія для сыновъ роССійскихъ музъ. Въ каталогъ Смирдина мы находимъ, кромѣ множества другихъ нѣмецкихъ писателей того же разряда, Вейссе, Галлера (девять сочиненій), Геллерта (шестнадцать сочиненій).

Гесснера (девять сочинешій), Готтшеда, Клопштока, Крамера (пятнадцать сочинешій), Мейера, Рабенера (одиннадцать сочинешій). Читатели замѣтятъ, что особенно пустымъ и сухимъ писателямъ наиболѣе было счастья въ русской литературѣ, и Геллертъ, въ шестнадцати видахъ поучавшій русскую публику, далеко оставляетъ за собою гениальнаго Клопштока, даваго русской литературѣ только три книги, и благороднаго Мозера, изъ котораго было переведено только два сочинешія. Надобно сказать, что и впоследствии эта прекрасная пропорція не была нарушаема, какъ не нарушается она и теперь въ нашей переводной литературѣ, гигантами которой, изъ всѣхъ европейскихъ писателей, являются Поль-де-Кокъ и знаменитый авторъ „Монте Кристо“ и „Трехъ Мушкетеровъ“. Утѣшительно видѣть постоянство въ чемъ бы то ни было: постоянство—прекрасное качество во всѣхъ еферахъ жизни, а особенно въ умственной жизни, которая, къ сожалѣшю, у иныхъ народовъ въ инныя времена такъ подвержена бываетъ безпокойнымъ тревоженіямъ. Намъ успокоиваютъ на этотъ счетъ воспоминашя о прошедшемъ и настоящія являшя: надъ всѣми русскими и иностранными писателями возвышается у насъ мирный гражданинъ Коцебу, на вслнчественномъ подножш, состоящень изъ 143 (сто-сорокъ-три: эта цифра не опечатка) творешій, которыми позаимствовалась у него русская литература. Утѣшительно видѣть, какъ искусство наше умѣетъ находить неистощимое умственное богатство въ самыхъ заплесневѣлыхъ лужахъ.

Никогда — даже въ то время, когда вслѣдъ за Жуковскимъ принялись у насъ переводить великаго Шиллера, ни послѣ, когда энтузіасты-юноши чуть не сходили съ ума отъ олимпійца Гете — никогда нѣмецкая словесность не имѣла такого вліяшя на нашу литературу, какъ въ то время, когда она сама была пуста, мертва и ничтожна. Лишь только стала она оживляться, какъ уже и начала уменьшаться наша любовь къ ней, и мы обратились къ болѣе сроднымъ нашему уму источникамъ умственного удовольствія, отысканнымъ, къ великому нашему восхищенію, у Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Эпоха Лессинга совершенно охладила нашу любовь къ нѣмецкой литературѣ. Однако же, мы не возлюбили не всѣхъ нѣмецкихъ писателей поголовно: нѣтъ! тѣ, которые сохранили въ своихъ сочинешіяхъ милыя для насъ черты старой, до-лессинговской литературы, продолжали пользоваться нашимъ благосклоннымъ вниманіемъ: любили мы поразмыслить надъ глубокомысленными творешіями Юнга-Штиллинга и Эккартсгаузена, любили позабавиться прелестными въ простоумш своемъ романами Фанъдеръ-Фельдс и Августа Лафоптена (сорокъ-девять разъ являлись различныя его творенія на русскомъ языкѣ для нашего удовольствія), а больше всѣхъ любили мы, какъ выше показано, добраго и честнаго Коцебу, пострадавшаго за нравѣу, которую такъ безразеудио отвергало суетное нѣмецкое юношество *).

*) Пушкинъ справедливо замѣчаетъ о французскомъ вліяніи на русскую литературу въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка:

„Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи; но бездарные писики, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, ш-те Жавлисъ, овладѣваютъ русской словесностью“.

Совершенно таково же было, нѣсколько ранѣе, и отношеніе нашей словесности

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать причину краткости обзора нѣмецкой литературы до Лессинга, который должны представить въ этой главѣ. Нѣкоторые изъ читателей, знающихъ огромное вліяніе ея на русскую литературу, могли бы полагать, что интересно знать подробно дѣятельность писателей, которыхъ у насъ переводили и которымъ подражали съ такою любовью, достойною лучшаго предмета. Нѣтъ, это навело бы только бесполезную скуку. Людямъ, которые разрабатываютъ исторію нашей словесности прошедшаго вѣка, необходимо основательно изучать всѣхъ этихъ Крамеровъ, Бодмеровъ, Геснеровъ съ братією, потому что многія русскія сочиненія прошлаго вѣка, притворяющіяся оригинальными произведеніями русскаго ума, въ сущности не болѣе, какъ передѣлки сочиненій того или другаго изъ забытыхъ нынѣ нѣмецкихъ писателей. Какъ все касающееся родной исторіи интересно для насъ, то и изслѣдовашіе нѣмецкой до-лесенгговской литературы, съ цѣлью объяснить развитіе русской литературы, имѣютъ свою важность. Но сами по себѣ писатели, славившіеся тогда въ Германіи, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если тотъ или другой изъ нихъ и памятенъ еще самимъ нѣмцамъ, то почти всегда потому только, что Лессингъ обезсмертилъ его имя, такъ или иначе упомянувъ о немъ. Сами по себѣ сохранились въ благодарной памяти своихъ соотечественниковъ очень немногіе, да и то почти исключительно изъ тѣхъ, которые не пользовались громкою извѣстностью въ свое время. У нѣмцевъ Лискова, какъ у насъ Кантемира, оцѣнили только уже много лѣтъ спустя послѣ его смерти: они въ свое время не имѣли вліянія. Подробно говорить о другихъ значило бы понапрасну терять время, и мы ограничимся только немногими указаніями на значительнѣйшія имена до Лессинга. Нѣсколькихъ страницъ слишкомъ достаточно будетъ для характеристики того состоянія, въ какомъ нашелъ нѣмецкую литературу ея великій преобразователь.

Каково было состояніе нѣмецкой литературы въ началѣ XVIII вѣка, можно судить по одному тому, что Шлоссеръ, въ предисловіи къ своей „Исторіи XVIII вѣка“, обозрѣвая, вмѣстѣ съ политическою, и литературную жизнь европейскихъ народовъ въ это время и говоря о французской, англійской, итальянской литературѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нѣмецкой, какъ будто бы она вовсе и не существовала.

Въ самомъ дѣлѣ, она существовала на столько же, на сколько существовала русская литература въ ту эпоху, когда вся состояла изъ напыщенныхъ одъ и эпоей, да изъ дубоватыхъ анакреонтическихъ стихотвореній. Немногимъ лучше была она и черезъ сорокъ лѣтъ. Правда, на мѣсто прежнихъ знаменитостей явились новыя громкія имена; правда, оптимистъ можетъ замѣтить, что новыя знаменитости были нѣсколько лучше прежнихъ,

къ нѣмецкой литературѣ. Интересно видѣть, какъ нѣмцы понимаютъ свою литературу до Лессинга, какъ французы (конечно, только тѣ, которые не изъ числа беземысленныхъ болтуновъ) понимаютъ своихъ Мармонтелей и тому подобныхъ мудрецовъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ прилично смотрѣть и на нашу литературу прошедшаго вѣка. Послѣдовать этому совѣту будетъ не бесполезно, между прочимъ, для г. Галахова, который, вѣроятно, не написалъ бы возраженій на статью г. Лайбова, помѣщенную въ „Современникъ“, если бы хотя нѣсколько сообразилъ смыслъ своихъ словъ.

что Готтшедь, при всей своей бездарности и недобросовѣстности, лучше какого-нибудь напыщеннаго Локэнштейна или Гюнтера, потому что писалъ, по крайней мѣрѣ, вразумительнымъ языкомъ; оптимистъ, видящій повсюду прогрессъ, можетъ видѣть его и въ нерѣдкѣ нѣмецкой литературы отъ 1700 до 1750 года. Но прогрессъ этотъ совершался до излишества сообразно правилу Октавіана: „спѣши медлительно“, и въ половинѣ XVIII вѣка положеніе нѣмецкой литературы было до крайности жалко или презрительно. Она еще оставалась рабскимъ подражаніемъ всему, что было мертваго и пустаго въ литературахъ французской и англійской, она оставалась совершенно чужда народной жизни, въ ней владычествовали такіе люди, какъ Готтшедь и Бодмеръ, въ ней прославлялись, какъ величайшіе поэты вселенной, какъ нѣмецкіе Гомеры, Мильтоны и Гораціи, такіе поэты, какъ Рабенеръ, Геллертъ и имъ подобные.

Французская псевдо-классическая литература достаточно ославлена у насъ; довольно сказать: „нѣмцы благоговѣли передъ Буало“, и всякія объясненія о степени плодотворности французскаго вліянія на нѣмецкую литературу становятся излишними. Но надобно сказать нѣсколько словъ о томъ, каковы были англійскіе писатели, раздѣлявшіе съ Буало владычество надъ умами германскихъ писателей. Эти писатели были Аддисонъ, Стиль, Попъ и Томсонъ. Всѣ они стояли другъ друга но безжизненности и фальшивости направленія, хотя и отличались одинъ отъ другаго большею или меньшею степенью таланта, и, говоря безпристрастно, надобно признаться, что Буало былъ ничѣмъ не хуже ихъ. Чтобы это сужденіе не показалось излишне суровымъ, приведемъ слова Шлоссера о Попѣ и Аддисонѣ: читатели повѣрятъ намъ на слово, что мнѣніе наше о достоинствахъ Стиля и Томсона могло бы быть подтверждено такими же цитатами.

„Поэзія Попа болѣе всего щеголяетъ прѣстностью и гладкою формою. Его стихи превосходенъ, слогъ пркрасенъ, языкъ правиленъ; но у него нѣтъ ни поэтическаго творчества, ни оригинальности, ни силы. Человѣкъ съ такою холодною, слабою и тщеславною натурою, какъ Попъ, который съ необыкновеннымъ усердіемъ старался лѣзнуть въ каждыя лорды и суетливо хлопоталъ о томъ, чтобы образовать вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора и нѣчто въ родѣ аристократической комфортабельности, этотъ человѣкъ, жадный къ славѣ и деньгамъ, былъ какъ бы созданъ природою затѣмъ, чтобы быть проповѣдникомъ фальшиваго и софистическаго направленія въ образованіи. Онъ былъ католикъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ученикъ и другъ кошуна Боллгроба, утверждалъ, что всегда оставался вѣренъ догматамъ своей церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ провозглашалъ эгоизмъ. Онъ умѣлъ изворачиваться такъ ловко, что обѣ враждовавшія тогда партіи, приверженцы старинны и друзья прогресса, считали его своимъ союзникомъ. Тотъ самый трудъ, который доставилъ Попу славу и независимое состояніе, знаменитый переводъ „Иліады“, служить свидѣтельствомъ искусственности его направленія. Поэтъ, который понималъ бы духъ Гомера, почелъ бы недостойнымъ дѣломъ переводить „Иліаду“, не зная по гречески, и прикрашивать ее мишурными блестками. Сравнивая переводъ съ подлинникомъ, мы можемъ только изумляться извѣженности и испорченности вкуса, риторичности и ненатуральности переводчика, прославленнаго Джопсопомъ, оракуломъ свѣтскихъ салоновъ. Три другія произведенія Попа, на которыхъ имѣется въ переподлинъ „Иліады“ основалась его слава, еще яснѣе показываютъ и содержаніемъ и формою до мельчайшихъ подробностей жизненныхъ и литературныхъ, что поэзія Попа была только порожденіемъ духа, господствовавшаго при Версальскомъ дворѣ, и служила только цѣлю свидѣнія искусственной, сладострастной, пустой салонной жизни. Это об-

варуживают относительно литературы „Опыт о критикѣ“, относительно жизни—поэма „Похищенный Локонъ“, относительно религиозныхъ и нравственныхъ правилъ—„Опыт о человѣкѣ“. „Опыт о критикѣ“ взлагаетъ теорію той поэтической школы, къ которой принадлежали Драйденъ и Поупъ. Подобно Буало, Поупъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о творческомъ вдохновеніи, которое создаетъ художественную форму выстѣсь въ идею: за то у него взлагаются очень хитрыя правила для сочиненія стихотворныхъ произведеній въ любомъ родѣ. Чтобы показать характеръ этихъ наставленій, припомнимъ только знаменитое правило о необходимости украшать природу, чтобы придать ей модный покровъ, какъ придается онъ фракъ или жилету. Потому то Вида, авторъ извѣстной реторпки, безъ церемоніи ставится Попомъ наряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ. „Похищеніе Локона“—шутливая поэма въ духѣ совершенной распушенности нравовъ, бывшей тогда модною, написана въ подражаніе одной изъ поэмъ Буало. Содержаніе поэмы составляютъ модные обычаи свѣтскаго круга, уваженіемъ къ которому проникнуть авторъ. „Опыт о человѣкѣ“, по сознанию самого Попа, есть переложеніе въ стихи философіи Болинброва, ставившей цѣлью человѣческой—удовольствіе. Собственного образа мыслей Поупъ не имѣлъ, какъ доказываютъ его письма.

„Аддисонъ и его друзья хотѣли подчинить англійскую литературу холодной правильности, господствовавшей у французовъ, которымъ форма казалась важнѣе содержанія. По ихъ мнѣнію, не вдохновеніе дѣлаетъ великимъ писателя, а разсчитанность, остроумничанье и искусственность. Превозносимыя достоинства этихъ стилистовъ основываются на томъ, что они хотѣли только занимать, а не вести впередъ публику, хотѣли слегка щекотать, а не глубоко потрясать умы,—основаны на пошлости и реторикѣ. Реторпка и софизмы были главными качествами нравственныхъ лицемѣровъ, во главѣ которыхъ стоялъ Аддисонъ. Онъ, по злему капризу судьбы, былъ государственнымъ секретаремъ, хотя не былъ въ состояніи ни говорить въ Парламентѣ, ни писать дѣловыхъ бумагъ, потому что отъ чрезвычайной заботливости о красотѣ слога и реторическихъ фигурахъ не могъ справиться съ депешей, если хотѣлся сочинять ее—фактъ, какъ нельзя лучше характеризующій подобныхъ ему писателей: реторы отъ созданія міра всегда были тщеславны и никуда не годны для практической жизни. Зато сочинялъ онъ множество назидательныхъ трактатовъ. На вопросъ: мнѣніемъ образомъ эти сухіе прозаики, въ которыхъ не было ни искры поэзіи, могли предписывать своему и послѣдующему времени законы вкуса и достигъ славы, которая еще орождаютъ пользоваться, хотя едва ли кто нынѣ читаетъ или въ издѣланіи прочесть ихъ выглаженные и прикрашенные, вялые и сухія работы?—на этотъ вопросъ отвѣчать легко. Дворъ и знать ввели моду считать реторку за поэзію, а издѣланіе—за литературу. Вильгельмъ III, Анна и ихъ министры прославили и возвысили Аддисона. У этихъ людей не было ни вкуса, ни понятія о чемъ либо, крои дѣловыхъ занятій или интригъ; потому плоская и многоглаголивая прикрашенность необходимо должна была нравиться имъ лучше истинной поэзіи или сильной прозы. Поупъ содѣйствовалъ прославленію Аддисона, потому что съ проницательностью, свойственною людямъ его разбора, предчувствовалъ, что Аддисонъ никогда не помрачитъ его самого. Каковъ былъ модный вкусъ, которому Аддисонъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ и распространенію котораго потомъ содѣйствовать онъ ясно видно изъ исторіи этого писателя. Онъ началъ съ латинскихъ стихотвореній, которая поднесъ Буало. Буало вообще находилъ, что нѣльзя писать стихи на мертвомъ языкѣ, но отвѣчалъ комплиментами на почтительное приношеніе англичанина. Похвала эта составила славу Аддисона. Послѣ того воспѣвалъ онъ Рувикскій миръ и Гохштедтскую битву и описывалъ Италію въ поэмѣ, которую можно было написать, не выѣзжая изъ Англій. Потомъ трагедія его „Катонъ“ произвела такой шумъ, заслужила такое всеобщее одобреніе, что можно было спросить себя: не измѣняла ли себѣ въ этомъ случаѣ нація, имѣвшая Шекспира и столько другихъ вдохновенныхъ драматурговъ, а теперь восхищавшаяся сухою правильностью и пустою реторикою? но тутъ все зависѣло не отъ характера націи, а отъ моды аристократическихъ салоновъ. „Катонъ“ гочпенъ по правиламъ Буало, съ соблюденіемъ трехъ единствъ, съ примѣсью любовныхъ сценъ, и герой пьесы въ шлафрокѣ читаетъ Федова. Въ знаменитомъ журналь Аддисона „Зритель“ господствуютъ реторическая проза, выглаженное, искусствен-

ное стихотворство; все было написано по правиламъ риторики и шиттики, во ни въ чемъ не было ни искры генія, ни слѣда одушевленія, ни нравственнаго здравья, ни силы. Въ „Зритель“ проповѣдуется прикрашенность соблюдающей вѣтшія приличія испорченности нравовъ, которая владычествовала тогда въ высшемъ англійскомъ обществѣ, проповѣдуется система жывв, подобная развратному лицемерію французскаго двора при Людовикѣ XIV и кардиналъ Флери. Аддисонъ съ педантическою точностію рисовалъ нравы и характеры; во о немъ можно сказать то же самое, что говорили объ учителѣ его, Буало: отъ его сочиненій пахнетъ маоломъ ночной лампы, при свѣтѣ которой неутомимо обдѣлывалъ овъ свой слогу. Овъ восхищалъ высшее общество тѣмъ, что давалъ ему въ уврашевомъ видѣ изображеніе его собственныхъ нравовъ, представляемыхъ, какъ образецъ для подражанія другимъ классамъ. Мораль Аддисона основана на ханжествѣ, а истина передѣлывается такъ, что никого яе можетъ оскорбить или испугать. Мораль у Аддисона главное дѣло во всѣхъ разсказахъ и аллегоріяхъ; во, чтобы никого яе оттолкнула она, нравственныя требованія смягчаются до того, что все, лстящее иднымъ обычаямъ, представляется добродѣтелью*.

Трудно не соглашаться съ этими сужденіями, какъ и вообще рѣдки тѣ случаи, въ которыхъ здравомыслящій человекъ не найдетъ справедливымъ понятія Шлоссера, котораго по внутреннему достоинству его твореній надобно признать первымъ историкомъ нашего вѣка.

Если таковы были писатели, служившіе оракулами для нѣмецкихъ литераторовъ первой половины XVIII вѣка, легко себѣ вообразить, много ли жизни, много ли поэтическаго достоинства, много ли справедливыхъ литературныхъ понятій можно найти у знаменитостей нѣмецкой литературы того времени. Для нашей цѣли—объясненія, въ какомъ состояніи нашелъ ее Лессингъ—довольно будетъ сказать по нѣскольку словъ о людяхъ, пользовавшихся особенною славою или вліяніемъ во второй четверти XVIII вѣка.

Около 1730-хъ годовъ вліятѣйшимъ лицомъ въ нѣмецкой литературѣ былъ Готтшедъ; черезъ нѣсколько лѣтъ выступили противъ него и его послѣдователей (саксонской школы) Бодмеръ и его друзья (швейцарская школа). Борьба этихъ двухъ школъ ведена была обѣими враждующими партіями съ величайшимъ ожесточеніемъ и страшнымъ шумомъ, безъ малѣйшаго соблюденія какихъ бы то ни было приличій. Споръ этотъ составляетъ важнѣйшій фактъ въ нѣмецкой литературѣ 1740-хъ годовъ. Посмотримъ же, какъ были противники и о какихъ предметахъ шелъ споръ *).

Готтшедъ былъ послѣдователь Буало и поклонникъ французскаго псевдо-классическаго направленія.

Значительнаго положенія въ нѣмецкой литературѣ достигъ онъ ловкою разчитанностью своего образа дѣйствій. Поселясь въ Лейпцигъ, онъ сначала льстилъ людямъ, которые имѣли въ рукахъ средства помочь ему, потомъ, когда, благодаря имъ, приобрѣлъ громкій голосъ въ литературныхъ дѣлахъ, сталъ превозносить каждаго, кто, въ свою очередь, соглашался быть его льстецомъ. Этимъ путемъ ему удалось получить владычество въ учено-литературномъ обществѣ, которое существовало въ Лейпцигѣ. Единственною

*) Мнѣнія, которыя кажутся автору справедливыми, почти всѣ высказаны у Шлоссера. Факты, здѣсь приводимые, такъ общезнавестны, что не нуждаются въ подтвержденія цитатами, которыя, впрочемъ, желющій найдетъ у Гервинуса, Гилебранда, Шефера, и другихъ историковъ нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Во многихъ мѣстахъ мы, конечно, просто переводимъ того или другаго изъ этихъ писателей.

цѣлью его дѣятельности былъ личный интересъ, и только для увеличенія своей славы и власти онъ старался пробудить участіе къ нѣмецкой литературѣ въ публикѣ. Вкусъ публики былъ такъ грубъ, невѣжество ея такъ велико, что сочиненія Готтшеда, человѣка хитраго, но лишеннаго литературныхъ талантовъ, и кліентовъ его, людей большею частію совершенно бездарныхъ, удовлетворяли общему требованію: Готтшедъ безсовѣстно прославлялъ своихъ послѣдователей, они, въ свою очередь, прославляли его, и публика, оглушенная этимъ крикомъ, еще не способная имѣть самостоятельнаго мнѣнія, вѣрила всѣмъ этимъ своекорыстнымъ похваламъ и считала наглаго шарлатана съ ого креатурами за великихъ писателей. Готтшедъ написалъ грамматику, шитику, реторику, издавалъ критическій журналъ и считался законодателемъ языка и вкуса. Правда, сужденія его о писателяхъ были пристрастны и недобросовѣстны, понятія его о литературѣ мелочны и пошлы, но они приходились по вкусу тогдашней публики. Посредствомъ лейпцигскаго „Нѣмецкаго Общества“ Готтшедъ вошелъ въ сношенія съ безчисленными другими литературными обществами, которыя существовали въ каждомъ городѣ и городкѣ. Онъ льстилъ тщеславію, которое обыкновенно бываетъ главнымъ качествомъ литературныхъ корпорацій; онъ льстилъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ важныя офиціальныя положенія въ университетахъ, еще болѣе льстилъ тѣмъ придворнымъ и аристократамъ, которые имѣли претензію быть меценатами. Титулованнымъ поэтамъ, какъ бы ни были они бездарны, Готтшедъ подобострастнѣйшимъ образомъ курилъ еиміамъ: такъ, напримѣръ, онъ превозносилъ до небесъ жалкій переводъ Горация, изданный безъ имени переводчика, узнавъ, что переводчикъ—графъ фонъ-Зольмсъ; а барона Шенайха, сочинителя нелѣпѣйшей поэмы „Терезіада“, ставилъ онъ выше Клопштока, называлъ величайшимъ изъ эпическихъ поэтовъ вселенной и торжественно вѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ. Личность Готтшеда вполне обрисовывается передъ нами однимъ анекдотомъ, который разсказанъ въ автобіографіи Гете (*Wahrheit und Dichtung*). Приѣхавъ въ Лейпцигъ, молодой человѣкъ съ нѣкоторыми другими юношами отправился на поклоненіе свѣтилу нѣмецкой словесности:

„Слуга ввелъ насъ въ большую комнату и сказалъ, что г. Готтшедъ сейчасъ выйдетъ. При этомъ показалось намъ, что онъ жестомъ показалъ на сосѣднюю комнату, въ знакъ того, что мы должны итти туда. Не знаю, ошиблись ли мы, понявъ его движеніе въ этомъ смыслѣ, но, отворивъ дверь, мы очутились зрителями странной сцены: въ тотъ самый мигъ, изъ противоположной двери явился Готтшедъ, плечистый мужчина гигантскаго роста, въ зеленомъ дамасовомъ шлафроку, подбитомъ красною тафтою, и съ безпредѣльною лысиною на громадной головѣ. Послѣдней бѣдѣ готовилась быстрая помощь: изъ третьей двери выскочилъ слуга, держа въ рукѣ парикъ, и, съ испугомъ на лицѣ, кинулся къ барину. Готтшедъ, совершенно хладнокровно, не обнаруживая ни малѣйшей досады, лѣвою рукою взялъ у лакея парикъ и, очень искусно сажая его на голову, правою рукою далъ лакею такую пощечину, что бѣдняга, будто играя роль въ водевилѣ, кубаремъ вылетѣлъ за дверь, послѣ чего достопочтенный хозяинъ очень важно попросилъ насъ садиться и, не переводя духа, проговорилъ довольно длинное и очень милое привѣтствіе“.

Восхитительно это невозмутимое спокойствіе, съ которымъ знаменитый хозяинъ, одною рукою поправляя парикъ, другой даетъ крѣпкую пощечину слугѣ и вслѣдъ за тѣмъ съ совершеннымъ апломбомъ начинаетъ говорить заранѣе обдуманная любезности гостямъ. Очевидно, что почтенный Готтшедъ былъ недоступенъ волпешіямъ сердца—онъ неизмѣнно дѣйствовалъ по правилу, которое разъ навсегда поставилъ себѣ: „проступки должны быть наказываемы, а всѣмъ, кого нѣтъ надобности паказывать, должно говорить любезности“. Точно также расчитанно и холодно дѣйствовалъ онъ и въ литературѣ: безпощадно бранилъ всякаго, кто сдѣлалъ ему какую нибудь непріятность, безстыдно превозносилъ cadaго, отъ кого слышалъ лесть себѣ или могъ ожидать какихъ нибудь услугъ. Литературныя достоинства или недостатки произведенія тутъ нисколько не принимались въ соображеніе, — притомъ же, Готтшедъ и не имѣлъ способности замѣчать ихъ; весь вопросъ состоялъ исключительно въ личныхъ отношеніяхъ автора къ Готтшеду. Безсовѣстность такого самовластителя въ литературѣ вызвала наконецъ нѣкоторыхъ изъ обиженныхъ имъ писателей на борьбу противъ него. Иредводителемъ этой партіи, враждебной лейпцигскому диктатору, явился швейцарецъ Бодмеръ, уже имѣвшій въ Цюрихѣ и окрестныхъ городахъ толпу кліентовъ.

Въ противоположность Готтшеду, Бодмеръ былъ человѣкъ честный, но, подобно Готтшеду, онъ былъ лишенъ и вкуса и таланта, а, между тѣмъ, хотѣлъ быть судьей въ поэзіи и считалъ себя великимъ поэтомъ. Поклонниковъ у него находилось очень много, даже между людьми, имѣвшими образованіе или поэтическую славу. Они говорили, что эпическая поэма Бодмера „Ной“ выше мильтонова „Потеряннаго Рая“ и самой „Иліады“. До старости Бодмеръ сохранилъ ребяческую впечатлительность и опрометчивость, вмѣстѣ съ безмѣрнымъ и чрезвычайно раздражительнымъ самолюбіемъ. Оракуломъ въ литературныхъ мнѣніяхъ служилъ ему Аддисонъ. „Зрителю“ котораго самодовольно подражалъ журналъ Бодмера „Бесѣды Живописцевъ“, далеко уступавшій „Зрителю“, хотя и англійскій журналъ, какъ мы видѣли, имѣлъ не слишкомъ много положительнаго достоинства.

Готтшедъ и Бодмеръ сначала были въ хорошихъ отношеніяхъ между собою: одинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ журналъ другаго, тотъ хвалилъ его произведенія и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, въ образѣ понятіи не было между этими людьми значительной разницы: одинъ вѣровалъ въ Буало, другой въ Аддисона, ученика Буало. Но оба были люди тщеславные, оба проникнуты суетнымъ жолашіемъ не встрѣчать противорѣчій. Скоро Готтшедъ сталъ считать партію Бодмера вредною для себя: она мѣшала его единовластію въ литературѣ. Швейцарцы осмѣлились даже издавать руководства къ шитикѣ, какъ будто бы не издано было такое руководство Готтшедомъ! Значить, они посягали на его права: кто смѣлъ предписывать законы поэзіи, когда они даны уже имъ, великимъ Готтшедомъ? Опъ началъ бранить Бодмера и его друга Брейтингера, эти, разумѣется, отвѣчали ему въ такомъ же тонѣ, пасквили посыпались градомъ съ обѣихъ сторонъ, и загорѣлась непримиримая война.

Споръ шелъ о предметахъ мелочныхъ и ничтожныхъ, лишепъ былъ всякаго живаго содержанія, какъ и должно было ожидать: какіе важные

недостатки могъ открыть въ понятіяхъ или произведеніяхъ послѣдователей Аддисона ученикъ Буало, или въ понятіяхъ и произведешіяхъ приверженцевъ Буало ученикъ Аддисона? Спорили о словахъ, о достоинствахъ того или другаго выраженія и т. д.; но этотъ пустой споръ былъ крикливъ и задоренъ, потону что дѣло велось собственно изъ-за оскорбленій личпаго самолюбія; считаться ли Бодмеру нѣмецкимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, или бездарнымъ писакою? считаться ли Готтшеду нѣмецкимъ Корнелемъ и Расиномъ, или его драмы достойны осмѣянія? Кому изъ двухъ противниковъ быть нѣмецкимъ Гораціемъ, законодателемъ въ области поэзіи? Кто изъ нихъ Аристархъ и кто Зоилъ? Точно таковы же были отношенія и всѣхъ другихъ саксонцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Готтшета, и нивейцарцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Бодмера: каждый изъ нихъ кричалъ, защищая славу, которою пользовался въ своей партіи, и браня противниковъ за то, что они не признавали его великимъ писателемъ.

Полемика была пуста, но не была безплодна; громкій шумъ привлекъ вниманіе общества: оно стало поневолѣ думать о литературѣ, когда изъ литературныхъ лагерей стали неумолкаемо раздаваться неистовые крики. Научить эти крики не могли пока еще ровно ничему; но хорошо было уже и то, что прежняя усыпительная монотонность нелѣпыхъ панегириковъ замѣнилась бойкимъ, задирающимъ споромъ, пробуждающимъ любопытство. Не бесполезна была эта неистовая полемика и потому, что заставила публику нѣсколько недовѣрчивѣе прежняго смотрѣть на авторитеты, нѣсколько самостоятельнѣе прежняго судить о достоинствахъ писателей и сочиненій: до того времени публика тупо вѣрила всему, что ей говорили; теперь по необходимости надобно было каждому рѣшать, кто изъ спорившихъ справедливѣе. Борьба была упорна; но черезъ нѣсколько лѣтъ побѣда стала склоняться на сторону швейцарцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя они вообще не отличались ни вкусомъ, ни дарованіями, но въ партіи Готтшета было еще больше безвкусія и бездарности; хотя швейцарцы держались повятій педантическихъ и безжизненныхъ, но въ николѣ Готтшета педантизмъ былъ еще безжизненнѣе; хотя они были чистые формалисты, но у готтшедіанцевъ формализмъ былъ еще болѣе сухъ и мелоченъ. Такъ, напримѣръ, въ спорахъ о языкѣ нивейцарцы защищали употребленіе оригинальныхъ выраженій, Готтшедъ былъ пуристомъ и осуждалъ каждый новый терминъ, каждое выраженіе, не освященное долговременнымъ употребленіемъ, и доходилъ въ этомъ случаѣ до очевиднѣйшей тупости; онъ нападалъ на такія слова, какъ меланхолія, симпатія, сцена, фантазія; нелѣпыми нововведеніями казались ему и такія слова, какъ, напримѣръ, *das Entlocken, das Grosse, unbewusst, unentwickelt, die Mitternacht, das Lächeln*.—слова, столь же невинныя и понятныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ на русскомъ понятны и невинны соотвѣтствующія имъ слова: похищеніе, величіе, безознательно, неразвитый, полночь, улыбка. Въ спорѣ о теоріи словесности швейцарцы защищали права, если не творческой фантазіи (о которой ни та, ни другая партія не имѣла понятія, подобно своимъ пноземнымъ оракуламъ), то, по крайней мѣрѣ, права лирическаго чувства, а Готтшедъ училъ писать стихотворенія при помощи однихъ только разсчитанныхъ по пальцамъ правилъ и осуждалъ шитику

Брейтингера за то, что по ней не научишься писать эпopeй, драмъ, одъ. — между тѣмъ (говорилъ онъ), моя нѣтика учить „безопибочнымъ образомъ изготовлять стихотворныя произведенія во всевозможныхъ родахъ“. Изъ этихъ словъ можно уже съ достовѣрностью заключать, что нѣтика Брейтингера была нѣсколько лучше готтшедовой, хотя она написана также въ духъ сухаго формализма.

Когда люди, подобные Готтшеду и Бодмеру, спорили о владычествѣ вадъ литературою, конечно, не могло быть истинно замѣчательныхъ дарованій между знаменитостями этой литературы, и сама литература не могла имѣть живаго содержанія; иначе, хитрая или тупоумная посредственность и не имѣла бы средствъ овладѣвать до такой степени законодательствомъ въ области изящнаго. Мы уже сказали, что нѣтъ надобности перечислять всѣхъ писателей, которые считались тогда славными и которые были забыты, какъ только оживилась литература. Довольно будетъ назвать три-четыре имени, пользовавпйся или особеннымъ уваженіемъ, или особенною любовью публики. Къ такимъ писателямъ принадлежатъ Галлеръ, Рабенеръ и Геллертъ.

Дидактическія поэмы Буало и особенно Попа имѣли рѣшительное вліяніе на Галлера, который былъ великимъ ученымъ, но самъ сознавался, что лишенъ поэтическаго таланта, — и не только таланта не было у него, но и вкуса, потому что Вейсе, очень посредственнаго драматурга, который подражалъ то французамъ, то англичанамъ, ставилъ опъ выше Шекспира, а приторный Геснеръ нравился ему больше Теоокрита. Собствснныя произведенія Галлера, особенно знаменитыя его поэмы „Альпы“ и „О происхожденіи зла“, могутъ имѣть ученое достоинство, но чужды поэтическаго одушевленія. Стремясь къ возвышенности, онъ достигаетъ только суровой сухости; стремясь къ теплотѣ и трогательности картинъ, даетъ онъ только холодныя и скучныя описанія. Въ „Альпахъ“ описываются красоты горной природы и изображаются въ идиллическомъ видѣ нравы горныхъ жителей, которые, не зная о жадности и любостыжаніи, сохранили у себя блаженство золотаго вѣка. Поэма „О происхожденіи зла“ объясняетъ, что челоуѣку дана свободная воля, что Богу угодно было предоставить людямъ выборъ между добромъ и зломъ; потомъ изображается состояніе первыхъ людей до грѣхопадешя, паденіе діаволовъ и прегрѣшеніе первыхъ людей — это подробный разсказъ библейскаго преданія, съ примѣсью различныхъ философскихъ замѣчашій. Поэма „О происхожденіи зла“ имѣла большой успѣхъ и породила сотни подражаній. Многочисленные послѣдователи Галлера безъ всякой заботы о требованіяхъ поэзіи цѣликомъ перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты, сохраняя даже ученую систематическую форму въ своихъ впрнахъ, — они просто перефразировали Лейбница и Вольфа, прикрашивая ихъ заимствованіями изъ Попа и Томсона, — сочиняли стихотворныя разсуждошія о намѣреніяхъ Божіихъ при созданіи вселенной, о законахъ разума, о прививаніи коровьей оспы, объ искусствснномъ орошеніи полей, о пользѣ математическихъ наукъ для поэта, о томъ, что произрастаніемъ травы доказывается существованіе Божіе, и т. д.

Кромѣ дидактичекъ и описательныхъ поэмъ, Галлеръ писалъ сатиры: по эти сатиры лучше всего остальнаго показываютъ, какъ чужда была

всякаго живаго содержаніи нѣмецкая литература того времени. Онѣ направлены не противъ пороковъ или смѣшныхъ слабостей нѣмецкаго общества, а противъ парижскихъ философовъ. Самъ Галлеръ объявляетъ, что не имѣетъ охоты заниматься современными нравами своей родины, потому что это бесполезно, да и не нужно.

Несмотря на чрезвычайное уваженіе къ эпической поэзіи, которая считалась верховнымъ родомъ искусства, Галлера читали довольно мало, а его послѣдователей еще меньше,—но каждый чувствовалъ на себѣ обязанность превозносить эти поэмы. Галлера называли нѣмецкимъ *Виргиліемъ*. Титулы, которыми украшались Рабенеръ и Геллертъ, были скромныѣ: Рабенеръ считался не болѣе, какъ нѣмецкимъ Ювеналомъ, а Геллертъ—нѣмецкимъ Лафонтеномъ, но за скромность этихъ титуловъ Геллертъ и Рабенеръ вознаграждались тѣмъ, что ихъ сочиненія были любимѣйшимъ чтеніемъ нѣмецкой публики. Для насъ, которые часто слышимъ преувеличенныя сужденія о глубинѣ и серьезности содержанія тѣхъ писателей, которые считаются представителями сатирическаго направленія въ русской литературѣ, не бесполезно будетъ знать, какъ нѣмцы нынѣ судятъ о Рабенерѣ, котораго можно сравнить съ нашими писателями по обширности круга, которымъ занята его проза, и по смѣлости, съ какою обличаютъ онѣ недостатки своей народной жизни. Это сравненіе можетъ привести насъ къ сомнѣнію въ томъ, дѣйствительно ли есть серьезное содержаніе даже въ тѣхъ произведеніяхъ нашей литературы, которыя особенно извѣстны безпощаднымъ (будто бы) сарказмомъ, съ которымъ разоблачаютъ передъ нами важнѣйшіе (будто бы) нашіе недостатки. Безъ сомнѣнія, у насъ есть писатели, гораздо болѣе даровитые, нежели Рабенеръ, и произведенія, имѣющія гораздо болѣе художественнаго достоинства, нежели его сатиры. Но мы здѣсь говоримъ о границахъ содержанія, доступнаго ироніи. Мы находимъ, что у насъ есть произведенія, безпощадно карающія важнѣйшіе общественные пороки, — такъ говорили и нѣмцы добраго стараго времени о сатирахъ Рабенера. Интересно знать, какъ думаютъ нынѣ о Рабенерѣ въ Германіи, уже имѣя понятіе о томъ, какова бываетъ истинная сатира. Потому приведемъ сужденіе Гервинуса объ этомъ писателѣ.

„Рамлеръ, въ предисловіи къ переводу Бате (говоритъ Гервинусъ), хвалитъ Рабенера, называя его улыбающимся сатирикомъ, писателемъ мужественно прекраснымъ, упреки котораго поучительны, воображеніе котораго неистощимо, въ сочиненіяхъ котораго представлено цѣлый рядъ картинъ и характеровъ. У кого достало бы охоты перечитать сатиры Рабенера, тотъ увидѣлъ бы, что надобно сказать о немъ совершенно противное. Что касается неистощимости воображенія, надобно признаться, что эти сатиры совершенно чужды всякой поэзіи: творческой фантазіи нѣтъ въ нихъ ни капли. Его произведенія — чистая проза. Смѣлости и рѣзкости овъ совершенно лишены; овъ робокъ и скученъ. Для вышнѣйшихъ читателей довольно взглянуть на заглавія его сатиръ, чтобы убѣдиться въ томъ: „О поадравленіяхъ съ праздникомъ“, „Похвала постельнымъ собакамъ“, „О несчастныхъ нуждахъ“—вотъ каковы поучительныя задачи рабенеровой сатиры. Сатирическія посланія его превозносились какъ нѣчто удивительное—въ какомъ же кругу вращается тутъ остроуміе сатирика? — Невѣжда-помѣщикъ ищетъ себѣ дешеваго учителя,—горничная рекомендуетъ за это мѣсто человѣка, который ей нравится; вдова иастора припекиваетъ себѣ жениха; проситель подкупаетъ судью, и т. д. Правда, эти недостатки существовали въ обществѣ; правда, сатира, карал по-

роки, можетъ для разнообразія касаться я мелочныхъ слабостей. Но сатирикъ обнаруживаетъ незнакомство свое съ жизнью, когда, думая объ исправленіи великаго общественнаго зданія, занимается подчисткою подобныхъ язвамъ шероховатостей въ мелкихъ уголкахъ. Рабенеръ, Цахаріэ и Геллертъ не истребили мелочныхъ недостатковъ, надъ которыми изощряли свое остроуміе: во всѣ эти мелочи упали сами собою, когда молодое поколѣніе въ 1770-тыхъ годахъ потрясло своими ударами все зданіе, къ которому принадлежали эти ничтожныя подробности. Рабенеръ могъ бы оставить безъ вниманія пустяки, которыми занимался, еслибъ обратилъ свою сатиру противъ великихъ недостатковъ, порожденныхъ жизнью его народа въ его время и препятствовавшихъ прогрессу; а онъ бился противъ маловажныхъ и существующихъ вездѣ и повсюду привычекъ. Предметы, которыми занимается его насмѣшка, слишкомъ мелки. Онъ самъ признается, что въ Германіи объ учителѣ деревенской школы нельзя говорить той правды, которую въ Англіи говорятъ о первыхъ сановникахъ королевства. Самъ Геллертъ—человѣкъ не слишкомъ смѣлый—понимаетъ, что сатира слишкомъ стѣснена, если говорить только о порокахъ частной жизни: описывая вельможъ, она, по его словамъ, бываетъ краснорѣчивѣе, нежели издѣваясь надъ мелкими людьми. Рабенеръ не дерзаетъ приближаться съ своею насмѣшкою къ великолѣпнымъ палатамъ: онъ прямо отказывается говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны „превосходительные люди“. Разумѣется, можно находить и оправданія для Рабенера: вѣдь и его сатиры возбуждали неудовольствіе“.

Сужденіе Гервинуса не должно считать слишкомъ суровымъ,—подобно ему думаютъ о робкой сатирѣ Рабенера всѣ. Въ подтвержденію этихъ словъ приведемъ сужденія Шлоссера:

„Можно ли отъ Рабенера, человѣка, занимавшаго должность сборщика податей при саксонскомъ министрѣ Брюлѣ, стало быть, составившаго себѣ карьеру самымъ печальнымъ образомъ въ самыя печальныя времена,—можно ли ожидать отъ такого человѣка смѣлыхъ мыслей? А безъ смѣлости возможна ли сатира? Сатира не должно быть дѣломъ до тѣхъ пороковъ, которые гнѣздятся въ ничтожныхъ людяхъ—нравы толпы исправляются не поэзіею, а другими путями—она должна разоблачать пышныя личины, ослѣпляющія простаковъ, она должна рѣзко изобличать пустоту и лицемеріе, соединенное съ ложнымъ блескомъ. Сатира Рабенера щадитъ (очень благоразумно) истинныхъ враговъ человѣчества и родины, щадитъ людей, которые безстыдно презираютъ общественное мнѣніе, она занимается только бабьими сплетнями. Она не понимаетъ, что мелкихъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ не исправивъ насмѣшками; они бьются изъ-за куска васушнаго хлѣба, нѣтъ недостатки происходятъ не отъ злой воли, а отъ нужды“.

Еще слабѣе и ничтожнѣе Рабенера былъ по своему направленію Геллертъ, пользовавшийся, однакожъ, огромною популярностью. Онъ отъ природы былъ трусливъ и суотенъ,—обстоятельства развили въ немъ эти качества. Какъ жалка и безцвѣтна была его натура, можно судить по слѣдующему разсказу, который помѣщенъ въ англійскомъ „Годичномъ указателѣ“ событій и новостей (The Annual Register) за 1762 годъ. Разсказъ этотъ слишкомъ хорошо характеризуетъ вообще всѣхъ знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей той эпохи, которой принадлежитъ Геллертъ, потому помѣщаемъ его вполнѣ. Онъ лицомъ къ лицу ставитъ передъ нами этихъ жалкихъ педантовъ, вѣчно занятыхъ только одною мыслью о томъ, хороши ли ихъ собственныя сочиненія, — заботою о томъ, чтобы стихи были гладки, языкъ чистъ и правиленъ и всѣ правила шитики и реторики были строго соблюдены,—этихъ жалкихъ людей, ждающихъ себѣ чести, а литературѣ пользы отъ милости меценатовъ, людей, не знавшихъ жизни, не имѣвшихъ

понятія о томъ, что писатель долженъ быть органомъ желаній своего народа, его руководителемъ и защитникомъ.

.Подлинный разговоръ между королемъ прусскимъ и талантливымъ Геллертомъ, профессоромъ изящной словесности при Лейпцигскомъ университетѣ, занимаемый изъ письма изъ города Лейпцига, отъ 27 января 1761 года.

18 минувшаго октября, въ третьемъ часу вечера, когда профессоръ Геллертъ, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, сидѣлъ въ шлафрокѣ, за своимъ письменнымъ столомъ, кто-то постучался въ дверь его квартиры.

— Милости просимъ, войдите, сударь! сказалъ Геллертъ.

— Честъ пию рекомендоваться, сказалъ вошедшій: — вмя мое Квинтусъ Идилюсъ; мнѣ очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, столь славнымъ въ литературномъ мірѣ. Впрочемъ, я пришелъ въ вамъ не отъ себя, а по привазанію его величества, короля прусскаго, который желаетъ васъ видѣть и приказалъ мнѣ проводить васъ къ нему.

Геллертъ извинялся своимъ нездоровьемъ, но согласился слѣдовать за майоромъ Квинтусомъ, который ввелъ его въ кабинетъ его величества, гдѣ и произошелъ между королемъ и этими двумя писателями слѣдующій разговоръ:

Король. Вы профессоръ Геллертъ?

Геллертъ. Точно такъ, ваше величество!

Король. Англіійскій посланникъ говорилъ мнѣ о васъ, какъ о человѣкѣ высокихъ достоинствъ. Откуда вы родомъ?

Геллертъ. Изъ Ганнхена, что близъ Фрейберга.

Король. Какая причина, что у насъ нѣтъ хорошихъ нѣмецкихъ писателей?

Майоръ Квинтусъ. Предъ лицомъ вашего величества стоитъ превосходный нѣмецкій писатель, гочинненія котораго французы почли достойными перевода и котораго называютъ они германскимъ Лафонтеномъ.

Король. Это, г. Геллертъ, конечно, служить сильнымъ доказательствомъ вашихъ достоинствъ. Скажите, читали вы Лафонтена?

Геллертъ. Читалъ, государь, но не подражалъ ему. Я стараюсь быть оригинальнымъ въ своемъ родѣ.

Король. И прекрасно дѣлаете. Но скажите, какая причина тому, что у насъ въ Германіи не много писателей такихъ хорошихъ, какъ вы?

Геллертъ. Ваше величество, кажется, предубѣждены противъ нѣмцевъ.

Король. Нимало.

Геллертъ. Или, по крайней мѣрѣ, противъ нѣмецкихъ писателей.

Король. Это быть можетъ; въ самомъ дѣлѣ, я не высокаго мнѣнія о нихъ. Отчего происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ историковъ?

Геллертъ. У насъ есть, государь, нѣсколько хорошихъ историковъ, — между прочимъ. Крамеръ, продолжатель Боссюэта, и ученый Масковъ.

Король. Нѣмецъ продолжалъ „Всемирную Исторію“ Боссюэта! возможно ли?

Геллертъ. Не только продолжалъ, но и совершилъ это трудное дѣло съ величайшимъ успѣхомъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ въ областяхъ вашего величества провозгласилъ это продолженіе равняющимся боссюэтовой исторіи по краснорѣчію и превосходящимъ ее по точности.

Король. Отчего же происходитъ, что у васъ нѣтъ хорошаго перевода Тацита на нѣмецкій языкъ?

Геллертъ. Этотъ авторъ чрезвычайно труденъ для перевода, и французскіе переводы, какіе нынѣ существуютъ, совершенно лишены всякаго достоинства.

Король. Съ этимъ я согласенъ.

Геллертъ. Много есть различныхъ причинъ, препятствовавшихъ доселѣ нѣмцамъ сдѣлаться знаменитыми въ различныхъ отрасляхъ литературы. Когда науки и искусства процвѣтали между греками, римляне занимались только губительнымъ искусствомъ войны. Не можемъ ли мы считать настоящаго времени воинскимъ вѣномъ Гер-

нанія? Не могу ли также и прибавить, что наши соотечественники не были одушевляемы такими покровителями наукъ, какъ Августъ и Людовикъ XIV?

Король. Да вѣдь у васъ въ Саксоніи было цѣлыхъ два Августа *).

Геллертъ. Правда, государь, и потому въ нашей странѣ явились хорошіе ваятели.

Король. Какимъ образомъ можете вы ожидать Августа въ Германіи, столь раздробленной?

Геллертъ. Я сказалъ не въ томъ смыслѣ, государь: я желаю только, чтобы каждый государь ободрялъ въ своихъ областяхъ людей съ истиннымъ талантомъ.

Король. Вы никогда не выѣзжали изъ Саксоніи?

Геллертъ. Однажды я былъ въ Берлинѣ.

Король. Вамъ нужно бы путешествовать.

Геллертъ. Государь, я же имѣю никакой склонности къ путешествіямъ; а если бы и имѣлъ, мои обстоятельства не позволили бы мнѣ путешествовать.

Король. Скажите, какой болѣзнью вы страдаете? я предполагаю, болѣзнью ученыхъ?

Геллертъ. Назову ее такъ, когда вашему величеству угодно почтить меня этимъ именемъ, котораго, безъ величайшаго тщесавія, не могъ бы я дать самъ себѣ.

Король. Я, подобно вамъ, страдалъ этою болѣзнью и, кажется, могу излечить васъ: дѣлайте только поціонъ, ѣздите гулять верхомъ каждый день и разъ въ недѣлю принимайте ревень.

Геллертъ. Это лекарство, государь, могло бы для меня быть хуже самой болѣзни: если моя лошадь была бы здоровѣе и бодрѣе меня, я не смѣлъ бы сѣсть на нее; а если она хуже меня, немного пользы было бы мнѣ отъ прогулки верхомъ на ней.

Король. Ну, такъ ѣздите гулять въ экипажѣ.

Геллертъ. Я же такъ богатъ, чтобы имѣть на то средства.

Король. А, вотъ этимъ-то обстоятельствомъ обыкновенно и болѣны нѣмецкіе литераторы. Правда, худыя нынѣ времена.

Геллертъ. Худыя, ваше величество! Но если бы благодать вашего величества дала миръ Германіи...

Король. Да развѣ отъ меня это зависитъ? Развѣ вы не слышали, что противъ меня соединилась три державы?

Геллертъ. Знанія мои, государь, преимущественно заключаются въ древней исторіи; новую изучалъ я гораздо менѣе.

Король. Изъ эпическихъ поэтовъ кого вы предпочитаете—Гомера или Виргилія?

Геллертъ. Безъ сомнѣнія, Гомеръ, какъ оригинальный геній, заслуживаетъ предпочтенія.

Король. Но Виргилій, однако же, писатель болѣе изящный.

Геллертъ. Мы живемъ во времена, слишкомъ отдаленныя отъ гомеровыхъ, и не можемъ составить себѣ опредѣлительнаго сужденія о языкѣ и нравахъ того древняго періода: потому я полагаюсь на сужденіе Квинтилиана, который отдаетъ преимущество Гомеру.

Король. Но мы, однако же, все должны съ рабскимъ подобострастіемъ подчиняться сужденіямъ древнихъ.

Геллертъ. Я и не подчиняюсь имъ слѣпо. Я только принимаю ихъ мнѣнія, когда древность облакаетъ предметъ такимъ туманомъ, который не даетъ мнѣ различить его черты и, слѣдовательно, отнимаетъ возможность собственнаго сужденія.

Король. Вы, какъ я слышалъ, написали басни, замѣчательныя по изяществу и остроумію. Можете вы прочесть мнѣ одну изъ нихъ?

Геллертъ. Не умѣю вамъ сказать, государь, могу ли: память моя далеко не хороша.

*) То есть Августъ III, тогда царствовавшій, и Августъ II, бывшій его преемникомъ.

Король. Постарайтесь; я пока пройду по комнатам в дамь вавъ время со-
браться съ мыслями... (*Черезъ нѣсколько минутъ*). Можете теперь исполнить мое
желаніе?

Гвдлертъ. Могу, государи!

„Аевншій живописецъ, зачинавшійся своимъ искусствомъ болѣе изъ желанія
славы, нежели изъ любви къ прибытку, спросилъ у знатока живописи мнѣнія о своей
картинѣ, представлявшей бога Марса. Знатокъ не скрылъ отъ него, что находитъ
картину неудовлетворительною. Живописецъ защищалъ свое произведеніе. Критикъ от-
вѣчалъ на его возраженія, но не могъ убѣдить его. Въ это время подходитъ невѣжда,
бросаетъ взглядъ на картину я, не подумавъ ни минуты, съ восторгомъ восклицаетъ:
„Боже! какое мастерское произведеніе! Марсъ живой дышетъ яа этомъ полотнѣ! Кашія
прекрасныя ноги! Какой вкусъ, какое величіе въ этомъ шлемѣ, въ этомъ щитѣ, во
всемъ вооруженіи ужаснаго бога!“ Живописецъ покраснѣлъ, взглянулъ на знатока съ
видомъ смущенія, признаша въ своихъ ошибкахъ и сказалъ: „Теперь я убѣдился, что
ваше сужденіе основательно“. Невѣжда удалился, и живописецъ востребилъ свою
картину“.

Король. Какой же смыслъ въ этой баснѣ?

Геллертъ. Нравоученіе таково: „когда сочиненія писателя не удовлетворяютъ
вкусу хорошаго судьи, это даетъ сильное основаніе думать о нихъ веблагопріятно; во
когда они бывають превозносимы глупцомъ, не колебаясь должно бросить ихъ въ
огонь“.

Король. Прекрасно, г. Геллертъ! Стихотвореніе ваше превосходно, и въ изо-
брѣтеніи басни есть какое-то изящество. Я понимаю красоту и достоинство этого про-
изведенія. Но когда Готтшедъ читалъ мнѣ переводъ „Ифигеніи“, у меня передъ гла-
зами былъ французскій оригиналъ, в я не понималъ ни слова изъ того, что онъ читалъ.
Если я останусь здѣсь дольше, вы почаще приходите ко мнѣ и читайте мнѣ ваши
басни.

Геллертъ. Не знаю, государь, долженъ ли я отваживаться на чтеніе: я при-
выкъ говорить нараспѣвъ, какъ говорятъ у васъ въ горахъ.

Король. Ну да, по силѣ своему акценту. Нѣтъ, все-таки вы должны читать
ваши басни: иначе, онѣ много потеряють. Нагѣстите же меня еще, я поскорѣе.

Когда г. Геллертъ ушелъ, король сказалъ:

— Это совершенно не такой человекъ, какъ Готтшедъ. А на слѣдующій день,
за столомъ, онъ сказалъ, что „изъ всѣхъ ученыхъ нѣмцевъ Геллертъ самый умный и
разсудительный“.

Весь тонъ разсказа свидѣлствуетъ, что онъ написанъ безъ всякой
иронической цѣли. Хроника, въ которой онъ помѣщенъ, хочетъ показать,
что король Фридрихъ II умѣлъ цѣнить таланты; а между тѣмъ, какою
горькою насмѣшкою надъ Геллертомъ кажется этотъ анекдотъ! Какъ пошло
и глупо каждое его слово, какъ тупы его понятія о литературѣ! — Отчего
она въ незавидномъ положеніи? спрашиваетъ Фридрихъ, — „оттого, что у
насъ нѣтъ Августовъ и меценатовъ“, очень добродушно отвѣчаетъ Геллертъ,
не зная, что именно меценатство съ одной стороны, подобострастіе съ дру-
гой губить литературу. Отчего вы блѣдны? спрашиваетъ король. — Оттого,
что все сижу въ своемъ кабинетѣ за книгою, отвѣчаетъ Геллертъ, какъ
истинный Вагнеръ, не имѣя даже предчувствія о томъ, что поэту быть въ
кругу людей полезнѣе, нежели читать Буало, Готтшеда и Бодмера. И какъ
робѣетъ этотъ бѣднякъ! Онъ запинается, онъ теряется; ему нужно дать
время образумиться, чтобы онъ могъ припомнить какую нибудь изъ своихъ
басенъ. И какую же басню выбираетъ онъ для чтенія передъ Фридрихомъ —
полководцемъ, законодателемъ. человекомъ жизни и дѣятельности? басню,

закрывающую наставленіе для жалкихъ Вагнеровъ, подобныхъ самому баснописцу! Видно, что никакъ не можетъ онъ выйти изъ узкаго круга пустыхъ вопросовъ о гладкости слога и литературныхъ красотахъ, о критикѣ и антикритикѣ, видно, что жизнь и міръ для него ограничиваются сочиненіемъ стишковъ и полученіемъ заслуженныхъ похвалъ отъ Готтшеда или Бодмера, да милостиваго покровительства отъ Брюля за благонамѣренность стремленій и красоту слога!

Въ такомъ жалкомъ состояніи находилась нѣмецкая литература около половины XVIII вѣка. Она совершенно оправдывала собою извѣстную аксіому, что литература есть выраженіе общества. Германія находилась въ нравственной зависимости отъ чужеземцевъ, литература ея была рабскимъ подражаніемъ англійской и французской литературамъ; нравственное единство народа, вслѣдствіе продолжительнаго политическаго раздробленія, было утрачено—нѣмецкая литература также утратила свое единство: Лейпцигъ былъ центромъ саксонской школы, Цюрихъ—швейцарской, въ Берлинѣ была своя школа, въ Гамбургѣ своя, въ Кенигсбергѣ своя; направленіе, которому будетъ слѣдовать писатель, опредѣлялось не столько влеченіемъ его таланта, сколько принадлежностью его къ той или другой области: саксонецъ дѣлался послѣдователемъ Готтшеда, южный германецъ ученикомъ Бодмера, сѣверный германецъ подражателемъ Галлера. Въ жизни нѣмецкаго народа господствовали апатія, пустота, — та же самая пустота господствовала и въ литературѣ; подобострастный формализмъ сковывалъ жизнь общества. — онъ же сковывалъ и литературные таланты; общество было робко, безпрекословно отдавалось въ добычу каждому, кто хотѣлъ грабить его, — также и литература подчинялась каждому шарлатану съ громкимъ голосомъ, который хотѣлъ господствовать въ пошлостяхъ.

Неудивительно послѣ этого, что высшіе классы общества пренебрегали родною литературою и читали исключительно французскія книги: въ нѣмецкихъ нашли бы они только повтореніе того, что гораздо лучше было сказано французскими писателями временъ Людовика XIV.

Виновницею жалкаго состоянія литературы всегда бываетъ публика: если публика многочисленна и проникнута живыми стремленіями, нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы остановить развитіе литературы. нѣтъ затрудненій, которыя не были бы побѣждены требованіями общества. Степень умственнаго развитія въ массѣ нѣмецкой публики совершенно соотвѣтствовала общему состоянію литературы. Педантизмъ, робость, подобострастіе и безразсудки всякаго рода владычествовали въ обществѣ. Мы говорили, что оно раздѣлялось на касты, чуждавшіяся одна другой: главною двигательницею жизни въ каждой кастѣ было мелочное тщеславіе, преклоненіе передъ высшими, презрѣніе къ низшимъ. Религіозное одушевленіе исчезло послѣ Тридцатилѣтней войны, но осталась вражда различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: католики, лютеране, кальвинисты ненавидѣли другъ друга; религіозныя и нравственныя пошлосты были суровы и грубы; вообще, умственная жизнь была стѣснена предразсудками и предубѣжденіями.

Наука, которая должна была бы противодействовать этимъ неблагопріятнымъ для народнаго развитія отношеніямъ и вести націю впередъ, пре-

распространившейся привычкѣ къ педантству и формализму, получила такой видъ, что сама служила однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій прогрессу умственной и общественной жизни. Университеты и школы, вообще говоря, не просвѣщали, а только еще болѣе затуманивали умы. Всѣ науки преподавались съ каедръ и разрабатывались въ кабинетахъ, въ самой сухой и мертвой формѣ. Ученый обыкновенно былъ педантомъ и формалистомъ, слѣпо вѣрившимъ тому, чему научился отъ своего бывшаго наставника; онъ безъ всякой критики компилировалъ факты, не отыскивая въ нихъ смысла, заботясь только о систематичности и внѣшней ученой формѣ. Мертвый догматизмъ владычествовалъ во всѣхъ отрасляхъ науки, отъ философіи до изученія древнихъ языковъ, отъ законовѣдѣнія до теорій словесности. Параграфы, аксіомы, теоремы, леммы, королларіи, подраздѣленія заставляли забывать о живомъ содержаніи въ нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, которыя излагались съ такою же сухостью, какъ алгебра или геометрія. Въ исторіи больше всего занимались хронологическими и генеалогическими таблицами и мелочными подробностями, но обращая вниманіе на смыслъ фактовъ и связь событій; въ законовѣдѣніи господствовалъ взглядъ совершенно отвлеченный и односторонній, такъ что принѣпленіе его къ жизни было страшнымъ бѣдствіемъ для всего народонаселенія: юристы были истинными мучителями для Германіи; въ богословіи сохранялись пошлѣи, свойственныя среднимъ вѣкамъ, и самый протестантизмъ сталъ неподвиженъ и безжизненъ если не больше, то не меньше католицизма. Книги вообще писались такъ сухо и тяжело, что только записные ученые рѣшались читать ихъ. Еще въ 1765 году Зульцеръ говорилъ:

„Книги остаются исключительно въ рукахъ однихъ профессоровъ, студентовъ и журналистовъ, и мнѣ кажется, что писать для настоящаго поколѣнія—дѣло, едва ли стоящее труда. Если въ Германіи существуетъ читающая публика внѣ круга людей, по ремеслу своему обязанныхъ обращаться съ книгами, то я долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ—я не знаю о существованіи такой публики. Я вижу за книгами только студентовъ, кандидатовъ, тамъ и сямъ одинокаго профессора, изрѣдка проповѣдника. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную—дѣйствительно, совершенно незамѣтную—частицу, не имѣетъ и понятія, что такое литература, философія, что такое разумно нравственныя убѣжденія и вкусъ“.

Картина, составляющаяся изъ фактовъ, нами исчисленныхъ, очень мрачна: но никто изъ знакомыхъ съ политическимъ и умственнымъ состояніемъ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка не скажетъ, чтобы можно было представлять себѣ это состояніе въ иномъ свѣтѣ. „Гнуснѣйшее варварство“ (die hässlichste Barbarei)—вотъ выраженіе, которымъ характеризуетъ положеніе своего отечества около 1750 года Гервинусъ; а Гервинусъ принадлежитъ къ числу людей очень умѣренныхъ, даже слишкомъ умѣренныхъ въ своемъ образѣ мыслей: онъ патріотъ, иногда даже слишкомъ пристрастный къ родной старинѣ.

Но пришло время, когда ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не могъ оставаться въ законѣности своихъ недостатковъ и предубѣжденій, когда

каждая нація почувствовала потребность новой, лучшей жизни,—и Германія пробудилась изъ своей нелѣпой и тяжелой летаргiи.

Свѣжинѣ воздухомъ вѣяло на нее изъ Франціи, изъ Англіи. — лучи новаго свѣта стремились на нее изъ этихъ странъ, опередившихъ ее въ XVII вѣкѣ. Крѣпокъ былъ сонъ, долго медлила Германія пробудиться отъ него; густъ былъ мракъ, тяготѣвшій надъ нею, но свѣтъ таки восторжествовалъ надъ мракомъ, и открылись наконецъ глаза, отягощенные мертвою дремотою.

Мы видѣли, что подражаніе французамъ въ «визни, подражаніе французамъ и англичанамъ въ литературѣ не имѣло для Германіи никакихъ слѣдствій, кромѣ дурныхъ,—это потому, что подражаніе всегда бываетъ внѣшнимъ формализмомъ, убивающимъ духъ, а подражателями бываютъ только люди ограниченные, лишенные мысли, лишенные собственного содержанія. Но кромѣ внѣшняго формалистическаго вліянія одного народа на другой есть другое вліяніе, живое и плодотворное, состоящее въ томъ, что успѣхи народа, стоящаго на высшей степени развитія, служатъ предметомъ размышленія для живыхъ людей другого народа, отстаиваго на пути развитія. Эти люди, занятые мыслью о средствахъ помочь своему народу, находятъ въ жизни другихъ націй примѣры, которыми облегчаются ихъ собственныя соображенія, находятъ факты, которыми пользуются они, какъ доказательствами для убѣжденія массы въ необходимости и возможности улучшеній, требуемыхъ положеніемъ націи. Всѣ народы, двигаясь впередъ при помощи успѣховъ, совершенныхъ болѣе счастливыми ихъ собратами, всегда сначала подчинялись формалистическому вліянію, потому что форма понятнѣе содержанія для неразвитаго человѣка; но потомъ, когда умственные снотенія становились тѣснѣе, благодаря формалистическому сближенію, начиналась возможность вдумываться и въ содержаніе цивилизованной жизни, формы которой были уже извѣстны. Тогда иноземное вліяніе переставало быть противоположно народной жизни,—напротивъ, при помощи уроковъ и истинъ, выработанныхъ жизнью собратій, народная жизнь быстро развивалась,—развивалась сообразно собственнымъ потребностямъ и условіямъ, то есть вполнѣ самостоятельно, такъ что исчезалъ всякій слѣдъ умственной зависимости отъ другихъ народовъ именно въ то время, когда сближенію съ ними начинало приносить обильнѣйшіе плоды.

Такъ было и съ нѣмецкимъ народомъ. Англія и Франція во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше Германіи въ концѣ XVII вѣка. Вліяніе ихъ на Германію было неизбѣжно. Оно отразилось во всѣхъ сферахъ жизни, сначала чисто формалистическимъ образомъ,—и на первый разъ слѣдствія сближенія казались неблагоприятными для Германіи: мы видѣли, какъ сначала были развращены французскимъ вліяніемъ высшіе классы, какъ обезумѣла была литература подражаніемъ французской и англійской. Но это было только неизбѣжное временное зло, предшествующее прочному благу и несущее въ себѣ сѣмена его. Да и само по себѣ это зло было зломъ только по сравненію съ идеаломъ народной жизни въ будущемъ, а вовсе не по сравненію съ предшествующимъ ея состояніемъ. Какова бы ни была подражательная нѣмецкая литература, все жъ это была литература, принадлежа-

щая перішду цивилизації, какой прежде не имѣла Германія. Каковы бы ни были пороки и злоупотребленія, введенныя въ государственную жизнь подражаніемъ французскому двору, бѣдствія, отъ нихъ происходившія, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое происходило отъ учрежденій и обычаевъ, развитыхъ самою германскою жизнью: корнемъ зла былъ произволъ съ одной стороны, подобострастіе и апатія съ другой; а эти отношенія не были занесены изъ Франціи: они выросли на нѣмецкой почвѣ.

Рано появились въ Германіи мыслящіе люди, которые, не останавливаясь на временномъ злѣ, какое можетъ приносить сближеніе малообразованнаго народа съ болѣе образованнымъ, всѣми силами старались о сближеніи нѣмцевъ съ французами. — не для одного заимствованія внѣшнихъ формъ, но для развитія нѣмецкой образованности. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ истинно великій дѣятель нѣмецкаго просвѣщенія, Христіанъ Томазіусъ (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка), — Томазіусъ, о которомъ Шлецеръ говорилъ, что онъ принесъ человѣчеству болѣе пользы, нежели всѣ греческіе философы и поэты. Здѣсь не мѣсто подробно говорить о всей неутомимой дѣятельности этого благодѣтеля своей родины, не мѣсто излагать истерію его борьбы противъ юридическихъ предрасудковъ и беззаконій (Христіанъ Томазіусъ былъ профессоромъ законовѣдѣнія сначала въ Лейпцигскомъ университетѣ, потомъ, когда защитники грубаго невѣжества и педантизма заставили его удалиться изъ Лейпцига, онъ получилъ каеедру въ Галле, гдѣ уже пользовался сильнымъ вліяніемъ), не мѣсто здѣсь говорить о борьбѣ его противъ варварскаго законодательства, противъ пытокъ и жестокихъ наказаній, не мѣсто рассказывать, какъ онъ успѣлъ доказать, что нелѣпо вѣрить въ вѣдьмъ и жечь бѣдныхъ старухъ: мы здѣсь должны обратить вниманіе только на одну сторону его дѣятельности, касающуюся общаго образованія нѣмецкаго народа.

Въ то время, какъ Томазіусъ получилъ каеедру въ Лейпцигѣ, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; нѣмецкій языкъ былъ нрзизираемъ учеными. Томазіусъ жестоко нападалъ на жалкую школьную латынь и сопѣтовалъ нѣмцамъ то время, которое пропадаетъ у нихъ въ сочиненіи латинскихъ гексаметровъ, употребить на изученіе французскаго языка и литературы и по примѣру французовъ полюбить свой родной языкъ. Онъ доказывалъ, что отъ привычки писать всѣ учебныя и ученые книги, не только по спеціальнымъ наукамъ или богословію, но даже по физикѣ, естественной исторіи, географіи, и отъ обыкновенія, по которому во всѣхъ школахъ всѣ предметы преподавались на латинскомъ языкѣ, масса публики лишается всякихъ средствъ къ образованію. Да и самыя науки, уединясь отъ жизни, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ записныхъ ученыхъ, приняли совершенно педантическую форму, забыли о всякомъ соотношеніи съ жизнью и требованіями здраваго разсудка. Въ 1688 году смѣлый противникъ нѣмецкой латыни изумилъ всѣхъ, объявивъ, что будетъ на нѣмецкомъ языкѣ читать лекціи о томъ, какъ по примѣру французовъ можно сблизить науку съ жизнью. Это привело въ ужасъ всю тѣмочисленную толпу иочтенныхъ педантовъ: тысячи голосовъ поднялись противъ дерзкаго латынеотступника; но Томазіусъ одержалъ побѣду, хотя не скоро: лѣтъ черезъ двадцать или двад-

цать-пять въ Лойпцигскомъ университетѣ уже многіе профессора читали лекціи по нѣмецки. Крики противниковъ не утѣшили Томазіуса; онъ только увидѣлъ необходимость сдѣлать судьбою въ вопросѣ о доступности науки для публики всю публику, а не однихъ педантовъ, которые единодушно возстали на него: въ томъ же году (1688) Томазіусъ началъ издавать учено-критическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—дѣло неслыханное до того времени. Изъ самаго заглавія, хитросплетеннаго на латинскій ладъ, мы можемъ судить о достоинствѣ нѣмецкаго слога въ этомъ журналѣ: онъ назывался сначала „Забавныя и серьезныя, разумныя и простодушныя мысли о всякаго рода полезныхъ книгахъ и вопросахъ“, а потомъ: „Вольныя, веселыя и серьезныя, но разсудительныя и законосообразныя мысли, или ежемѣсячныя разговоры обо всемъ, преимущественно же о новыхъ книгахъ“ *). Но дѣло не въ томъ, каковы показались бы наивныя статьи этого журнала нынѣшнему читателю: дѣло въ томъ, что это былъ первый журналъ, издававшийся на родномъ языкѣ, доступный каждому нѣмцу, а не однимъ школьнымъ латинистамъ. Надобно прибавить, что по характеру своему онъ разнился отъ безчисленныхъ тогдашнихъ латинскихъ журналовъ, какъ небо отъ земли: въ латинскихъ журналахъ господствовалъ мракъ педантизма, проносивались всѣ дубовыя предразсудки, укоренившіяся въ одичавшихъ за пустыми прешіями головахъ,—въ журналѣ Томазіуса слышался голосъ здравогомыслящаго человѣка, думающаго не о томъ, чтобы затуманить читателямъ глаза мелочнымъ гелертерствомъ, а о томъ, чтобы прояснить ихъ понятія, сдѣлать ихъ также людьми здравогомыслящими.

Философія и тогда, какъ въ средніе вѣка, продолжала въ Германіи быть основною наукою всѣхъ наукъ. Томазіусъ хотѣлъ излагать ее на нѣмецкомъ языкѣ; но это намѣреніе показалось ученому люду столь дерзкимъ и опаснымъ, что нѣмецкое руководство Томазіуса къ философіи не было разрѣшено къ печатанію, какъ оскорбительное для достоинства науки. Только черезъ много лѣтъ, въ Галле, гдѣ Томазіусъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, удалось ему издать эту книгу.

Каковы были въ то время люди, которыхъ Томазіусъ хотѣлъ изъ латинскихъ схоластиковъ сдѣлать нѣмецкими писателями, показываетъ ужъ то одно обстоятельство, что этотъ знаменитый юристъ долженъ былъ читать лекціи о нѣмецкомъ слогѣ, заставляя своихъ слушателей подавать ему маленькія упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, поправлять слогъ этихъ упражненій, даже заставляя молодыхъ людей читать передъ собою въ слухъ шпѣи нѣмецки, — словомъ, дѣлать то самое, что дѣлаютъ нынѣ учителя грамматики въ приходскихъ училищахъ.

Онъ постоянно указывалъ своимъ слушателямъ и читателямъ на французовъ, объясняя, до какой степени этотъ народъ выше французовъ по своему умственному развитію и гуманности своихъ обычаевъ. Самая мысль о необходимости писать для нѣмцевъ по нѣмецки, а не по латыни, была

*1) Scherz-und ernsthafte, vernünftige und einfältige Gedanken über allerhand nützliche Bücher und Fragen. Поданіе: Freimüthige, lustige und ernsthafte, jedoch Vermunft-und Gesetzmässige Gedanken oder Monatsgespräche über allerhand, vornehmlich aber neue Bücher.

утверждена въ Томазіусъ приѣздомъ французовъ. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы его слушатели учились французскому языку, читали французскія книги: вы тогда научитесь презирать мертвое подаптство — говорилъ онъ—правы ваши смягчатся, оближеніе съ французской образованностью разовьетъ вашъ умъ.

Нѣмцы не были еще въ то время приготовлены вполне воспользоваться этою частью его наставленій: французское вліяніе на массу долго еще ограничивалось чисто формальнымъ подражаніемъ. Но и тогда уже являлись отдѣльныя личности, развитію которыхъ французская литература приносила существенную пользу; число такихъ личностей съ теченіемъ времени увеличивалось, они оказывали полезное вліяніе на окружающую ихъ среду. Наконецъ на прусскомъ престолѣ явился ученикъ новой французской литературы и справедливо былъ названъ великимъ, не за одну свою геніальность, но и за тѣ блага, которыми наслаждались подъ его правленіемъ его подданные, за свою заботливость о народномъ благѣ, за свои возвышенныя понятія объ обязанностяхъ правителя.

Но другая цѣль, къ которой стремится Томазіусъ, была имъ достигнута вполне: онъ успѣлъ убѣдить своихъ современниковъ въ необходимости замѣнить педантскую латынь понятнымъ для народа роднымъ языкомъ. По примѣру его „Ежедневныхъ Разговоровъ“ возникло множество нѣмецкихъ журналовъ; скоро историки, юристы, потомъ и философы, стали предпочитать нѣмецкій языкъ латинскому въ своихъ сочиненіяхъ; число профессоровъ, читавшихъ лекціи по нѣмецки, быстро увеличивалось; въ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ распространилось еще быстрѣе.

Сближеніе съ образованнѣйшими странами, Франціею, Англіею, Голландіею не было еще такъ тѣсно, чтобы оказывать прямое благотворное вліяніе на всю массу общества. Но являлись уже между специальными учеными люди, стоявшіе въ уровень съ требованіями вѣка. Правда, число ихъ было очень незначительно, они оставались еще рѣдкими исключеніями изъ общаго правила,—но все-таки явленіе ихъ доказывало возможность нѣмцу быть человѣкомъ, стоящимъ наравнѣ съ образованными людьми народовъ, опередившихъ въ развитіи его націю. Являлись даже великіе ученые, двигавшіе науку впередъ, между тѣмъ, какъ прежде педанты тратили свое время на безплодныя схоластическія пренія. Первымъ изъ этихъ людей былъ Лейбницъ. Современникомъ Лессинга былъ Винкельманъ, нѣсколько старше его былъ Гейне, обновившій изученіе древнихъ языковъ, сдѣлавшій классическую филологію наукою о древнемъ мірѣ, изъ науки, руководившей единственно къ педантической болтовнѣ на искаженномъ латинскомъ языкѣ. Шпальдингъ, Землеръ, Михаэлисъ, трудами которыхъ началась новая эпоха въ протестантской теологіи, были современники Лессинга. Реймарусъ былъ нѣсколько старше его. Шлецеръ, знаменитый въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія не менѣе, нежели въ русской исторіографіи, былъ нѣсколько моложе Лессинга. Его имя у насъ достаточно знакомо, и мы скажемъ только, что журналъ, который этотъ благородный и безстрашный человѣкъ сталъ, по возвращеніи изъ Россіи, издавать въ Германіи, былъ грозою всѣхъ боззаконниковъ, терзавшихъ Германію. Но мы должны остановиться на другомъ писателѣ, со-

временнонъ Лессингу, Мозеръ, имя котораго у насъ мало извѣстно, хотя въ старину было у насъ переведено его знаменитое сочиненіе „Владыка и Служитель“. Подобно Шлецеру, онъ имѣлъ сильное вліяніе на пробужденіе нѣмецкой публики изъ ея вѣковой апатіи, и его имя не должно быть опускаемо, когда говорится о возрожденіи Германіи.

По своему слогу и вообще по всему характеру наложенія, Мозеръ принадлежитъ къ писателямъ прежней эпохи: онъ оставался чуждъ близкихъ литературныхъ сношеній съ Лессингомъ и его сподвижниками, и, говоря о дѣятельности Лессинга, мы не будемъ имѣть случая упоминать о немъ. Потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ здѣсь. Мозеръ писалъ устарѣлымъ и дурнымъ слогомъ, потому указываемъ на старинный русскій переводъ знаменитѣйшей изъ его книгъ „Владыка и служитель“, чтобы познакомить съ характеромъ его сочиненій читателей, не имѣвшихъ случая познакомиться съ ними въ подлинникѣ. Переводъ этотъ, изданный въ 1766 г., посвященъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Русскій слогъ почтеннаго переводчика до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ нѣмецкому слогу автора. Содержаніе сочиненія писатели новой школы уже и въ то время находили не совершенно удовлетворительнымъ: средства, которыми Мозеръ хотѣтъ помочь описываемымъ злоупотребленіямъ — совѣты и нравственные сентенціи — считали они недостаточными, или, лучше сказать, совершенно безцѣльными; нѣмецкіе историки литературы находятъ, что и критическая часть книги написана очень робко, намеки на порядокъ дѣлъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ владѣніи слишкомъ общи и темны. Но въ свое время она, подобно другимъ сочиненіямъ Мозера, принесла пользу развитію той части публики, для которой слишкомъ высоки были сочиненія, написанныя лучшимъ языкомъ. Мозеръ не удовлетворялъ людей образованныхъ, но для людей, не болѣе какъ только знавшихъ грамотъ, онъ былъ хорошимъ писателемъ.

Въ собственно такъ называемой литературѣ около половины XVIII вѣка также начали являться писатели — поэты и критики — новаго направленія, съ дѣльными понятіями о литературѣ, съ живымъ содержаніемъ, — сюда относятся особенно Вейсе, Рамлеръ, Николаи, Клейстъ. Всѣ они были или сподвижниками, или учениками Лессинга, и мы часто будемъ встрѣчать ихъ имена въ его біографіи, и тогда ближе познакомимся съ ихъ направленіемъ и силами.

Всѣ эти явленія показываютъ, что преобразование и оживленіе нѣмецкой литературы было неизбѣжно. Сближеніе нѣмцевъ съ образованнѣйшими націями было уже такъ тѣсно, что слѣдствія знакомства не могли ограничиваться однимъ пустымъ формальнымъ подражаніемъ: умственная жизнь должна была подвергнуться рѣшительнымъ перемѣнамъ; но — какъ и когда произойдетъ эта реформа, въ какихъ границахъ и съ какою силою совершится она? Это было рѣшено появленіемъ Лессинга.

Ходъ великихъ мировыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержитъ ея. И говоря уже о плотинахъ, произвольно устроиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересыплетъ Рейна или Волги, и всемогущая рѣка однимъ напоромъ выростпѣтъ на берегъ всѣхъ свай и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца

хотѣла преградить ея теченіе; единственнымъ результатомъ безразсудной попытки будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоялся бы рѣкою и зеленѣлъ роскошнымъ лугомъ, будетъ на время истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны, — а рѣка пойдетъ-таки своимъ путемъ, зальетъ все пропасти, пророетъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей воли, ни отъ какой личности. Они совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣшн или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершится оно — это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ — появленіе сильныхъ личностей, которыя характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замедляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающею сплю правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ къ движенію массы.

Не отъ появленія Лессинга, какъ мы видѣли, зависѣло то, оживится ли, или будетъ погрязать въ прежней мертвой апатіи нѣмецкій народъ. Великое событіе приближалось неотвратимо и неизбѣжно. Но безъ него медленно, беспорядочно совершилось бы то, что при его помощи совершилось быстро, рѣшительно и гармонически. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы ослѣпить и оглушить нѣмцевъ такъ, чтобы они не видѣли того, что дѣлается, не слышали того, что говорится въ Англіи, Франціи, Голландіи. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы удержать ихъ отъ сближенія съ болѣе образованными и болѣе счастливыми націями; не было силы въ мірѣ, которая могла бы уничтожить необходимость рѣшительнаго измѣненія въ жизни нѣмецкаго народа, когда онъ довольно познакомился съ новымъ и лучшимъ порядкомъ жизни у другихъ націй. Роковое событіе не зависѣло отъ присутствія или отсутствія личности Лессинга.

Но какимъ путемъ, какою силою совершится оно? Силою ли военныхъ событій, законодательныхъ и административныхъ мѣръ, силою ли чистой науки или вліяніемъ литературы? Фридрихъ Великій, мудрый правитель, гениальный полководецъ, сидѣлъ на престолѣ одного изъ сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ; черезъ нѣсколько времени, главою имперіи явился одинъ изъ благороднѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ исторіи, человекъ, единственною мыслью котораго было благо подвластныхъ ему народовъ, государь, какого не видѣла земля, быть можетъ, со временъ Марка Авреліи. Казалось, возрожденіе націи должно совершиться черезъ этихъ государей, путемъ завоеванія и административныхъ реформъ при Фридрихѣ, путемъ законодательныхъ реформъ при Іосифѣ II — и, однако же, оно не совершилось этими путями, — почему не совершилось ими, не мѣсто здѣсь говорить о томъ, — быть можетъ, потому, что въ новой исторіи вообще оказываются беспильными тѣ личности, которыя, слишкомъ полагаясь на свою силу, не ищутъ помощи своему началу въ самостоятельной дѣятельности всей массы народа. Оставалось для возрожденія два пути: путь науки и путь литературы. Наука начала совершать свое дѣло, но она дѣйствуетъ медленно; нѣсколько поколѣній должны были бы смѣниться, пока чистое знаніе проникло бы въ жизнь.

Ускорится ли совершение этого дѣла вмѣшательствомъ литературы, этой быстрой посредницы между знаніемъ и жизнью? Тутъ уже все зависѣло отъ того, явятся ли въ литературѣ гешіальные дѣятели, которые вѣрною и сильною рукою поведутъ и направятъ литературу къ исполненію великаго дѣла, совершение котораго предоставлялось ей безсиліемъ военныхъ, законодательныхъ и административныхъ попытокъ возрожденія.

Явился въ Германіи поэтъ съ великимъ талантомъ — Клопштокъ. Всему благородному, невидимому, сочувствовалъ онъ, всего великаго и прекраснаго хотѣлъ онъ; но — вина ли то воспитація, вина ли суетныхъ заботъ о собственномъ безсмертіи, вина ли его болѣзненной организаціи, вина ли его разсудка, не довольно проницательнаго и свѣтлаго—онъ, снискавъ чистую и громкую славу своему имени, не могъ ничего сдѣлать для своего народа. Передъ нимъ всѣ преклонились; но только немногіе читали его, и изъ читавшихъ никто ничему не научился отъ него, или, вѣрнѣе сказать, кто читалъ его, тотъ или осуждалъ его направлешіе, или увлекался на ложный путь, впадалъ въ бесплодную сантиментальность, въ туманныя грезы, и дѣлался человѣкомъ, чуждымъ живни, вреднымъ въ жизни. Мы встрѣтимся въ біографіи Лессинга съ Клопштокомъ и его послѣдователями, или союзниками, и тамъ найдемъ доказательства этому печальному сужденію. Итакъ, отъ Клопштока нѣмецкій народъ не могъ ожидать ничего, кромѣ суетнаго удовольствія считать у себя одною знаменитостію больше.

Оставались люди, бывшіе впоследствии очень полезными, какъ сотрудники Лессинга; но мы увидимъ, что это были люди второстепенныхъ дарованій, съ хорошими стремленіями, но безъ яснаго сознанія, какъ и что нужно дѣлать, — люди съ хорошими убѣжденіями, но безъ вѣрнаго такта, безъ твердаго и послѣдовательнаго образа мыслей,—люди, которыхъ дѣятельность, во всякомъ случаѣ, была бы не бесполезна, но которые не имѣли силы совершить ничего великаго, и содѣйствовать совершенію чего нибудь важнаго могли только подъ руководствомъ гешіальнаго человѣка, который указывалъ бы имъ дорогу, соединялъ бы и направлялъ ихъ усилія.

Кромѣ Лессинга не было въ нѣмецкой литературѣ человѣка, который могъ бы дать ей рѣшительное и плодотворное вліяніе на судьбу нѣмецкаго народа. Будетъ или не будетъ нѣмецкая литература сильнѣйшею двигательницею народной жизни, ускорится ли ея вмѣшательствомъ развитіе народа, или предоставлено будетъ только медленному дѣйствію чистой науки—разрѣшеніе этого вопроса совершенно зависѣло отъ того, будетъ ли между нѣмецкими литераторами Лессингъ, т. е. будетъ ли гешіальный человѣкъ, который вѣрно пойметъ положеніе и потребности своего народа, постигнетъ всю важность, которую должна имѣть литература для его жизни, твердо и рѣшительно укажетъ литературѣ, что и какъ должна она дѣлать. который, руководя дѣятельностью другихъ, самъ гешіальными произведеніями доставитъ литературѣ преобладающую важность между предметами, возбуждающими интересъ въ своемъ народѣ, сдѣлаетъ литературу средоточіемъ національной жизни.

Въ совершеніи этого дѣла величіе Лессинга.

Онъ доставилъ нѣмецкой литературѣ силу быть средоточіемъ народ-

ной жизни и указалъ ей прямой путь, онъ ускорилъ тѣмъ развитію своего народа.

Это опредѣленіе границъ историческаго значенія Лессинга необходимо для того, чтобы предохранить себя отъ безграничнаго превознесенія его: въ самомъ дѣлѣ, личность этого человѣка такъ благородна, величественна и вмѣстѣ такъ симпатична и прекрасна, дѣятельность его такъ чиста и сильна, вліяніе его такъ громадно, что чѣмъ болѣе всматриваешься въ черты этого человѣка, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе проникаешься безусловнымъ уваженіемъ и любовью къ нему. Геніальный умъ, благороднѣйшій характеръ, твердость воли, пылкость и нѣжность души, сердце, открытое сочувствію ко всему, что прекрасно въ мірѣ, сильныя, но чистыя страсти, жизнь безъ тѣни порока или упрёка, полная борьбы и дѣятельности,—все, чѣмъ можетъ быть прекрасенъ и великъ человѣкъ, соединялось въ немъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Семейство Лессинга. — Происхождение его рода. — Дѣтство Лессинга. — Мейссенская школа. — Поздравительная рѣчь отцу. — Лейпцигскій Университетъ. — Неаккуратность Лессинга въ посвященіи лекцій. — Дружба съ Миллусомъ. — Первая литературная произведенія. — Страсть къ театру. — Лессингъ инитъ для сцены. — Неудовольствіе родныхъ. — Возвращеніе въ Каменецъ. — Переселеніе въ Берлинъ *).

1729—1752.

Въ Верхне-Лужицкомъ округѣ Саксонскаго курфиршества, въ небольшомъ городкѣ Каменцѣ, должность первенствующаго пастора (*pastor primarius*) занималъ во второй четверти прошедшаго столѣтія Іоганнъ-Готтфридъ Лессингъ, человекъ, пользовавшійся пріязнью многихъ знаменитыхъ богослововъ того времени за свои теологическіе труды, общимъ уваженіемъ за непоколебимую честность своихъ правилъ, любовью камснецкихъ бѣдняковъ за свою благотворительность. Мѣсто первенствующаго пастора получилъ онъ, какъ бы по наслѣдству, послѣ тестя своего Феллера, съ дочерью котораго, Юстиною Саломнею, жилъ онъ долго, тихо и счастливо. Богъ благословилъ этотъ бракъ: у Готтфрида и Юстины Лессингъ было двѣ дочери и десятеро сыновей. Изъ сыновей, старшій, Готтгольдъ-Эфраимъ, родившійся 22 января 1729 года, прославилъ имя Лессинговъ, много и честно послуживъ своими великими талантами на благо своего народа.

Фамилія „Лессингъ“ имѣетъ нѣмецкое окончаніе, но не объясняется нѣмецкимъ языкомъ; напротивъ, каждому славянину легко увидѣть корень ея въ общеславянскомъ словѣ „лѣсъ“. Городъ Каменецъ, родина Лессинга, хотя имѣлъ уже тогда нѣмецкую фізіономію, носитъ чисто славянское имя и лежитъ нынѣ на границѣ земли, населяемой остатками многочисленнаго въ древности племени лужицкихъ славянъ. Число ихъ и объемъ земли лужицкаго нарѣчія постепенно уменьшались до послѣдняго времени, и сто лѣтъ тому назадъ Каменецъ, вѣроятно, со всѣхъ сторонъ былъ еще окруженъ населемъ, говорившимъ по-славянски: всѣ эти данныя возбудили въ западныхъ славянскихъ ученыхъ рѣшимость назвать Лессинга нашимъ соплеменникомъ. Не мѣшаетъ вѣроятности этого притязанія ни нѣмецкое

*) Біографія Готтгольда-Эфраима Лессинга написана его братомъ Карломъ Лессингомъ. Вездѣ, гдѣ то возможно, мы слѣдуемъ этому безыскусственному разсказу и очень часто переводимъ его буквально. — Новѣйшая и очень полная біографія Лессинга начата Данцелемъ и, по смерти его, докончена Гурауэромъ (G. B. Lessing, von Th. W. Danzel. I Band. 1850. — II. ter Bd. von G. E. Guhrauer 1854). Относительно взгляда на характеръ и произведенія Лессинга мы почти постоянно слѣдуемъ сужденіямъ Шлоссера.

окончаніе фамиліи — „Лессингъ“ легко можетъ быть сочтено только измѣненіемъ слова „лѣсникъ“, по обычаю нѣмецкаго выговора—ни тотъ фактъ, что въ лужицкомъ Каменцѣ поселился только дѣдъ Эфраима, Теофиль, а предки его жили въ другихъ сторонахъ Саксоніи;—именно первый изъ Лессинговъ, имя котораго сохранилось въ актахъ, Клеменсъ (Климентъ) Лессингъ, былъ пасторомъ въ одномъ изъ приходовъ Хемницкаго округа въ Саксонскомъ курфиршествѣ,—это не мѣшаетъ вѣроятности славянскаго происхожденія фамиліи Лессинговъ: всѣ саксонскія земли были первоначально населены славянами. Но съ того времени, какъ извѣстна эта фамилія по актамъ, съ 1580 года, когда Клеменсъ Лессингъ подписалъ, въ числѣ другихъ пасторовъ, лютеранскій символъ, Лессинги являются уже чистыми нѣмцами, и нѣмцу Готтгольду-Эфраиму славянская національность была столько же чужда, какъ француженкѣ Аврорѣ Дюдеванъ чужда нѣмецкая національность, хотя предкомъ этой писательницы и былъ Августъ, курфирстъ Саксонскій.

Изъ потомковъ Клеменса Лессинга одни были пасторами, другіе купцами въ разныхъ малыхъ городахъ или арендаторами. Родъ великаго писателя, какъ видимъ, не отличался ни знатностью, ни богатствомъ. Отецъ Готтгольда-Эфраима былъ даже человѣкомъ положительно бѣднымъ. Мѣсто первенствующаго пастора считалось довольно почетнымъ уѣздному масштабу, Юганнъ-Готтфридъ былъ первымъ лицомъ въ каменецкомъ обществѣ (если можно говорить о каменецкомъ обществѣ), но доходы съ этого почетнаго мѣста оказывались, при всей бережливости родителей, недостаточными для поддержанія ихъ многочисленнаго семейства въ благосостояніи. Однакожъ, несмотря на скудость ередствъ, каменецкій пасторъ, бывшій самъ человѣкомъ ученымъ, въ молодости даже разсчитывавшій сдѣлаться профессоромъ въ Виттенбургскомъ Университетѣ, попремѣнно хотѣлъ, чтобы и дѣти его были учеными людьми: „онъ совершенно пожертвовалъ собою для того, чтобы дать хорошее ученое образованіе сыновьямъ (говоритъ Карлъ Лессингъ), и, чтобы содержать ихъ въ училищахъ и университетахъ, отказывалъ себѣ въ удобствахъ жизни, которыми пользуется бѣднѣйшій ремесленникъ. Денегъ не доставало, и онъ ограничивалъ себя во всемъ, и хотя былъ темперамента довольно вспыльчиваго, но никогда не скупалъ этими лишеніями, развѣ-развѣ когда скажетъ: нашему брату, пастору, нынѣ трудно жить, особенно тому, у котораго много дѣтей. Онъ отдавалъ дѣтямъ. можно сказать, послѣдній свой грошъ, и отдавалъ съ готовностію, какой мало найдется примѣровъ на свѣтѣ“. Эту готовность жертвовать всѣмъ для дѣтей раздѣляла и жена его, женщина, не отличавшаяся блестящими качествами, но добрая. Когда Готтгольдъ-Эфраимъ передъ свадьбою описывалъ сестрѣ свою невѣсту, онъ не нашелъ ничего лучшаго сказать въ похвалу ея характеру, какъ то, что она будетъ, конечно, жить съ нимъ такъ, какъ мать его жила съ его отцомъ. Нравы въ семействѣ были чисто патріархальныя; одинъ день шелъ за другимъ тихо и монотонно.

Воспитаніе Готтгольда-Эфраима въ родительскомъ домѣ также было патріархальное, въ духѣ строгаго лютеранства. Какъ только ребенокъ началъ лепетать, его ужъ учили повторять молитвы вслѣдъ за старшими. На

четвертомъ году онъ уже хорошо зналъ основные догматы лютеранскаго исповѣданія, читалъ библію и лютеровъ катехизисъ. Семья каждое утро и каждый вечеръ собиралась на общую молитву, и мальчикъ рано выучилъ на память множество духовныхъ гимновъ, входящихъ въ составъ лютеранскаго молитвенника.

По семейнымъ предашямъ, въ немъ рано раскрылась страсть къ книгамъ и ученью. Говорятъ, что, когда одному знакомому живописцу вздумалось снять портретъ съ пятилѣтняго ребенка и написать его съ клѣткою въ рукѣ, малютка съ досадою сказалъ: „нарисуйте меня съ большою, большою кучею книгъ, или вовсе не рисуйте“. Живописецъ согласился, и анекдотъ о необыкновенной просьбѣ маленькаго Эфраима долго былъ рассказываемъ его отцомъ и матерью каждому новому гостю и остался навсегда однимъ изъ семейныхъ воспоминаній. Родители также часто рассказывали младшимъ своимъ дѣтямъ, что Готтгольдъ-Эфраимъ учился съ большою охотою и очень легко все понималъ, и что самою любимую его забавою было возиться съ книгами.

Отецъ самъ училъ его; но нѣкоторое время давалъ ему, кромѣ того, уроки нѣкто Миліусъ, съ братомъ котораго Лессингъ впослѣдствіи очень поддружился. Чѣмъ больше росъ мальчикъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживались въ немъ дарованія и любознательность. Это много-много утѣшало родителей, говорить его брать: на двѣнадцатомъ году они рѣшились отдать его въ Мейссенскую княжескую школу, нѣчто соответствующее тѣмъ изъ нашихъ гимназій, въ которыхъ всѣ ученики должны жить въ пансіонѣ. Въ выборѣ Мейссенской школы отецъ и мать руководились какъ хорошею славою этого заведенія въ ученomъ отношеніи, такъ и необходимостью воспитывать сына на казенномъ содержаніи, при недостаточности собственныхъ ередствъ. Но въ школу не приаимали дѣтей ранѣе тринадцатилѣтняго возраста, и потому Лессингъ былъ показанъ годомъ старше, нежели сколько было ему на самомъ дѣлѣ.

Интересно познакомиться съ устройствомъ этой школы, считавшейся образцовою, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи находилось школьное образованіе въ Германіи лѣтъ сто-двадцать тому назадъ. Это описаніе какъ бы переноситъ насъ изъ XVIII столѣтія въ XVI. Братъ Лессинга съ обычнымъ своимъ добродушіемъ смотритъ на школу съ наимыгоднѣйшей точки зрѣнія и старается убѣдить насъ, что дѣло образованія велось въ ней очень недурно.

„Княжеская школа (говоритъ онъ) не была свободна отъ недостатковъ, общихъ училищамъ того времени. Но гдѣ вы найдете училище, въ которомъ не было бы замѣтно недостатковъ? Важнѣе и лучше всего было въ ней то, что воспитанники не развлекались заботами о своемъ содержаніи; дѣти знатныхъ и простолюдиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ пользовались въ Мейссенской школѣ одинаковою пищею, одинаковыми удобствами помѣщенія, уроками однихъ и тѣхъ же воспитателей; сто двадцать юношей беззаботно жили вмѣстѣ, и скоро между учениками водворялась короткость. Въ школѣ ни слуху, ни помину не было о тѣхъ разеѣяняхъ, которыя такъ много вреда наносятъ пылкой и неопытной молодежи въ большихъ городахъ; въ нее не проникали мелочныя дразги высшаго или низшаго общества. Въ

школѣ занимались Элладою и Лаціумомъ болѣе, нежели Саксоніею; по-латыни говорили лучше, нежели по французски; молились очень много, но ханжили очень мало. Прилежный, даровитый, добрый ученикъ былъ почти всегда цѣнимъ своими товарищами,—но всегда учителями, которыхъ, впрочемъ, никто не обвинялъ за то въ пристрастіи. Воспитанники только гордились арсебя, что превзошли учителей проникательностью. На первый взглядъ казалось, что въ Мейссенской школѣ нельзя было выучиться ничему, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ; но кто ближе знакомъ съ устройствомъ ея, найдетъ упрекъ этотъ несправедливымъ. Если латинскимъ и греческимъ языками занимались слишкомъ много и при объясненіи греческихъ и римскихъ писателей обращали болѣе вниманія на слова, чѣмъ на мысли, то это была случайность, зависѣвшая не отъ правилъ школы, но отъ незнанія или предубѣжденія того или другаго учителя, который не хотѣлъ соединять съ словами смысла. Даже философскими и математическими науками занимались въ школѣ серьезно; учили французскому и итальянскому языкамъ, рисованью, музыкѣ и танцованью. Если и было закономъ, или, скорѣе, обычаемъ, уроки изъ послѣднихъ предметовъ давать только въ рекреационныя часы, то развѣ только очень немногіе изъ учителей считали эти предметы пустыми; другіе хотѣли только, чтобы древніе языки сохраняли, такъ сказать, преимущество надъ французскимъ и надъ изящными искусствами. Въ этой монастырской школѣ Лессингъ провелъ цѣлыя пять лѣтъ и, какъ часто говаривалъ, ей одной былъ обязанъ тѣмъ, если пріобрѣлъ какую-нибудь ученость и основательность“.

Посмотримъ же ближе на эту школу, которая въ то время считалась одною изъ лучшихъ.

Ученики были подчинены другъ другу строгимъ чино-начальствомъ *). Въ каждомъ номерѣ жило четыре воспитанника: одинъ изъ старшаго класса (*primarius*) былъ комнатнымъ надзирателемъ за своими товарищами; помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ другой, изъ втораго класса (*secundarius*); два остальные изъ младшихъ классовъ, третьяго и четвертаго, ни за чѣмъ уже не надзирали, а были только предметами надзора. Когда ученики переходили изъ своихъ комнатъ въ классныя залы, они подчинялись новому чинрначалію: на каждой скамьѣ былъ докуріишъ, наблюдавшій за остальными товарищами, сидѣвшими на этой скамьѣ. Двѣнадцать первыхъ учениковъ старшаго класса наблюдали за товарищами во время стола и на прогулкахъ, нося титулы столовыхъ и дворовыхъ наблюдателей. Этого не довольно: каждый изъ учителей поочередно жилъ недѣлю въ школѣ, исправляя должность гебдомадарія,—подѣльнаго надзирателя за всею ученическою іерархіею,—и въ свой чередъ доносилъ обо всемъ конференціи преподавателей, собиравшейся разъ въ недѣлю.

Строгое благочестіе блюлось порядкомъ школы. На молитву было назначено болѣе трехъ часовъ въ день,—всего втеченіе недѣли 25 часовъ. Во время обѣда одинъ изъ учениковъ читалъ отрывки изъ Ветхаго Завѣта.

Школа имѣла два отдѣленія: старшее и младшее; каждое отдѣленіе

*) Данцель.

дѣлилось на два класса, которые слушали уроки вмѣстѣ, кромѣ только „эмендаціи“ — классовъ, посвященныхъ на исправленіе латинскихъ и греческихъ сочиненій учениковъ: тутъ у каждаго класса были свои особенныя задачи и лекціи. Въ младшемъ отдѣленіи уроки распредѣлялись такимъ образомъ: законъ Божій 5 часовъ; латинскій 15 часовъ; греческій — 4; французскій языкъ, математика, исторія и географія — по часу или по два, всего 7 часовъ. Въ старшемъ отдѣленіи также 5 часовъ были заняты закономъ Божиимъ, 15 латинскимъ и 4 часа греческимъ языкомъ; съ латинскими уроками соединялись уроки (латинской) реторики и просодіи. Три часа занималъ еврейскій языкъ, по два часа математика и исторія, одинъ часъ географія. Такимъ образомъ, большая половина времени употреблялась на латинскій языкъ: всѣ остальные предметы, кромѣ закона Божія и греческаго языка, считались ничтожными сравнительно съ этимъ главнымъ. Въ преподаваніи же латинскаго языка важнѣйшимъ дѣломъ считалось не чтеніе древнихъ писателей, а упражненіе въ сочиненіяхъ на заданныя темы, исправленію которыхъ учитель и посвящалъ большую часть уроковъ. Только за успѣхи въ латинскихъ сочиненіяхъ ученикъ цѣнился школьнымъ начальствомъ, — и оно гордилось тѣмъ, что изъ школы выходило много людей, умѣвшихъ писать латинскіе стихи. Родной языкъ былъ въ совершенномъ пренебреженіи: ему, какъ видимъ, не было дано ни одного часа ни въ одномъ классѣ школы: чтеніе нѣмоцшхъ книгъ считалось предосудительнымъ для воспитанниковъ, потому что могло повредить исключительному занятію ихъ латынью.

Полный курсъ школы обнималъ шесть лѣтъ, такъ что въ каждомъ отдѣленіи ученики обыкновенно проводили по три года, и если кто изъ нихъ успѣвалъ, переходя каждый семестръ изъ одной декуріи въ другую, старшую, изъ одного класса въ другой, достигъ высшаго класса и прослушать весь курсъ ранѣе опредѣленныхъ шести лѣтъ, то все-таки оставался въ школѣ и продолжалъ слушать уроки до истеченія шестилѣтняго срока. О томъ, что эта задержка нисколько не нужна ему, никто не заботился: пусть утвердится въ хорошемъ латинскомъ слогѣ, говорили начальники школы, и родители совершенно соглашались съ такимъ полезнымъ правиломъ.

Словомъ сказать, Мейссенская княжеская школа, подобно всѣмъ другимъ нѣмецкимъ школамъ того времени, была исключительно школою средневѣковаго латинскаго педантства. Образъ жизни, порядокъ и духъ преподаванія, распредѣленіе классныхъ занятій, — все въ ней сохранилось по образу и подобию среднихъ вѣковъ.

Но въ натурѣ Лессинга было удовлетвориться и проникнуться этимъ направленіемъ: двѣнадцатилѣтній мальчикъ сначала поддавался было ему и пріобрѣлъ любовь учителей, быстро переходилъ изъ класса въ классъ, считался превосходнѣйшимъ ученикомъ, — но свѣтлый умъ рано развился въ немъ, онъ увидѣлъ пустоту латинской стилистики, тѣмъ болѣе, что скоро постигъ всѣ ея мудрости, сталъ заниматься самостоятельно, пренебрегая латинскими темами, писать которыя было ему уже легко, — и тогда начальство стало жалѣть о томъ, что юноша съ такими быстрыми способностями губить свое время и погубить себя. „Этому коню нужно задавать двойную порцію корма“, говорили начальники: „онъ ужъ научился у насъ всему.

чему может научить наша школа“, прибавляли они — и все-таки жалѣли о томъ, что онъ занимается другими предметами, кромѣ латинскаго языка, и все-таки настаивали на томъ, чтобъ онъ досидѣлъ на школьной скамѣ опредѣленный шестилѣтшй терминъ, хотя всѣ курсы были уже давно пройдены имъ.

Лессингъ поступилъ въ Мейссенскую школу 21 июня 1741 года, и черезъ сто лѣтъ, въ 1841 году, школа торжествовала юбилей дня, когда вступилъ въ нее ученикъ, прославившій мѣсто своего воспитанія, но не успѣвший, по мнѣшю тогдашнихъ своихъ наставниковъ, кончить курсъ, какъ слѣдуетъ хорошему ученику.

Сначала, однако же, какъ мы говорили, дѣло шло хорошо. Во второмъ классѣ Лессингъ былъ первымъ ученикомъ и черезъ полгода, на семнадцатомъ году, переведенъ былъ въ слѣдующій, послѣдній классъ; но тутъ — увы! онъ рѣшительно началъ губить себя во мнѣши мудрыхъ преподавателей. „Пока Лессингъ все свободное время употреблялъ исключительно на чтеніе классиковъ и на сочиненіе латинскихъ разсужденій и стиховъ (говоритъ его братъ), онъ оставался любимцемъ конректора Гѣре, который уважалъ только филологію и теологію. Но какъ скоро этотъ ученый мужъ узналъ, что Лессингъ началъ заниматься также новыми языками и математикою, онъ сталъ считать его разсѣяннымъ юношей, изъ котораго не выйдетъ проку“.

Ученикъ, переросшій головою своихъ учителей, чувствовалъ, что ему нечего дѣлать въ школѣ, и настоятельно упрашивалъ отца позволить ему выйти изъ школы, говоря, что давно уже онъ достаточно приготовленъ къ слушанію университетскихъ лекцій; но, по правилу шестигодичнаго термина, ему оставалось пробыть въ школѣ еще года полтора, и отецъ медлил согласіемъ. Но тутъ произошло столкновеніе, въ сущности вздорное, однако же, помогшее Лессингу побѣдить нерѣшительность отца, хотя и вовсе неиріятнымъ для родительскаго сердца образомъ.

Въ школѣ, какъ мы уже знаемъ, было правиломъ, чтобы каждый изъ наставниковъ поочередно дежурилъ недѣлю въ комнатахъ воспитанниковъ, или, какъ тогда называли это, былъ *hebdomadarius* омъ. По воскресеньямъ *) всѣ наставники собирались для совѣщанія объ училищныхъ дѣлахъ. Въ эту конференцію призывались лучшіе двѣнадцать учениковъ, надзиравшіе за товарищами, *inspectores*; они отдавали отчетъ за прошедшую недѣлю и выслушивали распоряженія на будущую недѣлю, — это называлось *censura*. Въ числѣ *inspectores* былъ и Лессингъ. Въ одну изъ такихъ ценсуръ, ректоръ спросилъ, почему ученики на прошедшей недѣлѣ, когда *hebdomadarius* былъ конректоръ Гѣре, поздно приходили на молитву. Всѣ *inspectores* молчали, а Лессингъ шепнулъ на ухо стоявшему подлѣ него товарищу: „Я знаю, почему“. Ректоръ, разелышавшій эти слова, приказалъ Лессингу сказать громко, что жъ онъ знаетъ, Лессингъ не хотѣлъ говорить, но его заставили, и онъ сказалъ: „Г. Конректоръ опаздываетъ, потому и ученики думаютъ, что незачѣмъ приходитъ рано“. Конректоръ не нашелся

*) Биографія, написанная братомъ Лессинга.

ничего возразить и проговорилъ только: *Admirabler Lessing*: „дивный Лессингъ!“ прозваніе, съ той поры оставшееся за ученикомъ между его товарищами. Но простить ученику этой улики Гёре не могъ: онъ былъ глубоко оскорбленъ, такъ что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ привезли въ школу одного изъ младшихъ братьевъ Лессинга, Гёре, припимая его, сказалъ: „Ну, съ Богомъ, учись прилежно, только не умничай, какъ братъ“.

Послѣ неожиданной ссоры съ начальникомъ, Лессингъ сталъ еще настоятельнѣе просить отца о томъ, чтобы перейти изъ школы въ университетъ. Отецъ, вѣроятно, видѣлъ, что сыну, въ самомъ дѣлѣ, тяжело оставаться въ Мейссенѣ; какъ бы то ни было, но вскорѣ, 8 іюня 1746 года Лессингу было, по просьбѣ отца, разрѣшено высшимъ училищнымъ начальствомъ курфиршества выйти изъ школы слишкомъ годомъ ранѣе обыкновеннаго срока, ко съ аттестатомъ объ окончаніи курса.

Какъ любопытный примѣръ того, до какой нелѣпой крайности доходилъ тогда въ Германіи бюрократическій порядокъ, по которому всѣ дѣла, даже самыя нустѣйшія и ничтожнѣйшія, производились не иначе, какъ съ разрѣшенія и усмотрѣнія высшей власти, замѣтимъ, что дѣло объ увольненія гимназиста изъ гимназіи требовало курфиршенскаго рескрипта.

„Мы, Фридрихъ Августъ, курфирстъ и проч.

„Разсмотрѣвъ просьбу *Pastoris primarii* въ Каменцѣ, Іог.-Готтфр. Лессинга (и т. д.), повелѣваемъ (и т. д.), почему и выдать ему (и т. д.)...

„Быть по сему.

„Дано въ Дрезденѣ, 8 іюня 1746 года“.

Наивный Гёре былъ недоволенъ пренебреженіемъ Лессинга къ латинскому языку; а, между тѣмъ, Лессингъ, который впослѣдствіи, конечно, во все не занимался упражненіями въ латинскомъ слогѣ, всегда писалъ по латыни съ чрезвычайною легкостью и изяществомъ, рѣдкимъ даже въ тѣ времена великихъ мужей латинской схоластики. Не говоримъ уже о томъ, что темныя мѣста латинскихъ классиковъ, до него необъясненныя еще никѣмъ, разъяснялъ онъ съ проникательностью знатока, котораго мнѣнія были авторитетомъ для самого Гейне, величайшаго изъ латинистовъ XVIII вѣка. Но въ послѣднее время своей мейссенской жизни Лессингъ, какъ мы говорили, занимался не столько латинскимъ языкомъ, сколько другими предметами, и, какъ по всему замѣтно, уже въ то время пріобрѣлъ страшную начитанность. О времени, проведенномъ въ школѣ, онъ вспоминалъ всегда съ удовольствіемъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ выходомъ изъ школы начались уже для него суровыя испытанія нужды и непріятностей всякаго рода,—испытанія, не покидавшія его до самой смерти.

Но онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ объ этомъ времени только потому, что оно прошло тихо и беззаботно, а не потому, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, обязанъ былъ какою-нибудь пользою собственно школьному преподаванію. Онъ чувствовалъ, какъ почти всѣ слишкомъ даровитые люди, что въ школѣ учили его пустякамъ и понапрасну губили его время; какъ у многихъ проникательныхъ людей, у него даже осталось навсегда недовѣріе къ тѣмъ людямъ, успѣхами и прилежаніемъ которыхъ гордятся учителя: ему ка-

залось, что эти юноши обыкновенно идут по прямому пути къ тому, чтобы сдѣлаться тупыми подаптами или надутыми верхоглядами. И когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, отецъ съ восторгомъ писалъ ему о томъ, какъ хорошо отзывается начальство Мейссенской школы объ успѣхахъ его младшаго брата, Теофила (того самаго которому Гере давалъ наставленіе не умничать, какъ умничалъ старпій братъ), Лессингъ почувствовалъ опасеніе за дѣльность головы превозносимаго ученика — предчувствіе, которое оправдалось впоследствии: прославляемый ученикъ на всю жизнь остался способенъ только перелagать клопштокову „Мессіаду“ въ латинскіе гекзаметры.

„Маѣ очень пріятно, что вы такъ довольны успѣхами Теофла (отвѣчалъ Леосвгъ отцу въ радостное извѣщеніе). Если бы у нѣна была такая ватура, какъ у него, вы были бы довольны я мною. Онъ учится прилежно, говорите вы: интересно было бы знать, чему в какъ онъ учится. Я, когда еще былъ въ этой школѣ, уже волагалъ, что танъ учать многому такому, что ровно никуда не годится, а теперь вижу это еще яснѣе прежняго“.

Два или три раза возвращается онъ къ этому предмету, намекая отцу, чтобы онъ совѣтовалъ Теофилу не такъ неразборчиво увлекаться всѣмъ, что выдается за глубокую мудрость педантами Мейссенской школы.

Самостоятельность сужденій очень быстро развилась въ Лессингѣ, какъ видно по единственному сочиненію, которое сохранилось изъ его школьных упражненій. Это „Рѣчь“, посланная имъ „на новый 1743 годъ“ въ поздравленіе отцу. Она замѣчательна, какъ раннее свидѣтельство силы ума и стремленія говорить именно о тѣхъ вопросахъ, которыми живо заинтересованы люди, для которыхъ онъ пишетъ. Отецъ съ матерью безпрестанно толковали, что нынѣ худыя времена, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становится жить на свѣтѣ, — мысли, очень натуральныя у пожилыхъ людей, находящихся въ сгвненныхъ обстоятельствахъ. Несправедливы эти мысли, говоритъ Лессингъ въ своей рѣчи: въ свѣтѣ не становится хуже, чѣмъ было прежде, и доказываетъ эту мысль учеными и житейскими соображеніями. Видно, что цѣлью автора было разебять предрассудокъ, наводившій уныніе на его родныхъ. Такимъ образомъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ уже обнаруживаетъ въ себѣ направленіе, которое дало потомъ такую великую цѣну его дѣятельности: его мысль имѣетъ самую близкую связь съ интересами людей, для которыхъ онъ пишетъ. Онъ хочетъ благотворно дѣйствовать на нхъ жизнь; онъ возмущается предрезудками, которые мѣшаютъ ихъ счастью. Логика и сила выраженія въ его ученичскомъ сочиненіи уже такова, что и изъ зрѣлыхъ людей многіе могли бы позавидовать ей, а сжатость слога уже предсказывать въ мальчикѣ будущаго мастера *).

*) Вотъ, для примѣра, начало этой рѣчи: „Почти всѣ древніе поэты и философы, высокопочитаемый батюшка, думали, что міръ съ году на годъ становится хуже и истощаетъ въ состояніи, все болѣе и болѣе далекое отъ совершенства. Вспомнимъ только, какъ Гезіодъ, Платонъ, Вергилій, Онндій, Сенека, Саллюстіи и Страбонъ писали о четырехъ вѣкахъ вселенной, какъ они самыми живыми красками изображали золотое время Сатурна, серебряное время Юпитера, мѣдный вѣкъ полубоговъ и желѣзный вѣкъ нынѣшняго человѣческаго поколѣвія. Трудно указать настоящій источникъ этого поэтическаго вымысла; но вѣрно то, что весь этотъ рассказъ, при всей своей благовидности, неоснователенъ, почти нелѣпъ, — мало сказать:

По окончаніи курса Лессингъ возвратился мѣсяца на два въ отцовскій домъ. Теперь надобно было рѣшить, къ какому званію долженъ предназначить себя молодой человѣкъ, какой факультетъ ему выбрать, сообразно этому, и въ какой университетъ ѣхать.

Отецъ, а особенно мать, желали сначала, чтобы сынъ шелъ по богословскому факультету и готовился быть пасторомъ. Но онъ самъ никакъ не соглашался на то и говорилъ, что у него и голосъ вовсе не такой, какой нуженъ пастору, да и мысли совсѣмъ не расположены къ этому званію. Отецъ утѣшился, рассчитывая, что сынъ можетъ занять мѣсто лучше пасторскаго, если будетъ въ Лейпцигѣ: именно отецъ надѣялся, что ему удастся быть профессоромъ въ Геттингенскомъ Университетѣ, который только что устроивался и, по предположенію старика, могъ и черезъ нѣсколько лѣтъ еще нуждаться въ профессорахъ. Сыну этотъ планъ, повидимому, нравился. Изъ двухъ саксонскихъ университетовъ, Виттенбергскаго и Лейпцигскаго, послѣдшій представлялъ ту выгоду, что имѣлъ много стипендій для студентовъ, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ въ княжескихъ школахъ. Рѣшено было, что Лессингъ поѣдетъ въ Лейпцигъ и будетъ слушать тамъ лекціи по богословскому факультету. 20 сентября 1746 года Лессингъ вступилъ въ число студентовъ Лейпцигскаго Университета и получилъ стипендію; но тѣмъ и кончились, по мнѣнію родныхъ Лессинга, успѣхи его въ университетѣ. Скоро начали доходить до нихъ недобрыя извѣстія о сынѣ. Родительское сердце встревожилось, и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ письма Лессинга къ роднымъ состоятъ единственно въ томъ, что онъ оправдывается, старается доказать, что опасенія родителей неосновательны, что онъ еще не погибшій человѣкъ, что ему не въ чемъ раскаяваться, — словомъ, что родители его должны успокоиться за его нравственность и судьбу и не должны осыпать его несправедливыми укоризнами. А, между тѣмъ, надобно по правдѣ сказать, слухи, доходившіе до родителей, были такого рода, что могли внушать имъ серьезныя опасенія: сынъ ихъ вовсе не хотѣлъ быть тѣмъ, что называется „хорошій студентъ“. Лейпцигскій Университетъ считался въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Германіи; онъ имѣлъ множество знаменитыхъ профессоровъ: напримѣръ, философскій факультетъ блисталъ именами Готтшеда, Криста, Юхера, Винклера, Эрнестн. Не менѣе блистательны были, по тогдашнимъ понятіямъ, и другіе факультеты. Но Лессингъ былъ не такой человѣкъ, чтобы ему могъ понравиться какой нибудь нѣмецкій университетъ того времени. Взглянемъ поближе на состояшіе Лейпцигскаго Университета, и мы оправдаемъ Лессинга за то, что онъ не былъ прилежнымъ студентомъ.

Университетъ былъ устроенъ па подобіе какого нибудь ремесленного цеха *). Все въ немъ дѣлалось по заказу, по разчету, не по призванію. Довольно указать на одинъ обычай. Каѳедры каждаго факультета распредѣлялись по извѣстному порядку почетности. Профессоръ такого-то предмета

совершенно неправдоподобенъ*, и т. д. Лессингъ отвергаетъ его доводами, заимствованными изъ богословія, философіи, естественныхъ наукъ и т. д., и очень остроумно доказываетъ противную мысль столь же учеными соображеніями.

*) Давцель.

считался старшимъ, другаго—вторымъ, третьяго — третьимъ по достоинству мѣста и т. д.; когда почетнѣйшая катедра становилась вакантною, профессора факультета перемѣняли катедры, подымаясь ступенью выше по іерархическому порядку, нужды нѣтъ, хотя бы черезъ это попадали на катедру предмета, совершенно чуждаго имъ. Можно вообразить, какой ераланъ происходилъ оттого въ ихъ занятіяхъ и каково были многіе знакомы съ тѣми науками, лекціи о которыхъ читали. Впрочемъ, потеря для достоинства лекцій была оттого незначительна: почти всѣ профессора читали по учебникамъ, только немногіе составляли сами записки, которыхъ буквально держались. Въ духѣ преподаванія господствовали вообще непреходимый педантизмъ, формализмъ и страшная сухость. Словомъ, направленіе преподаванія было вовсе непривлекательно для юноши съ свѣтлою головою, студенты выносили изъ аудиторій понятія, которыя могли быть хороши развѣ для XVI вѣка.

Неудивительно, что лекціи очень скоро наскучили такому даровитому юношѣ, какъ Лессингъ, — юношѣ съ пылкимъ характеромъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ углубляться въ основные вопросы каждой науки, а не жить чужою головою, какъ то было принято въ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ. Отецъ, ожидавший, что онъ будетъ прилежнымъ слушателемъ теологическихъ курсовъ, скоро узналъ, что сынъ вовсе не сообразуется съ его желаніемъ. Съ перваго же разу Лессингъ оставилъ богословскій факультетъ и объявилъ, что хочетъ посѣщать курсы медицинскихъ наукъ. Дѣйствительно, богословіе въ Лейпцигѣ преподавалось въ совершенно устарѣвшемъ духѣ Лютера и Меланхтона. Эта отсталая система рѣшительно отталкивала живаго юношу, который уже имѣлъ на столько начитанности, чтобы чувствовать ея несостоятельность. Но и съ медицинскими занятіями дѣло пошло не лучше, нежели съ богословскими: по правдѣ говоря, Лессингъ только для формы поступилъ въ медицинскій факультетъ — нужно же было хотя сколько нибудь успокоить отца относительно своей карьеры и насущнаго хлѣба въ будущемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ занимался всѣмъ, что только привлекало его вниманіе. между прочимъ, занимался и медициною, и богословіемъ, но самъ по себѣ, какъ ему хотѣлось, а не оффиціальнымъ порядкомъ, и медицинскихъ курсовъ не посѣщалъ точно такъ же, какъ и богословскихъ. Шутя, онъ говорилъ послѣ, что во всю свою жизнь былъ только на одной медицинской лекціи, именно на лекціи акушерства, которое ночью было интереснѣйшею отраслью медицинскихъ наукъ.

Очень мало посѣщалъ онъ и лекціи другихъ факультетовъ, хотя у очень многихъ профессоровъ бывалъ на лекціяхъ, для пробы, по два, по три раза. Почти ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворялъ его. Чаше другихъ посѣщалъ онъ въ одно полугодіе знаменитаго филолога Эрнестіи, но и у того не выслушалъ полугодичнаго курса.

Что жъ онъ думаетъ дѣлать съ собою, до такой степени negliжируя университетскими занятіями? Было надъ чѣмъ призадуматься отцу, погоревать матери. Правда, не посѣщая лекцій, сынъ ихъ самостоятельными занятиями приобрѣлъ во сто разъ больше знаній, нежели имѣли ихъ аккуратнѣйшіе студенты и, быть можетъ, знаменитѣйшіе лейпцигскіе ученые; но кто же новѣрилъ бы, что молодой человѣкъ, не посѣщая лекцій, не теря-

выигрываетъ время для пріобрѣтешя глубокихъ и обширныхъ знашй? Отецъ и мать не могли быть увѣрены въ его домашнихъ занятіяхъ; они знали навѣрное только то, что онъ не посѣщаетъ лекцій.

Мало того, что сынъ не посѣщаетъ лекцій: до родителей доходили слухи, ощо болѣе огорчительные: съ какими людьми онъ знается! — не съ профессорами, не съ прилежными и добропорядочными юношами, а съ бездомными гуляками; задумовѣйпий пріятель и руководитель его—неумытый, небритый Миліусъ, который ходитъ въ сапогахъ безъ подошвъ, въ дырявомъ платьѣ съ голыми локтями—тотъ самый Миліусъ, котораго прозвали „вольнодумцемъ“, о которомъ съ негодовашемъ говорить весь Каменецъ, осмѣянный имъ въ наглой сатирѣ, который лично оскорбилъ въ этой сатириѣ двумя ѣдкими стихами самого первенствующаго пастора! — и съ этимъ побродягою-пасквилянтомъ сдружился теперь погибающій юноша, слушается его во всемъ, вѣроятно, уже выучился у него и смѣяться надъ отцомъ и кощунствовать надъ Лютеромъ—это ужасно!

Миліусъ, вся жизнь котораго прошла въ борьбѣ съ нищетою и пѣ увлеченіи излишествами, и который умеръ слишкомъ рано для того, чтобы упрочить себѣ въ наукѣ славу, на которую имѣлъ право по своимъ даровашямъ и учености, —этотъ Миліусъ былъ, дѣйствительно, ближайшимъ изъ друзей Лессинга въ первой порѣ его дѣятельности и, какъ человекъ, нѣкоторое время имѣвпий на него вліяше, заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Сынъ бѣднаго пастора изъ деревни, сосѣдней съ Каменцомъ, въ малолѣтствѣ оставпийся сиротой, Миліусъ былъ дальшій родственникъ семейству Лессинговъ. Вѣроятно, знакомство его съ Эфраимомъ началось еще съ дѣтства: братъ Миліуса былъ нѣсколько времени учителемъ Лессинга до поступленія его въ Мейссенскую школу. Будучи нѣсколькими годами старше Лессинга, Миліусъ уѣхалъ въ университетъ около того времени, какъ Лессингъ отданъ былъ въ Мейссенъ. Въ университетѣ они скоро сошлись. Миліусъ въ то время уже выдержалъ экзамены и жилъ въ страшной нуждѣ, занимаясь естественными науками и астрономіею и добывая скудный кусокъ хлѣба переводами, рецензіями, театральными пьесами, всякаго рода литературными работами, какія заказывали ему Готтшедъ илп акторы, игравшіе въ Лейпцигѣ, или какой нибудь книгопродавецъ. Да и тѣ нобольшіе деньги, какія попадались ему въ руки, не держались у него: Миліусъ любилъ кутнуть, чтобы забыться отъ своихъ бѣдъ. Въ Лейпцигѣ, чинномъ и чопорномъ, ходила про него очень невыгодная слава. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, цинникъ и неряха; говорятъ также, что онъ не отличался и делкатностію относительно людей, дѣлавшихъ ему услуги: если кто изъ студентовъ, видя его нужду, предлагалъ ему поселиться на время въ своей комнатѣ, Миліусъ начиналъ распоряжаться въ ней какъ полный хозяинъ и настоящаго хозяина третировалъ совершенно безцеремонно. Неостороженъ былъ онъ и на языкъ, нимало не соблюдая умѣренности въ своихъ жолчныхъ выходкахъ противъ людей, ему не нравившихся. Въ Лейпцигѣ почтенные люди страшились его, какъ „вольнодумца“ (Freigeist), за то, что онъ издавалъ журналъ подъ этимъ заглапемъ, и это прозвище, по тогдашнимъ попятіямъ позорное и

страшное, прослѣдовало Миліуса во всю жизнь, хотя во всемъ его „Вольнодумцѣ“ при самомъ внимательномъ разборѣ нельзя отыскать ни одной вольнодумной строки, а напротивъ о христіанствѣ говорится вездѣ съ уваженіемъ, и есть даже нѣсколько назидательныхъ статей. Очевидно, заглавіе было дано журналу въ шутку, по капризу; но эта шутка болѣе повредила Миліусу, нежели повредила бы дѣйствительныя преступленія. Такова была его слава въ Лейпцигѣ, а въ Каменцѣ была еще хуже: тамъ уже прежде онъ былъ приговоренъ къ наказанію официальнымъ порядкомъ за свою сатиру. Случай этотъ, характеризующій обычаи того вѣка, стоитъ разсказать подробно.

Въ 1743 году, ректоръ городской каменецкой школы, Гейнницъ, чело-вѣкъ, достойный уваженія за свой просвѣщенный умъ и педагогическія дарованія, долженъ былъ оставить свое мѣсто и перейти ректоромъ школы въ другой городокъ, Лебау, по разнымъ неиріятностямъ съ каменецкими городскими властями. Кажется, почтенные граждане были недовольны тѣмъ, что воспитатель ихъ дѣтей не педантъ и не схоластикъ. Миліусъ, бывший тогда студентомъ въ Лейпцигѣ, напечаталъ по этому случаю стихотвореніе, въ которомъ говорилъ Гейнницу: „Нечего и жалѣть тебя, что ты расстаешься съ городомъ, котораго жители невѣжды и не влюбili тебя за твое просвѣщеніе“. Кромѣ упрека вообще горожанамъ Каменца за ихъ невѣжество, въ стихотвореніи были очерчены два лица, въ которыхъ узнали себя бургомистръ и первенствующій пасторъ. Къ отцу Лоссига относились стихи, смыслъ которыхъ таковъ: „Въ собраніи, гдѣ на лицѣ каждаго написано фарисейство, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ чело-вѣкъ и громко, съ напряженіемъ кричитъ: „грѣховно сердце нашей молодежи! не внимаютъ она слову Божию! Да и можно ли ожидать чего инаго, когда тотъ, кто долженъ былъ бы научать ее, подаетъ ей дурной примѣръ“! Никто не былъ названъ по имени въ этой сатирѣ, не упоминалось даже имя города, разсказу была придана форма сновидѣнія. Но всѣ тотчасъ догадались, что дѣло идетъ о Гейнницѣ и его каменецкихъ недоброжелателяхъ: лица, на которыя намекала сатира, были узнаны, и весь уѣздный муравойникъ взволновался. Миліусъ былъ арестованъ, подвергнутъ суду и приговоренъ публично просить извиненія у оскорбленныхъ имъ людей, уплатить судебныя издержки и, кромѣ того, просидѣть недѣлю въ тюрьмѣ или заплатить двадцать талеровъ штрафа. Тупоумное жеманство дикихъ невѣждъ выказалось въ этомъ дѣлѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ выказалась и черта добродушія, свойственнаго нѣмецкому характеру, въ благородномъ поступкѣ бургомистра, который принялъ на себя уплату штрафа, хотя самъ былъ однимъ изъ двухъ лицъ, наиболѣе оскорбленныхъ сатирою.

Но этотъ нищій циникъ, Миліусъ, былъ назначенъ природою сдѣлаться замѣчательнымъ естествоиспытателемъ: еще ребенкомъ онъ находилъ свое удовольствіе въ томъ, чтобы наблюдать звѣзды, и однажды цѣлый годъ велъ метеорологическія наблюденія, записывая состояшіе термометра черезъ каждые три часа. Въ Лейпцигѣ, при всей своей нищетѣ, онъ составилъ себѣ минералогическій, ботаническій и зоологическій кабинеты; статьи по естественнымъ наукамъ приобрѣли уже ему нѣкоторую извѣстность; его со-

чиненіе на тему, предложенную Берлинской Академіей, „объяснить, какова была бы система вѣтровъ, если бы вся поверхность земли была покрыта глубокимъ моремъ“, удостоилось чести быть напечатано рядомъ съ сочиненіями Даламбера и Барнулли на ту же тему. Послѣ того Миліуса начали уважать нѣкоторые люди, пользовавшіеся почетнымъ положеніемъ въ нѣмецкомъ обществѣ, и натуралисты обратили на него вниманіе. Наконецъ, Галлеръ и Зульцеръ, составивъ прозектъ ученой экспедиціи въ Америку, выбрали Миліуса для этого путешествія. Деньги, нужныя для снаряженія экспедиціи, собирались общественною подпискою. Капиталъ составилъ довольно значительный, и Миліусъ отправился въ путь; но въ Англіи онъ занемогъ и умеръ. Умершій въ очень молодыхъ лѣтахъ, Миліусъ не успѣлъ почти ничего сдѣлать для своей спеціальной науки, будучи принужденъ тратить свое время на стихи и беллетристику для куска хлѣба; но можно ли обвинять его за эту прискорбную растрату силъ, въ которой виновата была его несчастная судьба? „Не надобно дивиться тому, что въ Германіи очень многіе гениальныя люди умираютъ преждевременно“, говоритъ Лессингъ въ письмахъ, служащихъ предисловіемъ къ собранію сочиненій Миліуса, изданному имъ послѣ смерти автора: „легко найти причину этому; она такъ ясна, что развѣ не желающій видѣть не видитъ ея. Предположите, милостивый государь, что гениальный человѣкъ родится въ сословіи, если не самомъ нищемъ, то слишкомъ скудномъ житейскими средствами: вы знаете, что природы находятъ, кажется, какое-то удовольствіе выводить гениевъ изъ этого сословія чаще, нежели изъ какогонибудь другаго. Подумайте же, канія препятствія долженъ побѣдить этотъ гений въ странѣ, подобной Германіи, гдѣ почти неизвѣстно, что такое называется ободреніемъ таланту. Онъ то задерживается недостаткомъ необходимѣйшихъ средствъ и пособій, то преслѣдуется завистью, которая хочетъ въ самой колыбели подавить дарованіе, то утрачиваетъ силы въ тяжелыхъ и недостойныхъ его занятіяхъ. Удивительно ли, что онъ, истощивъ запасъ молодаго здоровья, сокрушается порывомъ бури? Удивительно ли, что бѣдность, непріятности, оскорбленія, презрѣніе наконѣцъ побѣждаютъ его тѣло, и безъ того уже не слишкомъ крѣпкое, потому что вѣдь не таніе же у него нервы, какъ у дровосѣка. Повѣрьте же, милостивый государь, такова была судьба нашего Миліуса. Онъ родился въ деревнѣ, гдѣ скоро захотѣлъ учиться тому, чему не могли тамъ научить его. Онъ родился въ семействѣ, состоянію котораго не позволяло допускать его учиться съ какоюнибудь другою цѣлью, кромѣ той, чтобы опъ наскоро познакомиться съ какоюнибудь кормовою наукою (такъ мы рѣняемся перевести извѣстное нѣмецкое выраженіе *Brodwissenschaft*), могъ добывать себѣ хлѣбъ, по примѣру своихъ отцовъ. А потомъ онъ долженъ былъ безъ отдыха писать для куска хлѣба. Такова, милостивый государь, была его жизнь, и, повѣрьте, при такой жизни, смерть не есть особенное бѣдствіе“.

Мы привели это описаніе потому, что оно хорошо обрисовываетъ положеніе всей молодежи, занимавшейся тогда въ Германіи литературою, и очень близко подходитъ къ судьбѣ самого Лессинга.

Нельзя осуждать Миліуса за то, что онъ не успѣлъ ничего сдѣлать для науки, какъ нельзя строго винить его и за то, что многими поступи-

капи и всѣмъ образомъ своей жизни подавалъ поводъ къ упрекамъ, ео стороны такъ называемыхъ добропорядочныхъ людей: въ томъ и другомъ одинаково были виноваты обстоятельства; и изъ упрековъ, которымъ подвергался онъ, нельзя еще заключать, что онъ былъ дурной человѣкъ—тотъ случай, который особенно чернилъ его въ глазахъ каменецкихъ горожанъ, даже свидѣтельствуешь въ его пользу: своею сатирою онъ мстилъ узкимъ произсудкамъ за непріятности, которыя терпѣлъ отъ нихъ человѣкъ просвѣщенный и достойный уваженія.

По всей вѣроятности, Миніусъ нравился Лессингу, какъ человѣкъ обнирнаго и оригинальнаго ума. Скоро этотъ чудакъ сталъ оказывать своему молодому пріятелю услуги по сближенію съ книгопродавцами и доставлялъ стипендіату литературную работу. Такимъ образомъ, и удовольствіе, приносимое его живымъ разговоромъ, и денежныя дѣла тѣсно связывали съ нимъ Лессинга, который иногда выбивался изъ затруднительныхъ обстоятельствъ только при помощи переводовъ и т. п., случай къ которымъ доставлялъ Миліусъ. По родные Лессинга, рѣшительно не понимая этого, смотрѣли на ихъ знакомство чрезвычайно подозрительно и опасались отъ него совершенной гибели сына и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

Доходили до нихъ слухи еще о другомъ вредномъ и отвратительномъ знакомствѣ сына—о дружбѣ его съ актерами. Въ самомъ дѣлѣ, юноша вскорѣ по пріѣздѣ въ Лейпцигъ пристрастился къ театру. Въ Лейпцигѣ играла тогда труппа г-жи Нейбергъ, геніальной актрисы, какой долго послѣ того не бывало на нѣмецкой сценѣ, женщины замѣчательнаго ума и тонкаго вкуса. Кромѣ самой директрисы, въ труппѣ было много прекрасныхъ актеровъ. Лессингъ скоро познакомился съ артистами: веселое общество ихъ поправилось пылкому юношѣ, онъ получилъ доступъ за кулисы, подружился съ самою г-жею Нейбергъ. Носились слухи, что онъ даже влюбленъ въ нее, и любовь его не остается безъ отвѣта. Братъ считаетъ нужнымъ защитить перваго изъ нѣмецкихъ драматурговъ отъ этого подозрѣнія тѣмъ, что Лессингъ съ одинаковою привѣтливостью былъ встрѣчаемъ въ домахъ всѣхъ актрисъ, которымъ, думаетъ онъ, не было бы удовольствія видѣть у себя человѣка, влюбленнаго въ другую женщину. Не совсѣмъ убѣждаемся мы этимъ доводомъ; но какъ бы то ни было, хотя бы Лессингъ ухаживать не за одною г-жею Нейбергъ, а равно за всѣми хорошенькими актрисами, что и дѣйствительно вѣроятно, въ томъ и другомъ случаѣ мало было утѣшенія его роднымъ. Потомъ дошли до родныхъ извѣстія, что Лессингъ самъ принялся писать пьесы для театра, что онъ даже хочетъ сдѣлаться актеромъ. Последняго намѣренія онъ, вѣроятно, не имѣлъ: но всѣ другія огорчительныя извѣстія не были выдумкою.

Можно вообразить себѣ огорченіе почтеннаго первенствующаго пастора и набожной пасторши отъ такихъ вѣстей! Какъ, ихъ сынъ, котораго надѣялись они видѣть благочестивымъ пасторомъ или ученымъ профессоромъ, не занимается своимъ дѣломъ, кутитъ съ такими людьми, какъ Миліусъ, дружится съ актрисами, пишетъ для театра! Упреки градомъ сыпались на заблудшаго сына отъ отца, мать плакала о немъ. Сыну казалось все это совершенно неумѣстнымъ и напраснымъ. Онъ въ отвѣтахъ своихъ жало-

вался на несправедливость обвиненій, доказывалъ неосновательность опасеній, защищая свое поведеніе. Письма его изъ Лейпцига къ роднымъ не сохранились; но по всему разсказу брата его видно, что они были таковы же, какія потомъ писались имъ изъ Берлина: упреки и оправданія оставались тѣ же, да и относились на половину къ его прежней, лейпцигской жизни. Говоря о берлинской жизни Лессинга, намъ придется разсказывать многое другое, потому приведемъ отрывки изъ этихъ писемъ здѣсь.

„Я не сталъ бы тавъ долго медлить псьмомъ къ вамъ—писать Леосвнгъ матеръ, вскорѣ по переѣздѣ въ Берлинъ—еслибъ имѣлъ сообщить что нибудь пріятное. А читать просьбы и жалобы, вѣроятно, и вамъ такъ же наскучило, какъ мнѣ писать въ этомъ духѣ. Но въ этихъ строкахъ не найдете вы ничего подобного (т. е. въ жалобѣ ва недостатокъ денегъ, ни просьбѣ о присылкѣ ихъ). Я страшусь только того, чтобы вы не заподозрили меня въ недостаткѣ любви и уваженіи къ вамъ; я страшусь только того, чтобы вы не подумали, будто я веду свой вынѣшній образъ жизни по непослушанію и испорченности сердца. Это опасеніе безповоаятъ меня. Если оно не напрасно, то я чувствую огорченіе тѣмъ живѣе, тѣмъ менѣе вины зваю за собою. Позвольте же мнѣ поэтому, въ немногихъ чертахъ, описать вамъ всю мою университетскую жизнь, и я увѣренъ, что вы снисходительнѣе будете судить обо мнѣ. Я пріѣзжаю въ университетъ мальчикомъ съ школьной скамьи, твердо увѣренный въ томъ, что все счастье въ книгахъ. Я пріѣзжаю въ Лейпцигъ, въ такой городъ, въ которомъ совѣщается въ мивятюрѣ цѣлый міръ. Первые мѣсяцы я прожилъ такъ уединенно, какъ не жилъ и въ Мейссенѣ. Вѣчно за книгами, я рѣдко даже и думалъ о людяхъ. Но это продолжалось немного времени: скоро открылись мои глаза—надобно ли сказать, „къ счастью“ или „къ несчастью“?—это рѣшить будущность. Я понялъ, что книги едѣлаюгъ меня ученымъ, но никакъ не сдѣлають меня человекомъ. И я рѣшился выйти изъ комнаты, показаться въ общество подобныхъ мнѣ. Но—Боже мой!—ни малѣйшаго подобія не было во мнѣ съ другими людьми. Мужичья застѣнчивость, неряшество и неуклюжесть, совершенное невѣжество въ томъ, какъ держать себя между людьми, нелѣпыя замашки и взгляды, которыми оскорблялся всякій, какъ выражающими презрѣніе къ нему—таковы-то были достоинства, замѣченныя мною въ себѣ. Слѣдствіемъ этого была твердая рѣшимость, во что бы то ни стало, исправиться отъ своихъ недостатковъ. Вы знаете, какъ я принялся за это дѣло. Я сталъ учиться танцанъ, фехтованію, верховой ѣздѣ. Я откровенно сознаю въ этомъ письмѣ свои ошибки, стало быть могу говорить и о томъ, что хорошо во мнѣ. Танцевать, фехтовать, ѣздить верхомъ я выучился такъ, что даже люди, нанередъ рѣшавшіе, что я неспособенъ ни къ чему такому, можно сказать, удивлялись мнѣ. Успѣхъ этотъ сильно ободрилъ меня. Я сталъ развязенъ, ловокъ и вошелъ въ общестію, чтобы научиться жизни. На время отложивъ я въ сторону серьезныя книги, чтобы познакомиться съ другими книжками, болѣе заманчивыми, но не менѣе полезными. Прежде всего попались мнѣ подъ руку комедіи. Пусть не вѣрите, кто не хочетъ, но мнѣ оказали онѣ очень важныя услуги. Я понялъ изъ нихъ разницу между пріятностью и принужденностью манеръ, между грубостью и естественностью. Онѣ показали мнѣ, что такое лживая и что такое истинная добродѣтель, научили меня избѣгать порока столько же потому, что онъ смѣшонъ, сколько и потому, что онъ гнусенъ. Но я чуть не забылъ главнѣйшей пользы, какую принесли мнѣ комедіи. Онѣ научили меня знать самого себя, и съ той поры, вѣрно, ни надъ кѣмъ не смѣялся и не издѣвался я столько, какъ чадъ самъ собою. Вдругъ, какой-то пустой случай вавелъ меня на мысль самому приняться за сочиненіе комедій. Я попытался, и когда нон комедіи были даны на сценѣ, меня стали увѣрять, что комедіи эти недурны. Надобно только похвалить меня въ чемъ нибудь, и ужъ я такъ созданъ, что прійнусь за дѣло еще горячѣе. И вотъ я сталъ день и ночь думать, какъ бы выказать свой талантъ въ дѣлѣ, въ которомъ ни одинъ нѣмецъ не могъ похвалиться особеннымъ успѣхомъ. Вслѣдствіе болѣзни и другихъ обстоятельствъ, о которыхъ пока умолчу, я задалжалъ болѣе, нежели на три мѣсяца моихъ стипендій,—и я долженъ былъ переѣхать

въ Берлинѣ, гдѣ и живу теперь,—въ какомъ положеніи, знаете вы сами. *Я давно сталъ бы на ноги, если бы могъ имѣть приличное платье* (эти олова подчеркнуты Лессингомъ); ово необходимо въ городѣ, гдѣ о людяхъ больше всего судятъ по наружности. Бы были такъ добры, что еще въ прошломъ году общались съ-дѣ-латъ мнѣ новую пару платья. Изъ этого вы можете заключать, безразсудна ли была моя просьба въ предыдущемъ письмѣ (вдво также, прибавимъ мы, что и годъ тому назадъ платье было уже порядкомъ поношено; видно также, что въ прошломъ письмѣ Лессингъ проеялъ выслать ему денегъ на платье). Вы отказываете мнѣ, между прочимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаете, ради кого или чего живу я въ Берлинѣ. (Видно, что мать намекала на Миллуса). Я угадываю, что ваше предубѣжденіе противъ человѣка, который оказываетъ мнѣ услуги теперь, когда я чрезвычайно нуждаюсь въ нихъ,—угадываю, что это предубѣжденіе—главная причина вашего несогласія съ моими поступками. Кажется, вы считаете его (т. е. Миллуса) извергомъ рода человѣческаго. Не слѣшкомъ ли увлекаетесь вы враждою? Я утѣшаюсь тѣмъ, что вплу въ Берлинѣ очень многихъ прекрасныхъ и знатныхъ людей („знатные“ очевидно явились тутъ затѣмъ, чтобы произвести эффектъ на провинціалку), которые уважаютъ его столько же, сколько и я“.

Вотъ другое письмо, посланное Лессингомъ мѣсяца черезъ три, къ отцу:

„Вы требуете, чтобы я возвратился домой. Вы опасаетесь, что я уѣду въ Вѣну, чтобы тамъ сдѣлаться писателемъ комедій. Вы увѣрены, что здѣсь я работаю, какъ негръ, для г. Рюдгера (берлинскаго книгопродавца) и терплю голодъ и непріятности (видно, что отецъ писалъ ему: ты пошелъ по дорогѣ, которая приведетъ къ голодной смерти). Вы прямо говорите мнѣ, что все, написанное мною вамъ о видахъ моихъ въ улучшение моихъ обстоятельствъ, чистая ложь. (Видно, что онъ успокоивалъ отца разными надеждами на то, что скоро будетъ пріобрѣтать литературою большія деньги). Умоляю васъ: поставьте себя въ мое мѣсто и подумайте, какъ огорчительны должны быть такіе несправедливыя укоризны, неосновательность которыхъ очевидна для васъ, если вы хотя сколько-нибудь знаете меня. Но удивительнѣе всего для меня то, что вы возобновляете прежнія укоризны по поводу комедій. Переписка моя съ комедіантами вовсе не такова, какъ вы думаете. Въ Вѣну писалъ я къ барону Зейлеру, директору всѣхъ австрійскихъ театровъ, человѣку, знакомство котораго никакъ не можетъ мнѣ быть стыдомъ, а, напротивъ, можетъ принести большую пользу. Съ подобными людьми велась у меня переписка и въ Данцигѣ и въ Танноверѣ; и яе можетъ мнѣ быть упрекомъ то, что меня знаютъ не въ одномъ Каменцѣ... Подождите нѣсколько мѣсяцевъ, и вы убѣдитесь, что я въ Берлинѣ живу не безъ дѣла в работаю не для другихъ. Я знаю, отъ кого доходить до насъ обо мнѣ токіе слухи. Я знаю, кому и сколько разъ вы писали обо мнѣ въ Берлинѣ. Эти распросы, конечно, подали дурное понятіе обо мнѣ людямъ, къ которымъ вы обращались съ ними. Но я вѣрю, что вы хотѣли мнѣ пользы, а не вреда и непріятностей, которые были для меня слѣдствіемъ этихъ разсѣдываній... Позвольте мнѣ напомнить вамъ стихи Плавта:

Qui nihil aliud, nisi quod sibi soli placet,
Consultit adversum filium, nugas agit

(неблагоразумно поступаетъ отецъ, который хочетъ распоряжаться всѣми поступками сына).—Эта мысль такъ разсудительна, что, вѣроятно, вы съ нею согласны. Къ чему мучили такъ горевать обо мнѣ? Не все ли равно для нея, такъ или иначе составлю я себѣ счастье, лишь бы составилъ, въ чемъ я увѣренъ. И какъ могли вы вообразить, что если бы я даже поѣхалъ въ Вѣну, то принялъ бы тамъ католичество? Изъ этого и вижу, какъ она предубѣждена противъ меня“.

Черезъ мѣсяць Лессингъ, получивъ отъ отца книги, которыя оставлены были имъ дома, благодаритъ за присылку ихъ и продолжаетъ:

„Я написалъ бы вамъ о своей благодарности еще больше, если бы не видѣлъ, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ вашихъ писемъ очень ясно, что васъ давно склоняютъ, и вы

давно склонились подозрѣвать во мнѣ самыя низкія, самыя постыдныя черты. Благодарность человѣка, о которомъ вы имѣете такое выгодное мнѣіе, конечно, должна показаться вамъ неискреннею. Но что же мнѣ дѣлать? Время будетъ моимъ защитникомъ. Оно покажетъ, дѣйствительно ли я непочтительный сынъ и безразвѣтный человѣкъ.

„Когда вы перестанете упревать меня за Миліуса? Sed facile ex Tuis querelis querelas matris agnosco (слѣдуетъ довольно длинная латинская тирада, которую мы отмѣчаемъ курсивомъ). Но я очень хорошо вижу, что эти упреки внушены вамъ матушкою: она добра и прямодушна, но въ этомъ случаѣ слишкомъ увлекается враждою. Наша дружба съ Миліусомъ никогда не была и не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ затруднительствомъ въ занятіяхъ—можно ли винить за то? Я съ нимъ очень рѣдко, или, лучше сказать, вовсе никогда не говорю ни о родныхъ и моихъ обязанностяхъ къ роднымъ, ни о моемъ образѣ жизни, такъ что вы никакъ не можете считать его моимъ соблазнителемъ и совѣтникомъ на дурное. Не увлекайтесь, батюшка, женскими наговорами. Простите, что я написалъ это по латыни, чтобы не оскорбить матушку, глубоко мною любимую“.

Этихъ отрывковъ будетъ достаточно, чтобы видѣть, каковы были предположенія родныхъ о сынѣ, когда онъ жилъ въ Лейпцигѣ и потомъ въ Берлинѣ. Они считали сына идущимъ къ временной и вѣчной гибели. Письма ихъ къ нему за это время не сохранились; но легко угадать изъ отвѣтовъ Лессинга, какими горькими опасеніями, какими оскорбительными подозрѣніями были наполнены эти письма. Такъ прошло полтора года университетской жизни; наконецъ, однажды, получилъ лейпцигскій студентъ отъ отца письмо, въ которомъ всѣ упреки и подозрѣнія, особенно относительно актеровъ и театра, выражены были совершенно прямо и рѣзко. Молодой человѣкъ вспыхнулъ и потерялъ терпѣніе. Раздосадованный, но бѣжалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей и товарищей по занятіямъ литературою, Вейссе, и, съ сердцемъ бросая письмо на столъ, сказалъ: „Вотъ, прочитайте-ка, какое письмецо получилъ я отъ батюшки!“ Въ пылу досады онъ хотѣлъ отвѣчать на упреки, разославъ всѣмъ почетнымъ людямъ каменецкаго общества по экземпляру афиши, которая объявляла о первомъ представленіи его комедіи „Молодой Ученый“, приписавъ подъ заглавіемъ этой пьесы, дававшейся безъ означенія имени автора: „сочиненіе Готтгольда-Эфраима Лессинга“. Вейссе удалось удержать своего друга отъ этой выходки, и чрезвычайный успѣхъ пьесы на сценѣ заставилъ бы молодого драматурга забыть о семейной неврѣтности, навлеченной на него расположеніемъ къ театру, если бы за первую бѣдою не послѣдовала вторая.

Въ Саксоніи былъ (а можетъ быть, и донинѣ сохранился) обычай, что мать на Рождество печетъ для каждаго изъ своихъ дѣтей сдобный сладкій пирогъ. Надобно было случиться, что въ этомъ (1747) году на самое Рождество одинъ изъ знакомыхъ семейства Лессинговъ отправился изъ Каменца въ Лейпцигъ. Мать Готтгольда-Эфраима просила этого знакомаго отвезти отъ нея сыну патріархальный пирогъ и при этой okazji, конечно, просила его также посмотреть и передать ей, какъ живетъ этотъ сынъ, возбуждающій въ родителяхъ столько безпокойства неосновательностью своего поведенія. Знакомецъ возвратился изъ Каменца съ ужаснымъ извѣстіемъ, что сладкій пирогъ матери скушанъ сыномъ въ обществѣ комедіантовъ

(и—чего добраго!—даже комедіантокъ, быть можетъ) и запить доброю бутылкою вива.

Бѣдные родители не могли теперь сомнѣваться въ глубокомъ нравственномъ паденіи блуднаго сына. Мать горько плакала; отецъ увидѣлъ необходимость прибѣгнуть въ рѣшительному средству для исхищенія сына изъ бездны адской: надобно было возвратить его для душевнаго исцѣленія подъ родительскій кровъ. Но послушается ли родительскаго приказанія непокорный юноша? Нѣтъ, нужно придумать другія средства, подняться на хитрости,—и лейпцигскій студентъ получилъ письмо, увѣдомлявшее его, что мать лежитъ при смерти, и что онъ долженъ спѣшить въ Каменецъ, не теряя ни минуты, если хочетъ проститься съ нею.

Между тѣмъ, наступили сильные холода. Мать стала уже раскалываться въ своей хитрости: какъ поѣдетъ бѣдный мальчикъ (не забудемъ, что Лессингу было только восемнадцать лѣтъ) въ такую погоду? Вѣдь у него нѣтъ теплаго дорожнаго платья, а въ дорогѣ надобно пробить нѣсколько сутокъ. Нѣтъ, лучше ужъ кутилъ бы онъ съ ненавистнымъ Миліусомъ и актрисами, чѣмъ замерзнуть на дорогѣ. Напрасно его вызывали! Или, быть можетъ, онъ догадается, что извѣстіе о ея болѣзни—выдумка, и не поѣдетъ? Да, лучше онъ сдѣлаетъ, если не поѣдетъ. Въ такихъ мысляхъ сидѣла семья, какъ отворилась дверь, и вошелъ въ комнату, дрожа отъ холода, полузаморзпый сынъ. — „Какъ, ты поѣхалъ въ такой холодъ?“ спрашиваетъ мать. — „Я зналъ, что вы здоровы, весело отвѣчаетъ студентъ; но вамъ было угодно, чтобъ я пріѣхалъ,—и я пріѣхалъ“. —Словомъ сказать, вмѣсто строгаго выговора, который готовился для него, его встрѣтили съ радостью, что онъ, послушный сынъ, доѣхалъ благополучно.

Отецъ сталъ испытывать его знанія разговорами; оказалось, что сынъ сталъ человѣкомъ ученымъ, несмотря на Миліуса и актеровъ; оказалось, что и по латыни знаетъ онъ очень хорошо, не смотря на то, что занимался, по доходившимъ слухамъ, вовсе не латынью. Мало того: въ удовольствіе первенствующему пастору, сынъ сочинилъ проповѣдь—и проповѣдь оказалась хороша. Гнѣвъ отца утихнулъ. Онъ оставилъ студента пожить дома, чтобы своими глазами убѣдиться, дѣйствительно ли онъ не такой дурной человѣкъ, не такой пьяница и буянъ, какъ шла молва о немъ. Сынъ держалъ себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ порядочный юноша—не пьянствовалъ и не буйствовалъ.

Три мѣсяца продолжалось это испытаніе. Наконецъ родные убѣдились, что можно согласиться на его просьбу и снова отпустить его въ Лейпцигъ, съ наставленіями держать себя хорошо.

Но лишь только воротился онъ въ Лейпцигъ, какъ пошли о немъ прежшіе слухи. По прежнему опъ не ходилъ на лекціи, водилъ компанію съ Миліусомъ и актерами, писалъ комедіи;—и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который болѣе всего прежняго огорчилъ заботливыхъ родныхъ.

Около этого времени разстроилась труппа г-жи Нейбергъ, и многіе актеры уѣхали изъ Лейпцига, иные не расплатись съ долгами. Лессингъ былъ норуучителемъ въ нѣсколькихъ изъ этихъ векселей; кредиторы не давали

ему покоя. Средства его для уплаты долговъ были ничтожны въ Лейпцигѣ. Онъ рѣшился искать этихъ ередствъ въ Берлинѣ, при помощи Миліуса, который уже поселился тамъ, имѣлъ уже нѣкоторые связи и черезъ два-три мѣсяца сдѣлался сотрудникомъ одной изъ берлинскихъ газетъ, издававшейся книгопродавцемъ Рюдигеромъ, и вскорѣ перешедшей къ зятю Рюдигера, Фоссу, съ фамиліею котораго она существовала до послѣдняго времени (*Vossische Zeitung*). Мысль эта была исполнена Лессингомъ съ независимостью, свойственною его характеру: ни съ кѣмъ онъ не совѣтовался, никому не говорилъ о своемъ намѣреніи переселиться въ Берлинъ. Одинъ изъ ближайшихъ его друзей, Вейссе, зашедшій черезъ нѣсколько дней къ своему пріятелю по его отъѣздѣ, услышалъ только, что онъ уѣхалъ изъ Лейпцига на недѣлю. Но это не было бѣгство отъ кредиторовъ: они были предувѣдомлены и успокоены Лессингомъ, потому что не тревожили ни университета, ни каменецкаго пастора своими опасеніями. И, дѣйствительно, Лессингъ скоро расплатился съ ними.

На дорогѣ, въ Виттенбергѣ, онъ тяжело занемогъ—одинъ, безъ денегъ, безъ знакомыхъ. Положеніе было отчаянное, и Лессингъ не могъ потомъ вспоминать о немъ безъ ужаса. Но молодая натура скоро побѣдила болѣзнь. Между тѣмъ, Миліусъ уѣхалъ изъ Берлина. Лессингъ рѣшился было остаться на зиму въ Виттенбергѣ слушать лекціи и написалъ о томъ роднымъ. Но Миліусъ опять явился въ Берлинъ, получилъ постоянную работу при рюдигеровой газетѣ, и Лессингъ около Рождѣства могъ переселиться въ Берлинъ съ увѣренностью, что найдетъ тамъ средства для жизни.

Говорятъ, впрочемъ, будто изъ Виттенберга уѣхалъ онъ не съ цѣлью попасть въ Берлинъ,—напротивъ, если вѣрить слухамъ, онъ прежде всего поскакалъ въ Вѣну, увлеченный страстью къ хорошенькой актрисѣ Лоренинъ, и уже изъ Вѣны, по невозможности найти тамъ средства для жизни или разочаровавшись въ своей возлюбленной, переѣхалъ въ Берлинъ. Этотъ эпизодъ очень нраводоброенъ: но не осталось доказательствъ, которыми можно было бы подтвердить его.

Во всякомъ случаѣ, два ли только, или три раза юноша втеченіи полугодя такъ независимо отъ родныхъ измѣнялъ намѣренія относительно своей будущности,—ограничились ли его странствованія только нереселеніемъ изъ Лейпцига въ Виттенбергъ и изъ Виттенберга въ Берлинъ, или надобно прибавить сюда еще поѣздку изъ Виттенберга въ Вѣну,—во всякомъ случаѣ, Лессингъ, въ это полугодіе, надѣлалъ довольно, чтобы снова погубить иъ родныхъ всякое довѣріе къ себѣ, чтобы явиться въ ихъ глазахъ человекомъ, болѣе близкимъ къ гибели, нежели когда нибудь. „Онъ замотался, онъ потерялъ голову, сталъ игрушкою негоднаго Миліуса, сталъ авантюристомъ, которому предстоитъ сидѣть въ тюрьмѣ за долги, быть стыдомъ своему семейству, влачить презрѣнную жизнь развратнаго и оборвапнаго пьяницы, быть убитымъ въ пьяной дракѣ, замерзнуть на улицѣ или умереть голодною смертію въ подвалѣ“. Такъ должны были думать родные, и переписка ихъ съ сыномъ продолжалась въ прежнемъ тонѣ: горькіе упреки съ одной стороны, гордые оправданія съ другой.

И дѣйствительно, довольно долго прошло, пока устроилось сколько

побудь порядочнымъ образомъ денежное положеніе сына, пока его извѣстность, потомъ слава заставили родныхъ его покинуть свои оскорбительныя подозрѣнія.

Если и въ наше время семнадцати-девятнадцатилѣтній юноша поступать подобно Лессингу: вмѣсто того, чтобы посѣщать лекціи, сводить дружбу съ людьми, извѣстными неумѣренностью своего образа жизни; бросая такъ называемое порядочное общество, водить компанію съ весельчаками, проводить вечера за кулисами, а ночи въ шумныхъ ппрушкахъ съ актрисами,—если и въ наше время молодой человѣкъ становится на эту дорогу, его родные имѣютъ очень основательную боязнь за будущность сына. Сто лѣтъ тому назадъ, въ Германіи, подобный образъ жизни казался еще ужаснѣе для патріархальныхъ проинціаловъ и, въ самомъ дѣлѣ, отнималъ почти всякую надежду на юношу, увлекающагося въ такія излишества. Лессингъ пренебрегалъ единственнымъ путемъ къ обезпеченію своей будущности, пренебрегая университетомъ: нынѣ понятно, что можно жить на свѣтѣ, не занимая мѣста па службѣ; тогда, если человѣкъ не былъ ремесленникомъ, купцомъ или помѣщикомъ, онъ могъ жить только жалованьемъ и доходами отъ общественной должности. Литература не доставляла никакого обезпоченія. Всѣ литераторы были или богатые дилланты, или профессора, учителя и пасторы: безъ этихъ источниковъ дохода они ходили бы съ голыми локтями подобно Миліусу. Лессингъ, пренебрегая дипломомъ, который доставилъ бы ему мѣсто пастора, медика или профессора, обрекалъ себя на вѣчную нищету.—Нынѣ актеры не считаются людьми отверженными; тогда на нихъ смотрѣли, какъ на цыганъ. Нынѣ понимаютъ, что юноша долженъ быть юношею: тогда съ двѣнадцати лѣтъ мальчпкъ долженъ былъ дѣлаться педантомъ: иначе, онъ ужъ не имѣлъ никакихъ шансовъ проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ.

Чтобы однимъ примѣромъ указать всю разницу между нынѣшнимъ и тогдашнимъ взглядомъ на человѣка, поступающаго подобно Лессингу, скажемъ, что студенты, его товарищи, считали его человѣкомъ, идущимъ къ собственной гибели. Нынѣ, конечно, молодежь не осудитъ сверстника за любовь къ театру, особенно, когда видитъ, что дома, самостоятельными записями, онъ съ избыткомъ вознаграждаетъ неаккуратность въ посѣщеніи лекцій, когда видитъ, что любитель театра съ тѣмъ вмѣстѣ превосходитъ обширностью знаній товарищей студентовъ,—нынѣ любовь къ литературѣ и театру не помѣшала бы глубоко уважать такого товарища; тогда,—что думали тогда студенты о своемъ гениальномъ товарищѣ, мы узнаемъ изъ любопытнаго анекдота, сохранившагося въ запискахъ извѣстнаго литератора и музыканта Рохлица. Въ Лейпцигѣ Лессингъ жилъ нѣсколько времени въ одной комнатѣ съ другимъ студентомъ, Іоганномъ-Фридрихомъ Фишеромъ. Много лѣтъ спустя, когда Лессингъ былъ уже авторомъ „Эмилии Галотти“ „Гамбургской Драматургіи“. Фишеръ занималъ должность ректора въ одной изъ школъ, соотвѣствующихъ нашимъ гимназіямъ. Рохлицъ учился въ этой школѣ. Ректоръ замѣтилъ въ ученикѣ литературныя наклонности, призвалъ его къ себѣ и преподавалъ слѣдующее назиданіе изъ собственныхъ воспоминаній: „Говорилъ ужъ я тебѣ, чтобы бросилъ свои нѣмецкія книги; но

спрашиваю, исполнилъ ли ты мой совѣтъ, а только скажу тебѣ: исполни его, брось нѣмецкія книги, не вводи себя въ погибель, потому что къ погибели онѣ ведутъ. Тѣмъ больше огорчаешь ты меня, что этими вредными наклонностями припоминается мнѣ такой примѣръ,—примѣръ изъ молодости,—отъ котораго и теперь болитъ мое сердце. Расскажу тебѣ, какъ это было. Пріѣхавъ изъ Кобурга въ здѣшній университетъ, поселился я вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ, который уже годъ числился студентомъ. Онъ былъ сынъ хорошихъ людей: отецъ его былъ пасторомъ въ Лаузицѣ. Жили мы съ нимъ на Верхней улицѣ, у Старыхъ Бань. Кація способности далъ Богъ этому человѣку! Какъ онъ зналъ по гречески и по латыни! Мы съ нимъ слушали Эрнести, знаменитаго тогдашняго филолога,—то есть, нечего намъ было и слушать у него! Читать Оукидида было для насъ просто развлеченіемъ. Ахъ, какой человѣкъ могъ бы изъ него выйти! Но пошелъ онъ по такой дорогѣ! Ужъ прежде онъ много читалъ ио нѣмецки,—ну, сталъ и писать самъ по нѣмецки, сочинять нѣмецкіе стихи. И пошелъ, и пошолъ, и никакъ нельзя было его остановить. Онъ былъ мой лучшій другъ, мой единственный другъ въ цѣломъ университетѣ; но я отсторопился отъ него—не могъ выносить этого. Началъ онъ даже писать комедіи. Ну, вотъ... вотъ... дальше да дальше, и сдѣлался онъ... нѣтъ, и сказать грустно, что изъ него вышло. Ну, да самъ спроси у людей, скажутъ тебѣ: этого человѣка звали Лессингъ”.

Этотъ урокъ молодому человѣку, это предостереженіе: „смотри, если станешь продолжать, какъ началъ: то будешь ты ничѣмъ ннымъ, какъ развѣ Лессингомъ“,—эта искренняя, глубокая грусть добродушнаго друга о томъ, что Лессингъ погубилъ свои прекраснымъ дарованіемъ и самого себя, вся эта рѣчь почтупнаго ректора представляется намъ теперь чѣмъ-то нелѣпо наннымъ до забавной оригинальности. Это нѣчто нелѣпѣйшее, нежели ученія разеужденія Фамусова и Скалозуба, что-то напоминающее сужденія обитателей Брыпскихъ скитовъ, понятіи какого-то дикаго Никиты Пустосвята. Если студентъ, горячо любившій Лессинга, очень близко знавшій его—вѣдь они жили въ одной комнатѣ—такъ огорчался уже одною любовью его къ нѣмецкой литературѣ, этою, невидимому, самою невинною чертою изъ всѣхъ противорѣчій его жизни общепринятому порядку, то можно вообразить, каковы были у людей пожилыхъ, наклонныхъ къ строгости въ нравственныхъ понятіяхъ и въ требованіяхъ отъ молодаго человѣка соблюденія приличій,—каковы были понятія всѣхъ добропорядочныхъ людей о будущности, которому готовить себѣ Лессингъ, когда они соображали всѣ ужасныя черты его образа жизни—не только сочинительство его на нѣмецкомъ языкѣ, но, что гораздо ужаснѣе, его дружбу съ Миліусомъ и ночныя пирушки въ обществѣ этого оборваннаго кощуна, его панибратство съ актерами и актрисами, обществомъ которыхъ гнушался даже Войссе, студентъ, сочинявшій для нихъ комедіи.

Дикимъ кажется намъ теперь все это. Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, съ житейской точки зрѣнія, то, право, подумаешь: не разсчетливѣли, не лучше ли для отдѣльнаго человѣка устроить свою жизнь сообразно съ понятіями большинства? не былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, правъ добрый

ректоръ Іоганвъ Фишеръ, съ грустью вспоминая о томъ, какъ Лессингъ губилъ себя? да, если онъ думалъ о житейскомъ благоденствіи своего друга, то, безъ сомнѣнія, былъ правъ.

А надобно сознаться, что изъ сотни людей, одержанныхъ въ молодости различными возвышенными стремленіями, развѣ одинъ не станеть впослѣдствіи раскаяваться, если эти порывы стоили ему какихъ нибудь жертвованій житейскимъ благосостояніемъ; и надобно еще то сказать, что, въ самомъ дѣлѣ, у очень многихъ людей всѣ эти порывы имѣютъ слѣдствіемъ единственно только порожденіе чепухи, различнаго рода, смотря по характеру порывовъ. Друзья и родные должны были, въ самомъ дѣлѣ, опасаться за Лессинга, потому что только при концѣ молодого разгула обнаруживается, имѣлъ ли человѣкъ силу безвредно пройти его, только послѣдующая энергическая дѣятельность доказываетъ, что человѣкъ не напрасно пренебрегалъ торною дорогою, стремясь къ славѣ.

Но теперь, когда славная дѣятельность Лессинга показала намъ его натуру, мы можемъ видѣть, что и въ увлеченіяхъ молодости онъ не измѣнилъ ни своему призванію, ни своему характеру. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ характерѣ, — пусть онъ самъ собою раскрывается передъ читателями въ продолженіе біографіи, — но скажемъ только, что основною чертою его натуры были рѣдкая полнота и всесторонность. У него были сильныя страсти, и онъ повременамъ беззавѣтно отдавался той или другой изъ нихъ; но никогда ни одна изъ нихъ не могла поработить его себѣ, именно потому, что натура его была слишкомъ чужда всякой односторонности. На пирушкахъ съ Миліусомъ онъ, быть можетъ, пилъ больше самого Миліуса; у него было много интригъ, и, конечно, онъ любилъ страстно; но никогда не было минуты, въ которую не могла его натура свергнуть съ себя эти страсти. Онъ былъ подобенъ древнему бойцу, который съ увлеченіемъ шелъ на битву, но и въ самомъ разгарѣ битвы не терялъ ни разумаго самообладанія, ни свѣтлаго взгляда, ни спокойствія на ясномъ челѣ. Онъ, среди другихъ людей, былъ не по одному уму, но и по характеру, по всей своей натурѣ Милонъ Кротонскій, который могъ идти съ ними, когда хотѣлъ, могъ принимать участіе въ ихъ трудахъ, если то ему казалось нужно, но котораго ничья сила не могла поколебать, если онъ хотѣлъ остановиться. который, какъ безсильныхъ дѣтѣй, схватывалъ и увлекалъ за собою или легкимъ движеніемъ руки отстранялъ тѣхъ, кто хотѣлъ удержать его или увлечь за собою. Въ жизни онъ былъ нѣчто подобное тому, что Шекспиръ въ своей поэзіи: на всѣ чувства привѣтно откликается поэзія Шекспира, но не подчиняется она ни одному изъ нихъ — она страстнѣе, нежели анакреонтическія пѣсни юга, она грустнѣе, нежели самыя грустныя легенды сѣвера, она веселѣе, нежели веселыя пѣсни Франціи; но ни грусть, ни веселье, ни страсть не сдѣлають ея своею рабою, съ величественнымъ гомерическимъ самообладаніемъ владычествуетъ она равно надъ своимъ восторгомъ и падѣ своимъ страданіемъ.

Быть можетъ, мы слишкомъ рано указали эту основную черту характера Лессинга въ такомъ величественномъ свѣтѣ: вѣдь мы говоримъ еще только о двадцатилѣтнемъ юношѣ; быть можетъ, уместнѣе было бы это срав-

ноше съ героями древности тогда, когда онъ явился бы намъ авторомъ „На-тапа Мудраго“ и противникомъ Геце. Но и въ юношѣ эта основная черта уже обнаруживается поразительнымъ образомъ.

Уже въ тѣхъ отношеніяхъ къ роднымъ, о которыхъ мы говорили выше, въ тѣхъ письмахъ къ отцу и матери, отрывки изъ которыхъ мы привели, ярко видна она. Его осыпають оскорбительнѣйшими укоризнами и обвиненіями; но онъ чувствуетъ, что онъ совершенно правъ. Иной, на его мѣстѣ, гнѣвно прекратилъ бы всякія сношенія съ родными, сказавъ, что не хочетъ оправдываться передъ людьми, слишкомъ мало понимающими его; другой, сознавая, что вся виѣшность обвиняетъ его, что его образъ жизни, положеніе, усвоиваемое имъ себѣ въ обществѣ, свидѣлствуютъ противъ него, сталъ бы просить извиненія своимъ проступкамъ, сталъ бы говорить скромно и покорно. Лессингъ дѣлаетъ не такъ. Онъ говоритъ отцу спокойнымъ, самоувѣреннымъ и вмѣстѣ почтительнымъ тономъ. Онъ объясняетъ роднымъ, какъ надобно смотрѣть на людей, на обстоятельства; онъ ни въ чемъ не дѣлаетъ уступки ихъ мнѣніямъ, выставляетъ себя совершенно правымъ и, однако же, не говоритъ имъ ни одного слова, которое неумѣстно было бы въ устахъ сына; онъ какъ будто читаетъ имъ проповѣди, облеченныя тономъ сыновняго уваженія. И не только письма, но и дѣйствительныя отношенія его къ роднымъ имѣють совершенно особенный характеръ, какого не могъ бы выдержать въ подобныхъ обстоятельствахъ никто другой. Ни въ чемъ онъ не подчиняется роднымъ—я, однако же, не перестаетъ быть почтительнымъ сыномъ; родные ногодуютъ на него, скорбятъ о немъ—его чувства къ нимъ остаются рѣшительно неизмѣнны, какъ бы никакихъ непріятностей не бывало между ними, и, до конца жизни, онъ остается вѣрнымъ, любящимъ членомъ семейнаго кружка, совершенно отстраняя его вліяніе отъ своей жизни, но постоянно дѣлая для родныхъ все, что только возможно.

Точно съ такимъ же спокойнымъ чувствомъ своей совершенной справедливости выслушивалъ онъ тогда и внослѣдствіи всевозможныя обвиненія своихъ враговъ, всевозможныя замѣчанія друзей. Онъ дѣлалъ то, что находилъ нужнымъ, и никакія ободренія или просьбы не могли заставить его сказать больше, никакія осужденія не могли заставить его сказать меньше. Нельзя не вспомнить здѣсь и страпнаго отношенія къ нему его біографовъ и историковъ нѣмецкой литературы. Только немногіе изъ этихъ людей могутъ возвыситься до того, чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣлять образъ мыслей Лессинга. Когда вы присмотритесь къ ихъ собственнымъ мнѣніямъ, вы ожидаете, что они должны осуждать Лессинга, какъ человѣка слишкомъ рѣзкаго, слишкомъ безцеремоннаго въ выраженіи своихъ мыслей, слишкомъ далеко двинушагося впередъ въ образѣ своихъ понятій; а, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ даже не воображаетъ, что о Лессингѣ можно говорить такъ, какъ говорится о Гете или Шиллерѣ, можно хвалить въ немъ одно, осуждать другое: нѣтъ! передъ всѣми его приговорами всѣ они совершенно смиряются, будто все еще ждутъ, что онъ можетъ встать изъ гроба и поразить людей, отважившихся сдѣлать ему самое легкое замѣчаніе, какъ поразилъ Клоца. Мы опять должны прибѣгнуть къ сравненію, употребляемому выше: мнѣшія Лессинга внушаютъ всѣмъ какое-то благоговѣніе, какъ

поэзии Шекспира: „Это такъ: это иначе невозможно; онъ правъ“, говоритъ каждый о „Гамбургской Драматургіи“ или „Лаокоонъ“, какъ говоритъ о „Гамлетъ“ или „Отелло“. Въ области мысли до сихъ поръ Лессингъ представляется для нѣмецкихъ историковъ литературы такимъ же непогрѣшительнымъ авторитетомъ, какъ Шекспиръ въ области поэзіи. Можно продолжать эту авалогію и въ отрицательномъ смыслѣ: почти никто изъ поэтовъ не слѣдуетъ урокамъ, каіе даетъ поэзія Шекспира, почти никто изъ критиковъ и философовъ не исполняетъ принциповъ Лессинга; но не подчиняться влиянію того и другаго возможно, только забывая о нихъ, а какъ скоро являются они передъ нашимъ воспоинаніемъ, никто не чувствуетъ въ себѣ рѣшимости противорѣчить имъ. Превосходство ихъ слинкомъ велико; поэзія одного, мысль другаго по своей натурѣ таковы, что не оставляютъ мѣста никакому разнорѣчію въ сужденіяхъ. Да, сильная это была натура, и очень щедро одаренная природою. Мы довели свой рассказъ до начала литературной дѣятельности Лессинга,—началась она поэтическими произведеніями, и тутъ можно уже видѣть, на сколько былъ онъ выше обыкновенной мѣрки.

Лессингъ самъ о себѣ сказалъ, что не имѣетъ врожденнаго поэтическаго таланта, что его произведеніи не созданія независимаго отъ мысли творчества, а только осуществленія сознательной мысли. „Я не поэтъ—говоритъ онъ въ послѣднемъ номерѣ своей „Драматургіи“.—Мнѣ часто оказывали честь, признавая меня поэтомъ; но это значило не знать меня, не признавать особенностей моей натуры. Не надобно было выводить такого высокаго заключенія изъ нѣсколькихъ драматическихъ опытовъ, на которые я отваживался. Не всякаго, кто беретъ въ руки кисть и пестритъ полотно красками, можно назвать живописцемъ. Первые изъ этихъ опытовъ написаны мною еще въ такихъ лѣтахъ, когда охоту и способность легко писать принимаютъ за геній. А относительно всего, что только есть сноснаго въ моихъ послѣдующихъ драмахъ, я очень твердо знаю, что всѣмъ этимъ я обязанъ исключительно собственному критическому размышленію. Я не чувствую въ себѣ живаго источника, который бьетъ черезъ край собственной силой, собственною силою рвется на свѣтъ богатыми, свѣжими, чистыми струями. Я долженъ все выжимать, вытягивать изъ себя усиленіемъ. Я былъ бы совершенно бѣденъ, холоденъ, если бы не научился, такъ сказать, пользоваться чужими сокровищами, согрѣваться у чужаго огня и изощрять мое зрѣніе очками критики. Потому-то я всегда стыдился или досадовалъ, когда читалъ или слышалъ что нибудь въ осужденіи критики, когда слышалъ, что она убиваетъ геній,—вѣдь я, напротивъ, льстилъ себя мыслью, что она даетъ мнѣ нѣчто очень близкое къ генію. Я хромымъ, которому нельзя угодить пасквилемъ на клюку. Но хотя и правда, что клюка помогаетъ хрому ходить, скороходомъ она никогда не сдѣлаетъ его. Такъ и критика. Если я при помощи ея произвожу нѣчто лучшее, нежели произволь бы чловѣкъ съ моими талантами безъ критики, то, надобно прибавить, это стоитъ мнѣ труда, я долженъ быть совершенно свободенъ отъ другихъ дѣлъ, не долженъ разсѣиваться произвольными развлеченіями, долженъ на каждомъ шагу соображать всѣ свои наблюденія надъ характерами и страстями“.

Мы впоследствии увидимъ, что эти слова, сказанныя съ цѣлью объяснить, почему онъ не писалъ каждый годъ по нѣскольку драмъ, какъ было ему хотѣлось при основаніи „Драматургіи“,—увидимъ, что эти слова имѣютъ вовсе не такой смыслъ, чтобы отвѣчать у Лессинга поэтическій талантъ: поэтическаго таланта, безъ сомнѣнія, было у него не меньше, нежели у кого нибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ, кромѣ Гёте и Шиллера, далеко превосходившихъ его въ этомъ отношеніи,—онъ только хотѣлъ сказать, что натура его вовсе не такова, какъ натура людей, созданныхъ исключительно быть поэтами, подобно Шекспиру или Байрону; что у него творчество слишкомъ слабо въ сравненіи съ силою вкуса и мысли и дѣйствуетъ не самопроизвольно, какъ у Шекспира или въ народной поэзіи, а только по вѣнующей и подъ вліяніемъ обсуждающаго ума. Но то остается безспорно, что поэтическій талантъ не былъ у Лессинга преобладающимъ даромъ природы и вообще самъ по себѣ не могъ бы поставить его на ряду съ истинно великими поэтами. Словомъ, поэзія не была сильнѣйшимъ изъ его талантовъ.

А, между тѣмъ, и эта способность, имѣвшая только второстепенное значеніе въ его натурѣ, была достаточно велика, чтобы самыя первыя, можно сказать, ребяческія произведенія Лессинга тотчасъ же были замѣчены всѣми и пріобрѣли ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ тогдашней нѣмецкой литературѣ, въ противность обыкновенному порядку, по которому почетное имя и уваженіе критики пріобрѣталось только многолѣтнимъ трудомъ, вмѣстѣ съ сѣдинами и важными мѣстами въ гражданскомъ обществѣ. То была пора, отчасти подобная нравамъ русскаго литературнаго міра до Пушкина. Молодой человѣкъ старался попасть подъ покровительство заслуженнаго литератора,—тотъ вводилъ его въ общество писателей, уже двадцать-тридцать лѣтъ пользовавшихся славою нѣмецкихъ Гомеровъ, Корнелей и Анакреоновъ. Эти съ важнымъ видомъ слушали произведенія новичка, поправляли ихъ, одобряли ихъ, такъ продолжалось десять, пятнадцать лѣтъ, и только состарѣвшись, въ свою очередь, бывшій новичокъ дѣлался знаменитымъ писателемъ.

Лессингъ, двадцатилѣтній юноша, не примыкавшій ни къ какому литературному обществу, не считавшій нужнымъ познакомиться ни съ однимъ изъ знаменитыхъ тогдашнихъ поэтовъ или критиковъ, съ перваго же раза пріобрѣлъ громкую извѣстность своими анакреонтическими одами и комедіями. Пѣсни его печатались въ журналахъ, издававшихся Миллусомъ: „Развлеченіе“ (Ermunterungen) и „Натуралистъ“ (Naturforscher); пьесы были написаны для труппы г-жи Нейбергъ, потомъ перешли и на другія нѣмецкія сцены. Мы не будемъ перечислять ни этихъ пѣсенъ, ни дажо этихъ комедій: онъ теперь, по всей справедливости, не читаются почти никѣмъ, кромѣ людей, занимающихся исторіею литературы, хотя въ свое время надѣлали шуму и были единогласно превозносимы всѣми критиками, какъ лучшія въ своемъ родѣ произведенія нѣмецкой литературы.

Такъ, наиримѣръ, знаменитый профессоръ Михаэлисъ, тогда писавшій въ „Гёттингенскихъ Ученыхъ Извѣстіяхъ“, одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ критическихъ журналовъ, говорилъ объ анакреонтическихъ нѣняхъ Лессинга: „Если бы нибудь лирическія пьесы были читаны нами съ восхищеніемъ, то, конечно, лессингоны. Рецензентъ не бываетъ склоненъ къ

увлеченію, но онѣ заставили насъ забыть обо всемъ, бросить всякую другую работу“... и т. д. „Іенскіи Ученыя Извѣстіи“ объявляли, что эти пѣсни должны быть поставлены на ряду съ первоклассными созданіями всѣхъ литературъ. То же самое говорили и объ его пьесахъ. Даже за границу проникла его слава: итальянскіе и французскіе журналы, когда случалось имъ перечислять лучшихъ нѣмецкихъ писателей, непременно упоминали и о Лессингѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Столкновеніе съ Вольтеромъ.—Дѣло съ Ланге.—Дѣло съ Юхеронъ.—*Vademesum* для г. Ланге.—Лессингъ становится выше всякихъ подовръшій.—Онъ становятся страшень, какъ критикъ.—Николай.—Мевдельсонъ.—Отношенія Лессинга, какъ саксонца, къ пруссакамъ во время Семилѣтней войны.—Возвращеніе въ Берлихъ.

Житейское положеніе Лессинга въ Берлинѣ сначала было очень неза- видно,—мы видѣли, какъ онъ жалуется на недостатокъ порядочнаго платья; въ другомъ письмѣ, онъ говоритъ, что имѣетъ обѣдъ въ полтора гроша (6 коп. сер.)—при всей возможной денежизнѣ тогданіяго Берлина, обѣдъ не могъ быть роскошенъ. Предложеніе заняться исправленіемъ латинскаго перевода огромной д'Эрблотовой „Восточной Библіотеки“ за 200 талеровъ въ вознагражденіе этой работы, требовавшей годичнаго труда, онъ выста- вляетъ въ письмахъ къ отцу предложеніемъ выгоднымъ для себя; оно и дѣйствительно было выгодно по его тогданнымъ обстоятельствамъ: въ дру- гихъ случаяхъ, какъ видно изъ писемъ, дѣло шло о талерахъ и десяткахъ талеровъ, никакъ не болѣе. Тѣмъ не менѣе, берлинская жизнь была пріятна ему, при всѣхъ недостаткахъ. Онъ приобрѣлъ довольно много знакомствъ, сблизился съ людьми, которые могли быть полезны ему въ будущемъ, на- дѣялся на литературные успѣхи, ожидалъ, что дѣла его скоро поправятся. Во отецъ и мать настаивали, чтобъ онъ продолжалъ ученую карьеру: уче- ному пастору было обидно за сына, который все еще имѣетъ званіе только кандидата медицины, было грустно думать о томъ, что у него нѣтъ ника- кихъ вѣрныхъ ередствъ къ обезпеченію своего существованія,—литературу старикъ справедливо считалъ очень небогатымъ и вовсе недостаточнымъ источникомъ доходовъ. Не знаемъ, послунался ли бѣ Лессингъ убѣжденій отца держать экзаменъ на высшія ученныя степени, съ цѣлью получить университетскую каеодру, — но встрѣтилось обстоятельство, которое не ожи- даннымъ и нимало не пріятнымъ образомъ помогло исполненіе отцовскаго желанія.

Однимъ изъ первыхъ знакомыхъ Лессинга въ Берлинѣ былъ французъ Ринье де-Лувенъ, человекъ съ добрымъ сердцемъ, если не съ гениальнымъ умомъ *). Положеніе обоихъ было почти одинаково, по лѣтамъ они были сверстники, и скоро стали близкими друзьями. Правда, часто сердился Ринье на Лессинга, когда тотъ не курилъ еиміама французской литературѣ, не хотѣлъ называть Лафонтена величайшимъ баснописцемъ, а Корнея и Расина

*) Разсказъ Карла Лессинга.

величайшими трагиками въ мірѣ; но все-таки оставались они добрыми пріятелями, и наъ дружескихъ разговоровъ Ринье на столько познакомился съ нѣмецкою литературою, что въ обществѣ могъ являться защитникомъ нѣмецкой литературы,—что всего забавнѣе, противъ нѣмцевъ.

Въ 1750 году, Ринье, прежде жившій уроками французскаго языка, сдѣлался севретаремъ у Вольтера, и черезъ три-четыре недѣли имѣлъ случай рекомендовать своего пріятеля знаменитому писателю. Случай этотъ былъ такого рода: Вольтеръ искалъ человѣка, который бы могъ переводить на нѣмецкій языкъ меморіалы, которые писалъ Вольтеръ противъ еврея Гирша, по поводу своего извѣстнаго процесса съ этимъ жидомъ изъ-за квитанцій саксонскихъ налоговъ, которыми торговали тогда, какъ нынѣ акціями торговыхъ компаній. Кто былъ правъ, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, разбирать мы не будемъ, довольно сказать, что процессъ надѣлалъ въ то время много шума, раздражительный Вольтеръ велъ его съ ожесточеніемъ, и чрезвычайно хлопоталъ объ успѣхѣ. Какъ писатель, Лессингъ, конечно, былъ ему вовсе неизвѣстенъ,—но какъ переводчикъ его меморіаловъ противъ Гирша, онъ сталъ для него человѣкомъ очень интереснымъ, и Вольтеръ пригласилъ молодого человѣка обѣдать у него каждый день; они говорили о литературѣ и наукахъ, но Вольтеръ сохранялъ при этомъ всегда такой сдержанный и серьезный тонъ, что собесѣдникамъ было мало возможности обнаруживать свой умъ: только при знатныхъ Вольтеръ давалъ просторъ своему острому языку, какъ тѣ музыканты, которые даютъ концерты при дворахъ и въ аристократическихъ залахъ, и не находятъ нужды играть передъ своими собратами. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль. Въ февралѣ 1751 года, процессъ кончился и Вольтеръ уѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ и кончилъ „Siècle de Louis XIV“. Когда въ декабрѣ возвратился онъ въ Берлинъ, Лессингъ снова посѣтилъ своего друга Ринье, и засталъ его въ хлопотахъ съ этимъ только-что отпечатаннымъ сочиненіемъ. Вольтеръ хотѣлъ поднести королевской фамиліи двадцать-четыре экземпляра своей книги, прежде, нежели поступить она въ продажу. Конечно, для подарка нужно было отобрать лучшіе экземпляры, и услышавъ, что это дѣло не терпитъ задержки, Лессингъ сталъ помогать своему пріятелю въ подборѣ лучшихъ оттисковъ. Ринье, въ благодарность за услугу, обѣщался дать ему на нѣсколько дней для прочтенія первую часть сочиненія, если онъ успѣетъ собрать ее изъ дефектныхъ листовъ. Составивъ нужные для Вольтера экземпляры, успѣли друзья собрать изъ дефектныхъ листовъ для Лессинга всю первую часть, за исключеніемъ одного листа, который Лессингъ прочиталъ тутъ же по другому экземпляру, а найденные листы взялъ съ собою, давъ слово, что не покажетъ ихъ никому и возвратитъ черезъ три дня. На другой день, когда вся первая часть была уже прочитана Лессингомъ, навѣстилъ его нѣкто Дрексель, молодой человѣкъ, родомъ также изъ Саксоніи, служившій гувернеромъ у Шуленбурга, и выпросилъ книгу на нѣсколько часовъ себѣ. На бѣду, въ это самое время пріѣхала съ визитомъ къ г-жѣ Шуленбургъ графиня Бентинкъ, пользовавшаяся особенною дружбою Вольтера. Хотѣлъ ли Дрексель щегольнуть передъ дамами литературною новостью, или дамы сами, занявши въ его комнату, увидѣли книгу, какъ бы то ни было, онѣ увидѣли книгу. А

графиня Бентинкъ уже просила у Вольтера экземпляръ его новаго сочиненія, но Вольтеръ отказалъ ей, говоря, что прежде долженъ поднести его королевской фамилии. Тотчасъ же поѣхала она къ Вольтеру, и рассказала ему, что книга уже есть у Дрекселя, который получилъ ее отъ Лессинга. Вольтеръ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, позвалъ своего секретаря, началъ бранить его, и тотчасъ же отправилъ его къ Лессингу взять назадъ книгу,— книга была уже возвращена Дрекселемъ Лессингу, но, къ несчастью, Лессинга не было дома, когда пріѣхалъ къ нему Ришье. Бѣдный секретарь воротился въ уныніи, извиняясь этимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Вольтеръ не хотѣлъ ничего слушать, бѣсился и бранился, крича на Ришье, что онъ и Лессингъ украли у него полный экземпляръ (хотя по счету видно было, что Ришье отдалъ только дефектные листы одной первой части), что они хотятъ сдѣлать перепечатку его сочиненія, или издать его нѣмецкій переводъ, право на который было уже продано книгопродавцу Генпингу. Жестоко браня своего секретаря, онъ заставилъ его подъ свою диктовку написать къ Лессингу письмо, наполненное грубыми или ядовитыми выходками и несправедливыми подозрѣніями, какъ видно, по отвѣту Лессинга,— это письмо затеряно, но отвѣтъ Лессинга, написанный по-французски, сохранился. Лессингъ понялъ, что письмо Ришье продиктовано раздраженнымъ Вольтеромъ, и потому, возвращая книгу, безъ всякихъ колкостей въ отвѣтъ на грубости письма, доказывалъ только, что никогда не имѣлъ намѣренія употребить во зло довѣрчивости своего друга, котораго оправдывалъ совершеніемъ, принимая всю неловкость поступка исключительно на себя: онъ зналъ, что это письмо будетъ прочтено Вольтеромъ, и хотѣлъ помочь своему пріятелю, котораго своею неосторожностью поставилъ въ невыгодное положеніе. Но уже поздно было помогать злополучному секретарю знаменитаго автора: Вольтеръ тотчасъ же, какъ Ришье написалъ письмо, прогналъ его отъ себя, и въ истерпѣши напечалъ самъ Лессингу другоо письмо, въ которомъ, лстя Лессингу различными общаніями, лишь бы только выманить изъ его рукъ драгоценную книгу, называлъ своего секретаря плутомъ, воромъ и т. п.. негодяемъ, который обманулъ Лессинга, выставивъ ему позволительнымъ дѣломъ переводъ или перепечатку, выгодами которой, конечно, хотѣлъ воспользоваться самъ, употребляя Лессинга только орудіемъ своей продѣлки. Книга съ прежнимъ отвѣтомъ на имя Ришье, была уже отправлена Лессингомъ въ домъ Вольтера, когда получено имъ было это второе письмо. Теперь, видя, что дѣло Ришье уже потеряно, Лессингъ не имѣлъ надобности щадить Вольтера, и написалъ прямо на его имя другой отвѣтъ, на латинскомъ языкѣ, которымъ выражался онъ свободнѣе, нежели французскимъ,—отвѣтъ былъ такого рода, что, по выраженію самого Лессинга, Вольтеръ не сталъ бы „выставлять его у окна на показъ“.— къ сожалѣнію, отвѣтъ этотъ не сохранился, и неизвѣстно даже, дошелъ ли онъ до Вольтера, который соберегъ только первый, французскій отвѣтъ, а о второмъ не упоминаетъ.

Ришье мало проигралъ, потерявъ мѣсто у Вольтера: онъ пашолъ себѣ другую, болѣе выгодную должность,— изъ этого надобно заключить, что его репутація не пострадала отъ нелѣпаго подозрѣнія Вольтера: въ самомъ дѣлѣ, даже тѣ люди, которые считали предположеніе Вольтера о переводѣ

или перепечаткѣ его книги справедливымъ, могли приписывать такое намѣреніе только Лессингу, а никакъ не Рихте. И, дѣйствительно, многіе обвиняли Лессинга. Вольтеръ поднялъ страшный шумъ,—Вольтеръ, пользовавшийся милостію Фридриха II, глава французской литературы, обожаемый тогда всѣми свѣтскими людьми въ Германіи, конечно, скорѣе заслуживалъ довѣрія, нежели нипцѣ кандидатъ медицины. Въ Берлинѣ распространились толки, нимало не выгодные для Лессинга,—и, подъ вліяніемъ этой непріятности, онъ рѣшился послушаться отцовскаго желанія,—уѣхать въ Виттенбергъ, чтобы держать тамъ экзаменъ на магистра*).

Тамъ ожидали его новыя непріятности. Къ бѣдности онъ уже привыкъ; но все-таки въ Виттенбергѣ было ему очень тяжело: въ Берлинѣ онъ успѣлъ уже нѣсколько опредѣлить свое положеніе и составить нѣкоторыя, хотя еще незначительныя связи съ книгопродавцами, отъ которыхъ тогда совершенно зависѣла судьба нѣмецкихъ писателей,—тамъ онъ если и нуждался, порою очень нуждался, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ каждый день обѣдъ,—правда и то, что обѣдъ былъ не роскошенъ. Но въ Виттенбергѣ часто и того не бывало,—иной день обходился, судя по словамъ брата, и безъ всякаго обѣда, рсскошнаго или нероскошнаго. А между тѣмъ, Лессингъ работалъ страшно много,—не для приготовленія къ магистерскому экзамену, что, конечно, не требовало со стороны его особеннаго труда, а для того, чтобы имѣть насущный кусокъ хлѣба: онъ по прежнему переводилъ, писалъ статьи во всевозможныхъ родахъ, издавалъ (т. е. продавалъ книгопродавцамъ за

*) Представимъ здѣсь примѣръ того, какъ велико было безпристрастіе Лессинга въ его критической дѣятельности. Оскорбленіе, нанесенное Лессингу подозрѣніемъ Вольтера, было очень велико: Вольтеръ на нѣкоторое время запятналъ его честность во мнѣніи многихъ,—заставилъ его,—что всего мучительнѣе для благороднаго человѣка,—считать себя причиною непріятности, отъ которой пострадалъ его другъ. Удаленіе изъ Берлина, конечно, разстроило многіе планы и надежды Лессинга. Черезъ годъ, вскорѣ по возвращеніи Лессинга въ Берлинъ изъ Виттенберга, гдѣ онъ, по милости Вольтера, терпѣлъ страшную нужду, пришлось Лессингу писать рецензію о драмѣ Вольтера,—и вотъ какова эта рецензія:

„*Amalie, ou le Due de Foix, tragédie de m-r de Voltaire etc.* Хвалить Вольтера такъ же излишне, какъ бранить Гайке (а). Гевію дана власть все, что пишетъ онъ, писать превосходно:

Was ihn bewegt, bewegt, was ihm gefällt, gefällt.
Sein glücklicher Geschmack ist der Geschmack der Welt.

(Что трогаетъ его, трогаетъ всѣхъ; что нравится ему, нравится всѣмъ. Его счастливый вкусъ—вкусъ всей публики). О, какой это поэтъ! И въ старости сохранилъ онъ весь жаръ юности, какъ въ юности онъ, кажется, впередъ приобрѣлъ себѣ всю мудрость старости.

„Сюжеты пьесъ взять изъ исторіи среднихъ вѣковъ,—не будемъ пересказывать его, потому что не хотимъ отнимать у читателей наслажденія, которое доставляется въ чтеніи неизвѣстностью развязки, и замѣтимъ только, что „Амалия“—драма безъ кровопролитія; она можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, что трагическое состоятъ не въ одной только рѣзкѣ. Какія situacii, какой драматизмъ въ чувствахъ! Скажемъ смѣло, въ этой трагедіи авторъ превзошелъ самого себя“.

Такъ говорилъ Лессингъ о произведеніи писателя, который, какъ человѣкъ, грубо и пошло оскорбилъ его, какъ человѣка. Тутъ нѣтъ никакого слѣда личной непріятности, которою былъ оскорбленъ авторомъ критикъ. Одного этого примѣра было бы достаточно, чтобы судить о томъ, какая безконечная разниа была между критикою Лессинга и рецензіями, пасквилями и панегириками готтшедіанцевъ и бодмеріанцевъ, гдѣ сущность дѣла исключительно состояла въ томъ, чтобы тѣшить собственное самолюбіе.

(а) Плохой поэтъ Готтшедовой школы.

нѣсколько талеровъ) различные сборники своихъ статей и т. д. Той цѣли, о которой наименѣе заботился, Лессингъ достигъ безъ затрудненій,—онъ сдѣлался магистромъ, и тѣмъ отчасти утѣшилъ отца,—но другую задачу, самую настоящую,—задачу объ обѣдѣ, онъ никакъ не могъ рѣшить въ Виттенбергѣ удовлетворительнымъ образомъ,—хотя бы не для вкуса, по крайней мѣрѣ, для желудка,—потому, пробывъ около года въ Виттенбергѣ, онъ возвратился (въ концѣ 1752 года) въ Берлинъ, гдѣ сталъ снова писать рецензіи для Фоссовой газеты,—дѣло, которымъ онъ обезпечивалъ свой скудный столъ и до отъѣзда въ Виттенбергъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, принялся онъ и за издашіе собранія своихъ сочиненій, которыхъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ (1753 и 1754) вышли четыре части. Издашіе это было принято, какъ мы видѣли, независимыми отъ Готтшеда журналами съ большимъ одобреніемъ, публикою съ живымъ сочувствіемъ,—лирическія стихотворенія и драматическія пьесы Лессинга были немедленно причислены къ „лучшимъ украшеніямъ германскаго Парнасса“, и авторъ ихъ признанъ „однимъ изъ писателей, приносящихъ славу своему отечеству“. Для другаго это значило бы очень много: мы уже говорили, какую необыкновенною честью должно считаться, что публика и журнальные аристархи, привыкшіе преклоняться только передъ литературною престарѣlostью, съ перваго раза почувствовали необходимость сравнить юношу (Лессингу было тогда 24 года) съ ветеранами литературной славы. Но для Лессинга этотъ успѣхъ былъ бы очень ничтоженъ,—да и для нѣмецкой литературы было бы немного сдѣлано Лессингомъ, если бы онъ сталъ пользоваться только честью „быть однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени“—мы видѣли во второй статьѣ, каковы были эти тогдашніе „лучшіе писатели“. Но въ то же время, какъ они признавали Лессинга равнымъ себѣ, думая тѣмъ оказывать ему необыкновенную честь, онъ дѣлалъ для нѣмецкой литературы нѣчто болѣе важное, нежели его пѣсни и первыя пьесы, и пріобрѣталъ извѣстность болѣе громкую, нежели тѣ писатели, имена которыхъ были наиболѣе славны: овъ далъ новую жизнь нѣмецкой критикѣ, и, обнаруживъ недостаточность того, чѣмъ довольствовались публика и литераторы до него, возбуждать въ публикѣ потребность лучшей литературы, указывалъ литераторамъ необходимость быть иными людьми, нежели каковы были они до сихъ поръ, писать не то, и не такъ, что и какъ писали они до сихъ поръ.

Съ самаго начала сужденія Лессинга были независимы отъ духа партій, которыя безплодно ссорились изъ-за удовлетворенія личнымъ тщеславіемъ. Бодмеръ и Готтшедъ были равны въ его глазахъ, и если онъ возставалъ противъ Готтшеда чаще, нежели противъ Бодмера, причиною тому было не предпочтеніе швейцарцевъ саксонцамъ, а то обстоятельство, что Готтшедъ, по своему личному характеру, болѣе заслуживалъ негодованія, безстыднѣе интриговалъ въ литературѣ, нежели Бодмеръ, и пошлымъ образомъ возставалъ противъ всего даровитаго въ литературѣ, особенно противъ Клопштока, котораго достоинства признавались швейцарцами. Но и швейцарцы не были нимало щадимы Лессингомъ. Скоро поднялись противъ новаго критика вопли отъ всѣхъ тщеславныхъ писателей, пустоту славы которыхъ онъ разоблачалъ. Но вся полемика, ими поднятая противъ Лессинга,

послужила только къ увеличенію его извѣстности. Мы расскажем изъ этихъ случаевъ только два, надѣлавшіе особеннаго шума.

Въ Галле находился кружокъ литераторовъ, состоявшихъ въ союзѣ съ Бодмеромъ противъ Готтшеда; главою этого кружка,—такъ называемой галлеской школы, былъ Ланге, пользовавшійся громкою славою за свои „Гораціанскія Оды“—анакреонтическія стихотворенія, написанныя въ подражаніе Горацію. За исключеніемъ готтшедианцевъ, находившихся во враждѣ съ этою литературною партією, всѣ чтити Ланге, какъ одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ на горизонтѣ нѣмецкой поэзіи. На самомъ же дѣлѣ, онъ, подобно другимъ тогдашнимъ свѣтиламъ, былъ человекъ съ довольно-ограниченнымъ умомъ, посредственнымъ талантомъ, безмѣрнымъ самопоклоненіемъ, и въ добавокъ, точно также, какъ остальные члены его школы—Мейеръ, Глеймъ, Вазеръ, Зульцеръ, Гирцель и его другъ Пира, развилъ въ себѣ сладостнѣйшую приторность въ дружбѣ, то есть въ дѣлахъ взаимнаго восхваленія. Всѣ они плакали отъ дружескаго восторга при свиданьяхъ, цаловались лично и письменно безчисленное множество разъ, и вообще имѣли чувства, совершенно маниловскія. Стихотворенія Пира и Ланге были даже соединены Бодмеромъ (безъ вѣдома авторовъ—сладкій дружескій сюрпризъ) въ одну книжку (символь единства ихъ сердецъ), подъ трогательнымъ заглавіемъ „Дружественныя пѣсни Тирсиса и Дамона“ *). Эти пѣсни также пользовались большою славою. Пира ставилъ своего друга на ряду съ Мильтономъ. По смерти Пира, онъ, ставъ единственнымъ корифеемъ школы, сдѣлался предметомъ еще безпредѣльнѣйшаго восхваленія. Жена его, которой дали въ поэтическомъ кругу имя Дорины, прославилась уже тѣмъ, что писала подражанія стихотвореніямъ мужа. Превознесенный за подражанія Горацію, Ланге вздумалъ наконецъ перевести его оды; объявленія о томъ, что великій поэтъ предпринялъ этотъ прекрасный трудъ, были сдѣланы заранее, а въ 1752 году напечатанъ былъ и переводъ. Тутъ постигла его неожиданная бѣда.

Во второй части своихъ сочиненій Лессингъ напечаталъ рядъ писемъ, содержаніемъ которыхъ были изслѣдованія о старинной литературѣ, разборы нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и т. д. Въ двадцать четвертомъ письмѣ дѣло шло о переводѣ гораціевыхъ одъ Ланге, и сужденіе критика было очень неблагопріятно для знаменитаго автора.

„Вы, безъ сомнѣнія, помните,—говорилъ Лессингъ въ своемъ письмѣ какому-то г-ну Ф., на имя котораго было оно адресовано, — какъ высоко уважалъ я всегда „Гораціевскія оды“ и ихъ автора, г. Ланге. Я всегда считалъ его одавить изъ главнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, въ сѣ ветеранѣмъ ожидалъ общаго имъ перевода Горація. Наконецъ, переводъ явился, и я, можно сказать, не прочиталъ, а проглоталъ его. До сихъ поръ не могу еще оправиться отъ наумелія, въ которое онъ меня прив-

*) Мы не прикраиваемъ заглавія: Thirsia und Damons freundschaftliche Lieder (1745)—это восхитительно, но мы можемъ противопоставить иноземному прекрасному свое, не менѣе прелестное: „Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца“, Рындовскаго (1809); „Вздохи сердца“ (1728), къ сожалѣнію, безъ имени автора, „Цвѣты Грацій“ князя Шаликова—(1802) и извѣстные „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ и „Бытіе моего сердца“.—„Прелести дѣтства и удовольствія матерня любви“ Андрея Стахлева, къ несчастію, не могутъ быть предметомъ нашей гордости, потому что переведены съ французскаго.

вель. Но — увы! изумленіе мое было вовсе не такого рода, какъ я надѣялся, — не изумленіе отъ чрезвычайныхъ врасотъ, а изумленіе отъ чрезвычайныхъ ошибокъ. Первый же взглядъ, упавшій на четырнадцатую оду пятой книги, — ва этомъ мѣстѣ раскрылся переводъ, — привелъ меня въ ужасъ“.

Дѣло въ томъ, что Ланге часто не понималъ подлинника, и, напримеръ, въ этой одѣ *rosula somnium ducentia* — „чаши, наводящія сонъ“ — переводить „двѣсти чашъ сна“ — воображая, что *ducentia* (наводящія) все равно, что *ducenta* (двѣсти).

Въ самомъ дѣлѣ, ошибка эта чрезвычайно груба.

„Просмотрѣвъ книгу, продолжаетъ Лессингъ, я ва каждой страннѣ замѣтилъ подобныя промахи, в результатъ этихъ замѣтокъ былъ таковъ: г. Ланге, утверждающій, что девять лѣтъ завивался этимъ трудомъ, потерялъ девять лѣтъ; и совершенно непостижимо, каковыя образомъ могъ овъ счастливо подражать Горацию, не понимая его. Въ подтвержденіе такого сужденія, критикъ приводитъ десятка полтора другихъ грубыхъ пронаховъ переводчика, и ованчиваетъ: „Благодарите меня, что я не наскую вамъ гораздо большимъ числомъ такихъ вещей. Но и этихъ довольно, чтобы покачать голову надъ словами человѣка, хвлящагося въ предисловіи тѣмъ, что хотѣлъ дать буквальный и вѣрный переводъ. Силевъ ли, поэтичевъ ли, гладокъ ли, обладаетъ ли какимъ нибудь другимъ достоинствомъ этотъ переводъ, пусть рѣшаютъ другіе, а я ве знаю, какъ искать въ немъ какого нибудь достоинства“.

Можно вообразить себѣ гнѣвъ знаменитаго поэта! — онъ отвѣчалъ критику, — но, къ своему величайшему несчастію, хотѣлъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, и, не ограничиваясь опроверженіемъ замѣчашій Лессинга, набросить тѣнь на его характеръ, выставивъ, что строгость Лессинга — слѣдствіе неудачи его своекорыстныхъ ожиданій. Письмо Лессинга было перепечатано въ „Гамбургскомъ Корреспондентѣ“, и Ланге напечаталъ „Письмо къ автору статьи о переводѣ Горация, помѣщенной въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ“. Тутъ говорилось, что черезъ одного общаго знакомаго Лессингъ предлагалъ Ланге не печатать замѣчашій, если Ланге даетъ ему за то извѣстную сумму, но что Ланге не согласился платить дань журнальному крикуну, и за то Лессингъ озлобился противъ него.

На самомъ дѣлѣ, случай, который Ланге выставялъ въ такомъ дурномъ видѣ, произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ мартѣ 1752 года, когда жилъ въ Виттенбергѣ, Лессингъ познакомился съ галлескимъ профессоромъ Николаи *), который проѣздомъ посѣтилъ Виттенбергъ. По возвращеніи Николаи въ Галле, они стали переписываться между собою. Въ первомъ же нисъмѣ, Лессингъ говорилъ, между прочимъ, что прочелъ переводъ Горация, сдѣланный Ланге, нашелъ въ немъ большія ошибки, и хочетъ указать ихъ въ какой нибудь газетѣ. Николаи, бывший близкимъ другомъ Ланге, заботясь о литературной славѣ своего друга, отвѣчалъ Лессингу: „Я не совѣтовалъ бы никому, намѣревающемуся жить въ прусскихъ владѣніяхъ, нападать на г. Ланге, потому что онъ пользуется силою при дворѣ. Но я знаю его за человѣка, который слушается добрыхъ совѣтовъ, когда ему хорошо объяснять дѣло. Потому надобно бы объяснить ему эти ошибки. Я

*) Этого галлескаго Николаи не должно смѣшивать съ извѣстнымъ берлинскимъ писателемъ — книгопродавцемъ Николаи, съ которымъ Лессингъ познакомился черезъ два года.

думаю, не предложить ли ему самому быть издателемъ написанныхъ вами противъ него замѣчаній, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ воспользоваться вашими поправками при новомъ изданіи своей книги, или отдѣльно напечатать ихъ. Конечно, онъ долженъ при этомъ заплатить автору ихъ гонорарій, какъ вообще издатель платитъ автору за рукопись“. Въ своемъ отвѣтѣ, Лессингъ деликатнымъ образомъ отклонялъ предложеніе Николаи быть посредникомъ между нимъ и Ланге; ему непріятно было, что Николаи считаетъ его такимъ корыстолюбивымъ человѣкомъ, который за деньги откажется отъ намѣренія печатать статью — онъ хотѣлъ, чтобы Николаи не навязывался болѣе съ своимъ посредничествомъ, котораго Лессингъ вовсе не желалъ, и, дѣйствительно, онъ не послалъ своихъ замѣчаній въ рукописи ни къ Ланге, ни къ Николаи — ясное доказательство того, что онъ, вовсе не намѣренъ былъ имѣть сношеній съ Ланге и не хотѣлъ пользоваться предложеніемъ Николаи. Но Николаи сообщилъ Ланге о томъ, что писалъ ему Лессингъ, и о своемъ предложеніи Лессингу, замѣчая впрочемъ, что ни въ какомъ случаѣ Лессингъ не откажется напечатать своихъ замѣчаній.

Этимъ случаемъ воспользовался Ланге, чтобы, отвѣчая на замѣчанія Лессинга, прибавить, что онъ продажный Зоиль, заставляющій авторовъ откупаться деньгами отъ его нападеній.

Лессингъ вознегодовалъ, прочитавъ гнусное обвиненіе, возведенное на него Ланге, и рѣшился отвѣчать ему такъ, чтобы надолго остался памлтенъ въ литературѣ этотъ отвѣтъ; — рѣшеніе это не было только слѣдствіемъ оскорбленнаго чувства, — позднѣе, во время полемики съ Клоцемъ, Лессингъ говорилъ о своихъ странныхъ возраженіяхъ: „много горячихъ словъ я употребилъ, но ни одного изъ нихъ не сказалъ только по увлеченію — нѣтъ, именно каждое изъ нихъ надобно было сказать, и каждое оставлено на своемъ мѣстѣ по холодному, безпристрастному убѣжденію, что польза литературы и справедливость того требуютъ“. Такъ было и теперь. Лессингу необходимо было безпощаднымъ образомъ доказать совершенную основательность своего прежняго приговора о переводѣ Ланге, чтобы не оставалось ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не увлекался какими нибудь личными отношеніями, объявляя этотъ переводъ плохимъ; онъ долженъ былъ неумолимо наказать человѣка, взводившаго подозрѣнія на чистоту его характера, чтобы отнять у другихъ охоту слѣдовать примѣру Ланге, — это было тѣмъ необходимымъ, что ужъ не въ первый разъ литературныя замѣчанія его подавали поводъ къ подобной клеветѣ, совершенно такой же случай былъ съ нимъ по поводу замѣчаній на словарь Йохера.

„Словарь Ученыхъ“ (Gelehrtenlexicon) Йохера — произведеніе громадной учености и ужасающаго трудолюбія, — работа, по достоинству и громадности подобная греческому словарю Генриха Стефана, словарямъ средневѣковаго латинскаго и средневѣковаго греческаго языка Дюканжа, латинской и греческой бібліотекамъ Фабриція, бібліографическимъ словарямъ Эберта и Керара. Страшно и подумать о томъ, сколько жизни и знанія, сколько терпѣнія и труда нужно было употреблять каждому изъ этихъ знаменитыхъ ученыхъ, чтобы дать наконецъ наукѣ „сокровище“, какъ и называлъ свой словарь Генрихъ Стефанъ. За то дѣйствительно можно назвать подобныя

работы „сокровищами науки“ — онѣ навѣки остаются необходимыми справочными книгами для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей. И когда, съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ новыхъ фактовъ, необходимы бывають явныя дополненія изданія подобныхъ трудовъ, цѣлыя общества ученыхъ соединяются для совершенія столь исполнинскаго дѣла, — такъ недавно дѣлалось сотрудничествомъ почти всѣхъ филологовъ западной Европы новое изданіе греческаго словаря Гевриха Стефана.

Странно, неправдоподобно дѣло, предпринятое Лессингомъ, когда явился „Словарь Ученыхъ“ Йохера. Разсматривая его, онъ вздумалъ издать дополненія и поправки къ атому гигантскому труду, — работа, требующая столько же учености и труда, какъ и самое составленіе „Словаря“. Лессингъ былъ въ то время двадцати-трехлѣтний юношею; послѣдшія четыре или пять лѣтъ, юноша провелъ въ томъ, что писалъ комедіи, стихотворенія, журнальныя статьи для своего пропитанія, — онъ былъ литературнымъ поденщикомъ, — не для науки, а для куска хлѣба онъ работалъ, — не о расширеніи знаній, а о томъ, какъ бы заработать себѣ полтора гроша на обѣдъ, надобно было ему думать, — ему ли быть приготовленнымъ къ совершенію труда, за который онъ брался? Когда онъ успѣлъ пріобрѣсти громадныя знанія, нужныя для того? Когда ему, нищему и полуголодному газетному чернорабочему, пинущему на срокъ статьи, переводящему французскія, испанскія англійскія книги для того, чтобы получить отъ книгопродавца по двадцати или тридцати талеровъ за переводъ тома, — когда ему писать эти дополненія и поправки, въ которыхъ каждая строка — результатъ разыскашій, въ которыхъ для одной цифры, для одного слова нужно часто перерывать цѣлую библіотеку?

Когда и какъ онъ успѣлъ это сдѣлать, когда успѣлъ пріобрѣсть громадную ученость, когда находилъ время для справокъ и изслѣдованій, — это было ужъ его дѣло; но какъ бы то ни было, двадцати-трехлѣтній юноша объявилъ о своемъ намѣреніи издать поправки и дополненія къ „Словарю Ученыхъ“ Йохера и при объявленіи, какъ образецъ своего труда, напечаталъ первые три листа его, обнимающіе имена отъ Abagis до Acciajoli.

Йохеръ, прочитавъ эти поправки и дополненія, увидѣлъ, что въ своемъ молодомъ критикѣ имѣетъ достойнаго продолжателя, получилъ высокое уваженіе къ его учености и дружески просалъ Лессинга, вмѣсто того, чтобы печатать этотъ трудъ отдѣльно, сообщить свои матеріалы ему, Йохеру, который воспользуется ими при новомъ изданіи „Словаря Ученыхъ“, объяснивъ въ предисловіи участіе Лессинга въ улучшеніи этого труда. Лессингъ согласился на это предложеніе, передалъ Йохеру собранные имъ матеріалы, и получилъ за нихъ отъ книгопродавца, издававшего „Словарь“, вознагражденіе, на которое имѣлъ право, какъ сотрудникъ Йохера въ приготовленіи новаго изданія *).

Отношенія Йохера къ Лессингу были дружелюбны и почетны для Лессинга. Своими замѣчаніями, онъ пріобрѣлъ глубокое уваженіе ученаго автора. трудъ котораго исправлялъ. Но въ кругу виттенбергскихъ недоброжелателей

*) По смерти Йохера эти матеріалы погибли.

Лессинга (сношенія съ Йохеромъ о матеріалахъ для исправленія его „Словаря“ происходили въ то время, какъ Лессингъ жилъ въ Виттенбергѣ) распространилась нелѣпая молва, что Лессингъ хотѣлъ запугать Йохера своею критикою, чтобы взять съ него деньги. Надобно припомнить еще исторію съ Вольтеромъ, принявшему также очень двусмысленный колоритъ по раздражительному крику знаменитаго философа, и мы поймемъ, какъ необходимо было Лессингу положить конецъ подобнымъ толкамъ, касавшимся его чести, когда Ланге вздумалъ кричать о низкомъ его своекорыстіи.

Въ дѣлѣ съ Вольтеромъ, Лессингъ не платилъ оскорбителю печатными возраженіями, чувствуя, что своею неосторожностью, дѣйствительно, подалъ ему поводъ къ подозрѣніямъ,—онъ, какъ бы въ наказаніе себѣ за эту неосторожность, рѣшился молчать,—его строгость къ самому себѣ вполне проявилась этимъ молчаніемъ. Въ дѣлѣ Йохера, клевета ограничивалась изустными толками, не выражаясь печатно, и Лессингу не было еще возможности печатно опровергать ее. Но Ланге обвинялъ его печатно, относительно Ланге онъ не могъ винить себя ровно ни въ чемъ, ни даже въ какомъ нибудь мелочномъ формальномъ проступкѣ, и онъ отвѣчалъ Ланге. Отвѣтъ былъ страшенъ, онъ сдѣлалъ дерзкаго клеветника посмѣшникомъ въ нѣмецкой литературѣ, и до сихъ поръ считается образцомъ ѣдкой полемики.

Рецензіи „Фоссовой газеты“ не подписывались именами авторовъ; но когда былъ напечатанъ пасквиль Ланге, Лессингъ, увѣдомляя о появленіи этой клеветы, подписалъ свое извѣщеніе о брошюрѣ полнымъ своимъ именемъ:

„Сейчасъ получилъ я (сказано было въ „Фоссовой газетѣ“ 27 декабря 1753 г.) брошюру въ два печатныхъ листа, въ 8 д., подъ заглавіемъ: *„Письмо Самуэля Готтгольда Ланге къ редактору ученаго отдѣла Гамбургскаго Корреспондента, по поводу рецензіи перевода Горация, напечатанной въ №№ 178 и 179 этой газеты“*. Тутъ г. Ланге дѣлаетъ мнѣ честь, отвѣчая на мою критику, а себѣ безчестье, отвѣчая на нее невообразимо пошлымъ образомъ. Желалъ оправдать свои прежнія ошибки, овъ, что ни слово, дѣлаетъ новыя. Онѣ, кажется, состязаются о тонъ, которая изъ нихъ сдѣлаетъ его болѣе снѣшвыиъ, и достигаютъ своей цѣли такъ удачно, что вужво нѣтъ подумать нѣсколько дней, чтобы рѣшить, которой отдать пальму первенства. Но относительно одного пункта я поспѣшаю отвѣчать ему: чего я никогда не ожидалъ услышать отъ разумаго человека, слышу отъ него, уже не въ первый разъ превосходящаго мои ожидашія своими подвигами. Онъ касается моего нравственнаго характера, до котораго, кажется, не нужно бы касаться въ дѣлѣ о грамматическихъ ошибкахъ. На 25-й страницѣ, онъ выставляетъ невя въ отвратительномъ свѣтѣ, выставляетъ меня критическимъ бандитомъ, который вынуждаетъ писателей откупаться отъ его ударовъ. Я могу отвѣчать на это только тѣмъ, что объявляю г. Ланге алостинымъ клеветникомъ, если онъ не представитъ доказательствъ обвиненію, введеному на меня этою страницей. Пусть онъ докажетъ истину своихъ словъ—врочемъ, я требую отъ него невозможнаго, а мнѣ слишкомъ не трудно доказать его лживость, и именно письмомъ того самаго „посредника“, на котораго онъ ссылается. Въ своемъ соотвѣтѣ, я представлю это письмо публикѣ, и тогда увидятъ, что предполагаемая г-нъ Ланге низость некогда не приходила мнѣ въ голову. А до того времени, остаюсь его покорнѣйшимъ слугою.

„Готтгольдъ Эфраниъ Лессингъ“.

Черезъ три недѣли, появилось знаменитое „Vademecum для г. Ланге“, имѣющее форму письма къ Ланге. „Милостивый государь (такъ начинается

Лессингъ), не знаю, нужно ли мнѣ извиняться, что я безъ всякихъ околнчностей обращаюсь съ своимъ отвѣтомъ прямо къ Вамъ. Но ужъ у меня такая привычка. Когда в должнъ сказать что нибудь человѣку, то прямо и говорю это ему самому, хотя бы онъ и сердился за то. Эта привычка, какъ меня увѣряли, не дурна. Потому я и держусь ея.

„Отъ глубины сердца я стыжусь, что встрѣтилъ себѣ въ васъ жалвагъ противника. Что Вы дѣйствительно жалкій противникъ, докажу я Ванъ въ первой части моего письма. А вторая часть докажетъ Вамъ, что, кромѣ незнапія, обнаружила Вы своей антикритикою очень пошлыя правила, яснѣе сказать, что Вы влветвикъ. Первая часть будетъ имѣть два подраздѣленія. Сначала я докажу, что защищаемыхъ Вами отъ моего осужденія мѣстъ Вашего перевода Вы не успѣли защитить, да я нельзя ихъ защитить. А потомъ я буду имѣть удовольствіе услужить Вамъ указавіемъ вѣвотораго количества новыхъ ошибокъ въ вашемъ переводѣ.

„Чтобы нѣсколько успокоить волненіе кипящей крови, милостивый государь, очень полезно Вамъ будетъ выпить стаканъ свѣжей ключевой воды, прежде вежелъ мы займемся дѣломъ. Такъ. Выпейте еще стаканъ. Теперь, вачвемъ“.

Каламбуры, остроты всякаго рода сыплются на бѣднаго Ланге при разборѣ тѣхъ мѣстъ перевода, которыя онъ захотѣлъ защитить отъ упрека въ невѣрности. Ёдкость насмѣшки постоянно соединена съ самою искреннею веселостію, — видно, что въ самомъ дѣлѣ борьба съ Ланге слишкомъ легка, не болѣе какъ забавна для его критика. О рѣзкости тона можно судить по началу. Но уже и тутъ замѣтна манера, которой впослѣдствіи постоянно слѣдовалъ Лессингъ: онъ умѣетъ, начиная съ какого нибудь неважнаго спора о значеніи латинскаго слова, придавать этому спору важность для науки, переходя эпизодически къ объясненію того или другаго серьезнаго вопроса науки, и его споръ съ Ланге усѣянъ замѣчаніями; которыя важны для классической филологіи, для латинскихъ и греческихъ древностей, для исторіи или философіи *).

Уничтоживъ всѣ возраженія Ланге, доказавъ, что ошибки, указанные имъ въ прежней рецензіи, дѣйствительно грубыя ошибки, Лессингъ перехо-

*) Укажемъ хотя одинъ примѣръ: „Prisons Cato“ (кн. 3, ода 21) Ланге переводитъ „Прискъ Катонъ“, принимая прилагательное *priscus*—старинный—за собственное имя:

(Недаромъ говорятъ, что и Катонъ старинный
Нерѣдко доблести подогрѣвалъ виномъ.

Переводъ г. Фета).

Это ошибка самая грубая, очевидная для всякаго, совершенно бевспорная, въ родѣ того, какъ у насъ французское заглавіе книги Гельвеція:

De l'Esprit, par Helvetius, fermier-général
(О духъ, соч. генеральваго откупщика Гельвеція),

было, говорятъ, когда-то переведено: „Сочиненіе швейцарскаго генерала Ферміера“. Лессингъ не ограничивается насмѣшками надъ грубостію ошибки—нѣтъ, пользуясь случаемъ, онъ вставляетъ генеалогическое изслѣдованіе о родѣ Катонъ и объясняетъ мѣсто въ плутарховомъ жизнеописаніи старшаго Катона, остававшееся до того времени темнымъ. Въ литературномъ отношеніи, ученыя сочиненія Лессинга приобретаютъ, отъ этой почти фельетонной манеры эпизодичности, чрезвычайную живость и разнообразіе, такъ, что на примѣръ, его „Письма антикварскаго содержавія“, главный предметъ которыхъ—изслѣдованіе о камняхъ и рѣзныхъ драгоценныхъ камняхъ у древнихъ, читаются очень легко.

дѣтъ ко второму подраздѣленію первой части своего отвѣта—подбору новыхъ, еще грубѣйшихъ ошибокъ, такимъ образомъ:

„Довольно, слишкомъ довольно,—а впрочемъ, для такого человѣка, какъ Вы, милостивый государь, все еще будетъ мало, потому что труднѣе всего на свѣтѣ учить стараго высовомѣрнаго игноранта. Впрочемъ, я самъ до нѣкоторой степени виновать, что надѣлалъ себѣ скуки—зачѣмъ я не приводить въ рецензіи все только такихъ при- мѣровъ, какъ *ducentia*? *)

„Но, чего я не сдѣлалъ тогда, сдѣлаю теперь,—пора заняться подборомъ новыхъ ошибокъ въ Вашемъ переводѣ, при чемъ я прошу вашего позволенія пересмотрѣть съ Вами одну первую книгу одъ. Нарочно говорю: одну первую, потому что мнѣ некогда пересматривать остальныхъ,—у меня есть дѣла болѣе важныя, нежели исправленіе Ва- шнихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ. И впередъ обещаю Вамъ въ каждой одѣ этой книги показать по крайней мѣрѣ одну непростительную ошибку. Я тороплюсь, и всѣхъ,— даже первостепенныхъ,—конечно не успѣю подмѣтить,—потому, мое молчаніе о мно- гихъ ошибкахъ, да не будетъ почтено предосудительнымъ для нихъ: овѣ такъ пусть останутся ошибками полнаго достоинства, все равно какъ бы и упомянуты были мною. Но примемся за дѣло“.

И, дѣйствительно, проходя по порядку изъ 38 одъ первой книги всѣ 37 одъ, кромѣ послѣдней, въ каждой изъ нихъ Лессингъ указываетъ гру- бую ошибку,—и, наконецъ, для разнообразія, о послѣдней одѣ говорить:

„Въ ней нѣтъ грубыхъ ошибокъ—за то она в состоятъ всего изъ восьми сти- ховъ—вужды нѣтъ, ова вскупааетъ собою всѣ прежнія: *Ende gut, Allee gut*,—конецъ дѣло красить“.

„Вотъ мы кончили. Я Вамъ отвѣчалъ, и больше отвѣчать не стану, хотя бы десять разъ принимались Вы за оправданія,—я стану только ждать, что будетъ гово- рить публика. Она ужъ начинать принимать мою сторону, и я еще надѣюсь дожить до того времени, когда едва будутъ вспоминать, что вѣнецкій поэтъ Ланге перевелъ Горация. И мою критику тогда забудутъ,—чего я и желаю, потому что гордиться ею мнѣ нельзя. Вы не такой противникъ, въ борьбѣ съ которымъ была бы возможность обнаружить силу. Маѣ бы съ самаго начала слѣдовало пренебречь Вами,—и я, наивѣр- ное, пренебрегъ бы, если бы не вынуждала у меня истины Ваша гордость и преду- бѣжденіе публики, что Вы замѣчательный поэтъ. Я показалъ Вамъ, что Вы не знаете ни языка, ни филологической критики, ни древностей, въ исторіи, не знаете ровно ничего,—чего жъ еще требовать отъ меня?

„Все это, милостивый государь, было бы еще въ большемъ позорѣ для Васъ, если бы я не долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить передъ публикою, что Ваши правила очень низки, и что, просто говоря, Вы клеветникъ. Въ этомъ должна состоять вторая часть моего письма, которая будетъ гораздо короче, зато и гораздо сильнѣе первой.

„Споръ между нами, милостивый государь, нелъ о грамматическихъ дѣлахъ, то есть о мелочахъ, мелочнѣе которыхъ не можетъ быть ничего на свѣтѣ. Никогда бы я не вообразилъ себѣ, что разумный человѣкъ можетъ принять оскорбленіемъ себѣ упрекъ въ этомъ везваніи,—принять оскорбленіемъ, за которое надобно мстить не одною грамматической, но и злостной ложью. Я упрекалъ Васъ въ ученическихъ промахахъ— Вы старались обратить эти упреки на меня,—и тѣмъ, кажется, могли бы удовлетво- ваться. Нѣтъ, Вамъ было мало ограничиться возраженіями,—Вы захотѣли сдѣлать меня человѣкомъ отвратительнымъ, гнуснымъ въ глазахъ честныхъ людей. Каковы пра- вила! Но каково и ослѣпленіе—взводить на меня обвиненіе, котораго во вѣки вѣковъ не только не можете Вы доказать,—не можете даже сдѣлать правдоподобнымъ!

*) См. выше,—„двѣсти чашъ сна“ вмѣсто „снотворныя чаши“—этой ошибки Ланге не защищалъ.

„Вы говорите, будто бы я Вамъ предлагалъ деньгами откупаться отъ моей критики. Я? вамъ? откупаться деньгами? Несчастье было бы для меня, еслибъ я могъ возразить Вамъ только требованіемъ доказать справедливость этого обвиненія, — требованіемъ, невозможность исполнить которое обличила бы Васъ, — нѣтъ, къ счастью, и нѣтъ въ рукахъ средства положительнымъ образомъ обличить Васъ.

„Тотъ посредникъ, черезъ котораго, какъ Вы говорите, я дѣлалъ Вамъ нѣкое предложеніе, долженъ быть не кто иной, какъ г. Н., о которомъ вы упоминаете въ 21 страницѣ, потому что онъ единственный человѣкъ, лично знакомый и съ Вами и вмѣстѣ со мною, и единственный человѣкъ, которому я говорилъ о моемъ разборѣ Вашего „Горація“, прежде, нежели этотъ разборъ былъ напечатанъ. Слушайте же.

„Въ мартѣ 1752 года, этотъ г. Н. проѣзжалъ черезъ Виттенбергъ, когда я жилъ тамъ, в почтѣлъ меня тамъ своимъ посѣщеніемъ. Я его до того времени въобщемъ не видывалъ и зналъ только по его сочиненіямъ. Съ Вами же онъ связывалъ былъ многолѣтней, тѣсной дружбой. По возвращеніи его въ Галле, мы стали перинскою принадлежать вчавшіяся между вами дружественныя отношенія“.

Слѣдуетъ разсказъ, приведенный нами выше. Представивъ читателямъ подлинное письмо Николаи, заключающее предложеніе сдѣлки съ Ланге и сообщенное нами выше, Лессингъ продолжаетъ:

„Повторяю, это писалъ человѣкъ, съ которымъ я въ цѣлую свою жизнь видѣлся только однажды, а Вы были давно друзьями. У меня вѣтъ желшія уподобляться Вамъ, взводя на людей низкія обвиненія, — иначе, мнѣ легко было бы обратить Ваше обвиненіе противъ Васъ и придать правдоподобность мысли, что Вы сами руководили предложеніемъ Вашего друга. Но, какъ это не правдоподобно, я не вѣрю тому, зная добродушный характеръ этого посредника, безъ сомнѣнія, дѣйствовавшего по собственнымъ мыслямъ. Я радъ, если онъ сохранилъ мои отвѣты ему, в хотя не припиною въ тотъ моментъ, какъ именно отвѣчалъ я на его предложеніе, но достаточно знаю, что я ни слова не говорилъ ни о деньгахъ, не о вознагражденіи. Признаюсь, нѣтъ было въ этомъ сколько досадно, что г. Н. считалъ меня такимъ жаднымъ на деньги человѣкомъ. Согласившись даже, что по моей житейской обстановкѣ онъ заключилъ, что денегъ у меня не слишкомъ много, я не могу понять, какимъ образомъ онъ могъ предположить, что для меня равны всякія средства къ ихъ приобретенію. Во всякомъ случаѣ, уже въ самомъ обстоятельстве, что я не послалъ ему рукопись своей рецензіи, онъ долженъ былъ бы считать молчаливымъ неодобреніемъ своего предложенія, хотя бы я могъ оправдать это предложеніе безъ нарушенія моихъ правилъ, потому что оно дѣлалось безъ малѣйшаго содѣйствія съ моей стороны.

„Что Вы теперь будете отвѣчать?—Вѣроятно, Вы постыдитесь за себя. Но нѣтъ, клеветники выше чувства стыда.

„Впрочемъ, на свое несчастье Вы были злы: увѣрю Васъ, что безъ нужды, о которой я говорю, Вашъ отвѣтъ не заставилъ бы меня взяться за перо. Легко перенесъ бы, что Вы, зенех ABC darius (старый школьникъ), называете меня молодымъ, наглымъ критикомъ и т. п., что Вы говорите, будто бы вся моя ученость взята изъ Бэля, и т. д., — легко перенесъ бы я подобные пустяки, на которые и не отвѣчаю. Объ учености или неучености моей позволительно каждому судить, какъ угодно. Но чернить мою честность я никому не позволю безнаказанно, я буду всегда называть вашу фамилію, когда случится мнѣ надобность указывать примѣръ мстительнаго лжеца.

„Этимъ увѣреніемъ заключаю мое письмо. Имѣю честь быть вашимъ... Нѣтъ, этого не вужно. Я вижу, что мое письмо обратилось въ цѣлую статью. Зачеркните слова „милостивый государь“ въ его началѣ. Остается мнѣ теперь только напечатать его въ 12 долю листа, чтобы оно соответствовало вашему заявленію по поводу формата моихъ сочиненій *), чтобы оно было для васъ дѣйствительно „Vademecum“.

*) Лессингъ любилъ маленькій форматъ, въ 12 долю, и его сочиненія были напечатаны въ этомъ форматѣ, тогда еще мало употребительномъ въ Германіи. Ланге придумалъ грязную шутку объ этомъ форматѣ сочиненій своего критика.

который совѣтую вамъ чаще перечитывать, для улучшенія вашего ума и характера; я переплету эту брошюру въ обертку, какая употребляется для азбукъ, я съ приличнымъ посвященіемъ пришлю вамъ. Желаю, чтобы подарокъ привнесъ вамъ пользу“.

Ланге пытался возражать, но его уже никто не слушалъ; нѣкоторые изъ литературныхъ враговъ Лессинга или кліентовъ Ланге—впрочемъ, немногіе,—хотѣли было защищать Ланге,—напрасно, всѣ смѣялись надъ ихъ слабыми усиліями. Поэтическая слава несчастнаго Ланге была совершенно уничтожена: публика и всѣ независимые писатели приняли сторону Лессинга, имя его получило чрезвычайно громкую извѣстность.

Нѣтъ надобности говорить, что главная цѣль, которую имѣлъ онъ въ виду—очищеніе своей литературной репутаціи отъ всякихъ нареканій, была совершенно достигнута. Съ этого времени, что бы ни говорили его литературные враги, онъ былъ уже безопасенъ въ своей чести. Публика съ негодованіемъ отвергала, какъ низкую ложь, всякое нападеніе на чистоту его образа мыслей и намѣреній, непоколебимо вѣря, что каждый его поступокъ внушенъ благороднѣйшими цѣлями.

Исторія Ланге можетъ служить однимъ изъ доказательствъ пользы, какую полная гласность приноситъ безупречности добраго имени тѣхъ людей, которые могутъ назваться благородными; можетъ служить доказательствомъ того, что честному человѣку нѣтъ нужды бояться кривыхъ толковъ, какъ только достигаютъ они гласности. Страшна клевета только тогда, когда она укрывается во мракѣ. Не вздумай Ланге печатно называть Лессинга продажнымъ человѣкомъ, быть можетъ, или, лучше сказать, безъ всякаго сомнѣнія, на добромъ имени Лессинга до сихъ поръ лежало бы пятно: втихомолку, отъ одного изъ знакомыхъ Ланге къ другому, отъ другаго къ третьему, распространялся бы слухъ о томъ, какъ Лессингъ хотѣлъ взять съ Ланге деньги и ожесточился противъ него только за то, что не успѣлъ взять денегъ. Эта молва достигла бы до слѣдующаго поколѣнія, которое ужъ не имѣло бъ средствъ провѣрить фактовъ и должно было бы вѣрить разсказу въ томъ видѣ, какой дала ему раздражительная подозрительность Ланге.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказъ этотъ долженъ былъ бы показаться правдоподобнымъ. Лессингъ страшно нуждался въ деньгахъ, когда писалъ и потомъ печаталъ разборъ Ланге; Николай писалъ Ланге, что Лессингъ согласенъ продать ему рукопись своей рецензій, очень ѣдко написанной. Чего же больше? Дѣло ясное, Лессингъ хотѣлъ, чтобы Ланге откупился отъ его нападеній.

Эти факты придавали правдоподобность обвиненію; было и другое обстоятельство, еще болѣе затруднявшее защиту: Лессингъ, не сохранивъ у себя копій съ писемъ своихъ по этому дѣлу, не помнилъ въ точности, какъ именно отвѣчалъ онъ на предложеніе Николай: письма были въ рукахъ противной партіи,—ори малѣйшей и самой ничтожной неточности въ изложеніи дѣла, Ланге могъ обвинить Лессинга въ искаженіи фактовъ, въ лжи и тѣмъ придать новую правдоподобность прежнему обвиненію.

Лессингъ не считалъ нужнымъ прикрывать эти затрудненія: онъ прямо говорилъ: „а нуждался въ деньгахъ; предложеніе было выгодно; я не помню въ точности, какъ именно я отвѣчалъ на него“—онъ, какъ видимъ, совершенно пренебрегалъ всякими уловками,—и рѣшительно выигралъ дѣло во

миѣніи всѣхъ; прямота замѣнила для него всѣ другія средства увѣренія. Сознаніе нравственнаго и умственнаго превосходства надъ всѣми противниками, никогда не измѣнявшее Лессингу, и здѣсь выразилось съ такою силою, что не осталось возможности сомнѣваться въ справедливости его словъ.

Вообще, съ самаго начала критической дѣятельности, Лессингъ постоянно чувствовалъ себя сильнѣйшимъ; вступая въ полемику, онъ всегда былъ увѣренъ, что противникъ покажется публикѣ слабъ, тупъ и вялъ въ сравненіи съ нимъ; всегда былъ впередъ увѣренъ, что споръ не можетъ кончиться иначе, какъ совершеннымъ пораженіемъ его противника. Онъ былъ чуждъ сомнѣнія въ своемъ торжествѣ, чуждъ всякихъ опасеній за себя. Потому его полемика, чрезвычайно энергическая, въ то же время отличается рѣдкимъ самообладаніемъ, ясность его взгляда, веселость его шутки, если онъ хочетъ шутить, но возмущается ничѣмъ, и укорины его противнику никогда не переходить границъ самой строгой справедливости,—онъ выражается рѣзко, но мысль, выраженная безпощадно, всегда выдерживаетъ провѣрку самаго строгаго безпристрастія.

До какой степени онъ сохранялъ чувство превосходства надъ своими противниками, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Готтшедіанцы, надъ которыми онъ жестоко смѣялся, вздумали отвѣчать ему особоннымъ памфлетомъ, который называли „Possen“ — „Шутки въ карманномъ форматѣ“ — послѣднія слова заключали намекъ на маленькій форматъ, въ которомъ печатались сочиненія Лессинга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, готтшедіанцы прислали въ редакцію Фоссовой газеты (въ которой писалъ Лессингъ) рецензію этой брошюры. Что жъ сдѣлалъ Лессингъ?—Вотъ его статья:

„На двѣхъ явилась брошюра изъ двухъ печатныхъ листовъ, въ 12-ю долю листа, подъ заглавіемъ: „Шутки въ карманномъ форматѣ“. Авторъ, или одинъ изъ пріятелей автора, имѣлъ предусмотрительность прислать въ редакцію нашей газеты слѣдующую рецензію (слѣдуетъ присланная рецензія, написанная въ похвалу брошюры). Понимаешь, г. панегиристъ. И, чтобы поняли вы всѣ, скажемъ прямо, что эти шутки, которыя

ipse

Non sani esse hominis, non sanus juret Orestes

(самъ безумный Орестъ вазовѣтъ написанными безумцемъ), — что этъ „Шутки“, по всему вѣроятію, должны быть насмѣшкою надъ форматомъ и внѣшнею формою сочиненій Лессинга. Онѣ стоятъ три гроша. Но и трехъ грошей никто не даетъ ради шутокъ. Какимъ же образомъ помочь брошюрѣ распространиться въ публикѣ? Наша газета рѣшилась сдѣлать все возможное для достиженія этой цѣли. Именно, мы перепечатали эту брошюру и назначили ей для продажи цѣну, какой она стоитъ, т. е. нуль. Кто хочетъ имѣть ее даромъ, можетъ получить въ книжномъ магазинѣ Фосса“.

Само собою разумѣется, какое впечатлѣніе должна была производить подобная увѣренность и на публику и на самыхъ противниковъ — съ насмѣшливою улыбкою заботиться самому о распространении въ публикѣ брошюры, которая выдавала себя за злую сатиру лессинговыхъ сочиненій, — это могъ сдѣлать только Лессингъ. Конечно, читая объявленіе, что брошюра, написанная противъ Лессинга, перепечатана самимъ Лессингомъ и даромъ у его книгопродавца раздается всѣмъ, желающимъ имѣть ее, каждый думалъ:

вѣроятно, сатира очень пуста и неудачна, вѣроятно, онъ гораздо выше своихъ противниковъ, если такъ играетъ ихъ нападеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, очень скоро Лессингъ приобрѣлъ въ нѣмецкой критикѣ рѣшительный голосъ; готтшедянцы, бодмеріанцы и другія старыя партіи были совершенно уничтожены имъ во мнѣніи публики, лишились всякаго вліянія на литературу, сдѣлались предметомъ общихъ насмѣшекъ. Критическія статьи въ первыхъ четырехъ частяхъ его „Сочиненій“, и рецензіи, которыя онъ помѣщалъ въ „Фоссовою газетѣ“, положили начало преобразованію литературныхъ понятій; „Литературныя письма“ довершили это дѣло. Съ „Литературныхъ писемъ“ (1759—1760), которыя началъ онъ издавать при содѣйствіи Николаи и Мендельсона, начинается для нѣмецкой литературы новая эпоха.

Мендельсонъ и Николаи, съ которыми Лессингъ сошелся вскорѣ послѣ своего вторичнаго возвращенія въ Берлинъ, въ 1754 году, остались навсегда ближайшими его друзьями въ жизни и долго были истолкователями его мыслей въ литературѣ. То и другое обстоятельство заставляютъ насъ ближе познакомиться съ этими обоими литераторами.

Николаи пережилъ Лессинга тридцатью годами и, въ послѣднее время своей литературной дѣятельности, находился, какъ человѣкъ старыхъ понятій, въ жестокой враждѣ съ представителями новой эпохи; Кантъ и Фихте, Гете и Шиллеръ съ одинаковою суровостью были осуждаемы имъ и, въ свою очередь, отвѣчали устарѣлому критику не менѣе жестокимъ образомъ. Въ этой неравной борьбѣ, сильно пострадала литературная слава Николаи. Особенно жестошій ударъ нанесли ему во мнѣніи публики и большинства писателей знаменитыя „Ксесіи“ Гете и Шиллера — эти безпощадныя эпиграммы, которыми гешалыные друзья на смерть поразили своихъ литературныхъ противниковъ и въ которыхъ главнымъ предметомъ насмѣшки былъ поставленъ Николаи. Долго послѣ того, забывая прежнія его услуги литературѣ и просвѣщенію, смотрѣли на Николаи, какъ на поверхностнаго и злобнаго Зоила, который хотѣлъ задержать развитіе нѣмецкой литературы, чтобы сохранить свою власть въ критикѣ, и недѣльнымъ образомъ ратовалъ противъ всего истинно-глубокаго и прекраснаго, что было выше его узкихъ одностороннихъ и поверхностныхъ понятій. Теперь, когда увлеченіе прошло, историки литературы признали, что и въ послѣднюю эпоху своей дѣятельности, Николаи оставался человѣкомъ честнымъ и добросовѣстнымъ, писателемъ умнымъ и здравомыслящимъ; признали, что, ратуя противъ новыхъ стремленій, онъ часто бывалъ правъ, — если не въ нападеніяхъ на такихъ людей, какъ Шиллеръ, Кантъ, Фихте и Гете, которые дѣйствительно понимали истину глубже и шире, нежели онъ, то въ спорахъ съ Лафатеромъ, Юнгомъ, Штиллингомъ, Якоби, романтиками и т. д., — такъ что даже и въ эти годы, когда онъ навлекалъ на себя вражду лучшихъ людей нѣмецкой литературы, онъ былъ не бесполезенъ въ борьбѣ съ обскурантами и мистиками. Еще гораздо больше пользы принесъ онъ литературѣ въ прежнее время, когда дѣйствовалъ по внушенію и подъ руководствомъ Лессинга, молже котораго былъ онъ четырьмя годами (род. 1733).

Сынъ берлинскаго книгопродавца, Николаи былъ почти совершенно сатомъ III.

моучка, потому что посѣщалъ только гимназическіе классы и мальчикомъ еще отданъ былъ отцомъ въ книжную лавку одного изъ отцовскихъ товарищей по ремеслу, во Франкфуртъ-на-Одерѣ. Тутъ онъ много имѣлъ свободнаго времени и съ жадностью читалъ всѣ книги, какія только попадались ему въ руки. Въ 1752 году, когда отецъ взялъ его въ свою лавку, въ Берлинѣ, Николай былъ уже образованнымъ человѣкомъ, завелъ знакомство съ лучшими берлинскими литераторами, — Клейстомъ, Зульцеромъ, Рамлеромъ, и въ слѣдующемъ году издалъ брошюру, направленную противъ Готтшеда и надѣлавшую довольно радости бодмеристамъ, довольно огорченія готтшедіанцамъ. Но радость швейцарцевъ была непродолжительна: въ слѣдующемъ году Николай напечаталъ „Письма о нынѣшнемъ состояніи изящной литературы въ Германіи“, въ которыхъ вападалъ на обѣ партіи съ равною ѣдкостью. Это сочиненіе внушено было молодому книгопродавцу изученіемъ лессинговыхъ статей, и написано совершенно въ духъ Лессинга, только съ тѣмъ равличіемъ, что Николай не чувствуетъ въ себѣ смѣлости судить о стародавнихъ знаменитостяхъ, напримѣръ, Бодмерѣ, такъ рѣзко, какъ Лессингъ, и, осуждая послѣдователей, щадить учителей. „Изъ двухъ партій, раздѣляющихъ господство надъ литературою, имѣетъ ли та или другая право ожидать, чтобы къ пей присталъ человѣкъ, одаренный вкусомъ? говоритъ Николай: — нѣтъ, недостатки той и другой слишкомъ очевидны. Намъ необходима строжайшая критика, если мы хотимъ имѣть произведенія, которыя дошли бы до потомства; тѣмъ необходимѣе она, если справедливо то, что мы еще не умѣемъ отличать мишурныхъ прикрасъ отъ истинной красоты, если справедливо, что наши таланты считаютъ излишнимъ дѣломъ серьезность и обдуманность, а трудолюбивымъ нашимъ писателямъ недостаетъ таланта“.

„Письма“ эти доставили Николай случай лично познакомиться съ Лессингомъ, которому попался въ руки одинъ изъ оттисковъ первыхъ листовъ книги, разосланныхъ по книжнымъ лавкамъ вмѣсто объявленій. Онъ увидѣлъ въ Николай даровитаго послѣдователя своихъ мнѣній, и сдѣлался его руководителемъ, такъ что въ концѣ книги замѣтны уже слѣды личныхъ разговоровъ Николай съ Лессингомъ.

Николай былъ человѣкъ съ практическимъ направлеиіемъ, человѣкъ съ сильнымъ здравымъ смысломъ, съ дѣятельнымъ, твердымъ характеромъ, обладавшій знаніемъ людей, умѣнемъ обращаться съ ними и искусствомъ разсчитливо вести свои денежные дѣла. Онъ былъ рожденъ для того, чтобы сдѣлаться журналистомъ, и, дѣйствительно, нѣсколько десятковъ лѣтъ сохранялъ онъ первенствующее положеніе въ нѣмецкой журналистикѣ. Его „Библіотека изящныхъ искусствъ“, начатая подѣ влияніемъ Лессинга и предшествовавшая „Литературнымъ письмамъ“, была, въ свое время, очень полезнымъ критическимъ журналомъ. „Всеобщая нѣмецкая Библіотека“, основанная послѣ „Литературныхъ писемъ“ и продолжавшаяся болѣе сорока лѣтъ, была самымъ важнымъ изъ нѣмецкихъ журналовъ по своему огромному вліянію на публику, въ которой „Всеобщая нѣмецкая библіотека“ распространила массу новыхъ свѣтлыхъ понятій. То, что составляло достоинство этого журнала, было, можно сказать, только повтореніемъ и развитіемъ идей,

которыми одушевилъ Лессингъ первые темы „Литературныхъ писемъ“, на- всегда вставившея образцомъ нѣмецкихъ критическихъ журналовъ.

Лучшими своими качествами, журналы, которые издавалъ Николай, были обязаны Лессингу; образъ мыслей самого Николая развился совершенно подъ его вліяніемъ. Еще прямѣе было участіе Лессинга въ развитіи Мендельсона, — челоѣка, игравшаго также важную и чрезвычайно благородную роль, какъ въ развитіи нѣмецкой литературы, такъ и въ развитіи того племени, къ которому онъ принадлежалъ *).

Сынъ бѣднаго еврея, учителя въ сельской еврейской школѣ, Мозесъ Мендельсонъ былъ воспитанъ отцомъ на Талмудѣ, хитрѣе и суевѣрнѣе ученика котораго надобно считать одною изъ главныхъ причинъ недостатковъ, которыми страдаетъ характеръ евреевъ во многихъ странахъ. Во времена Мендельсона, нѣмецкіе евреи находились въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ польскіе и русскіе. Они были слѣпыми поклонниками талмудическихъ бредней, занимались почти исключительно не совсѣмъ чистыми промыслами, были въ общемъ презрѣнны не только у простолюдиновъ, но и у людей образованныхъ, которые считали это племя безвозвратно испорченнымъ въ нравственномъ отношеніи. Мендельсону, больше, нежели кому нибудь другому, его соплеменники обязаны тѣмъ, что и сами во многомъ избавились отъ своихъ прежнихъ недостатковъ, и тѣмъ, что предубѣжденіе, отдалявшее отъ нихъ людей другихъ исповѣданій, ослабѣло. Любопытность рано пробудилась въ Мендельсонѣ, который на сомнатцатомъ году пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы искать тамъ ередствъ для жизни, и долгое время терпѣлъ страшную вужду, на мѣшавшую ему, однако же, сильно заниматься древними языками и философіею. Черезъ нѣсколько времени юноша напoлъ себѣ покровителя въ своемъ соплеменникѣ, докторѣ Гумперцѣ, потомъ поступилъ учителемъ дѣтей къ другому еврею, богатому фабриканту Бернгарду, у котораго былъ потомъ бухгалтеромъ, и который передалъ ему, наконецъ, свою фирму. Благородный, кроткій характеръ и возвышенный образъ мыслей пріобрѣтали Мендельсону уваженіе всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался. Лессингу онъ былъ рекомендованъ Гумперцемъ, какъ хорошій шахматный игрокъ, и они сблизились за шахматною доскою, около того самаго времени, какъ сближился съ Лессингомъ Николай. Лессингъ давно отбросилъ всякое предубѣжденіе противъ характера евреевъ. Уже лѣтъ пять тому назадъ написалъ онъ пьесу „Еврей“, съ цѣлью выставить благородный типъ въ этомъ презираемомъ племени. Въ художественномъ отношеніи, пьеса слаба, и потому ничего не скажемъ о ней: но статейки, написанныя по ея поводу, хорошо показываютъ положеніе вопроса о евреяхъ въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ, и мы въ выноскѣ представимъ извлеченія изъ нихъ **).

*) Изъ сочиненій Мендельсона, въ старину у насъ были переведены два, принадлежащія къ числу важнѣйшихъ: „Разсужденіе о духовномъ свойствѣ души челоѣческой“, перев. Я. Толмачева, М. 1800 и „Федонъ или о безсмертіи души“. В 1809 г. „Федонъ“ недавно вышелъ вторымъ изданіемъ, въ другомъ новомъ переводѣ.

**) „Геттингенскія Учевыя Вѣдомости“, съ большою похвалою отзываясь о четвертой части сочиненій Лессинга, въ которой помѣщена комедія „Еврей“, сдѣлали, по поводу этой пьесы, слѣдующее замѣчаніе:

Замѣчанія Мпхаэлиса, приводимыя нами въ выноскѣ, показываютъ, съ какимъ пренебреженіемъ смотрѣли на евреевъ самые просвѣщенные и гуманные люди въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, евреи оставались совершенно чужды умственной жизни того племени, по землямъ котораго были разсѣяны. Погруженные въ талмудическія динія суевѣрія, условно руководимые въ своихъ понятіяхъ дикими фанатиками раввинами, подавляемые общимъ презрѣніемъ, отвращеніемъ и преслѣдованіями, они сами

„Цѣль пьесы—серьезный нравственный урокъ,—именно, обнаруженіе неосновательности того преарвія и отвращенія, съ которыми обыкновенно мы смотримъ на евреевъ. Но, при чтеніи, наслажденію нашему мѣшаетъ какое-то недовольство, которое мы укажемъ для разрѣшенія сомнѣній, или для того, чтобы въсплѣдствіи подобныя произведенія набѣгали этого недостатка. Путешественникъ еврей слишкомъ добръ и благороденъ, слишкомъ заботится, чтобы не нанести вреда ближнему или не оскорбить его несправедливымъ подозрѣніемъ,—однимъ словомъ, если не совершенно невозможно, то, по крайней мѣрѣ, слишкомъ неправдоподобно, чтобы такой благородный характеръ, какъ бы наперекоръ всему, могъ развиться при тѣхъ правилахъ, образѣ жизни и воспитаніи, какия мы видимъ у еврейскаго племени, и при дурномъ обращеніи съ ними. Это неправдоподобіе гѣмъ болѣе мѣняетъ нашему удовольствію при чтеніи пьесы, чѣмъ пріятнѣе было бы намъ найти истину и натуру въ прекрасномъ и благородномъ образѣ. Даже посредственная доброта и честность очень рѣдко встрѣчаются между евреями, такъ, что немногіе примѣры не могутъ въ значительной степени смягчать ненависти къ этому народу. При тѣхъ моральныхъ правилахъ, которыхъ держится, если не каждый еврей, то огромное большинство евреевъ, невозможна честность между ними, особенно, когда мы вспомнимъ, что весь этотъ народъ живетъ торговлею,—промысломъ, который болѣе всякаго другаго промысла представляетъ случаи и покушенія къ обману“.

Это писалъ въ 1754 году знаменитый Михаэлисъ, который въ Англіи научился смотрѣть на все лучше, свѣтлѣе и гуманнѣе, нежели смотрѣли остальные его соотечественники. И, однако же, этотъ человѣкъ, съ котораго начинается новая эпоха въ разработкѣ еврейскихъ древностей, хвала Лессинга за все остальное, что заключалось въ собраніи его сочиненій, осуждалъ его за снисходительное понятіе, что и между евреями могутъ быть очень хорошіе люди.

Лессингъ не имѣлъ привычки вступаться за литературныя достоинства своихъ сочиненій; онъ всего въ своей жизни не болѣе четырехъ разъ отвѣчалъ на замѣчанія своихъ критиковъ,—но на это сужденіе о „Евреяхъ“ ему необходимо показалось отвѣчать. Три остальныхъ спора—съ Ланге, Клопомъ и Геце—были ведены безпоощадно, потому что противники заслуживали негодованія и литературной казни. Михаэлису, который высказывалъ свои замѣчанія въ благородномъ тонѣ, Лессингъ отвѣчалъ также мягко, и съ деликатнымъ письмомъ послалъ ему ту часть „Театральной Библіотеки“, въ которой былъ помѣщенъ отвѣтъ.

„Замѣчанія „Геттингенскихъ Вѣдомостей“ касаются двухъ пунктовъ, говорилъ Лессингъ въ своемъ отвѣтѣ: „Во первыхъ, критикъ утверждаетъ, что честный и благородный еврей самъ по себѣ нѣчто неправдоподобное; во вторыхъ, что въ моей пьесѣ онъ выставленъ неправдоподобнымъ образомъ. Собственно меня касается только второе замѣчаніе, и только на него я долженъ былъ бы отвѣчать, если бы гуманность не была для меня выше литературной моей славы, и еслибы мнѣ потому уступитъ въ послѣднемъ случаѣ не было легче, нежели во второмъ. Однако же, надобно мнѣ начать со втораго замѣчанія“. Объяснивъ, что при той обстановкѣ, въ которой является у него еврей, честность его очень натуральна и правдоподобна съ художественной точки зрѣнія, Лессингъ продолжаетъ: „Надобно отвѣчать теперь въ первое замѣчаніе: не говоря о художественныхъ требованіяхъ, правдоподобно ли, чтобы еврей могъ быть честенъ? Встрѣчаются ли въ жизни еврей честнаго характера? Но пусть за меня говоритъ другой, которому это было ближе къ сердцу, потому что самъ онъ еврей. Я знаю его такъ хорошо, что могу рѣшительно сказать: онъ человѣкъ столь же умный и ученый, какъ и честный. Письмо, которое я привожу далѣе, онъ написалъ къ одному изъ своихъ соплеменниковъ, прочитавъ замѣчаніе „Геттингенскихъ Вѣдомостей“. Знаю впередъ, что письмо это готовы будутъ считать выдумкою, скажутъ, что я самъ написалъ его,—во гбы, кому будетъ интересно удостовѣриться въ его подлинности, я могу представить неопровержимые доказательства, что оно дѣйствительно написано евреемъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ письмо, написанное Мендельсономъ, по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ „Геттингенскими Вѣдомостями“ о характерѣ евреевъ. Мендельсонъ горячо и умно защищаетъ своихъ единоплеменниковъ.

презирали себя. Мендольсонъ былъ первымъ и могущественнѣйшимъ изъ людей, которые своимъ примѣромъ и совѣтами указывали имъ иной путь жизни. Оставаясь евреемъ, онъ приобрѣлъ уваженіе знаменитѣйшихъ ученыхъ и важнѣйшихъ вельможъ Германіи,—онъ сталъ на ряду съ классическими писателями нѣмецкаго народа, христіане превозносили его и изъ-за пего стали съ большимъ уваженіемъ смотрѣть и на его племя. Евреи поднялись въ собственныхъ глазахъ, у нихъ теперь былъ свой идеаль, былъ примѣръ подражанія, былъ живой свидѣтель, что еврею возможно занять почетное мѣсто между образованными христіанами, возможно даже достигнуть славы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, соразмѣрно уменьшенію предубѣжденія христіанъ противъ евреевъ, уменьшилось и предубѣжденіе евреевъ противъ христіанъ: единовѣрцы Мендельсона убѣдились его примѣромъ, что христіане не отказываютъ ни въ уваженіи, ни въ цѣнности тѣмъ изъ нихъ, которые пріобрѣтутъ на то права. Достигнувъ обезпеченнаго состоянія, Мендельсонъ, своимъ покровительствомъ и щедрыми пособіями, помогая молодымъ евреямъ приготовляться къ ученому, литературному или художественному поприщу. Часть своей литературной дѣятельности онъ также посвятилъ исключительно дѣлу просвѣщенія своихъ единовѣрцевъ, и заслуги его въ этомъ отношеніи также огромны. Нѣмецкіе евреи говорили безобразнымъ діалектомъ, составленнымъ изъ смѣшенія еврейскаго съ нѣмецкимъ,—не понимая чистаго еврейскаго языка, они не могли также ни писать по-нѣмецки, ни слушать лекцій. Мендельсонъ положилъ начало распространенію чистаго нѣмецкаго языка между ними, напечатавъ для нихъ переводъ Моисеевыхъ книгъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ; — съ того времени, этотъ переводъ сдѣлался книгою, по которой учатся читать дѣти германскихъ евреевъ, и чрезъ то съ дѣтства становятся равными нѣмцамъ по своему языку. Кромѣ того, онъ издалъ переводъ на нѣмецкій языкъ „Псалмовъ“ и „Пѣсни пѣсней“ для своихъ единовѣрцевъ и написалъ для нихъ нѣсколько религіозныхъ книгъ, строго держась догматовъ чистаго ветхозавѣтнаго іудейства, но удаливъ всѣ талмудическія бредни. Книги эти проникнуты чистою нравственностью, благородною терпимостью, чувствомъ любви къ другимъ племенамъ, и имѣли огромное вліяніе на развитіе германскихъ евреевъ. Мендельсонъ былъ просвѣтителемъ своихъ единовѣрцевъ.

Благородная натура Мендельсона развилась болѣе всего подъ вліяніемъ Лессинга, съ которымъ они были сверстники по годамъ (Мендольсонъ родился, какъ и Лессингъ, въ 1729 г.), но который былъ уже великимъ ученымъ, человѣкомъ съ установившимся образомъ мыслей, однимъ изъ знаменитыхъ писателей, въ то время, какъ самоучка еврей съ неимовѣрными трудами только еще начиналъ побѣждать ужасныя затрудненія, какія противопоставлялись его развитію и національностью и бѣдностью. Когда Мендельсонъ познакомился съ Лессингомъ, онъ только еще привыкалъ владѣть правильнымъ нѣмецкимъ языкомъ и не могъ писать безъ ошибокъ на этомъ языкѣ, литературу котораго въ послѣдствіи обогатилъ произведеніями, классическими по изяществу и благородству выраженія. Но Лессингъ постигъ, какія рѣдкія качества ума скрываются въ этомъ человѣкѣ, рыцарски безпорочный, женственно кроткій характеръ Мендельсона обворожилъ его, и скоро Мендель-

сонъ сдѣлался ближайшимъ, лучшимъ другомъ его на всю жизнь. Онъ помогать развитію талантливаго еврея своими бесѣдами и совѣтами, указывая ему, чѣмъ и какъ долженъ онъ заниматься; по ввухенію и указанію Лессинга, отчасти даже при непосредственномъ сотрудничествѣ Лессинга, написаны были первые труды Мендельсона *). Что всего важнѣе, твердый, безбоязненный, рѣзкій Лессингъ мужественностью своего направленія ободрялъ и поддерживалъ Мендельсона, дивная кротость котораго въ жизни была бы, безъ вліянія со стороны Лессинга, излишнею мягкостью, безхарактерностью, слабостью въ литературѣ. Мендельсонъ, всею силою своей любящей натуры, привязался къ другу, благотѣльному вліянію котораго обязанъ былъ такъ многимъ, передъ геніальнымъ превосходствомъ котораго благоговѣлъ.

Это былъ одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ примѣровъ безграничной дружбы; самая кончина Мендельсона была послѣднее и величайшее свидѣтельство его чувствъ къ Лессингу. Когда, послѣ смерти Лессинга, Якоби вздумалъ, въ одномъ изъ своихъ философскихъ сочиненій, приписывать Лессингу метафизическія воззрѣнія, отъ которыхъ самъ Лессингъ, вѣроятно, не отказался бы, но которыя Мендельсонъ, уже лишенный опоры, какую прежде доставляла ему непоколебимая рѣшительность друга, считалъ слишкомъ рѣзкими, благодунный авторъ „Федона“ возмущился мыслью, что Якоби возбуждаетъ гоненіе противъ памяти Лессинга: онъ былъ въ это время слабъ здоровьемъ, но, не обращая вниманія на свою болѣзнь, съ чрезвычайнымъ жаромъ сталъ тотчасъ же писать возраженіе Якоби;—онъ успѣлъ кончить это защищеніе памяти своего друга,—но работа такъ истощила его силы, огорченіе такъ изнурительно волновало его, что онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ жертвою своей любви къ покойному другу.

Таковы-то были люди, съ которыми сблизился Лессингъ въ 1754 году и которые должны быть названы его непосредственными учениками. Характеры ихъ были различны, различенъ и тонъ ихъ сочиненій. Практическій, довольно сухой, пронизательный и отчасти насмѣшливый, Николай дѣйствовалъ насмѣшкою, преслѣдовалъ все, что ему казалось вреднымъ въ жизни, затемняющимъ понятія, замедляющимъ дѣятельность, отвлекающимъ человѣка отъ заботы объ улучшеніи своего положенія. Мендельсонъ, который болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ философовъ, напоминаетъ Платона, если не геніальностью, то чистымъ стремленіемъ къ идеалу,—излагалъ въ философской формѣ тѣ возвышенныя понятія и чувства, которымъ впослѣдствіи давалъ поэтическую одежду Шиллеръ. Но оба, Николай и Мендельсонъ, сходились въ томъ, что съ благоговѣніемъ внимали Лессингу, и, въ сущности, все, что было прочнаго и истинно плодотворнаго въ ихъ дѣятельности, развилось подъ вліяніемъ Лессинга.

Мы называли ихъ его учениками. Это слово, въ настоящемъ случаѣ, не можетъ, однако, имѣть того смысла, въ какомъ обыкновенно употребляютъ его. понимая, что ученикъ только повторяетъ, такъ или иначе, мысли учителя.

*) По совѣту Лессинга, Мендельсонъ перевелъ одно изъ рязсужденій Руссе—этотъ переводъ былъ для него утраченіемъ въ нѣмецкомъ слогѣ. вмѣстѣ съ Лессингомъ, они написали знаменитый отвѣтъ на тему Берлинской Академіи „О философіи Попе“: духъ отвѣта очень остроумно выражавъ восклицательнымъ знакомъ, поставленнымъ въ заглавіи: „Поппе—метафизикъ!“

и, въ сравненіи съ нимъ, является человѣкомъ не самостоятельнымъ. Въ такомъ смыслѣ, у Лессинга не было и не могло быть учениковъ. Нагура этого человѣка образовалась такъ, что и положительныя и отрицательныя его качества были именно таковы, кація требовались для возможно благотворнѣйшаго вліянія на нѣмецкую литературу. Бываютъ времена, когда необходимѣйшее условіе уснѣшнаго развитія есть научная дисциплина; въ ту пору, у нѣмецкой литературы была другая, противоположная потребность. Въ нашіи и въ литературѣ, въ людяхъ и писателяхъ германскихъ господствовала педантическая привычка подчиненія авторитетамъ,—литературные тузы повторяли слова иноземныхъ авторитетовъ: Готтшедъ повторялъ Буало, Рамлеръ—Ватте, Геллертъ—Лафонтена, Бодмеръ—Аддисона, Клоштокъ—Оссіана и Мильтона, Берлинская Академія—временемъ Вольтера, временемъ Попе,—мелшіе писатели повторяли слова доморощенныхъ литературныхъ магнатовъ. Не было инициативы въ литераторахъ, не было самобытности мышленія, смѣлой привычки думать своей головой. Лессингъ и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, былъ именно такой человѣкъ, въ какомъ нуждалась эпоха.

Геніальный человѣкъ, развивая нашу мысль, въ то же время обыкновенно поработщаетъ ее себѣ,—все равно, начитались ли вы Байрона или Платона, Гете или Руссо, Жоржа Санда или Аристотеля—вы становитесь въ какое-то зависимое положеніе отъ вашего путеводнаго генія,—вы на все смотрите его глазами, чувствуете, что вамъ нельзя иначе думать—не потому только, что истина его мыслей для васъ очевидна,—нѣтъ, и потому также, что онъ положилъ границы вашему воззрѣнію, какъ бы независимо отъ вашей воли, отъ вашего самостоятельнаго разсудка, подчинилъ васъ себѣ,—словомъ, вы дѣлаетесь то, что называется ученикъ, послѣдователь, отчасти рабъ этого человѣка. Потому-то обыкновенно самые благотворные авторитеты имѣютъ и свою вредную сторону—развивалъ мысль, они въ то же время отчасти сковываютъ ее. Когда въ нашіи пробужденъ духъ самостоятельной пытливости, эта вредная сторона не имѣетъ важныхъ слѣдствій,—вы подчинились одному авторитету, другой—другому, сотни другихъ не хотятъ признавать ни чьей безусловной власти надъ своей мыслью,—такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ одно время, въ одной философской области теперь существуетъ безчисленное множество различныхъ самостоятельныхъ мнѣній, всѣ допытываются истины, никто не успокоивается готовыми результатами, всѣ самодѣтельно стремятся впередъ и впередъ, и Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, несмотря на всю обаятельную силу своихъ системъ, не могли ни на одну минуту задержать дальнѣйшаго развитія мысли,—каждый изъ нихъ повелъ ее шагомъ дальше, и каждый разъ, сдѣлавъ этотъ шагъ, она устремлялась впередъ, покидая прежняго учителя, даже низвергая его, если онъ хотѣлъ остановить ее.

Такъ и должно быть. Не добытый результатъ важенъ: всѣ добытые человѣчествомъ результаты, во всѣхъ областяхъ жизни и мысли, какъ бы ни казались они блестящи по сравненію съ прошедшимъ, все еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что должно быть пріобрѣтено мыслью и трудомъ для обезпеченія матеріальной жизни, для проясненія знаній и поманіи

Важнѣе всѣхъ добытыхъ результатовъ—стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ, лучшихъ; важнѣе всего пытливость мысли, дѣятельность силъ. Немногіе изъ геніальныхъ людей такъ полно воплощали въ себѣ эту пытливость, не успокоивающуюся ни на чемъ, эту дѣятельность, вѣчно стремящуюся къ достиженію новыхъ результатовъ, полнѣйшихъ всего прежняго, — немногіе изъ геніальныхъ людей, говоримъ мы, были такъ проникнуты не какимъ нибудь опредѣленнымъ, и потому ограниченнымъ стремленіемъ къ какому нибудь опредѣленному, ограниченному результату, а жаждою итти все дальше и дальнѣе, впередъ и впередъ,—чтобы добытые ими результаты каждому уму служили только опорой, только возбужденіемъ къ дальнѣйшему самостоятельному изслѣдованію. Въ области поэзіи, нѣчто подобное представляетъ Шекспиръ. Мы опять обращаемся къ этому примѣру, чтобы прояснить наше понятіе. Кто пойметъ Шекспира, передъ тѣмъ исчезаютъ всякіе другіе авторитеты въ поэзіи—онъ вытѣснитъ всѣхъ,—а, между тѣмъ, преклоненіе передъ Шекспиромъ становится ли поэта въ такое зависимое отъ него положеніе, какъ поклоненіе Байрону или Мильтону?—нѣтъ, кто поклоняется этимъ поэтамъ, чувствуетъ непреодолимую склонность подражать имъ, и истинно талантливые люди дѣлались мильтовистами или байронистами,—но, понимать Шекспира—значитъ чувствовать въ себѣ непреодолимый позывъ къ самостоятельному творчеству,—быть чуждымъ всякой мысли о подражаніи кому бы то ни было, хотя бы и самому Шекспиру*). Изъ области поэзіи переходя въ область мысли, можно указать нѣсколько людей, оказывающихъ подобное же вліяніе,—таковъ напримѣръ Монтанъ, таковы многіе скептики. —но всѣ они занимаютъ въ исторіи развитія мысли только второстепенное мѣсто, и никто изъ нихъ не имѣлъ преобладающаго вліянія на развитіе цѣлой эпохи. Лессингъ не имѣлъ ничего общаго съ Монтаномъ или другими скептиками,—напротивъ, его убѣжденія очень опредѣлительны и тверды, онъ, можно сказать, ни въ чемъ не сомнѣвается,—ни въ человѣкѣ, ни въ законахъ вселенной,—онъ положительно говоритъ: „это мы знаемъ; въ этомъ нечего сомнѣваться“—но—какое бы убѣжденіе ни высказывалъ, какъ бы твердо ни высказывалъ его, какими бы неопровержимыми доказательствами ни подтверждалъ его,—все-таки онъ въ концѣ ставитъ новый вопросъ, все-таки заключаетъ тѣмъ, что говоритъ: „то, что мы теперь знаемъ, только начало ананія; нужно заняться теперь дальнѣйшими изслѣдованіями, при которыхъ ѿ прежняя истина явится, быть можетъ, въ новомъ видѣ“; каждое его изслѣдованіе представляется какъ будто только одною частью, отрывкомъ, который долженъ читатель дополнить уже самъ. Въ главнѣйшихъ его ученыхъ сочиненіяхъ — „Лаокоонъ“ и „Драматургія“, эта необходимость дальнѣйшаго самостоятельнаго изслѣдованія выражается даже внѣшнимъ образомъ: заключая „Лаокоона“, онъ обѣщаетъ современемъ прибавить вторую часть

*) Въ гораздо меньшихъ размѣрахъ можно почти то же сказать о Гоголѣ, если приводить примѣры изъ нашей литературы. Пушкину подражали талантливые люди, но подражаніе Гоголю зримѣно только у писателей мало талантливыхъ. Нынѣшніе даровитые писатели произошли отъ Гоголя,—а, между тѣмъ, ни въ чемъ не подражаютъ ему,—не наивно имѣютъ его ни чѣмъ, кромѣ какъ только тѣмъ, что, благодаря ему, стали самостоятельными, изучая его, пріучились понимать жизнь и поэзію, думать своею, а не чужою головою, писать своимъ, а не чужимъ перомъ.

къ этому изслѣдованію, которое положительно называется только первую частью; въ „Драматургіи“ также нѣсколько разъ говорится, что вся она только первый отдѣлъ труда, который долженъ имѣть продолженіе; „Листки противъ Геце“ прекращены, можно сказать, въ самомъ началѣ. Въ каждой частности слышится тотъ же вызовъ читателю на дальнѣйшее обсужденіе дѣла. Можно сказать, что и общее направленіе дѣятельности Лессинга не имѣетъ такой общей темы, которую не смѣнила бы другая тема, если то потребуется развитіемъ мысли,—онъ началъ, какъ литературный критикъ, а кончилъ теологическими изслѣдованіями, которыя, навѣрное, оставилъ бы для другихъ изысканій, если бы прожилъ долѣе.

Но мы слишкомъ давно забыли о біографической нити разсказа. Возвратимся же къ отношеніямъ Лессинга съ Мендельсономъ и Николаи, на которыхъ остановились. Весь характеръ дѣятельности Лессинга былъ таковъ, что вліяніе его рождало не учениковъ, а самостоятельныхъ дѣятелей. Позднѣе, это обнаружилось всѣмъ ходомъ нѣмецкой литературы и науки, которыя, въ эпоху, порожденную Лессингомъ, отличаются чрезвычайно энергическимъ стремленіемъ къ самостоятельности. Но, прежде всего, это обнаружилось на ближайшихъ друзьяхъ и непосредственныхъ воспитанникахъ Лессинга.—на Мендельсонѣ и Николаи. Они хотѣли быть его учениками, хотѣли составить школу, главою которой былъ бы Лессингъ.—Онъ не захотѣлъ того, и когда увидѣлъ ихъ имѣющими уже довольно силъ, тотчасъ же предоставилъ имъ дѣйствовать, какъ они хотятъ. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ томъ, что онъ не хотѣлъ быть постояннымъ сотрудникомъ журналовъ, ими издаваемыхъ;—существеннымъ слѣдствіемъ заботы Лессинга не о пріобрѣтеніи себѣ учениковъ, а, напротивъ, о пробужденіи самостоятельности въ каждомъ, было то, что Николаи и Мендельсонъ сохранили, какъ мыслители, полную оригинальность своихъ различныхъ натуръ, и напоминаютъ Лессинга не содержаніемъ своихъ ученій, а только тѣмъ, что въ немъ имѣли нравственную поддержку, и безъ этой поддержки дѣйствовали бы не такъ смѣло и самостоятельно.

Въ самомъ дѣлѣ, Лессингъ такъ мало хотѣлъ сдѣлаться главою партіи, что вскорѣ послѣ того, какъ сошелся съ Николаи и Мендельсономъ, уѣхалъ изъ Берлина, съ намѣреніемъ нѣсколько лѣтъ ничего не печатать. Уже семь лѣтъ онъ жилъ литературною работою,—успѣлъ, наконецъ, составить себѣ очень громкое имя,—не только какъ критикъ, но и какъ поэтъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ во мнѣніи лучшей части публики: за первыми одами и комедіями его, которыя заслужили ему имя одного изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ въ тогдашней литературѣ, слѣдовала трагедія „Миссъ Сара Сампсонъ“, которая съ перваго же раза была признана явленіемъ, какихъ еще не бывало въ нѣмецкой литературѣ, и поставила Лессинга, какъ драматурга, выше всѣхъ соперниковъ*). Но трудъ упорный и

*) Замѣчательнѣйшія произведенія Лессинга—именно драматическія пьесы „Миссъ Сара Сампсонъ“, „Минна фонъ Варгелъмъ“, „Эмилиа Галотти“ и „Нативъ Мудрый“; также „Литературныя письма“ въ связи съ другими критическими статьями, „Иноконъ“ и „Гамбургская Драматургія“ и, отчасти, полемическія статьи противъ Геце будутъ вами разсмотрѣны послѣ, чтобы не прерывать біографію слишкомъ длинными эпизодами и анализами.

счастливый въ литературномъ отношеніи, едва доставлялъ Лессингу средства для жизни,—въ его перепискѣ рѣчь идетъ всегда о талерахъ, много о десяткахъ талеровъ. Безконечная работа, соединенная съ матеріальными лишешіями, утомила Лессинга. Онъ сталъ искать себѣ какого нибудь занятія, легче, нежели литература, обезпечивающаго жизнь. Судьба едва не увлекла его на нашу родину, которой столько пользы принесли его соотечественники своими занятіями. Вотъ что писалъ онъ къ отцу весною 1755 года, въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы старика, чтобъ сынъ позаботился опредѣлиться на службу..

„О моемъ опредѣленіи на службу, мои знакомые хлопчутъ больше меня, а я мало думаю объ этомъ. Въ послѣднее время сильно уговаривали меня ѣхать въ Москву, гдѣ, какъ вы внаете, конечно, по газетамъ, основывается университетъ. Изъ всѣхъ подобныхъ предположеній, это скорѣе всего можетъ осуществиться“.

Но предположенію не исполнилось: вмѣсто Лессинга, поѣхалъ въ Москву готтшедианецъ Рейхель *).

Когда разстроился планъ получить мѣсто въ Москвѣ, Лессингъ, не сказавшись, по своему обыкновенію, никому изъ своихъ пріятелей, исчезъ изъ Берлина и очутился въ Лейпцигѣ. Какъ и зачѣмъ онъ переѣхалъ изъ Берлина въ Лейпцигъ—совершенно неизвѣстно; надобно полагать только, что онъ имѣлъ въ виду какъ нибудь избавиться отъ необходимости зарабатывать себѣ хлѣбъ литературнымъ трудомъ, утомительнымъ и неблагодарнымъ, надѣясь найти себѣ кація нибудь иныя средства для жизни. Дѣйствительно, скоро сошелся онъ въ Лейпцигѣ съ молодымъ богатымъ купцомъ Винклеромъ, который хотѣлъ нѣсколько лѣтъ употребить на путешествіе по различнымъ европейскимъ странамъ, для довершенія своего образованія, и предложилъ Лессингу быть ему спутникомъ, въ качествѣ, отчасти, товарища, отчасти наставника, съ жалованьемъ по 300 талеровъ (около 275 р. сер.) въ годъ. Путешествіе должно было продолжаться года три. Триста талеровъ въ годъ, на всемъ готовомъ содержаніи, и, притомъ, съ возможностью объѣхать всю Европу!—это было великимъ счастіемъ для Лессинга. Въ письмѣ къ Мендельсону (декабрь 1755), рассказавъ, какія сочиненія и издашя онъ готовитъ къ Пасхальному сроку слѣдующаго года **), Лессингъ продолжаетъ:

*) Кстати, говоря о Россіи, скажемъ, что въ Императорской Публичной Библиотекѣ должно быть довольно много книгъ, принадлежавшихъ Лессингу. Когда, при переселеніи изъ Берлина въ Гамбургъ, Лессингъ распродалъ свою обширную бібліотеку, собранную имъ въ Бреславлѣ, много книгъ было куплено для Варшавской бібліотеки графа Залускаго, которая потомъ, какъ извѣстно, перевезена была въ Петербургъ и послужила основаніемъ нынѣшней Публичной Библіотеки. Изъ книгъ, которыя находились въ бібліотекѣ Лессинга и были проданы съ аукціона, находились „Journal des Savants“, полный экземпляръ до 1764 года, составляющій 254 тома; „Acta Eruditorum“; „Apprès littéraires“ Фрерова;—кромя того говорится вообще, что у него было много первоначальныхъ изданій (editio princeps) греческихъ и латинскихъ классиковъ. По этимъ указаніямъ, быть можетъ, не напрасно было бы сдѣлать поиски въ Публичной Библиотекѣ. См. Данцель и Гурауэръ, первая половина 2-го тома, стр. 136.

**) Извѣстно, что и до сихъ поръ въ Гормавіи книжная торговля имѣетъ два важнѣйшіе полугодичные термина, къ которымъ все готовится, отъ которыхъ зави-

„Ну, что вы скажете? Не славакомъ ли много? Если публикъ осудить меня за излишнее усердіе въ угощеніи ея ионня пронаведеніи, то въ возмнѣніе себѣ скажу одно: съ слѣдующей Пасхи, цѣлые три года не услышатъ она обо маѣ. *Caestus artemque* геропо. Даю покой рукамъ я ремеслу.

„Какимъ это образомъ? навѣрное спросите вы. Слушайте же важнѣйшую въ всѣхъ новостей, кація только могу сообщать о себѣ. Не въ дурной часъ выѣхалъ я изъ Берлина. Нашлось мнѣ очень выгодное дѣло“...

И онъ съ восторгомъ рассказываетъ о предложеніи Винклера. Заключение было формальный контрактъ на три года. Срокомъ отъѣзда назначена весна 1756 года, около Пасхи. Въ маѣ, путешественники дѣйствительно пустились въ свое странствованіе, и, черезъ Магдебургъ, Брауншвейгъ, Гамбургъ, Греннигенъ, къ началу августа пріѣхали въ Амстердамъ. Осмотрѣвъ замѣчательные города Голландіи, хотѣли они въ октябрѣ отправиться въ Англію, — по странная новость принудила Винклера скорѣе возвратиться домой.

Въ августѣ 1756 года, внезапнымъ нападеніемъ на Саксонію, Фридрихъ II началъ войну, которая теперь извѣстна подъ именемъ Семилѣтней. Лейпцигъ былъ занятъ пруссаками. Смятеніе въ городѣ, ужасъ жителей были безмѣрны: нѣкоторые умирали отъ страха, наводимаго ожиданіемъ наступающихъ бѣдствій. Винклеру надобно было возвратиться, чтобы спасти свое имущество: въ Лейпцигѣ былъ у него домъ. Такимъ образомъ, начатое путешествіе пришлось отложить, — но только отложить: обезопасивъ свой домъ отъ контрибуцій и конфискацій, Винклеръ хотѣлъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, снова пуститься въ странствованія, и потому Лессингъ, по контракту, оставался жить у него. Но скоро они поссорились, и Лессингъ опять увидѣлъ себя въ томъ самомъ положеніи, отъ котораго хотѣлъ избавиться, уѣзжая изъ Берлина.

Причина ссоры очень характеристична для личности Лессинга. Онъ былъ родомъ изъ Саксоніи. Саксонцы теперь проклинали пруссаковъ, угнетавшихъ несчастную Саксонію поборами и наборами, контрибуціями и реквизиціями. Но, — справедливо или несправедливо, — остальные германскія племена смотрѣли на Фридриха II, какъ на героя-защитника нѣмецкой національности противъ вліянія иноземцевъ. Справедливо или нѣтъ, но образованные люди во всей Германіи считали его защитникомъ просвѣщенія и поборниками благотворныхъ реформъ.

Есть въ раздробленной Германіи чувство, которое, къ счастью, неизвѣстно у народовъ, успѣвшихъ соединиться въ одно государство, — это партикуляризмъ, предпочтеніе мѣстнаго патріотизма — гессенскаго, баденскаго, виртембергскаго, саксонскаго, прусскаго — общему нѣмецкому патріотизму. Благодаря вліянію литературы, начавшемуся съ Лессинга, это мелочное чувство ослабѣло, теперь оно не имѣетъ и десятой части того могущества, которымъ обладало за сто лѣтъ. Но и до сихъ поръ оно еще сильно, доказательствомъ тому служатъ событія послѣднихъ годовъ.

сидятъ весь ходъ литературныхъ занятій, продажъ, заказовъ и т. д. — это двѣ Лейпцигскія книжныя ярмарки — Михайловская и Пасхальная. Сто лѣтъ тому назадъ, значеніе этихъ сроковъ было еще важнѣе.

Какъ ни силенъ теперь въ Германіи партикуляризмъ, все-таки теперь это чувство, отжившее свой вѣкъ, остатокъ старины, не больше какъ рутина, привычка. Сто лѣтъ тому назадъ было не такъ. Саксонецъ считалъ себя только саксонцемъ, пруссакъ только пруссакомъ, а не нѣмцемъ; вся его національная гордость, всѣ его патріотическія чувства были прикованы исключительно къ провинціальному племени, въ которомъ онъ родился,—для чувствъ тогдашняго нѣмца существовала только Саксонія, Пруссія. Баваринъ, по не Германія: Германія исчезала, какъ скоро являлся поводъ къ пробужденію партикуляризма.

Лессингъ и въ этомъ, какъ въ остальномъ, былъ выше своего вѣка,—употребляемъ выраженіе, которое рѣдко можетъ примѣняться къ дѣлу, почти всегда будучи пустою фразою, но совершенно примѣняется къ Лессингу,—потому что, если кто нибудь бывалъ на столѣтіе впереди своего вѣка, то именно онъ.

Какъ етоялъ онъ выше литературныхъ партій, такъ точно етоялъ онъ и выше провинціальныхъ, племенныхъ подраздѣленій. Онъ думалъ только о Германіи,—Саксонія, Пруссія, Австрія были для него ничто предъ Германіею. Подданные и солдаты Фридриха II были нѣмцы,—арміи, съ которыми онъ сражался, состояли изъ венгровъ, кроатовъ, французовъ, русскихъ. Фридрихъ былъ хорошимъ администраторомъ, а въ Саксоніи самовластвовалъ Брюль,—выборъ былъ ясенъ для Лессинга, и онъ принялъ сторону Фридриха II.

Вмѣстѣ съ Винклеромъ, онъ обѣдалъ за *table d'hôte*, гдѣ всегда было большое общество, преимущественно состоявшее изъ купцовъ. Всѣ проклинали пруссаковъ и Фридриха, Лессингъ защищалъ ихъ.

Изъ прусскихъ офицеровъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Лейпцигѣ, со многими Лессингъ подружился, особенно съ поэтомъ Клейстомъ, майоромъ прусской службы, черезъ нѣсколько времени раяемымъ на смерть при Кунерендорфѣ. Талантъ Клейста не былъ великъ; но его прекрасный характеръ, соединявшій въ себѣ задумчивость съ воинственною энергіею, и его преданность Лессингу привязали къ нему Лессинга. Онъ приводилъ Клейста и другихъ пруссаковъ за *table d'hôte*, гдѣ самъ обѣдалъ, и такимъ образомъ, явилась тамъ, кромѣ саксонской партіи, прусская.

Саксонцы негодовали на непрощенныхъ собесѣдниковъ, и многіе взъ прежнихъ постоянныхъ посѣтителей перестали обѣдать въ этомъ ресторанѣ. Хозяйка ресторана, оставшаяся въ убыткѣ, стала говорить Винклеру, что просить его и Лессинга, съ его пріятелями, не бывать въ ея ресторанѣ. потому что пруссіе мундиры лишаютъ ее другихъ, болѣе многочисленныхъ гостей. Винклеръ, уже прежде нѣсколько разъ имѣвшій мелочныя ссоры съ Лессингомъ,—вѣроятно, также главнымъ образомъ по поводу его любви къ пруссакамъ, написалъ ему теперь невѣжливую записку, и Лессингъ долженъ былъ прекратить съ нимъ всякія сношенія.

Такимъ образомъ, остался онъ въ Лейпцигѣ опять безъ всякихъ ередствъ къ жизни, кромѣ литературной работы; а доставать деньги литературной работою, все-таки было для него удобнѣе въ Берлинѣ, нежели гдѣ-нибудь. и въ 1759 году возвратился онъ въ Берлинъ. Тамъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его Николай.

Вскорѣ послѣ того, какъ сблизился съ Лессингомъ, и потомъ, черезъ Лессинга, съ Мендельсовомъ, Николай сталъ думать о томъ, какъ бы основать критическій журналъ. Когда Лессингъ возвратился въ Лейпцигъ изъ поѣздки съ Винклеромъ, Николай просилъ его принять на себя хлопоты найти въ Лейпцигѣ книгопродавца, который бы согласился издавать этотъ предполагаемый журналъ, которому Николай хотѣлъ дать названіе „Библіотека изящныхъ искусствъ и словесности“. Издатель, послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ, былъ наконецъ найденъ Лессингомъ; статьи, присылаемые изъ Берлина Николай, Мендельсономъ и ихъ друзьями, передавались въ типографію черезъ Лессинга, который иногда, въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ необходимыя измѣненія по редакціонной части, но, вообще, не желалъ имѣть вліянія на духъ и направленіе журнала, редакторомъ котораго былъ Николай, при содѣйствіи Мендельсона *).

Когда Лессингъ возвратился въ Берлинъ, коммерческое положеніе Николай измѣнилось. До сихъ поръ, книжный магазинъ принадлежалъ его отцу, потомъ, по смерти отца, брату,—писатель Николай, младшій братъ, былъ просто прикащикомъ въ магазинъ и получалъ отъ брата небольшую часть годичной прибыли. Теперь, по смерти брата, онъ самъ сдѣлался хозяиномъ книжнаго магазина; продолжать писать для журнала, издаваемого другимъ книгопродавцемъ, ему было уже не выгодно. Онъ передалъ „Библіотеку изящныхъ искусствъ“ другой редакціи, и основалъ новый журналъ „Литературныя письма“. Душою этого журнала былъ Лессингъ, изъ статей котораго почти исключительно составлены были первыя книжки „Литературныхъ писемъ“.

*) Николай сообщаетъ любопытный фактъ о томъ, какъ вознаграждался тогда литературный трудъ книгопродавцами-издателями. Николай и его сотрудники получали отъ своего книгопродавца по двадцати-пяти талеровъ за цѣлый вумеръ „Библіотеки“, состоявшій изъ пятнадцати печатныхъ листовъ, то есть по 1 руб. 50 коп. сер. за печатный листъ,—почти то, что надобно заплатить писцу за переписку статьи. Положимъ, что форматъ листа былъ невеликъ, положимъ, что плата, по замѣчанію Николай, была и для того времени очень умеренною, и въ другихъ случаяхъ писатели получали нѣсколько болѣе, но все-таки—эта цифра одна уже поясняетъ намъ, каково было тогда въ Германіи матеріальное положеніе писателя, который жилъ литературной работой, не имѣя другихъ источниковъ дохода.—Впрочемъ, какъ мы говорили, такихъ писателей было очень мало.—Напримѣръ, изъ тѣхъ, которыхъ мы называли въ этой статьѣ,—Ланге и Глеймъ были пасторы, Клейстъ—офицеръ, Зюльцеръ—профессоръ, Николай—книгопродавецъ, Мендельсонъ—бухгалтеръ въ торговомъ домѣ,—одинъ Лессингъ былъ писатель и больше ничего.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Литературныя письма“. — Основаніе ихъ сильнаго дѣйствія на нѣмецкую литературу. — Черты, ими впесенныя въ характеръ нѣмецкой мысли. — Лессингъ принимаетъ мѣсто секретаря при Тауэвцихъ. — Жизнь его въ Бреславлѣ. — Возвращеніе къ литературному міру. — „Миссъ Сара Сампсонъ“. — „Миша фонъ-Барнфельдъ“. — „Лаокоовъ“.

(1759—1767).

„Библиотека изящныхъ искусствъ“, которую издавалъ Николай при содѣйствіи Мендельсона, была лучшимъ критическимъ журналомъ своего времени. Она стояла выше мелочныхъ интригъ, самолюбиво суетою замедлявшихъ успѣхи нѣмецкой мысли; основанія критики ея надобно назвать справедливыми, ея сужденія—вообще здоровыми и благородными, умными и безпристрастными. И однако же, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, „Библиотека изящныхъ искусствъ“ осталась безъ замѣтнаго вліянія на литературу; она приносить большую честь дароваціямъ и добросовѣстности своихъ соучастниковъ, но мало принесла пользы нѣмецкой публикѣ.

„Литературныя письма“, по многимъ существеннымъ чертамъ характера, были сходны съ „Библиотекою изящныхъ искусствъ“. Уже однѣ внѣшнія примѣты достаточно показываютъ степень близости этихъ двухъ журналовъ. Николай, редакторъ „Библиотеки“, былъ редакторомъ и издателемъ „Литературныхъ писемъ“; Мендельсонъ, главный его сотрудникъ въ „Библиотекѣ“, принималъ не менѣе дѣятельное участіе и въ „Литературныхъ письмахъ“. Столь же рѣшительны и факты внутренняго родства обоихъ журналовъ. Николай и Мендельсонъ развились, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ Лессинга; „Библиотека“ была по преимуществу выраженіемъ мыслей, въ первый разъ высказанныхъ имъ; Николай и Мендельсонъ съ восторгомъ приняли его сотрудничество при изданіи „Литературныхъ писемъ“ главнымъ образомъ потому, что видѣли въ немъ человѣка, думающаго одинаково съ ними о всѣхъ существенно важныхъ вопросахъ, и не обманулись, ожидая совершенной гармоніи между его и своими статьями: впоследствии, Лессингъ ушелъ далеко впередъ отъ своихъ друзей, и они уже не могли понимать его, но до конца изданія „Литературныхъ писемъ“ не замѣчалось разницы между его и ихъ воззрѣніями,—не замѣчалось до такой степени, что и публика и писатели, не только противныхъ партій, но даже изъ друзей Лессинга, всѣ, непосвященные въ тайны редакціи, не умѣли отличить, кому изъ трехъ главныхъ лицъ такъ называвшейся тогда Берлинской или Николанитской школы принадлежитъ та или другая статья. Лессингу приписывались многія рецензіи въ „Библиотекѣ“, въ которой онъ не участвовалъ; и

наоборотъ, многія статьи въ „Литературныхъ письмахъ“, принадлежавшія Лессингу, приписывались Мендельсону или Николаи. Иныя рецензіи были написаны Лессингомъ вмѣстѣ съ Мендельсономъ, какъ прежде, разсужденіе о метафизикѣ Попа; другія служатъ развитіемъ статей „Библіотеки“—словомъ, сходство этихъ двухъ журналовъ такъ очевидно, что многими „Литературныя письма“ считались за продолженіе „Библіотеки“. И однако же, при всей видимой одинаковости направленія, „Литературныя письма“ произвели совершенный переворотъ въ нѣмецкой литературѣ, между тѣмъ, какъ „Библіотека“ не имѣла особенной важности въ исторіи нѣмецкаго развитія.

Эту разницу въ значеніи двухъ журналовъ, бывшихъ выраженіемъ одной мысли, надобно, конечно, приписывать исключительно участію Лессинга въ „Литературныхъ письмахъ“. Въ самомъ дѣлѣ, громадное дѣйствіе производилось именно его статьями; когда онъ оставилъ „Литературныя письма“, нумера этого журнала утратили болѣе часть той электрической силы, которая приводила въ движеніе умы читателей и волновала литературный міръ, и если онъ продолжалъ еще пользоваться значительнымъ вліяніемъ, то почти исключительно благодаря репутации, приобрѣтенной первыми, лессинговскими нумерами. Тайну этого превосходства нельзя вполне объяснить ни славою Лессинга, ни даже огромнымъ перевѣсомъ его таланта надъ силами другихъ его сподвижниковъ.

Что касается таланта, Николаи и Мендельсонъ, какъ ни далеко уступали Лессингу, все же были писатели великихъ дарованій, стало быть и они могли бы имѣть сильное вліяніе, еслибъ для того нужно было только хороню изложить справедливыя мысли. Притомъ же, мы видѣли, что публика и литература не умѣли отличать въ журналѣ статей Лессинга отъ статей, написанныхъ другими, стало быть, мало еще были способны оцѣнить превосходство его мастерскаго изложенія. Что же касается славы, Лессингъ, конечно, уже пользовался громкою, даже очень громкою извѣстностью въ публикѣ, но все-таки далеко еще не достигъ той общепризнанной репутации великаго, гениальнаго писателя, которая увлекаетъ толпу однимъ авторитетомъ имени. Такое положеніе дается только временемъ, привычкою; авторитетъ приобрѣтается не такъ быстро, какъ слава, а Лессингъ еще и славою не равнялся съ Клоппштокомъ, Галлеромъ и нѣкоторыми другими тогдашними знаменитостями. Люди, особенно проницательные, конечно, уже видѣли въ немъ перваго нѣмецкаго писателя,—но число такихъ людей было очень невелико; у каждой литературной партіи были еще свои авторитеты, внушавшіе болѣе уваженія, нежели чуждый всѣмъ котеріямъ Лессингъ; а публика еще не успѣла отвыкнуть отъ поклоненія старымъ свѣтиламъ. Лессингъ не только не имѣлъ первенствующаго положенія во всей нѣмецкой литературѣ,—онъ не считался даже главою и той школы, къ которой его причисляли. Николаи былъ редакторомъ журналовъ этой школы, онъ считался и ея главою; всѣ говорили о Николаитахъ, никому и въ голову не приходило называть ихъ Лессингианцами.

Правда, въ одномъ отношеніи никто уже не находилъ соперниковъ Лессингу—именно, въ жестокости нападеній. Со времени своей полемики съ Ланге онъ считался самымъ злымъ спорщикомъ, человѣкомъ безпокой-

явѣйшаго литературнаго характера, писателемъ, находящимъ лучшее свое удовольствіе въ безпощадномъ терзаніи всѣхъ и cadaго, кто только под-вернется ему подъ руку. „Лессингъ душилъ всѣхъ, чтобы самому было просторнѣе жить“, писалъ въ 1759 году близкій пріятель Лессинга, Рам-леръ, другому близкому его и своему пріятелю, Глейму: „Отъ этого ужъ нельзя его исправить: такова его натура“. Если такъ говорили между со-бою о Лессингѣ его друзья, то можно вообразить, каково было мнѣше о его критической свирѣпости у всѣхъ другихъ писателей и читателей. Онъ представлялся литераторамъ и публикѣ какимъ-то людоедомъ. Онъ самъ зналъ, что самая яркая черта его репутаціи—его безпощадная строгость въ критикѣ, его страшная рѣзкость въ полемикѣ, и онъ указываетъ на это общее мнѣше о себѣ шуткою, отвѣчая на вопросъ Николаи о томъ, какой девизъ написать подъ его портретомъ (Николаи, когда былъ редакторомъ „Библиотеки изящныхъ искусствъ“, вздумалъ приложить къ своему журналу портреты нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ и Лессинга). „Чтобы не думать долго—говорить Лессингъ—выставьте подъ моимъ портретомъ:

„Nigri niger est, hunc tu, Romane, cave“ *).

„Или, пожалуй:

„Quid immerentes hospites vexas, canis“? **)

Кажется, трудно было прославиться безпощадностью полемики въ тотъ вѣкъ ожесточеннѣйшей, нескончаемой, не знавшей никакихъ границъ, забы-вавшей всѣ законы приличій полемики,—когда литературныя партіи преслѣ-довали одна другую самою плоскою и циническою бранью, съ безконечными антикритиками, рекритиками, отвѣтами на рекритики и отвѣтами на отвѣты на рекритики. Но Лессингу эта непривлекательная слава считаться жесто-чайшимъ изъ всѣхъ жестокихъ эоиловъ досталась очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, его критики должны были раздражать самолюбіе тогдашнихъ писате-лей сильнѣе, нежели чьи бы то ни было. Если Бодмеръ бранилъ Гот-тшеда,—Готтшеду казалось это очень естественно,—вѣдь онъ самъ бранилъ Бодмера,—для того и другаго одинаково ясно было, что противникъ бранить его только изъ-за оскорбленнаго самолюбія,—они оба уже были приготовлены къ тому, чтобы не ждать другъ отъ друга ничего, кромѣ грубѣйшей брани. Каждая изъ враждующихъ партій считала всѣхъ людей противнаго лагеря глупцами и негодяями — утѣшеніемъ каждому служило то, что его бранятъ глупцы и невѣжды,—которыхъ онъ и его друзья много разъ выводили на свѣжую воду, уничтожали и бранили. Но, кромѣ этихъ заклятыхъ враговъ всего талантливаго и умнаго (то есть, принадлежащаго къ его партіи), отъ всѣхъ другихъ критиковъ каждый писатель слышалъ только похвалы и ком-плименты, а всѣ люди съ умомъ и вкусомъ (то есть люди его собственной партіи) превозносили его до небесъ. Брань отъ записныхъ противниковъ,

*) „Это злой человекъ, берегись его“. — Изъ извѣстнаго пророчества о рѣкѣ Нигерѣ, Лессингъ дѣлаетъ тутъ каламбуръ, ставя вмѣсто Nigri (нѣм. рѣки) — niger (черный, злобный).

**) „Что ты, собака, кидаешься на людей, которые тебя не трогаютъ?“

если и бываетъ груба, все таки въ сущности довольно легко переносится самолюбіемъ. И вдругъ—явился человѣкъ, который осуждалъ, наприимѣръ, Готтшеда не потому, что былъ поклонникомъ Бодмера,—напротивъ, онъ не менѣе строго осуждалъ и Бодмера,—это было уже нарушеніемъ обычая,—это было уже непонятнымъ, непредвидѣннымъ нападеніемъ. „За что жъ онъ осуждаетъ меня,—думалъ Готтшедъ: — если онъ не хочетъ мстить мнѣ за Бодмера? По какому праву? На какомъ основаніи? Дѣло другое, еслибъ онъ хвалилъ Бодмера,—тогда это было бы натурально. А теперь видно, что онъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ, злобный человѣкъ, который бранится не потому, что мы съ нимъ принадлежимъ къ враждующимъ лагерямъ, а просто потому, что онъ любитъ мучить людей. Это не аенининъ, поражающій спартамца потому, что Анины и Спарта ведутъ войну, а просто душегубецъ, которому одинаково пріятно рѣзать и аенинанъ и спартамцевъ, это не воинъ, а разбойникъ“.

Мы видѣли, что подъ вліяніемъ Лессинга образовались въ нѣмецкой литературѣ писатели, подобно ему, не сочувствовавшіе ни одной изъ враждовавшихъ партій,—критики, которые, подобно ему, должны были возбуждать къ себѣ одинаковую нелюбовь во всѣхъ партіяхъ. Ихъ органомъ была „Библиотека изящныхъ искусствъ“. Но мнѣніи этихъ людей были заимствованныя, навѣяныя, не превратившіяся еще въ ихъ собственную плоть и кровь,—потому довольно блѣдныя, довольно снисходительныя. Эти ученики еще не такъ сильно прониклись новыми понятіями, чтобы совершенно оторваться отъ прежнихъ,—не на столько были сильны, чтобы логически провести свой новый принципъ по всей системѣ своихъ убѣжденій,—это были люди того характера убѣжденій, который нынѣ принято въ критикѣ называть „умѣреннымъ образомъ мыслей“. Они могутъ быть очень благородны, очень благоразумны,—но не имъ увлекать вслѣдъ за собою большинство; они могутъ быть очень почтенны, но они вовсе не эффектны, если можно такъ выразиться.

Ихъ учитель былъ не таковъ. Онъ говорилъ то, что глубоко обдумалъ и сильно прочувствовалъ,—его убѣжденія имѣли уже логическую стройность и полноту,—онъ уже не могъ дѣлать уступокъ явленіямъ, которыя не оправдывались его принципомъ,—онъ обсудилъ и безвозвратно осудилъ всѣ устарѣлыя понятія,—словомъ сказать, онъ былъ то, что теперь называется человѣкъ неумолимой логики, человѣкъ убѣжденій.

Бываютъ эпохи въ литературѣ, когда нужны обществу люди умѣренныхъ мнѣній, люди приирешія, люди уступокъ,—они бываютъ очень полезны въ концѣ борьбы, когда нужно дать пощаду признавшимся въ своемъ безсиліи побѣжденнымъ. Но—начало борьбы, какова была во время Лессинга, имѣетъ другія условія,—тутъ нужна была энергія. Когда вводился въ жизнь новый принципъ, правъ котораго еще не хотѣли признавать, онъ долженъ былъ со всею силою предъявлять всѣ свои права, долженъ былъ не колеблясь обнаруживать всѣ слабыя стороны явленій, неудовлетворительность которыхъ дѣлала появленіе этого новаго принципа историческою необходимостью.

Мы не будемъ здѣсь излагать содержанія лессингова журнала, — это томъ III.

мы сдѣлаемъ въ особенной главѣ, а теперь скажемъ только нѣсколько словъ объ его общемъ дѣйствіи, о тѣхъ чертахъ, которыми, со времени „Литературныхъ писемъ“, рѣзко запечатлѣлась вся жизнь нѣмецкой націи.

Мы видѣли, какую репутацію имѣлъ Лессингъ и за что онъ имѣлъ ее. Человѣкъ энергическаго ума и смѣлаго характера, онъ ненавидѣлъ то, что называется „половинчатостью“ (Halbheit); чего онъ хотѣлъ, того хотѣлъ не шутя, что говорилъ, то говорилъ вполне, до конца,—если онъ не видѣлъ возможности или не находилъ надобности выражать свою мысль во всей ея силѣ, онъ лучше вовсе не выражалъ ея. Поэтому, первое впечатлѣніе, произведенное „Литературными письмами“, было впечатлѣніе страшной рѣзкости сужденій. Видя необходимость для нѣмецкой литературы въ совершенномъ разрывѣ съ прежними вздорными формалистическими стремленьями, онъ безъ всякихъ церемоній и безъ малѣйшихъ уступокъ доказывалъ, что всѣ произведенія, нравившіяся до той поры публикѣ и перевозносимыя рецензентами, нигде не годятся, а самыя великія литературныя знаменитости—или люди безталанныя, или погубившіе свой талантъ (послѣднее говорилъ онъ о Клопштокѣ, первое—о всѣхъ остальныхъ знаменитостяхъ), что всѣ прежнія литературныя понятія—чистый вздоръ. Никакихъ уступокъ не дѣлалъ онъ заблужденію, и безусловно отрицалъ всякое достоинство въ явленіяхъ, важнаго значенія которыхъ не смѣли отвергать даже люди, принадлежавшіе къ его поколѣнію. Въ этомъ состоитъ очевиднѣйшее отличіе „Литературныхъ писемъ“ отъ „Библіотеки изящныхъ искусствъ“. Примѣромъ его пусть служитъ знаменитая фраза о Готтшедѣ, какъ драматурга: „Никто не будетъ отрицать,—говорила „Библіотека“,—что нѣмецкій театръ въ значительной степени обязанъ своимъ первымъ усовершенствованіемъ г. профессору Готтшеду“. — „Я этотъ никто,—говорилъ Лессингъ, цитую слова эти въ XVII-мъ письмѣ—я совершенно отрицаю это“.

Рѣзкость сужденій была первымъ условіемъ сильнаго вліянія „Литературныхъ писемъ“ на публику и писателей. Нѣмецкая мысль была тогда одержима такою вялою дремотою, что только самыя сильныя толчки могли пробудить ее. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Лессингъ былъ именно человѣкъ, въ какомъ нуждалось то время. Только безпощадная діалектика, не оставлявшая ни одного уступчиваго слова для усвоенія, могла заставить публику и писателей признаться въ томъ, что литературныя дѣла ихъ дѣйствительно въ плохомъ состояніи, и пробудить въ нихъ потребность исправленія безжалостно раскрытыхъ недостатковъ.

Теперь, мысли, возбуждавшія изумленіе, когда явились въ „Литературныхъ письмахъ“, стали общими мѣстами, сужденія о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, возбуждавшія негодованіе, смѣшанное съ удивленіемъ, когда являлись въ „Литературныхъ письмахъ“, повторяются въ каждомъ учебникѣ,—стало быть, энергія выводовъ и выраженія не заводила Лессинга въ несправедливую односторонность; но не въ томъ только дѣло, что онъ былъ правъ, осуждая Клопштока и Крамера, Готтшеда и Бодмера: но много бы выиграли нѣмцы, если бы научились изъ „Литературныхъ писемъ“ только вѣрному взгляду на факты, обсуждавшіеся въ этомъ журналѣ—факты были вообще не слишкомъ важны. и, по правдѣ сказать, не стоило бы труда во-

все и говорить о нихъ, еслибъ нѣмцы были приготовлены къ тому, чтобы слушать и понимать сужденія о чемъ нибудь важнѣйшемъ, нежели произведенія Готтшета съ его союзниками и противниками. Важно было не столько приобритеніе нѣмецкимъ обществомъ еужденій о литературныхъ явленіяхъ, сколько то, что вмѣстѣ съ содержаніемъ сужденій перенелъ въ нѣмецкую мысль ихъ духъ,—духъ строгой, неостанавливающейся ни передъ какими выводами логики, не призывающей за заблужденіемъ права на уступки, ищущей только чистой истины, какова бы ни была отъ того судьба нашихъ личныхъ предубѣжденій и поползновеній.

Нелѣпо было бы намъ, людямъ постороннимъ, быть безусловными поклонниками нѣмцевъ и ставить ихъ поэтовъ и мыслителей идеалами, передъ которыми ничтожны, напримѣръ, поэты и мыслители англійскіе и французскіе,—сами нѣмцы не впадаютъ въ такую ошибку, тѣмъ нелѣпѣе была бы она у насъ. Но безпристрастные люди всѣхъ націй согласны въ томъ, что если, вообще говоря, французскіе или англійскіе писатели имѣютъ во многихъ отношеніяхъ превосходство надъ нѣмцами *), то, по смѣлости взгляда и логичности выводовъ, нѣмцы стоятъ далеко выше ихъ. Французы съ парадоксальнымъ экстазомъ провозглашаютъ, сами изумляясь своей смѣлости, тѣяніи мысли, наивность которыхъ кажется прѣсною для нѣмца; англичане пресерьезно доказываютъ справедливость понятій, нелѣпость которыхъ очевидна для нѣмца съ перваго взгляда,—кромѣ того, они сликомъ плохіе діалектики сравнительно съ нѣмцами. Широта и безпристрастіе взгляда чаще встрѣчаются у нѣмца, нежели у кого нибудь. Несправедливо было бы считать это достоинство особеннымъ качествомъ нѣмецкой національности—логическая сила есть общее достояніе человѣческаго ума; но то несомнѣнно, что вслѣдствіе привычки къ глубокому и безпристрастному мышленію, это драгоценное качество сильнѣе развито въ настоящее время въ нѣмецкой, нежели въ какой бы то ни было другой націи. Нельзя приписывать, конечно, развитіе этой привычки исключительно или преимущественно вліянію одного какого нибудь человѣка,—оно было слѣдствіемъ общаго состоянія Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка и свойства тѣхъ вопросовъ, на которые первоначально устремились умственные силы нѣмецкаго народа. Съ одной стороны, факты его жизни были такъ незавидны, что не могли породить особеннаго пристрастія къ себѣ: у нѣмцевъ не было ни блестящей національной исторіи, ни блестящихъ періодовъ литературы, какъ у французовъ и англичанъ, ни причинъ гордиться устройствомъ своего внутреннего быта, какъ у англичанъ, или умственнымъ владычествомъ надъ Европою, какъ у французовъ. Они не имѣли поводовъ быть пристрастными—не къ чему было пристраститься; не имѣли поводовъ быть робкими въ выводахъ изъ опасенія коснуться отрицаніемъ чего нибудь драгоценнаго,—имъ было нечего беречь и щадить. Съ другой стороны, первоначальною школою, въ которой воспитывалась ихъ мысль, было обсужденіе вопросовъ, болѣе или

*) Мы, конечно, говоримъ вообще о характерѣ литературъ, а не о немногихъ писателяхъ, составляющихъ рѣдкія исключенія; Гизо, напримѣръ, въ своей „Исторіи цивилизаціи“ французъ только по изложенію, а по духу—нѣмецъ; Гейне—чистый французъ; Мальтусъ—нѣмецъ по неуклонной логичности выводовъ.

менѣе отвлеченныхъ, — литературы, науки, — въ этихъ сферахъ, привыкнуть къ смѣлости и безпристрастію выводовъ легче, нежели въ сферѣ бытовыхъ и общественныхъ вопросовъ, гдѣ отъ положительнаго или отрицательнаго рѣшенія непосредственно зависитъ все матеріальное и общественное положеніе человѣка. И самая натура вопросовъ, къ которымъ первоначально обратилась пробуждавшаяся нѣмецкая мысль, и обстоятельства, въ которыхъ пробудилась она, развивали въ ней наклонность и потомъ привычку къ логичности выводовъ и широтѣ взгляда. Но того нельзя отрицать, что на сколько отдѣльный фактъ можетъ имѣть вліяніе на развитіе въ обществѣ извѣстныхъ стремленій, на столько „Литературныя письма“ содѣйствовали образованію въ нѣмецкой мысли того драгоцѣннаго качества, о которомъ говорили мы. Эти письма были первымъ и чрезвычайно блестящимъ указаніемъ пути, по которому пошла нѣмецкая мысль. Дѣйствіе, произведенное ими, было очень сильно: всѣ могли учиться изъ этого примѣра, всѣ почувствовали желаніе идти по дорогѣ, въ первый разъ проложенной Лессингомъ.

По своей натурѣ, чрезвычайно живой и пылкой, Лессингъ вообще былъ расположенъ работать именно только надъ тѣмъ, что не могло быть совершено другими; въ немъ жило инстинктивное влеченіе гениальныхъ людей устремлять свои силы только на существеннѣйшую часть дѣла, предоставляя другимъ второстепеннымъ людямъ то, что уже по силамъ для нихъ — именно, разработку поставленной руководителемъ задачи и пользованіе доставленными имъ къ тому средствами; кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, имѣлъ ту особенность, что не любилъ держать въ зависимости отъ себя волю и умъ другихъ, — ему было противно завидное для столь многихъ положеніе главы школы, окруженнаго послѣдователями, — главною его задачею было возбужденіе самостоятельной дѣятельности въ другихъ, какъ скоро истинный путь былъ указанъ, дѣятельность возбуждена, онъ чувствовалъ свое дѣло совершеннымъ, ему скучно и противно было участвовать въ немъ долѣе, стѣсняя своимъ превосходствомъ развитіе другихъ, — онъ чувствовалъ уже влеченіе обратиться къ рѣшенію другихъ задачъ, еще не тронутыхъ. Именно такой характеръ и былъ тогда нуженъ для возрожденія нѣмецкой мысли въ мыслителѣ, который былъ бы предводителемъ новаго движенія. Характеръ Лессинга, какъ человѣка, соотвѣтствовалъ потребности Германіи въ такомъ писателѣ, который возбуждалъ бы къ дѣятельности, не отнималъ работы у пробужденныхъ умовъ своимъ неотступнымъ участіемъ, который научалъ бы, не подчиняя. Ему скучно было долго оставаться на одномъ мѣстѣ или въ одинаковыхъ отношеніяхъ, — ему нужна была перемѣна обстановки, разнообразіе занятій.

Участіе его въ „Литературныхъ письмахъ“ было очень непродолжительно, — оно длилось не болѣе того, сколько нужно было, чтобы возбудить напряженное вниманіе общества къ новому критическому направленію и образовать его дѣятелей, поставить, такъ сказать, на ноги людей, которые могли бы идти по указанному направленію. „Литературныя письма“ начались съ началомъ 1759 года, они выходили маленькими еженедѣльными тетрадками, — первыя восемь тетрадокъ были написаны почти исключительно Лессингомъ (изъ девятнадцати „Писемъ“, которыя составляютъ ихъ, только одно ше-

стое написано не Лессингомъ,—всѣ остальные восемнадцать и общее введеніе принадлежать ему),—потомъ онъ писалъ много,—около третьей доли всѣхъ статей,—до конца октября 1759 года,—потомъ его статьи стали являться уже очень рѣдко, почти случайно,—потомъ и вовсе прекратилось его участіе, и онъ только пиніетъ наконецъ заключительное (332-е) письмо, которымъ въ 1764 году оканчивается изданіе журнала, для котораго онъ въ первые два мѣсяца работалъ одинъ, потомъ нѣсколько болѣе полугода былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ, но послѣ, втеченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, уже не считалъ нужнымъ принимать участіе, когда новое, начатое имъ направленіе, получило уже возможность продолжаться безъ его помощи.

Внѣшнюю причину прекращенія постоянной работы Лессинга для „Литературныхъ писемъ“ было то, что онъ, проживъ около двухъ лѣтъ въ Берлинѣ, уѣхалъ изъ этого города,—отчасти соскучившись жить въ немъ, отчасти наскучивъ добывать себѣ пропитаніе литературною работою и подумавъ о томъ, чтобы обезпечить нѣсколько свое существованіе, отчасти наконецъ и то, что ему стало скучно общество берлинскихъ друзей.

Вообще, Лессингъ не встрѣчалъ въ жизни такихъ людей, дружба которыхъ долго сохраняла бы силу надъ его душевными стремленіями. Онъ былъ слинкомъ многимъ выше самыхъ лучшихъ изъ тѣхъ, съ которыми сводило его взаимное расположеніе и уваженіе. Слишкомъ короткія сновенія съ кѣмъ бы то ни было скоро становились для него отчасти скучными, отчасти стѣснительными, и онъ чувствовалъ потребность измѣнить свою обстановку, чтобы дружескія отношенія не разорвались его утомленіемъ. Эту черту мы замѣчаемъ во многихъ гениальныхъ людяхъ,—можно сказать, во всѣхъ тѣхъ изъ числа ихъ, которые не были подвержены пороку малой суетности, находящей удовольствіе въ поработаніи себѣ кружка поклонниковъ, который воскурялъ бы имъ энціамъ. Это надобно отличить отъ холодности или эгоизма. Почти каждый испытывалъ нѣчто подобное, когда случалось ему жить въ постоянномъ общеніи съ людьми, стоявшими по уму и развитію ниже его,—какъ бы сильно ни любилъ онъ этихъ людей, общество ихъ мало по малу становилось для него скучно, и онъ, сохраняя готовность дѣлать для нихъ все возможное, начиналъ думать, что свиданія съ ними были бы пріятнѣе, если бы сдѣлались рѣже. Чувство, испытываемое случайно, временно многими изъ насъ, почти постоянно испытывается гениальными людьми. Надолго могутъ быть пріятны постоянныя, ежедневныя бесѣды только между людьми, равными между собою. А такихъ людей почти не приходится встрѣчать человѣку, который самъ составляетъ рѣдкое исключеніе. Отсюда склонность къ уединенію, овладѣвающая тѣми изъ людей гениальныхъ, которые могутъ довольствоваться уединеніемъ.

Лессингъ былъ не таковъ. Онъ не могъ жить безъ людей, однако же, всякій кружокъ скоро утомлялъ его,—отсюда у него происходило стремленіе къ перемѣнѣ кружковъ,—и самымъ легкимъ средствомъ къ достиженію этого были переѣзды съ одного мѣста на другое. Ни къ одному изъ своихъ друзей не охладѣвалъ онъ, но нигдѣ не могъ ужиться долго, и тѣмъ задушевнѣе были возвращенія его на нѣкоторое время въ тотъ или другой кру-

жовъ, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ отсутствія, въ продолженіе котораго также поддерживались самыя дружескія отношенія перепискою. Одинъ только другъ не наскучилъ ему во всю жизнь,—правда и то, что этотъ единственный незамѣнимый другъ была женщина, мадамъ Кёнигъ, сдѣлавшаяся его женою, когда, послѣ пяти-лѣтнихъ мучительныхъ хлопотъ объ обезпеченіи своего положенія для семейной жизни, онъ увидѣлъ наконецъ возможность ввести въ свой домъ ту, которая уже пять лѣтъ была его невѣстою. Тогда Лессингъ поселился въ Вольфенбюттелъ,—а теперь, ему не для кого еще было слишкомъ долго оставаться въ Берлинѣ. Тѣмъ съ большею радостью покинулъ онъ Берлинъ, что жилъ тамъ единственно литературною работою, а этотъ способъ добывать хлѣбъ тяжель казался Лессингу; да и дѣйствительно былъ тогда самымъ скуднымъ обезпеченіемъ. Случайно представилась ему возможность занять мѣсто секретаря при генералѣ Тауэнцинѣ, бреславскомъ губернаторѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ завѣдывавшемъ чеканкою монеты. Генералъ былъ любимцемъ Фридриха, преданный всею душою своему государю и полководцу. Лессингъ давно уже хлопоталъ, чтобы найти себѣ какое нибудь мѣсто. Онъ хотѣлъ принять даже должность квартирмейстера при одномъ изъ прежнихъ полковъ,—мало того, носились слухи, что онъ готовъ даже поступить офицеромъ въ одинъ изъ милиціонныхъ батальоновъ. Тѣмъ съ большею радостью принялъ онъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ,—мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, простиравшимся чуть ли не до тысячи талеровъ,—мѣсто, обѣщавшее самую разнообразную и живую обстановку, потому что Бреславль былъ однимъ изъ главныхъ центровъ военнаго управленія и въ то время,—время Семилѣтней войны, —кипѣлъ жизнью; —быть можетъ, Лессингъ рассчитывалъ и на лагерную жизнь, которую дѣйствительно пришлось ему испытать черезъ нѣсколько времени, когда Тауэнцинъ валь осаду крѣпости Швейдница.

По обыкновенію, Лессингъ ни съ кѣмъ не совѣтовался въ этомъ случаѣ; по обыкновенію, даже не предупредилъ друзей о своемъ отъѣздѣ, и внезапно исчезъ изъ Берлина, какъ прежде исчезалъ изъ Лейпцига, изъ Виттенберга и т. д.,—Николай съ Мендольсономъ только могли покачать головою при этомъ сюрпризѣ, какъ прежде качалъ головою Вейссе, неожиданно нашедши опустѣвшей квартиру своего друга.

Ускакавъ изъ Берлина въ концѣ 1760 года, Лессингъ былъ сначала въ восторгѣ отъ перемѣны своего положенія. Но скоро восторгъ прошель. Сухія должностныя обязанности отнимали слишкомъ много времени у новаго секретаря... онъ думалъ, что эта механическая работа будетъ служить ему отдыхомъ отъ ого ученыхъ и поэтическихъ трудовъ,—но онъ тосковалъ о томъ времени, когда могъ располагать всѣми часами дня по своему произволу. Служебныя свои обязанности онъ исполнялъ, какъ надобно думать, очень внимательно, потому что оставался на этомъ мѣстѣ болѣе четырехъ лѣтъ, и Тауэнцинъ просилъ его остаться, когда онъ рѣшился возвратиться въ Берлинъ,—но онъ были скучны для него. Въ матеріальномъ отношеніи, служба при Тауэнцинѣ была самымъ лучшимъ періодомъ въ жизни Лессинга. Получая значительное (сравнительно съ своими привычками) жалованье, онъ былъ далекъ отъ нужды, напротивъ, имѣлъ даже избытокъ, ко-

торый употребилъ на составленіе прекрасной библіотеки. Не менѣе пріятны были и его отношенія къ бреславскому обществу. Не стѣсненный денежными недостатками, онъ могъ имѣть всѣ развлеченія, и, какъ слѣдовало ожидать отъ его характера, пользовался ими вполне. Почти каждый вечеръ, окруженный толпою пріятелей, онъ бывалъ въ театрѣ,—потомъ вечеръ заканчивался дружескими ужинами у самого Лессинга или у когонибудь изъ его пріятелей. Но интереснѣе ужина и даже веселыхъ или ученыхъ бесѣдъ, было для Лессинга другое препровожденіе времени, къ которому онъ пристрастился въ Бреславлѣ,—это карты. Лессингъ велъ большую игру,—въ результатѣ, онъ не проигрался и не разбогатѣлъ, но выигрыши и проигрыши его часто бывали очень значительны. Любовь къ картамъ онъ еохранилъ до конца жизни, хотя впоследствии игралъ уже не такъ часто, и будучи менѣе обезпеченъ, долженъ былъ вести игру осторожнѣе и умѣреннѣе. Въ Бреславлѣ же, онъ скоро прослылъ однимъ изъ самыхъ отважныхъ и страстныхъ игроковъ. Старые берлинскіе друзья, да и изъ бреславскихъ тѣ, которые были близки въ нему, сильно упрекали его за эту страсть,—во Лессингъ шутливо отвѣчалъ имъ цѣлыми длинными рѣчами, въ которыхъ доказывалъ тысячами самыхъ основательныхъ доводовъ, что азартная игра—занятіе не только привлекательное, но истинно полезное для души и тѣла. Для примѣра, вотъ одно изъ этихъ доказательствъ. По словамъ Лессинга карты—превосходное гигиеническое средство. Этимъ онъ опровергалъ извѣстное замѣчаніе, что, не говоря о раззорительности для кармана, надобно удерживаться отъ большой игры уже и потому, что ея волненія разрушительны для организма. „Напротивъ, говорилъ онъ:—я играю именно для здоровья. Волненіе оживляетъ мой организмъ; онъ возвышаетъ энергію всѣхъ физиологическихъ отправленій, разгоняетъ всѣ накапливающіеся дурные соки и т. д. Вы говорите съ ужасомъ о потѣ, который выступаетъ у меня на лбу при большихъ ставкахъ—именно этотъ потъ и есть прекрасное лекарство. Вспотѣвъ хорошенько, человѣкъ исцѣляется отъ всякихъ болѣзней“. На подобныхъ выдумки въ защиту своего любимаго развлеченія онъ былъ неистощимъ.

Не однимъ тѣмъ, что онъ пристрастился къ игрѣ, были недовольны его старые друзья—они упрекали его въ томъ, что онъ для картъ и должностныхъ бумагъ бросилъ литературу. Въ самомъ дѣлѣ, во весь періодъ своей бреславльской жизни, Лессингъ ничего не напечаталъ; цѣлая пятъ лѣтъ пѣмская публика не читала ни одной новой строки, имъ написанной. Это въ самомъ дѣлѣ казалось непростительнымъ погребеніемъ таланта въ землю. Словеснымъ и письменнымъ укоризнамъ не было конца. Выведенный изъ терпѣнія, Мендельсонъ (съ которымъ онъ былъ ближе, нежели съ кѣмънибудь) не удовольствовался даже и этими способами обличенія. Издавая въ 1763 году собраніе своихъ „Философскихъ сочиненій“, онъ при нѣсколькихъ экземплярахъ этой книги,—изъ которыхъ одинъ былъ посланъ къ Лессингу, а другіе розданы общимъ ихъ друзьямъ,—припечаталъ слѣдующее полужутливое, полусерьезное

„Писатели, поклоняющіеся публикѣ, жалуются на глухоту этрб богинь: она требуетъ, чтобы ее чтѣли и умоляли, говорятъ они, отъ утра до полудня они вызываютъ къ ней—и нѣтъ ни гласа, ни отвѣта на всѣ молебны. Я приношу новую книгу къ столпану идола, имѣющаго упрямство быть столь же глухивнъ къ молебнѣ. Я вызываю къ нему, и онъ не отвѣчаетъ. Теперь обвиняю его передъ глухивнъ судьей, публикою,—судьей, очевъ часто взрекающимъ справедливые приговоры, ничего не слыша.

„Насмѣшники говорятъ: Вызывай громогласно! онъ пишетъ драмы, онъ занятъ дѣлами, онъ уѣхалъ въ путь вѣли быть можетъ онъ спитъ, да пробудится онъ!—0, нѣтъ! писать драмы онъ можетъ, но—увѣ! не хочетъ; пуститься въ путешествіе онъ заохотѣлъ бы, но не можетъ; спать?—для этого слишкомъ бодръ его духъ; заниматься дѣломъ?—для этого онъ слишкомъ лѣнивъ. Нѣкогда серьезная рѣчь его была оракуломъ для мудрецовъ, насмѣшка его—бичомъ для глупцовъ; но теперь занялокъ оракулъ, и безнаказанно буйствуютъ глупцы. Онъ передалъ свой бить другинъ, но они бьютъ слишкомъ слабо, потому что боятся видѣть кровь;—а онъ—если онъ не слышитъ я не говоритъ, не чувствуетъ и не видитъ—чтожъ онъ дѣлаетъ?—играетъ!

„Wenn er nicht hört, noch spricht, nicht fühlt,
Noch sieht, was thut er denn?—Er spielt“.

Но не трогался Лессингъ никакими упреками,—онъ дѣйствительно былъ глухъ и нѣмъ,—ничего не печаталъ и игралъ въ карты. Сколько ужъ лѣтъ, работая какъ почтовая лошадь, онъ мечталъ о такомъ положеніи, въ которомъ не былъ бы принужденъ писать и писать, чтобы не умереть съ голоду! Принужденная литературная работа тяжелѣе и прискорбнѣе всякой другой принужденной работы,—отдыхъ послѣ нея кажется отраднѣе всякаго другаго. Лессингъ наслаждался имъ. Но не пропали для него, какъ писателя, эти годы, въ которые, какъ казалось постороннему зрителю, онъ покидалъ свой секретарскій столъ только для того, чтобы перейти къ карточному столу, изъ-за офиціального обѣда у своего начальника вставалъ только за тѣмъ, чтобы ѣхать въ театръ или на вечеръ (кстати, надобно замѣтить, что Лессингъ былъ отличный танцоръ) и потомъ сѣсть за шумный ужинъ,—не бесполезно прошли эти годы. Онъ находилъ время для ученыхъ занятій, очень разнообразныхъ и серьезныхъ,—въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ для себя теперь больше, нежели когда нибудь. Онъ читалъ, по обыкновенію, страшно много, и постоянно переходилъ отъ одной отрасли науки къ другой, отъ одного ученаго изысканія къ другому. Богословіе, философія, эстетика, исторія, законовѣдѣніе, естественныя науки по очередно были изучаемы имъ вновь. Но пропали и часы, проведенные въ обществѣ—напротивъ, они были для него, какъ литератора, полезнѣе, нежели вся его прежняя жизнь. Обыкновеніе, литературная или ученая карьера какъ то мало-по-малу отдаляетъ человѣка отъ непосредственной жизни въ такъ называемыхъ прозаическихъ общественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ эти отношенія составляютъ основной элементъ жизни, ту почву, на которой развивается вся умственная, нравственная, эстетическая и т. п. и т. п. жизнь,—почву, безъ непосредственнаго изученія которой всѣ такъ называемыя высшія направленія и стремленія будутъ представляться въ фальшивомъ свѣтѣ. Писатель или ученый, если онъ принадлежитъ только цеху своего специальнаго занятія, мало-помалу пріучается смотрѣть на жизнь съ своей цеховой точки зрѣнія; а смотрѣть на міръ съ цеховой точки вредно для мысли, какому бы цеху ни принад-

лежала эта точка,—ясыкому или низкому, пошлему или идеальному. Поэтъ, разсматривающій людей въ артистическомъ отношеніи, не менѣе одностороненъ и, по правдѣ говоря, не менѣе пошлъ, нежели сапожникъ, разсматривающій ихъ въ отношеніи нъ сапожному производству. Потому великое счастье для литератора, если онъ испыталъ жизнь не только какъ литераторъ, а также какъ человѣкъ многообразныхъ положеній, въ которыя ставитъ человѣка прозаическая карьера,—тогда легче ему оторваться отъ односторонности, понять жизнь во всей ея правдѣ. На послѣдующихъ драмахъ Лессинга отразилось то, что онъ долго имѣлъ сношенія съ людьми не какъ литераторъ, а какъ секретарь, черезъ руки котораго проходили и военные, и гражданскія, и финансовыя дѣла.

Всѣми критиками это замѣчено на драмѣ, докончивъ которую, онъ оставилъ мѣсто при Тауэнцині,—знаменитой „Миннѣ фонъ-Барнгельмъ“.

Изъ того, что Лессингъ ничего не печаталъ, пока жилъ въ Бреславлѣ, напрасно заключали его недовѣрчивые друзья, что онъ бросилъ литературный трудъ. Напротивъ, лишь только отдохнулъ онъ отъ истощающей нравственной и физическія силы срочной работы, какъ съ новымъ жаромъ и гораздо большею сосредоточенностью, нежели когда нибудь, принялся за литературу. Отдыхъ отъ срочной и мелкой работы послужилъ ему для созданія капитальныхъ произведеній, изъ которыхъ однимъ положилъ онъ начало истинно національной поэтической литературѣ въ Германіи, другимъ основалъ новую теорію искусства, принципы которой остались навсегда непреложными. Въ Бреславлѣ написалъ онъ драму „Минна фонъ-Барнгельмъ“ и изслѣдовалъ о характеристическихъ отличіяхъ поэзіи отъ другихъ искусствъ, „Лаокоонъ“.

Въ пять лѣтъ ему страшно наскучили официальные обязанности, тоска по литературной жизни развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Онъ долго оставался на мѣстѣ, которымъ скучалъ,—это потому, что ему хотѣлось возстановить отдыхомъ свое здоровье и сбереженіями изъ жалованья нѣсколько обезпечить себѣ на первое время средства къ жизни. Наконецъ, эти цѣли были достигнуты,—здоровье поправилось; денегъ онъ сберегъ, правда, немного,—всего нѣсколько сотъ талеровъ,—но онъ видѣлъ, что при своей беззаботности о деньгахъ, больше онъ не соберетъ. Оставаться долѣе въ Бреславлѣ было не зачѣмъ, и онъ рѣшился покинуть мѣсто секретаря. Въ матеріальномъ отношеніи, промѣнъ службы на литературу былъ не выгоне,—это зналъ онъ самъ, это говорили ему и родные, уже надѣявшіеся было, что онъ навсегда останется на служебной дорогѣ, обѣщавшей много выгодъ, и сожалѣвшіе теперь, что онъ разрушалъ ихъ мечты о его будущемъ высокомъ рангѣ, богатствѣ и т. д.,—но ему стало несносно долѣе тратить часть времени на сухія официальные обязанности, ему до крайности опротивѣло быть въ официальной зависимости. „Большую половину своей жизни я прожилъ,—писалъ онъ отцу, какъ бы предчувствуя, что не доживетъ до старости (тогда ему было 34 года)—и не знаю, зачѣмъ было бы мнѣ отравлять зависимостью меньшую остающуюся мнѣ половину ея. Пишу (и долженъ писать) вамъ это, батюшка, чтобы вамъ не было странно, когда я вдругъ (и это будетъ скоро) откажусь отъ“

деждъ и притязашій на такъ называемое прочное счастье. Теперь я тверже. чѣмъ когда нибудь, рѣшился не принимать никакого должностнаго мѣста. Если оно не будетъ совершенно по моему вкусу“. Въ самомъ дѣлѣ, видно, что очень надобно ему официальные обязанности: ему предлагали каведру словесности въ Кѣнигсбергскомъ университетѣ, но онъ отказался и явился въ Берлинъ (въ маѣ 1765) снова литературный бобылемъ.

Именно, бобылемъ, потому что, когда онъ обзавелся хозяйствомъ, онъ увидѣлъ, что изъ небольшой суммы, сбереженной въ Бреславлѣ, не остается у него ровно ничего. Часть денегъ,—болѣе, нежели могъ,—онъ, по обыкновенію, отдалъ роднымъ, которыхъ постоянно поддерживалъ, не смотря на собственную нужду,—обзаведеніе хозяйствомъ обошлось дороже, нежели онъ разсчитывалъ,—провозъ библіотеки стоилъ дорого,—помогъ истощенію его кошелька и непредвидѣнный случай: слуга, съ которымъ обращался онъ чрезвычайно ласково и гуманно, „скорѣе, какъ съ братомъ, нежели какъ съ слугою“, — и котораго онъ отправилъ раньше себя въ Берлинъ съ платьемъ и вещами, по прїѣздѣ въ Берлинъ вздумалъ дѣйствительно разиграть роль бевцеремоннаго брата: одѣлся въ платье Лессинга, нанялъ квартиру „для себя и своего брата“, въ качествѣ брата воспользовался кредитомъ, который имѣлъ Лессингъ, набралъ себѣ денегъ на его имя, потомъ удалился изъ Берлина съ платьемъ, вещами и деньгами. Такимъ образомъ, пришлось Лессингу не только дѣлать себѣ платье (въ чемъ онъ думалъ долго не имѣть нужды), но и платить долги. Огорчился и разсердился онъ, нашедши въ Берлинѣ такой сюрпризъ,—особенно потому, что теперь долженъ былъ прїостановиться на нѣкоторое время исполненіемъ разныхъ обѣщаній сестрѣ, которой хотѣлъ послать подарки, и брату, которому хотѣлъ дать денегъ—но лишь только прошла порвая вспышка досады. врожденное добродушіе взяло верхъ, и онъ не хотѣлъ даже подать жалобы на вора. И когда ему сказали, что бреславльскій его слуга купилъ въ какомъ-то городкѣ домикъ и открылъ кофейную, онъ замѣтилъ только: „А, я такъ значить, мои деньги пошли ему въ прокъ“.

Много было ему хлопотъ и нужды,—пришлось отказаться и отъ обольстительнаго прозекта посѣтить Италію, и особенно Грецію, чего ему очень хотѣлось,—пришлось отказаться и отъ мечты не торопиться срочною литературною работою для денегъ, а работать только надъ капитальными произведешіями.

Онъ хотѣлъ было ограничиться одною, двумя любимыми отраслями знанія (говоритъ его братъ, котораго онъ взялъ къ себѣ, переѣхавъ въ Берлинъ). Этого не удалось, тяжело ему было безвыходно сидѣть за письменнымъ столомъ въ душномъ кабинетномъ воздухѣ,—что ему представлялось такою пріятною перспективою въ Бреславлѣ. Тяжело было и работать не такъ, какъ хотѣлось, а по требованію оригинала въ типографію. Вотъ онъ погрузился въ работу—кругъ его мысли расширяется, надобно сдѣлать новыя изслѣдованія, внести въ сочиненіе новыя взгляды—какое открытіе! какъ проясняется предметъ! Вопросъ представляется въ новомъ свѣтѣ!—Но стучится въ дверь разсылный изъ типографіи, и требуетъ продолженія рукописи, которая печатается.—Листы для отсылки въ типографію были го-

товы, надобно было только просмотрѣть ихъ,—поэтому онъ всталъ рано, и сѣлъ просматривать поскорѣе,—но ему пришли новыя мысли,—онъ сталъ писать, рукопись осталась не просмотрѣна,—„зайди черезъ два, три часа, будетъ готово“—„ахъ, какъ развлеклись мысли, трудно съ вниманіемъ просматривать прежнюю рукопись“,—но онъ не встанетъ съ мѣста, пока не приготовить для типографіи,—приходить раасылный въ назначенное время,—та же исторія, то же мученье.

„Онъ ходилъ по комнатѣ, садился за столъ, вставалъ, бросался на кровать,—опять садился.—„Нѣтъ, лучше асе, что угодно, чѣмъ прочитывать къ типографскому сроку свою работу! Братъ!—говорилъ онъ:—быть писателемъ отвратительнѣйшее, пошлѣйшее дѣло! Мой примѣръ тебѣ урокъ!“

Но такъ или иначе, печатать было нужно, чтобы не быть безъ гроша денегъ,—и эта необходимость заставила его неутомимѣе трудиться надъ окончательною обработкою „Минны фонъ-Барнгельмъ“ и „Лаокоона“.

Имя Лессинга, какъ драматурга, было уже прославлено драмою „Миссъ Сара Сампсонъ“, которая явилась въ 1755. Мы не будемъ рассказывать здѣсь содержаніе пьесы,—это мы сдѣлаемъ послѣ; теперь довольно сказать нѣсколько словъ о ея значеніи въ искусствѣ. Извѣстенъ переворотъ, произведенный во французской драмѣ теоріею Дидро о томъ, что драмѣ пора начать, вмѣсто героевъ и полководцевъ, изображать челоуѣка такого, какъ мы всѣ, въ такой обстановкѣ и такихъ коллизіяхъ, которыя знакомы всѣмъ намъ изъ собственнаго опыта, по собственной радости и скорби, а не изъ Тита Ливія и Плутарха; извѣстно громадное дѣйствіе драмъ, написанныхъ Дидро по этому принципу. Дидро опирался въ этомъ на англійскихъ драматурговъ,—Лессингъ, изучившій Дидро (котораго онъ переводилъ) и англійскую драму, проникся тою же теоріею, и „Миссъ Сара Сампсонъ“ была слѣдствіемъ этого настроенія.

Въ теоріи первенство остается безспорно за Дидро. Лессингъ самъ говорить, что учился у него; но оправдать на дѣлѣ теорію,—значить, вполне прояснить ее для себя, Лессингъ успѣлъ раньше, нежели самъ изобрѣтатель теоріи. Первая драма Дидро изъ быта среднихъ классовъ (*tragédie bourgeoise, drame bourgeois*) явилась двумя годами послѣ „Сары Сампсонъ“. Дидро написалъ разборъ ея въ „Journal étranger“, и, конечно, восхищается блистательнымъ приложеніемъ своей теоріи къ дѣлу. Въ общей исторіи литературы, Дидро, предупредившій Лессинга въ одномъ отношеніи, былъ предупрежденъ имъ въ другомъ. Въ исторіи нѣмецкой литературы „Сара Сампсонъ“ занимаетъ такое же мѣсто и произвела такое же дѣйствіе, какъ драмы Дидро во французской. Тутъ въ первый разъ холодный блескъ и пустозвонное величіе вышности уступило мѣсто истинному патетизму, театральныи герой ст картоннымъ мечомъ—дѣйствительному челоуѣку. Дидро справедливо заключаетъ свою рецензію драмы Лессинга словами:

„Быть можетъ, искусству нужно еще усовершенствоваться въ Германіи; но германскій геній уже обратило свое вниманіе на это, и да идетъ онъ по этому пути“.

Искусству дѣйствительно оставалось

сколько шаговъ, чтобы создавать истинно великое,—черезъ всѣ эти ступени провелъ его Лессингъ послѣдующими своими драмами. Первое требованіе, которому надобно было удовлетворить послѣ того, какъ „Сарю Сампсонъ“ введена была въ искусство натура, введенъ былъ человѣкъ и истинный паоосъ,—первое требованіе далѣе было введеніе въ искусство національнаго и современнаго содержанія. Это было исполнено Лессингомъ въ драмѣ „Минна фонъ-Барнгельмъ“.

Мы уже говорили, что Лессингъ былъ первымъ сильнымъ представителемъ въ нѣмецкой литературѣ того плодотворнаго вліянія иноземной высшей цивилизаціи, когда народъ отъ слѣпнаго подражанія вѣншней формѣ переходитъ къ пониманію и воспріятію духа цивилизаціи. „Миссъ Сара Сампсонъ“ была произведеніемъ этого періода. Теоріи Дидро и практическій примѣръ, указанный англійскими драматургами, произвели эту пьесу. Мы видѣли уже, что Дидро узналъ въ ней плодъ своей мысли; еще болѣе очевидно въ ней вліяніе англійскихъ образцовъ, которое отразилось на самомъ сюжетѣ, выбранномъ для пьесы. Дѣйствующія лица въ ней—англичане; вся обстановка дѣйствія—англійская. Нѣмецъ видѣлъ въ ней человѣка, но еще не видѣлъ въ ней себя. У насъ нѣтъ оригинальнаго произведенія, съ которымъ можно было бы сравнить „Сару Сампсонъ“ по отношеніямъ ея къ прежней подражательной формалистической и послѣдующей самобытной литературѣ съ національнымъ содержаніемъ,—наши русскія оригинальныя произведенія соответствующей степени историческаго развитія слишкомъ ничтожны.—Но, хотя посредствомъ другаго способа, въ другой отрасли поэзіи, въ гораздо тѣснѣйшей односторонности содержанія, сдѣлалъ для русской литературы нѣчто подобное Жуковскій своими переводами и подражаніями. Онъ познакомилъ насъ въ поэзіи съ человѣческими (вообще человѣческими, не нашими именно) чувствами, черезъ него мы узнали, что истинная поэзія не въ пышныхъ сюжетахъ и пустозвонной риторикѣ одъ, не въ изображеніи героевъ, которые

Ступать на горы—горы трещать,
Лягутъ на бездны—воды кивать,

которые берутъ приступомъ города и, не удовлетворяясь этимъ.

Вашни за облакъ рукою кидаютъ,—

а въ доступныхъ каждому изъ насъ, болѣе или менѣе знакомыхъ каждому изъ насъ чувствахъ дѣвушки, у которой убить милый („Ленора“), юноши, бросающагося на неизбѣжную почти смерть, чтобы получить руку любимой и любящей дѣвушки („Кубокъ“), въ ревности мужа, тоскливыхъ страданіяхъ жены, полюбившей другаго („Замокъ Смальгольмъ“)—это еще не мы, какъ русскіе, но мы, какъ люди.

Вѣншность явленій, нами сближаемыхъ, совершенно различна: у Лессинга—драма, у Жуковскаго—лирическія стихотворенія; у Лессинга—оригинальное созданіе, у Жуковскаго переводы; у Жуковскаго во всемъ примѣсъ болѣзненнаго романтизма, у Лессинга—здоровое пониманіе свѣжей жизни,—сами по себѣ, сближенные нами явленія не имѣютъ ни малѣйшаго сход-

ства; нелѣпо было бы находить и какое нибудь подобіе между ними по внутреннему достоинству. Но въ цѣпи развитія литературной мысли, но по дѣйствию на публику, дѣятельность Жуковского соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени тому, что сдѣлалъ для нѣмецкой литературы Лессингъ своею „Сарою Сампсонъ“. Это соотвѣтствіе состоитъ въ томъ, что въ поэзію введенъ былъ человѣкъ, истинно человѣческій пафосъ, вмѣсто подражательной формалистики и холоднаго блеска обстановки,—но еще не введено было національное содержаніе. Введеніе его должно было составить новый фазисъ литературнаго развитія.

Это сдѣлано для нѣмецкой литературы Лессингомъ въ слѣдующей драмѣ, „Минна фонъ-Барнгельмъ“. Тутъ въ первый разъ увидали нѣмцы себя и свою жизнь предметомъ художественнаго воспроизведенія.

По принятому плану, мы расскажемъ содержаніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“ въ отдѣльномъ эскизѣ, а здѣсь довольно будетъ замѣтить, что сюжетъ пьесы таковъ: майоръ фонъ-Телльгеймъ, храбрый прусскій офицеръ, при уменьшеніи состава арміи послѣ Семилѣтней войны, уволенъ въ отставку. У него была невѣста, дѣвушка изъ богатой саксонской фамиліи (Минна фонъ-Барнгельмъ). Они любятъ другъ друга. Но, оставшись безъ куска хлѣба и безъ значенія въ обществѣ, Телльгеймъ думаетъ, что безчестно было бы ему теперь не освободить отъ всякихъ обязательствъ относительно его дѣвушку, которая дала ему слово при другихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ невѣста съ дядею своимъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ живетъ онъ,—такъ было условлено прежде. Но женихъ рѣшился скрыться отъ невѣсты,—случайно встрѣчаетъ она его въ гостинницѣ, въ которой остановилась,—онъ говоритъ: „я теперь долженъ отказаться отъ васъ, я вамъ не партія“; дѣло кончается, конечно, свадьбою, вслѣдствіе различныхъ коллизій, которыхъ не нужно здѣсь рассказывать въ подробности,—читатели уже видятъ, что содержаніе пьесы взято цѣликомъ изъ нѣмецкой жизни и должно касаться живыхъ тогда современныхъ вопросовъ,—дѣйствительно, оно касается ихъ до такой степени, что въ Берлинѣ сначала запретили было представленіе пьесы, но тотчасъ одумались. Судьба многихъ храбрыхъ офицеровъ, оставшихся по окончаніи войны безъ куска хлѣба, подобно Телльгейму, возбуждала въ Пруссіи живое участіе (это было вскорѣ по заключеніи мира). Сюжетъ пьесы заимствованъ, по признанію самого Лессинга, изъ дѣйствительнаго случая, бывшаго въ Бреславлѣ. Лица и нравы въ пьесѣ—чисто нѣмецкіе. Наконецъ, читатели замѣтятъ истинно національную тенденцію пьесы,—любовь саксонки Барнгельмъ и пруссакъ Телльгейма служить какъ бы символомъ примиренія разорванныхъ нѣмецкихъ племенъ, соединенія ихъ въ одномъ національномъ чувствѣ, и вся пьеса является протестомъ противъ племенной вражды, воззваніемъ къ примиренію, забвенію прошлыхъ обидъ,—воззваніемъ къ національному единству.

Въ первый разъ являлось все это въ нѣмецкой поэзіи,—эта народность лицъ и сюжета, идеи и обстановки. Чтобы правѣе пошлѣ значеніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“ въ развитіи нѣмецкой литературы, мы можемъ припомнить значеніе „Евгенія Онѣгина“ въ русской поэзіи, въ русскомъ произведеніи въ художественномъ отношеніи.

было бы нелѣпо. Но они сходны въ тонѣ, что составляетъ ихъ главное значеніе: оба они были, каждое въ своей литературѣ, первыми произведеніями съ содержаніемъ, взятымъ изъ національной жизни, и какъ „Онѣгнинъ“ въ русской, такъ „Минною фонъ-Барнгельмъ“ въ нѣмецкой литературѣ вводится новый элементъ, начинается новый фазисъ развитія.

Вспомнивъ громадный успѣхъ „Онѣгина“, мы легко можемъ вообразить себѣ, каково было впечатлѣніе, произведенное „Минною фонъ-Барнгельмъ“. Оно было огромно. По нѣсколькимъ мѣсяцевъ каждый день давалась эта пьеса на театрахъ,—въ продолженіе десятковъ слѣдующихъ лѣтъ число ея представленій на каждомъ изъ нѣмецкихъ театровъ надобно считать едва ли не тысячами. Вся литература быстро измѣнила характеръ,—число пьесъ, написанныхъ подъ вліяніемъ „Минны фонъ-Барнгельмъ“, было неизмѣнно. Эти подражанія и передѣлки, по общей судьбѣ подражаній, мало обогатили нѣмецкую литературу; но открылся литературѣ новый міръ,—міръ родной жизни,—быстро развилась въ ней самобытность, окрылились этимъ направленіемъ самобытные гении, и черезъ нѣсть-семь лѣтъ послѣ „Минны фонъ-Барнгельмъ“ является уже „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ и „Вертеръ“.

Послѣ краткихъ указаній на содержаніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“, пѣтъ надобности говорить, даромъ ли пролили для Лессинга, какъ поэта, годы, которые проживъ онъ секретаремъ у Тауэнцина,—вся пьеса возникла изъ той жизни, свидѣтелемъ и участникомъ которой Лессингъ былъ въ Бреславлѣ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ „Миссъ Сары Сампсонъ“—„Минна фонъ-Барнгельмъ“*),—какой огромный шагъ впередъ! Эти пьесы раздѣлены одна отъ другой тою бездною, какая раздѣляетъ, напримѣръ, „Свѣтлану“ или „Людмилу“ отъ пьесы Пункина „Женихъ“,—беремъ для сравненія мелкіе примѣры, за отсутствіемъ болѣе значительныхъ, но вообще, отношеніе Лессинга, какъ автора „Сары“, къ Лессингу, какъ автору „Минны“, таково же, какъ отношеніе Жуковского къ Пункину**).

До того періода, который начался появленіемъ „Минны фонъ-Барнгельмъ“, нѣмецкая поэзія страдала безжизненностью. Этотъ недостатокъ былъ общимъ характеромъ и всѣхъ тѣхъ періодовъ различныхъ литературъ, которыя въ первой половинѣ XVIII вѣка считались періодами высочайшаго развитія поэзіи,—безжизненностью страдала поэзія римлянъ и особенно Виргилія, который былъ идеаломъ для итальянскихъ поэтовъ XVI вѣка и французскихъ поэтовъ XVII вѣка; безжизненностью страдали и эти поэты, въ свою очередь: холодная формалистика, изъ Италіи покорившая Францію, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка изъ Франціи распространилась не только на едва возникавшую литературу Германіи, но овладѣла даже и модною англійскою литературою, подавила проданіи, завѣщанныя Шекспи-

*) Эта драма напечатана въ 1767 году, но написана въ 1763.

**) Конечно, мы срываемъ не таланты поэтовъ, а мѣста, занимаемые ими въ развитіи той и другой литературы; не достоинство произведеній, а элементы жизни, ими обнимаемые. Само собою разумѣется, что и въ послѣднемъ смыслѣ, подобіе не есть равенство. Преемственность фазисовъ развитія одинакова; но по степени силы и полноты, съ которыми охватывается данный элементъ содержанія, между параллельными фазисами различныхъ литературъ можетъ существовать безконечное различіе.

ромъ и Мильтономъ. При такомъ всеобщемъ владычествѣ, недостатокъ былъ возведенъ въ теорію, безжизненность, губившая искусство, была поставлена верховнымъ закономъ его. Неподвижность, отсутствіе дѣйствія въ поэзіи проповѣдывались теорією, лозунгомъ которой были знаменитые слова Горация: „*Ut pictura poësis*“—слова, понимавшіяся въ самомъ утробномъ смыслѣ: „пусть поэзія превратится въ живопись, пусть она подражаетъ живописи“. Всѣмъ поэтамъ было заповѣдано стараться превзойти другъ друга длиннотою и мелочностью всякихъ описаній, рассматривающихъ предметъ какъ неподвижный, бездѣйственный. Описательная поэзія была повсюду любимымъ родомъ; во всѣхъ другихъ родахъ поэзіи рисовались безчисленные длиннѣйшіе ландшафты, портреты красавицъ и героевъ съ описаніемъ каждого волоска; изъ-за ландшафтовъ поэтъ забывалъ о дѣйствующихъ лицахъ, изъ-за портретовъ дѣйствующихъ лицъ забывалъ о ихъ жизни.

Все это дѣлалось по теоріи. Теорія имѣетъ очень сильное вліяніе на практику. Не довольно было для оживленія нѣмецкой поэзіи практически ввести въ поэзію жизнь: чтобы поданный примѣръ оказалъ полное вліяніе на дѣятелей литературы, надобно было также теоретически разрушить теоретическіе предразсудки, сбивавшіе съ толку поэтовъ. Не довольно было проложить прямой путь,—надобно было также объяснить, что этотъ путь единственный прямой путь, что кривые пути, казавшіеся прямыми сбившимся съ толку людямъ, дѣйствительно кривы. Нужно было создать новую теорію поэзіи, разрушивъ ошибочныя теоріи, на которыя опиралась формалистика и безжизненность.

Это сдѣлалъ Лессингъ своимъ „Лаокоономъ“. Мы не будемъ излагать здѣсь содержаніе этого изслѣдованія о верховномъ принципѣ поэзіи, отлагая подробный обзоръ его до другаго мѣста,—теперь надобно только сказать о томъ общемъ принципѣ, который оставилъ Лессингъ въ „Лаокоонѣ“ существеннымъ характеромъ поэзіи, въ отличіе отъ другихъ искусствъ, особенно отъ живописи, которой прежняя безжизненная теорія подчиняла и тѣмъ обезсиливала поэзію, требуя отъ нея того, чего не можетъ она дать, и заставляя ее забывать о томъ, чѣмъ она сильна. Предметъ поэзіи—дѣйствіе, сказалъ Лессингъ. Не тѣло, не природу должна она описывать, — въ этомъ она безсильна, это область живописи, недоступная для поэзіи,—она можетъ давать намъ понятіе только о дѣйствіи. Живопись изображаетъ самые предметы, поэзія изображаетъ дѣйствія предметовъ на человѣка,—ей никогда не удастся изобразить пейзажъ такъ отчетливо, какъ то дѣлаетъ живопись,—но дѣйствіе этого пейзажа на дуню человѣку изобразить она со всею точностью и живостью,—дѣло, невозможное для живописи,—а зная дѣйствіе предмета, мы узнаемъ и самый предметъ. Передайте мнѣ впечатлѣніе, производимое пейзажемъ, и пейзажъ живъ и отчетливъ возсоздается моимъ воображеніемъ, хоть онъ и не описанъ у васъ. Не описывайте мнѣ въ стихахъ красоту,—описаніе будетъ блѣдно и смутно, но покажите дѣйствіе красоты на людей, и она живо, живѣе, быть можетъ, чѣмъ на картинѣ, обрисуется моимъ воображеніемъ. И такъ, дѣйствіе, дѣйствіе—вотъ что составляетъ силу поэзіи, ~~и такъ, дѣйствіе, дѣйствіе—вотъ что составляетъ силу поэзіи,~~

Такимъ образомъ, чело ~~и такъ, дѣйствіе, дѣйствіе—вотъ что составляетъ силу поэзіи,~~ „вевнымъ

кореннымъ предметомъ, единственнымъ существеннымъ содержаніемъ поэзіи. драматическій элементъ признавался основною силою ея. Ничего неподвижнаго, ничего мертваго и отвлеченнаго не должно быть въ поэзіи. Она рассказываетъ только, какимъ образомъ дѣйствуетъ обстановка на человѣка, и человѣкъ дѣйствуетъ на окружающій его міръ. Поэзія есть драма жизни *).

Со временъ Аристотеля, никто не понималъ сущность поэзіи такъ вѣрно и глубоко, какъ Лессингъ. Его „Лаокоономъ“, въ первый разъ втеченіе двухъ тысячъ лѣтъ, были объяснены и оправданы намеки Аристотеля, оставшіеся непонятными до той поры.

Дѣйствіе, произведенное „Лаокоономъ“ на развитіе нѣмецкой литературы, было также огромно, какъ дѣйствіе „Литературныхъ писемъ“ п „Минны фонъ-Барнгельмъ“. Гете и потомъ Шиллеръ воспитались этою теоріею. Самъ Гете, который не любитъ Лессинга, говоритъ въ своей автобіографіи: „Надобно быть юношею, чтобы вообразить себѣ, какое дѣйствіе оказалъ на насъ лессинговъ Лаокоонъ (Гете было тогда лѣтъ восемнадцать),—онъ поднялъ насъ изъ бѣдной сферы внѣшнихъ очертаній въ свободную область мысли. Разомъ было низвергнуто искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи. Мы были озарены, какъ молніею, отбросили всѣ прежнія понятія, какъ ветхую рухлядь, намъ казалось, что мы спасены теперь отъ всякаго зла“.

Вліяніе „Лаокоона“ на главныхъ поэтическихъ дѣятелей слѣдующаго періода нѣмецкой литературы было такъ рѣшительно, что даже второстепенныя, мелочныя замѣчанія Лессинга были строго соблюдаемы ими. Укажемъ два примѣра. Лессингъ, разбирая мѣста, которыя считались примѣрами поэтической живописи у Гомера (онъ первый сказалъ, что если есть руководители въ искусствѣ, то этими руководителями должны считаться Гомеръ и Шекспиръ, и въ написанной части „Лаокоона“ всѣ свои выводы основываетъ преимущественно на анализѣ Гомера), объясняетъ, что это не описанія предметовъ, а рассказы о происхожденіи и судьбѣ этихъ предметовъ,—Гомеръ не описываетъ корабля, а рассказываетъ, какимъ образомъ былъ построенъ корабль. Этимъ примѣромъ подтверждаетъ онъ свою мысль, что, если поэту нужно обрисовать части и принадлежности предмета, приличнѣе всего ему не прямо изображать ихъ въ неподвижномъ ихъ состояніи, готовыми, какъ то дѣлаетъ живописецъ, а все-таки рассказывать для этой цѣли о движеніи, перемѣнахъ дѣйствія. У Гете постоянно соблюдается этотъ пріемъ. Далѣе, Лессингъ замѣчаетъ, что у Гомера нѣтъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ—онъ не говоритъ намъ даже, какого роста и какого характера красота была Елена—а между тѣмъ всѣ черты лица Елены очень ясны и живы для его читателя,—это потому, что онъ рассказываетъ о впечатлѣніяхъ, которыя производило это лицо на видѣвшихъ его,—и это опять соблюдается у Гете: у него нѣтъ портретовъ, есть только рассказы о

*) Драматическій элементъ, конечно, не должно смѣшивать съ драматическою формою. По теоріи Лессинга, форма рассказа, воспроизводящая всѣ элементы дѣйствія полнѣе и свободнѣе, нежели односторонняя діалогическая форма драматическихъ сочиненій, есть самая совершенная изъ поэтическихъ формъ. Въ ней болѣе истиннаго драматизма, нежели въ узкой діалогической формѣ.

впечатлѣніяхъ, производимыхъ лицами. Послѣ такихъ примѣровъ ясно, до какой степени „Лаокоонъ“ воспиталъ поэзію Гете: Гете, конечно, никто не станеть воображать человѣкомъ, который могъ останавливаться на внѣшней зависимости отъ мелочныхъ правилъ,—если эти детали лессинговой системы отразились на немъ, то, конечно, только потому, что онъ слишкомъ глубоко проникся духомъ, изъ котораго возникала необходимость такихъ деталей.

Поелѣ „Литературныхъ писемъ“ Лессингъ началъ считаться первымъ критикомъ Германіи; поелѣ „Лаокоона“ утвердился его репутація, какъ великаго мыслителя и великаго ученаго; поелѣ „Минны фонъ-Барнгельмъ“ онъ былъ признанъ знаменитѣйшимъ изъ поэтовъ. Теперь всѣ видѣли, что онъ стоитъ во главѣ нѣмецкой литературы.

Онъ былъ оракуломъ молодаго поколѣнія. Гёте, Гердеръ, Меркъ, изучая его, готовились выступать на дорогу, имъ открытую. Какое живительное вліяніе производило прикосновеніе его мысли и на людей, которые были старше его лѣтами и ученою славою, но не отжили еще свой вѣкъ въ умственномъ отношеніи, показываетъ случайно сохранившійся анекдотъ о свиданіи его съ Михаэлисомъ. Около того времени, о которомъ мы говорили въ концѣ статьи, Лессингъ ѣздилъ изъ Берлина въ Пирмонтъ, отчасти для развлеченія, отчасти для поправленія здоровья. На возвратномъ пути, онъ заѣхалъ въ Гёттингенъ, гдѣ жилъ Михаэлисъ, основатель новой экзегетики. Михаэлисъ былъ, какъ мы упоминали, знаменитый человѣкъ еще въ то время, когда Лессингъ только еще начиналъ писать, и своею похвалою ободрялъ юношу. Лессингъ чувствовалъ къ нему признательность и навѣстилъ его. Разговоръ склонился на теологическія науки, въ которыхъ Михаэлисъ по справедливости считался тогда первымъ специалистомъ. Лессингъ замѣтилъ вообще, что наука въ Германіи остается до сихъ поръ доступна только записнымъ ученымъ, которые не заботятся о томъ, чтобы распространять въ массѣ читателей ея результаты. Напримѣръ, говорилъ онъ, переводъ Библии Лютера конечно уже могъ бы быть замѣненъ лучшимъ и точнѣйшимъ—этого никто не сдѣлалъ, а надобно было бы сдѣлать это, и издать новый переводъ съ пояснительными историческими и археологическими примѣчаніями, которыя, имѣя ученое достоинство, были бы написаны не для однихъ специалистовъ, а для всей массы читателей. Михаэлисъ до того времени и не думалъ объ этомъ—теперь мысль заронила въ его умъ,—и слѣдствіемъ визита, сдѣланнаго ему Лессингомъ, было появленіе знаменитаго Михаэлисова нѣмецкаго перевода Библии, по плану, изложенному Лессингомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Жизнь Лессинга въ Берлинѣ по возвращеніи изъ Вреславля. — Гамбургскій національный театр. — „Гамбургская Драматургія“. — Типографія. — Клоуцъ. — „Антикваренія письма“. — Жизнь Лессинга въ Гамбургѣ. — Переселеніе въ Вольфевбюттель. — Лессингъ, какъ бібліотекаръ. — „Эмвлія Галотти“. — Поэты новаго поколѣвія. — Отношенія Гёте къ Лессингу. — Лессингъ покидаетъ беллетристическую дѣятельность.

(1767—1774).

Оставивъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ, около двухъ лѣтъ прожилъ Лессингъ въ Берлинѣ, постоянно чувствуя необходимость измѣнить свое тягелое положеніе, но не имѣя въ виду ничего лучшаго. Никакая нужда не могла заставить его заняться тѣмъ, что называется „прискивать себѣ мѣсто“: ни разу въ жизни не поклонился онъ никому, не сдѣлалъ ни одного шагу къ сближенію съ такъ называемыми „нужными и полезными людьми“. — „Кто думаетъ, что я могъ быть полезенъ на какомъ-нибудь мѣстѣ, пусть самъ придетъ ко мнѣ и предложить его“ — отъ этого правила не отступалъ онъ никогда. Конечно, ему долго приходилось ждать такихъ предложеній. Когда, наконецъ, приходили и предлагали ему мѣсто, опять-таки трудно было угодить ему. Не то, чтобъ онъ хотѣлъ непременно важнаго мѣста или мѣста съ большимъ жалованьемъ, — напротивъ, онъ съ радостью готовъ былъ принять самую скромную должность, но только тогда, если она удовлетворяла двумъ условіямъ: не вовлекать его ни въ канія партіи, ни въ канія интриги и не возлагать на него обязанностей, несообразныхъ съ его убѣжденіями. Эти два требованія не позволяли ему принимать именно тѣхъ должностей, которыя чаще всего предлагались ему, — именно, профессорскихъ мѣстъ. Тогданніе нѣмецкіе университеты казались Лессингу ремесленными заведеніями, въ которыхъ господствуетъ педантство, въ которыхъ все дѣлается по интригамъ мелкихъ партій, и могутъ имѣть вѣсь только льстецы и шарлатаны или обскуранты. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ долженъ былъ бы принимать участіе въ интригахъ, долженъ былъ бы отказаться отъ независимости мнѣній, потому онъ всегда на-отрѣзъ отказывался отъ предложеній занять кафедру въ томъ или другомъ университетѣ. Скорѣе онъ готовъ былъ опять взять должность по гражданской службѣ, но такихъ случаевъ ему не представлялось. Такъ прошло два года. Наконецъ дождался Лессингъ предложенія, которое могъ принять: его пригласили быть „драматургомъ“ при театрѣ, который устраивался въ Гамбургѣ подъ громкимъ именемъ „національнаго“ и во многихъ пробуждалъ великолѣпнѣйшія надежды.

Образованные любители театра не могли не видѣть, что сценическое искусство въ Германіи находится въ жалкомъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, что представляли парижскіе и лондонскіе театры. Германія имѣла нѣсколько превосходныхъ артистовъ и артистокъ, — напримѣръ, въ это время (1765—1770) Экгофа, г-жу Экгофъ, Шульцъ-мать, Бека, г-жу Гензель, г-жу Мекуръ; но ни одинъ городъ не имѣлъ постоянного театра, обстановка пьесъ была плоха. Главною причиною этого недостатка считалось то, что всѣ труппы содержимы были частными антрепренерами, не имѣвшими большихъ ередствъ, заботившимися исключительно о своихъ выгодахъ, и потому переѣзжавшими изъ одного города въ другой, смотря по тому, гдѣ надѣялись получить больше прибыли. Мысль о необходимости основать въ большихъ городахъ постоянные театры, содержимые на общественный счетъ, естественно представлялась каждому, кто думалъ объ этомъ положеніи дѣлъ. Около 1765 года нельзя еще было надѣяться, чтобы какое-нибудь изъ германскихъ правительствъ приняло на себя эту заботу. Дворы хотѣли имѣть только французскій театръ или итальянскую оперу, о нѣмецкомъ театрѣ и не думали вельможи, всѣ мысли которыхъ были заняты версальскими модами.

Изъ городовъ, богатѣйшимъ, — можно сказать единственнымъ, дѣйствительно очень богатымъ, былъ тогда Гамбургъ. На немъ прежде всѣхъ другихъ лежала обязанность помочь усовершенствованію нѣмецкаго театра, отъ котораго отказывались Дворы. Нѣкто Левенъ, жена котораго, урожденная Шенеманъ, была прекрасною актрисой, и который самъ, занимая довольно хорошее положеніе въ обществѣ, очень любилъ писать для театра, началъ около 1766 года сильно хлопотать о томъ, чтобы составить изъ гамбургскаго купечества общество меценатовъ, которое основало бы въ Гамбургѣ постоянный театръ, съ богатыми средствами. Случайныя обстоятельства помогли его хлопотамъ; составилось общество, душою котораго былъ Левенъ, и которое располагало значительнымъ капиталомъ. Общество это взяло у прежняго содержателя гамбургской труппы на аренду зданіе театра, и пригласило, къ бывшей уже труппѣ, многихъ хорошихъ актеровъ изъ другихъ труппъ. Левенъ былъ назначенъ директоромъ театра. По его мысли, дирекція должна была всѣми силами заботиться о развитіи вкуса и образованности въ актерахъ. Самъ Левенъ хотѣлъ читать имъ лекціи о сценическомъ искусствѣ. Кромѣ того, при театрѣ долженъ былъ находиться „драматургъ“. По мнѣнію Левена, Лессингъ былъ первымъ драматическимъ писателемъ Германіи, потому Лессингу и было предложено мѣсто „драматурга“. Жалованья ему назначалось 800 талеровъ.

Лессингъ принялъ это приглашеніе. „Когда, съ годъ тому назадъ (говоритъ онъ въ концѣ своей „Драматургіи“), нѣкоторымъ почтеннымъ людямъ вздумалось попробовать, нельзя ли поднять нѣмецкій театръ, взявъ его изъ власти антрепренеровъ, — не знаю, какимъ образомъ вздумалось этимъ добрымъ людямъ вспомнить и обо мнѣ и вообразить, что я могу быть полезенъ этому дѣлу. А я въ то время стоялъ на рынкѣ безъ работы; никто не хотѣлъ меня нанять, безъ сомнѣнія потому, что я никому ни на что не годился, — только эти друзья предложили мнѣ работу. Всякое занн-

тіе было для меня равно въ живни. Никогда я не напрашивался ни ва что, но никогда и не отказывался отъ самаго ничтожнаго дѣла, если только мнѣ казалось, что его мнѣ предлагаютъ потому, что считаютъ меня годнымъ къ этому дѣлу. Потому нечего было мнѣ и задумываться надъ вопросомъ: принять ли мнѣ участіе въ этомъ дѣлѣ? Надобно было подумать только о томъ, могу ли, и чѣмъ именно могу я быть полезенъ для основывавшагося въ Гамбургѣ театра? Послѣ этихъ словъ, Лессингъ говорить, что сочипешемъ драматическихъ пьесъ онъ не могъ оказать новому театру большой пользы, потому что неспособенъ писать по тринадцати драмъ или комедій въ годъ, какъ Гольдони; „я долго обдумываю пьесу, и если написалъ что-нибудь порядочное, то единственно потому, что самъ очень подробно и внимательно критиковалъ свой планъ и всѣ его подробности, говорить онъ: только поередствомъ критики производилъ я поэтическія создашія, оттого и не могу писать ихъ скоро, какъ дѣлаютъ другіе“. — „Наконецъ придумали, что именно то самое качество, которое дѣлаетъ меня такимъ медленнымъ, или, по мнѣшю моихъ друзей, одаренныхъ болѣе живымъ талантомъ, такимъ лѣнивымъ работникомъ, — что это самое качество, критику, можно обратить въ пользу для театра. Такимъ-то образомъ явилась мысль объ этихъ листкахъ“ („Гамбургской Драматургіи“). — „Чѣмъ должны были быть эти листки, я говорилъ въ объявленіи о нихъ (продолжаетъ Лессингъ): они должны были слѣдить за каждымъ шагомъ искусства на здѣшнемъ театрѣ, какъ относительно достоинства самыхъ пьесъ, такъ и игры актеровъ“.

Зачѣмъ приглашаемъ былъ Лессингъ въ Гамбургъ, этого, кажется, не не понималъ хорошенъко самъ Ловенъ, пригласившій его; ему казалось вообще полезнымъ, чтобы при театрѣ, отъ котораго ожидали такихъ великихъ послѣдствій, находился и первый драматическій писатель Германіи; — онъ думалъ, что Лессингъ будетъ писать пьесы для театра; думалъ и то, что онъ будетъ давать совѣты относительно выбора пьесъ; думалъ, вѣроятно, и то, что онъ будетъ участвовать въ ихъ постановкѣ; наконецъ, быть можетъ, думалъ и то, что Лессингъ будетъ театральнымъ критикомъ.

Лессингъ, пріѣхавъ въ Гамбургъ, тотчасъ же рѣшилъ, что будетъ издавать театральныя листки, въ которомъ станетъ съ равнымъ вниманіемъ разбирать и пьесы, игранныя на театрѣ, и игру актеровъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ могъ быть совершенно независимъ, между тѣмъ, какъ въ выборѣ пьесъ, кажется, онъ вовсе не участвовалъ, — такое рѣшеніе было сообразно съ его характеромъ: онъ не принимался за дѣло, котораго не могъ вести, какъ ему казалось нужнымъ. Отъ сочиненія пьесъ для театра онъ вовсе отказался. Такимъ образомъ онъ, подъ именемъ „драматурга“, принялъ на себя обязанность театральнаго критика.

Скоро, однако, онъ увидѣлъ, что и этого дѣла нельзя исполнять такъ, какъ ему сначала хотѣлось: актеры и особенно актрисы обижались его замѣчаніями объ ихъ игрѣ; одна изъ первыхъ актрисъ, г-жа Мекуръ, съ самаго начала требовала, чтобы о ея игрѣ въ лессинговыхъ листкахъ не говорилось совершенно ничего. Эти стѣсненія и претензіи тотчасъ же надобѣли Лессингу, и онъ брошилъ разборъ игры актеровъ, ограничившись разборомъ самыхъ пьесъ.

„Разбирать игру актеровъ скоро маѣ наскучило (продолжаетъ Лессингъ въ послѣднемъ номерѣ „Драматургія“, послѣ выписавшаго у васъ отрывка). Актеры обидчивы. Сколько не хвали ихъ, имъ все кажется мало; каждое занѣчаніе кажется имъ уже чрезмѣрною строгостью“.

По своему характеру, Лессингъ не любилъ ничего дѣлать на полонину: онъ бросилъ, какъ мы сказали, заботу объ актерамъ и занялся исключительно пьесами.

Сначала номера „Драматургія“ выходили дѣйствительно отдѣльными листками, по два раза въ недѣлю. Но черезъ нѣсколько времени, Лессингъ узналъ, что они перепечатаются какимъ-то недобросовѣстнымъ книгопродавцемъ, и, чтобы прекратить эту кражу, онъ издалъ продолженіе своей „Драматургія“ ужъ цѣлою книгою, сохранивъ въ ней только счетъ номеровъ и обозначеніе числа и мѣсяца, когда долженъ былъ выйти каждый номеръ. По этому счету (104 номера, отъ 22 апрѣля 1767 до 19 апрѣля 1768 г.) изданіе журнала продолжалось ровно годъ.

Не многимъ долѣе продолжалось и существованіе „національнаго театра“. Актеры и потомъ основатели театра начали ссориться между собою; публика плохо поддерживала великолѣпное предпріятіе, расходы котораго были такъ велики, что не могли покрываться обыкновенными сборами. Театръ былъ открытъ въ концѣ апрѣля 1767 года; въ декабрѣ дирекція увидѣла уже необходимость на зиму перевести труппу въ Ганноверъ, съ тѣмъ, чтобы весною снова начать представленія въ Гамбургъ, то есть сдѣлать то же самое, что дѣлали антрепренеры, переносившіе свои представленія изъ города въ городъ, потому что одинъ городъ не могъ долго давать полныхъ сборовъ. Весною труппа дѣйствительно возобновила свои представленія въ Гамбургъ, но денежные дѣла дирекціи запутывались все больше и больше, и въ ноябрѣ громадный замыселъ кончился банкротствомъ. Акерманъ, который прежде содержалъ въ Гамбургѣ театръ и изъ труппы котораго были лучшіе актеры въ труппѣ „національнаго театра“, снова сдѣлался антрепренеромъ, и гамбургцы были очень рады, что театръ ихъ возвратился къ тому самому положенію, въ какомъ былъ за два года.

Единственнымъ результатомъ пышной, но преждевременной и дурно обдуманной въ своихъ подробностяхъ и средствахъ попытки Ловена остался театральнй журналъ Лессинга, знаменитая „Гамбургская Драматургія“. Въ томъ, что Лессингу, вмѣсто безплодныхъ и мелочныхъ заботъ режиссера, вздумалось принять на себя обязанность театральнаго критика, Левенъ былъ вовсе не виноватъ,—онъ и не думалъ объ этомъ, какъ по всему видно. Мысль издавать театральнй журналъ принадлежала одному Лессингу; ни во что другое Лессингъ не вмѣшивался,—и единственное дѣло, возникшее въ этомъ предпріятіи по его мысли и исполненное имъ, осталось единственною важною стороною предпріятія. Правда и то, что это дѣло своею важностію далеко превысило всѣ надежды, кація возлагались на „гамбургскій національный театръ“.

„Литературными письмами“ Лессингъ доказалъ ничтожность прежней нѣмецкой литературы и очистилъ мѣсто для новаго зданія, сломавъ хилыя и гнилыя лачуги, отбросивъ далеко всю гниль, которою покрывали онъ

землю. „Лаокоономъ“ онъ указаль вообще, въ чемъ долженъ состоять духъ истинной поэзіи. „Гамбургская Драматургія“ объяснила, въ чемъ должны состоять существенныя качества того рода поэзіи, который долженъ былъ господствовать въ начинающемся съ Лессинга періодѣ нѣмецкой литературы, — далъ теорію драмы.

Въ пашо время, когда господствующій родъ поэзіи есть рассказъ, повѣсть, романъ, трудно понять, почему когда нибудь драматическая форма могла быть важнѣйшею формою поэзіи *). Признаемся, что мы не умѣемъ сказать, почему въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи драма могла имѣть живое и законное право на господство въ поэзіи, почему Шиллеръ и прежде его Гете были драматургами, а не романистами, если не объяснять этого пристрастія къ драматической формѣ просто тѣмъ, что поэзія новой исторіи еще не успѣла въ то время выработать себѣ соответствующей формы, какую выработала теперь въ повѣсти и романѣ, еще не успѣла понять, что придворная (какъ у Шекспира, Корнеля или Расина) или праздничная (какъ у греческихъ драматурговъ) одежда сценическаго искусства недостаточна для нея, будничной подруги cadaго изъ насъ. Господство драматической формы въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи кажется намъ просто дѣломъ преданія, отпечаткомъ исторической связи новой поэзіи съ старинною. Но это наше личное мнѣніе, котораго мы не хотимъ навязывать читателямъ. А другія объясненія этого факта—превосходствомъ драматической формы надъ эпическою или необычайно важнымъ значеніемъ театра для нѣмецкой жизни въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка—рѣшительно не выдерживаютъ критики. Книга тогда для нѣмцевъ была настолько же важнѣе сцены, на-

*) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ съ читателемъ, который судить о вещахъ такъ, какъ понимаетъ ихъ самъ, а не съ устарѣлыми теоріями. предпочитающими драматическую форму формѣ рассказа. Конечно, сценическое представленіе есть нѣчто болѣе живое и сильнѣе дѣйствуетъ на человека, нежели чтеніе книги. Но не должно забывать, что театръ существуетъ для немногихъ городовъ, и въ этихъ городахъ—для немногихъ опредѣленныхъ часовъ.—Книга—проникнетъ повсюду, готова для cadaго вездѣ и во всякій часъ. Театръ—рѣдкій праздникъ для горожанъ; книга—постоянное достояніе всего народа. Сценическое представленіе, конечно, есть нѣчто высшее, нежели читаемая поэзія; но оно не принадлежитъ исключительно поэзіи, какъ отдѣльному искусству, а само должно считаться особевою формою искусства, соединяющею въ себѣ силы, которыми каждую въ отдѣльности владѣютъ другія искусства, — скульптура (и даже архитектура, въ декораціяхъ), живопись, музыка, поэзія—все соединяется въ сценической формѣ искусства. Печатный текстъ трагедіи или комедіи въ драматическомъ спектаклѣ играетъ роль немногимъ важнѣе той, какъ либретто въ оперѣ,—онъ только одинъ изъ элементовъ цѣлаго. А если мы возьмемъ этотъ элементъ (печатную драматическую пьесу), какъ нѣчто, предназначенное для чтенія, и сравнимъ съ произведеніемъ поэзіи, имѣющимъ форму рассказа (повѣсть, романъ), то будемъ поражены оборванностью, угловатостью, блѣдностью, натянутостью этой несчастной печатной драмы. Сценическое искусство, принимая въ себя словесный текстъ, страшно обрѣзываетъ и уродуетъ его, чтобы втиснуть въ рамку діалога всѣ моменты жизни. Театръ безжалостенъ къ поэту.

При настоящемъ состояніи общества, когда нація не есть одинъ городъ, какъ было въ Аеивскомъ государствѣ: когда поэзія нужна намъ не два раза въ годъ, какъ аеинянамъ, слишкомъ занятымъ другими дѣлами, а каждый день,—когда для наши книга въ тысячу разъ нужнѣе и важнѣе театральнаго спектакля,—истинный поэтъ не долженъ бы писать для театра: пусть люди второстепенные, пусть таланты, которые способны только къ арражировкѣ, передѣлываютъ его рассказы для сценическихъ представлений. Изъ „Ламмермурской Невѣсты“ трагедію сдѣлать также легко, какъ и либретто. Превращеніе романовъ въ драматическія пьесы могло бы быть предоставлено тѣмъ же людямъ, которые превращаютъ романы въ либретто.

сколько важнѣе она теперь для нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, русскихъ. А въ превосходствѣ драматической формы надъ разсказомъ не увѣришь читателя нашего времени. Не желая навязывать читателю своего объясненія, быть можетъ ошибочнаго, не желая обманывать его и себя другими объясненіями, безъ всякаго сомнѣнія ошибочными, мы лучше хотимъ просто указать голый фактъ: въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи, драмъ суждено было господствовать надъ поэзіею.

Въ произведешяхъ Лессинга, какъ поэта, кромѣ лирическихъ стихотвореній, мы находимъ только драмы; всѣ поэты слѣдующаго періода „бурныхъ стремленій“ (Sturm-und Drang-Periode) также, кромѣ лирическихъ стихотвореній, писали почти только драмы; Гете написалъ только одинъ удачный романъ („Вертеръ“)—всѣ остальные его произведешя въ эпической формѣ неудачны; у Шиллера нѣтъ ни одного такого произведешя; слава обоихъ поэтовъ основана (кромѣ лирическихъ стихотвореній) на драмахъ.

Отъ чего бы это ни происходило, но, во всякомъ случаѣ, вопросъ о драмѣ былъ самымъ важнымъ для нѣмецкой поэзіи въ ея цвѣтущій періодъ. Съ Лессинга начинается господство драматической формы, которое продолжалось до самаго упадка нѣмецкой поэзіи, и которое отчасти должно быть приписано, кромѣ вліянія Шекспира, примѣру, поданному Лессингомъ, но основаніе которому лежало, конечно, въ духѣ времени. Надобно было дать и образцы и теорію этой формы искусства,—то и другое сдѣлалъ Лессингъ. „Минна фонъ Барительмъ“ уже была написана, и производила огромное дѣйствіе; вскорѣ за нею должна была послѣдовать „Эмилія Галотти“, вліяніе которой было не менѣе сильно. Теперь, по поводу гамбургскаго театра, Лессингъ далъ теорію драмы въ своей „Драматургіи“. Нѣтъ надобности повторять то, что мы уже сказали по случаю „Лаокоона“ о важности теорій для практики; нѣтъ надобности говорить въ частности о томъ, какое великое значеніе имѣла для послѣдующаго развитія нѣмецкой поэзіи „Драматургія“, объяснившая теорію важнѣйшей формы этой поэзіи. „Гамбургская Драматургія“ была кодексомъ, на основаніи котораго возникли „Гецъ фонъ Берлихингенъ“ и „Фаустъ“, „Разбойники“ и „Вильгельмъ Телль“. „Лаокоономъ“ былъ воспитанъ общій духъ поэзіи Гете и Шиллера; „Гамбургскою Драматургіею“ даны законы ихъ трагедіямъ.

Есть въ „Драматургіи“ другая сторона, имѣвшая не менѣе значенія для нѣмецкой поэзіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ простершая свое вліяніе далеко за предѣлы искусства, на всю умственную жизнь германскаго народа. Чтобы очистить мѣсто для истинной теоріи драмы, Лессингъ долженъ былъ разрушить прежнюю ложную теорію, показать, что и правила псевдо-классической теоріи, и произведешя, написанныя по этимъ правиламъ, не выдерживаютъ критики. Такимъ образомъ, пришлось ему имѣть непосредственное дѣло съ французскими драматургами, которые считались величайшими гешями по своей части,—съ Корнелемъ, Расиномъ и Вольтеромъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою беспощадною рѣзкостью разбиралъ онъ ихъ произведешя, — они были истерзаны и одерганы до того, что человѣкъ, прочитавшій „Гамбургскую Драматургію“, не могъ безъ нѣкотораго презрѣнія подумать о писателяхъ, нелѣпость произведеній которыхъ доказана такъ ясно и извѣтельно.

Эта безжалостность была необходима для разрушенія закоснѣлаго предубѣжденія, чрезвычайно упорнаго и наглаго. Она достигла своей цѣли, — ве только нѣмцы, но всѣ люди другихъ націй, знакомые съ германскою литературою, до послѣднего времени не могли вспоминать о классической французской драмѣ безъ презрительной усмѣлки. Напрасно Шиллеръ и Гете, лѣтъ черезъ тридцать послѣ „Драматургіи“, по общему уговору, переводили французскія драмы, думая, что уже настала пора отдать справедливость тому, что было въ нихъ хорошаго. Лессингова насмѣшка отзывалась въ памяти всѣхъ, и великіе поэты только подвергались осужденію за то, что занялись произведеніями, недостойными ихъ таланта. „Гамбургская Драматургія“ разомъ похоронила псевдоклассицизмъ.

Эта полемическая сторона не составляетъ главнаго въ ней, — Лессингъ занимается отверженіемъ псевдоклассической драмы только для того, чтобы очистить мѣсто для новыхъ идей, изложеніе которыхъ и было его существенною цѣлью. Но владычество псевдоклассической драмы было такъ сильно, что борьба съ нею всего сильнѣе заинтересовала на первый разъ умы читателей. Они не могли сомнѣваться въ томъ, что Корнель и Вольтеръ (какъ драматургъ) совершенно уничтожены Лессингомъ. Какъ, нѣмецъ поразилъ на смерть величайшіе французскіе авторитеты, передъ которыми преклонилась вся Европа! Эта побѣда чрезвычайно ободрительно подѣйствовала на нѣмецкій умъ. Это не то, что пустая похвала своей національности, — нѣтъ, это положительное доказательство того, что нѣмцы могутъ выйти изъ подѣ умственной зависимости отъ иноземцевъ — мало того, что нѣмцы могутъ теперь въ свой чередъ имѣть рѣшительный голосъ въ умственной жизни Европы, что Германія должна стать центромъ умственнаго движенія новой эпохи. Дѣйствительно, съ той поры совершенно измѣняется характеръ понятія, какое нѣмцы имѣютъ о значеніи своемъ между другими народами. „Намъ нечего ждать чужихъ рѣшеній, — у насъ есть головы, какихъ нѣтъ нигдѣ; ужъ если прислушиваться къ чьему нибудь мнѣнію, то прислушаемся къ тому, что говорятъ въ Гамбургѣ, въ Вольфенбюттелѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Берлинѣ, въ Веймарѣ, въ Іенѣ“, — за Лессингомъ выступаютъ Кантъ, Гете, Шиллеръ, Фихте, — у всѣхъ этихъ людей одно общее чувство: сознаніе великаго своего превосходства надъ иноземцами, дѣйствующими на одномъ съ ними поприщѣ; одинъ общій тонъ въ голосѣ: тонъ человѣка, сознающаго, что онъ идетъ во главѣ умственнаго движенія своего времени, что онъ трудится не для одного своего народа, а для всего цивилизованнаго свѣта, потому что народъ, которому онъ говоритъ, долженъ вести за собою всѣ народы. Это сознаніе проникаетъ всю націю. И скоро всѣ остальные націи дѣйствительно начинаютъ говорить: „вамъ нужно учиться у нѣмцевъ: кто не хочетъ быть отсталымъ человѣкомъ, долженъ пройти школу нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей“.

У насъ, которые этому сознанію превосходства нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей не могли противопоставить воспоминаній о какомъ нибудь прежнемъ умственномъ владычествѣ нашемъ надъ Европою, нѣмецкое вліяніе утвердилось очень быстро. У англичанъ и французовъ, которые имѣютъ въ этомъ случаѣ очень блистательныя воспоминанія, борьба узкаго національ-

наго пристрастія съ требованіями справедливости должна была быть гораздо упорнѣе. Она ведется до сихъ поръ, и съ каждымъ годомъ усиливается въ Англіи и Франціи вліяніе мыслей, выработанныхъ на нѣмецкой почвѣ. Между тѣмъ, какъ сами нѣмцы, уже достигнувъ результатовъ, которыхъ искали въ области эстетическихъ чувствъ и философскихъ понятій, уже охлаждѣваютъ къ своимъ прежнимъ поэтамъ и философамъ, и переносятъ свои стремленія къ другимъ сферамъ жизни, въ которыхъ чувствуютъ себя отсталыми, — въ это время французы и англичане все болѣе и болѣе проникаются сознаниемъ необходимости усвоить себѣ то, что уже приобретено нѣмцами, и замѣнить своего Декарта или Локка Кантомъ и Гегелемъ.

Странно подумать о томъ, къ какимъ сферамъ часто принадлежатъ факты, оказывающіе рѣшительное вліяніе на развитіе народнаго сознанія, и на какія дороги часто становятся историческими отношеніями люди, дѣятельностью которыхъ измѣняется понятіе цѣлаго народа о самомъ себѣ. Вопросъ о теоріи драмы былъ важнѣйшимъ случаемъ, изъ котораго нѣмцы получили гордое сознаніе своихъ силъ, — а между тѣмъ, казалось бы здравому смыслу, что можетъ быть для исторической жизни народа маловажнѣе такого спора? Но, когда внимательно посмотришь на ходъ историческаго развитія, почти всегда видишь, что оно шло по какимъ то узкимъ и извилистымъ путямъ, тамъ, гдѣ прямая и естественная дорога была загромождена непреоборимыми препятствіями.

Надобно замѣтить одну черту Лессинга, о которой умѣстишь всего сказать по случаю „Гамбургской драматургіи“, произведенія, начинающаго собою эпоху справедливаго уваженія нѣмецкаго народа къ самому себѣ. Писатель, дѣятельность котораго пробудила въ Германіи патріотическую гордость и самое чувство національности, былъ рѣшительный космополитъ и стоялъ въ отрицательномъ отношеніи къ понятію національности.

Послѣ того, какъ разрушилось предпріятіе, подавшее поводъ къ изданію „Гамбургской Драматургіи“, Лессингъ вновь увидѣлъ себя въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда онъ переѣзжалъ въ Гамбургъ, онъ имѣлъ въ виду, кромѣ мѣста при „національномъ театрѣ“, еще другое занятіе, которымъ надѣялся обезпечить свою будущность. Нѣкто Боде, довольно извѣстный писатель того времени, вздумалъ основать въ Гамбургѣ типографію, и предложилъ Лессингу, съ которымъ былъ хорошъ, сдѣлаться его компаньономъ. Лессингъ собралъ нѣсколько сотъ талеровъ, продавъ съ аукціона въ Берлинѣ свою обширную бібліотеку, которую составилъ, когда служилъ въ Бреславлѣ, и принялся вмѣстѣ съ Боде за типографское дѣло.

но дѣло пошло неудачно, главнымъ образомъ потому, что у основателей типографіи было гораздо меньше денегъ, нежели было нужно. Отчасти повредило предпріятію и то, что Боде и особенно Лессингъ жертвовали коммерческимъ разчетомъ желанію ввести въ типографское дѣло разныя усовершенствованія, которыя были не подъ силу имъ и отвергались ъипропродаицами. Типографія принесла только убытокъ и Лессингу и его

Давно уже Лессингъ не принималъ участія въ нѣм. духъ партій и котерій былъ невыносимъ для него; сн. нибтдъ школы казалось ему несообознымъ съ духъ

которой требовалъ онъ для себя и которую всегда хотѣлъ онъ внушить другимъ. Съ первыхъ томовъ „Литературныхъ писемъ“ пересталъ онъ писать рецензіи, какъ только показалось ему, что онъ уже достаточно указать дорогу для новаго критическаго направленія. Когда, послѣ „Литературныхъ писемъ“, Николай основалъ (1765) „Всеобщую нѣмецкую бібліотеку“ (Allgemeine Deutsche Bibliothek), Лессингъ не принялъ никакого участія въ новомъ журналѣ, какъ давно уже пересталъ участвовать и въ „Литературныхъ письмахъ“. Журналы эти, благодаря тому, что первый изъ нихъ получилъ направленіе отъ Лессинга, сохраняли господство въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что масса публики все еще предполагала его участіе не только въ „Литературныхъ письмахъ“ до конца ихъ изданія, но и во „Всеобщей бібліотекѣ“. Однако же, не напрасно жаловался Мендельсонъ *), что „безнаказанно стали снова буйствовать глупцы“, съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ покинулъ „Литературныя письма“. Въ самомъ дѣлѣ, противники, смирившіеся передъ Лессингомъ, почувствовали, что „другіе, которымъ онъ передалъ свой бичъ“, „бьютъ слишкомъ слабо“, и ободрившись, снова попробовали поднять голову. Тѣ люди, которые подверглись ударамъ Лессинга, уже не могли возстановить своего авторитета, но явились новые люди, вздумавшіе дѣйствовать въ духѣ прежнихъ партій. Самымъ сильнымъ изъ этихъ людей былъ Клоцъ, въ короткое время достигшій значительности тѣми же самыми средствами, канія нѣкогда доставили литературное могущество Готтшеду. Клоцъ былъ безспорно человѣкъ очень даровитый, но недобросовѣстный. Ученая и литературная дѣятельность была для него только средствомъ возвысить свое положеніе въ обществѣ. Лѣстивый и наглый, онъ, сдѣлавшись профессоромъ въ Галле, скоро, посредствомъ интригъ и шарлатанства, получилъ значеніе не только въ своемъ университетѣ, но и во многихъ другихъ. Людей, которые покровительствовали или служили ему, онъ превозносилъ безъ всякой совѣсти и умѣлъ оказывать имъ услуги. Стоило только молодому человѣку прикинуть къ нему, и Клоцъ навѣрное доставлялъ ему катедру въ томъ или другомъ университетѣ. Онъ основалъ два критическихъ журнала, — одинъ на латшскомъ языкѣ, чтобы задавать тонъ педантамъ, другой на нѣмецкомъ, чтобы распространять вліяніе издателя на массу. Кумовство и личныя отношенія были единственными правилами критики Клоца и его клеветовъ. Писателей, искавшихъ его покровительства, Клоцъ хвалилъ безъ всякой мѣры; писателей, заслужившихъ его немилость, онъ не только бранилъ безстыдно, но и чернилъ передъ публикою, выставя ихъ частную жизнь въ грязномъ видѣ. Никто не былъ безопасенъ отъ его вражды. Особенно преслѣдовалъ онъ „Всеобщую нѣмецкую бібліотеку“ Николаи, изъ корыстнаго соперничества.

Клоцъ былъ человѣкъ очень даровитый; онъ писалъ прекрасно, умѣлъ выказать себя великимъ ученымъ, былъ въ самомъ дѣлѣ богатъ знаніями, и еще богаче былъ шарлатанскими уловками, владѣлъ сарказмомъ съ большою ловкостью, въ борьбѣ за своихъ кліентовъ или противъ своихъ враговъ не пренебрегалъ никакими средствами, имѣя очень сильныя связи въ лите-

*) Въ посвященіи своихъ сочиненій, которое привели мы въ предыдущей главѣ.

ратурѣ и въ обществѣ,—зато, онъ былъ оракуломъ всѣхъ простаковъ, покровителемъ всѣхъ самолюбивыхъ людей, которые превозносили его отъ души, получая отъ него плату тою же монетою, и внушалъ страхъ всѣмъ безъ исключенія. Самые ученѣйшіе люди писали панегирики его учености, самые знаменитые поэты возвышали до небесъ его критическій талантъ. Такого блестящаго положенія онъ успѣлъ достигъ очень быстро, — ему было всего еще только двадцать девять лѣтъ. Наглецовъ и напратановъ много, но рѣдко кто изъ нихъ такъ рано достигаетъ своей цѣли. Клоцъ былъ чловѣкъ, далеко возвышавшійся своими способностями надъ обыкновеннымъ уровнемъ.

Клоца боялись всѣ; самъ онъ достигъ уже такого положенія, что смотрѣлъ на всѣхъ свысока, и чувствовалъ инстинктивный страхъ только къ одному Лессингу. Когда явился „Лаокоонъ“, галлескій диктаторъ написалъ къ Лессингу льстивое письмо, въ которомъ, осыпая его похвалами, просилъ позволенія разобрать эту книгу въ своемъ журналѣ. Лессингъ отвѣчалъ ему очень учтиво, но подъ деликатными фразами проницательный Клоцъ замѣтилъ что-то похожее на презрѣніе, и былъ жестоко оскорбленъ. Всякому другому онъ далъ бы почувствовать свой гнѣвъ безцеромонною печатною бранью, по съ Лессингомъ онъ не хотѣлъ ссориться, и скрылъ свое чувство,—почелъ даже нужнымъ вновь заискивать его расположенія новымъ, чрезвычайнымъ доказательствомъ своего уваженія. Клоцу вздумалось сдѣлать извлеченіе изъ огромной „Всеобщей исторіи“, составленной обществомъ англійскихъ ученыхъ. Одинъ изъ друзей совѣтовалъ ему не браться за это дѣло. Клоцъ поручилъ этому пріятелю, отправлявшемуся въ Берлинъ (тогда Лессингъ жилъ еще въ Берлинѣ), спросить, что думаетъ Лессингъ. Лессингъ сказалъ, что не совѣтуетъ Клоцу браться за дѣло, которое ему не по силамъ,—и Клоцъ послушался. Написавъ разборъ „Лаокоона“, Клоцъ послалъ эту статью Лессингу при льстивомъ письмѣ. Рецензія проникнута чувствомъ восторга; въ нѣкоторыхъ вопросахъ рецензентъ высказываетъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ автора, но эти вопросы неважны, замѣчанія изложены самымъ почтительнымъ образомъ, и въ первомъ своемъ письмѣ Клоцъ уже просилъ позволенія сдѣлать ихъ; они служатъ только къ тому, чтобы еще болѣе возвысить книгу и автора, которому Клоцъ рѣшительно отдаетъ первое мѣсто между всѣми знаменитостями Германіи — *cui dudum principem inter Germaniae ornamenta locum Musae tribuerunt*, говорить онъ о Лессингѣ (рецензія помѣщена была въ латинскомъ журналѣ Клоца)—„его давно уже музы сдѣлали первымъ изъ людей, которыми гордится Германія“. — Бѣдный Клоцъ! всегда онъ дѣйствовалъ по расчету, хвалилъ не по убѣжденію, а изъ выгоды, тутъ только въ самомъ дѣлѣ говорилъ отъ чистой души,—въ письмѣ къ одному изъ пріятелей, гдѣ не было ему нужды притворяться, онъ также говорилъ, что Лессингъ, какъ знатокъ древностей, выше самого Винкельмана по учености, и обладаетъ божественнымъ гениемъ; быть можетъ, въ первый разъ онъ отдавалъ добросовѣстно, убѣжденію справедливость чужимъ заслугамъ,—и могъ даже наградить его наградой за то безжалостнѣйшаго преслѣдованія отъ ея котораго искренно уважалъ! Глеймъ, пріятель Лессинга

Клоца, пришелъ въ восторгъ отъ рецензій и воображалъ, что она восхититъ Лессинга. А еслбъ онъ прочелъ письмо, при которомъ она была послана къ Лессингу, онъ восхитился бы еще вдвое больше.

Лессингъ не отвѣчалъ ни слова на его письмо.

Теперь очевидно стало для Клоца, что никакими заискиваніями и войдетъ онъ въ милость къ Лессингу, что Лессингъ не хочетъ имѣть съ нимъ сношеній, презираетъ его. Это было въ 1766 году.

Лессингъ еще не презиралъ Клоца, потому что не зналъ литературныхъ продѣлокъ галлескаго оракула, который велъ свои интриги очень хитро, — ему просто не нравился льстивый тонъ его писемъ. Но въ 1768 году Клоцъ основалъ свой нѣмецкій критическій журналъ, и развернулся въ немъ совершенно безцеремонно, — Лессингъ убѣдился изъ многихъ рецензій, что знаменитый ученый и критикъ — человѣкъ недобросовѣстный: весною этого года, Лессингу случилась надобность быть на лейпцигской пасхальной ярмаркѣ, куда собирались не одни книгопродавцы, но и литераторы; тутъ онъ узналъ вполнѣ всѣ безсовѣстныя продѣлки Клоца, и воротился въ Гамбургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сбить спѣсь съ этого наглеца. „Наслушался я объ этомъ человѣкѣ, — пишетъ Лессингъ къ Николаи, возвратившись въ Гамбургъ: — онъ слишкомъ подымаетъ носъ. Загляните же въ слѣдующіе листки здѣшней „Новой Газеты“. Но это еще пустяки. Я ему готовлю салютъ гораздо погромче“... Въ „Новой Гамбургской Газетѣ“ начали печататься „Письма антикварскаго содержанія“.

Ближайшимъ поводомъ къ издашію этихъ писемъ было то, что въ одномъ изъ своихъ новыхъ сочиненій, книгѣ „О рѣзныхъ камняхъ у древнихъ“, Клоцъ сдѣлалъ три замѣчанія на „Лаокоона“, въ которомъ большую часть примѣровъ и доказательствъ беретъ Лессингъ изъ исторіи древняго искусства. Замѣчанія эти выражены въ формѣ деликатной, такъ что сами по себѣ никакъ не могли бы разсердить Лессинга, который вообще не охотникъ былъ ни оскорбляться критическими замѣчаніями, ни возражать на нихъ. Но Лессингъ только искать случая, чтобы уничтожить Клоца, и громъ разразился надъ несчастнымъ интригантомъ, который при всей ненависти, какую питалъ къ Лессингу за предугадываемое его презрѣніе къ себѣ, все-таки, въ противность своей привычкѣ, не смѣлъ говорить о немъ непочтительно.

Лессингъ какъ будто находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы терзать Клоца, — на три-четыре вѣжливыя строки, онъ отвѣчалъ тремя книгами, — правда, небольшими, но все-таки тремя книгами *). Рѣзкость тона въ этихъ книгахъ чрезвычайна. Клоцъ, и прежде боявшийся Лессинга, теперь совершенно убѣдился, что ему не подъ силу бороться съ такимъ противникомъ. и, какъ человѣкъ благоразумный, разечиталъ, что ему слѣдуетъ отмолчаться, — о первой части „Антикварскихъ писемъ“ онъ написалъ въ своемъ журналѣ очень смиренную рецензію, говоря, что рѣшительно не понимаетъ, чѣмъ могъ огорчить Лессинга. Но Лессингъ не укротился этимъ смиреніемъ, и иродолжалъ писать „Антикварскія письма“: Лессингъ разбиралъ въ нихъ

*) Двумя частями „Антикварскихъ писемъ“ и изслѣдованіемъ „О томъ, какъ древніе изображали смерть“.

его антикварскія сочиненія, доказывая, что онъ поверхностно знаетъ древности,—Клоцъ говорилъ друзьямъ, что перестанетъ писать о древностяхъ и займется другими предметами,—и это не должно было спасти его: „Пусть онъ берется за что угодно, говорилъ Лессингъ своимъ пріятелямъ; — разъ принявшись за него, не покину я его: хотя бы онъ унелъ въ римское право, я и туда пойду за нимъ“.

Независимые ученые и литераторы, боявшіеся, но неуважавшіе Клоца, сначала радовались тому, что Лессингъ началъ николить этого наглеца, но черезъ нѣсколько времени имъ стало уже казаться, что Лессингъ довольно терзалъ его, что пора прекратить это иезязаніе, имъ стало жаль бѣднанаго Клоца, они стали прямо говорить Лессингу, что чрезмѣрная ожесточенность и продолжительность полемики вредитъ его собственной репутациі, заставляя считать его человѣкомъ злобнаго характера. Мендельсонъ и Николай, которые особенно страдали прежде отъ нападеній Клоца, особенно радовались первымъ „Антикварскимъ письмамъ“, — но потомъ не только Мендельсонъ, человѣкъ мягкаго характера, но и Николай, суровый и мстительный, жалѣли Клоца, осуждали Лессинга и совѣтовали ему прекратить эту полемику. Публика, принявшая первую часть „Антикварскихъ писемъ“ съ интересомъ, мало покупала вторую часть *), — ей ужъ наскучило это дѣло. Ничто не останавливало Лессинга, и онъ съ какою-то страннымъ пристрастіемъ работалъ надъ продолженіемъ „Антикварскихъ писемъ“, оставивъ для этого другія занятія, которыя должны были бы казаться ему гораздо важнѣе и привлекательнѣе. Третья часть „Антикварскихъ писемъ“ готовилась къ изданію, когда внезапно умеръ Клоцъ — только этимъ могло прекратиться ожесточенное преслѣдованіе со стороны Лессинга. „Умнѣе онъ поступилъ, нежели я ожидалъ отъ него, — онъ умеръ“, написалъ Лессингъ, получивъ неожиданное извѣстіе:—„не забавно ли? Нѣтъ, впрочемъ, вовсе не забавно, не могу теперь смѣяться“.

Это неумолимое преслѣдованіе, которое было прекращено только смертью Клоца, которое казалось слишкомъ продолжительно и жестоко даже друзьямъ Лессинга и врагамъ Клоца, которое наконецъ заставило почти всѣхъ осуждать непримиримую сварливость Лессинга,—было ведено Лессингомъ не въ увлеченіи досадою, не въ горячемъ расположеніи духа, которое, казалось, одно только могло бы служить извиненіемъ ожесточенію,—нѣтъ, совершенно обдуманно, по хладнокровному соображенію.

„Г. Клоцъ предполагаетъ (въ рецензіи о первой части „Антикварскихъ писемъ“), что я вооруженъ противъ него“,—говоритъ Лессингъ въ концѣ второй части этихъ „Писемъ“:—„вооруженъ ли я противъ него, могу ли казаться вооруженнымъ, этого я не знаю. Знаю только, что подъ влияніемъ какихъ бы побужденій я ни писалъ, пишу очень хладнокровно. Не горячность, не увлеченіе заставило меня принять тоя, которыми я говорю съ г. Клоцемъ. Каждое слово противъ него пишу я съ самою спокойною предвѣренностью, съ самою внимательною обдуманностью. Встрѣчая у меня какоенибудь насмѣшливое, горькое, жесткое слово, пусть не думаютъ, что оно только сорвалось у меня съ языка. Я по всевозможномъ обсужденіи рѣшалъ, что съ г. Клоцемъ

*) Только первыя письма были помѣщены Лессингомъ въ „Новой Гамбургской Газетѣ“ продолженіе ихъ сталъ издавать Лессингъ отдѣльными книжками

нужна наомѣшливая, горькая, жесткая рѣчь, что онъ отъ одного такого слова взъ наонсанныхъ мною я вс могу пошадить его, ве становясь предателемъ дѣлу, которое защищаю противъ него“:

„Чѣмъ былъ г. Клоцъ? Чѣмъ захотѣлъ овъ стать? Чѣмъ овъ сталъ?“

Отвѣчая на этотъ тройной вопросъ, знаменитый въ исторіи нѣмецкой полемики, Лессингъ чрезвычайно язвительно доказываетъ фактами, что Клоцъ былъ льстецомъ, интриганомъ и пасквилятомъ; что онъ хотѣлъ быть всрховнымъ судьей въ литературѣ, не имѣя на то права; что онъ сдѣлался странилицемъ всѣхъ честныхъ и независимыхъ людей, сталъ предводителемъ найки безеовѣстныхъ литературныхъ бандитовъ. „Какъ же нужно поступать съ такимъ человѣкомъ?—спрашиваетъ онъ дальне.—Такъ, какъ поступаютъ съ нимъ „Антикварскія письма“.

Послѣдствія дѣйствительно оправдали способъ дѣйствія и тонъ, избранный Лессингомъ. Надобно было разъ навсегда положить конецъ вліянію интригантовъ и наглецовъ на литературу, надобно было вырвать еъ корнемъ всякую возможность возрожденія того порядка дѣлъ, какой существовалъ во времена Готтшеда и Бодмера. „Антикварскія письма“ сдѣлали это: Уничтожая Клоца, они уничтожили и ту систему, тотъ духъ, въ которомъ дѣйствовалъ этотъ послѣдній и самый блестящій представитель гнилаго и безстыднаго тщесланія, которое прежде управляло нѣмецкою литературою.

Новые люди, проникнутые инымъ направленіемъ, были навсегда освобождены „Антикварскими письмами“ отъ опеки людей, подобныхъ прежнимъ авторитетамъ. Гердеръ, Меркъ и Гете (какъ рецензенты) почувствовали себя самостоятельными, и непосредственно послѣ „Антикварскихъ писемъ“ получили рѣшительный голосъ въ критикѣ. Старая привычка поддаваться авторитету интригантовъ и наглецовъ была очень сильна. Не говоря уже о писателяхъ прежняго поколѣнія, бывшихъ по времени своего литературнаго воспитанія сверстниками Лессинга,—напримѣръ о Гагедорнѣ, Глеймѣ, даже писатели новаго поколѣнія, воспитанные уже „Литературными письмами“ Лессинга, все еще не освободились отъ вліянія старой привычки, поддерживаемой всѣми прежними поэтами и учеными. До „Антикварскихъ писемъ“, самъ Гердеръ, первый изъ людей поколѣнія, слѣдовавшаго за Лессингомъ, восхищался знаменитымъ Клоцемъ,—а потомъ, тотъ же Гердеръ жалѣлъ, что Лессингъ тратилъ время на борьбу противъ „такого ничтожнаго человѣка“, какъ Клоцъ, и на занятіе „такими незначительными предметами“, какъ изслѣдованіе о рѣзныхъ камняхъ у древнихъ. Опъ забылъ, что самъ отбросилъ вредное чувство уваженія къ такимъ „ничтожнымъ“ (armselig) людямъ только благодаря лессинговой полемикѣ противъ Клоца.

Не только противникъ, но и предметъ спора казался черезъ нѣсколько лѣтъ Гердеру недостойнымъ Лессинга. Въ самомъ дѣлѣ, главное содержаніе „Антикварскихъ писемъ“ — изысканія о рѣзныхъ камняхъ у древнихъ, предметъ незначительный, способный скорѣе занимать сухаго специалиста, нежели великаго двигателя національной исторіи. Но, чтожь дѣлать? Только диллстанты занимаются тѣмъ, что кажется важно именно для нихъ самихъ: предметы занятій историческаго человѣка опредѣляются духомъ времени и потребностями окружающей его среды. Мы видѣли, что уничтожить Клоца

было дѣломъ нужнымъ. Не любя ничего дѣлать на половину, Лессингъ взялся за свою задачу оригинальнымъ, но совершенно вѣрнымъ образомъ. Слава Клоца основывалась на его учености; ученость Клоца состояла главнѣйшимъ образомъ въ знаніи антиковъ. „Клоцъ и Винкельманъ“ — было въ то время обыкновенною фразою. Взявшись за уничтоженіе авторитета Клоца, Лессингъ видѣлъ, что не довольно оборвать вѣтви, — надобно вырубить самый корень этого вреднаго дерева; не довольно было доказать, что Клоцъ плохой критикъ; силлогизмъ, на которомъ основывалась его репутація, былъ таковъ: „онъ великій знатокъ древностей, — онъ великій ученый; а великаго ученаго надобно слушать съ почтениемъ“, — надобно было доказать, что онъ плохой знатокъ древности, и, съ уничтоженіемъ этого корня, падали невозвратно всѣ вѣтви его славы. Репутацію, укоренившуюся прочно, нельзя убить во мнѣніи большинства нѣсколькими замѣчаніями, какъ бы мѣткі и рѣшительны ни были они; указать шесть-семь промаховъ Клоца, какъ бы грубы они ни были, было недостаточно: масса литераторовъ и публики, разъ проникнувшаяся вѣрою въ его ученость, все таки продолжала бы говорить: „ну, да; въ нѣкоторыхъ случаяхъ овъ ошибался; но все-таки онъ великій ученый; и на солнцѣ есть пятна“... Надобно было просмотрѣть весь двскъ этого мнимаго солнца, и доказать, что нѣтъ на немъ ни одного мѣста, которое не было бы пятномъ. Такъ и сдѣлалъ Лессингъ: взялъ книгу Клоца, просмотрѣлъ ее съ начала до конца, показалъ, что вся она — непрерывный рядъ шарлатанскихъ заимствованій и промаховъ. Уничтоживъ основаніе славы Клоца, Лессингъ не имѣлъ уже нужды подробно доказывать ничтожество другихъ его притязаній, — „если онъ, какъ это теперь уже доказано, плохо знаетъ даже то, въ чемъ вы предполагали его особенно сильнымъ, то легко вы поймете, какъ слабъ онъ во всемъ остальномъ“ — нужно было доказать тезисъ, а выводъ слѣдствій былъ уже несомнителенъ для cadaго.

Впрочемъ, разъ мы уже замѣтили, по поводу „Вадемекума для г. Ланге“, привычку Лессинга постоянно вплетать въ основной ходъ изслѣдованія эпизодическія изысканія, предметъ которыхъ часто бываетъ важнѣе общей темы сочиненія, — та жо метода соблюдена и здѣсь. Многіи изъ „Антикварскихъ писемъ“ имѣютъ до сихъ поръ живой интересъ, а изслѣдованіе „о томъ, какъ изображалась у древнихъ смерть“, возникшее также изъ „Антикварскихъ писемъ“, есть одинъ изъ тѣхъ трактатовъ, которые всего болѣе способствовали утвержденію истиннаго взгляда на систему греческихъ вѣрованій.

„Лаокоонъ“ и „Минна фонъ-Барнгельмъ“ поставили Лессинга выше всѣхъ знаменитостей Германіи; „Гамбургская драматургія“ еще болѣе упрочила его славу. Но по прежнему, слава не давала ему хотя бы скромныхъ ередствъ къ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ упалъ „національный театр“, постоянною мечтою Лессинга снова сдѣлалось путешествіе въ Италію, о которомъ думалъ онъ еще въ Бреславлѣ; раза три-четыре въ годъ назначалъ онъ сроки, когда сядетъ на корабль или въ почтовую карету, чтобы скакать или плыть къ желанному югу, — но каждый срокъ проходилъ, и мечта все еще оказывалась неисполнимою. Напрасно продавалъ онъ книги, которыя удержалъ было какъ необходимѣйшія для себя, когда разставался

съ своею библіотекою,—денегъ все-таки у него не доставало не только для путеніествія, но и для жизни въ Гамбургѣ. „Положеніе мое таково, что я долженъ продать всѣ книги и вещи, которыя еще остаются у меня“,— писалъ онъ, въ іюль 1769 года, къ брату, жившему въ Берлинѣ. „Сердце у меня обливается кровью, когда я подумаю о томъ, что не могу теперь послать денегъ роднымъ въ Каменецъ: но въ настоящую минуту я бѣднѣвъ всѣхъ своихъ родныхъ; они по крайней мѣрѣ не обременены долгами, а я, при частыхъ недостаткахъ въ необходимѣйшемъ, по унѣи въ долгу. Какъ и помочь этому, не знаю“. Долги, изъ которыхъ онъ не надѣется выпутаться, состояли всего въ нѣсколькихъ стахъ талерахъ,—но для Лессинга и эта сумма была огромна.

Но отъ своего правила: не искать мѣстъ, и не принимать предлагаемыхъ мѣстъ, если они ему не по сердцу, Лессингъ не отступался. Весною 1769 года ему предлагали мѣсто драматурга при вѣнскомъ театрѣ съ 3,000 гульденовъ (около 2,000 рублей сер.) жалованья,—но Лессингъ отказался, потому что, присмотрѣвшись въ Гамбургѣ къ театральнымъ интригамъ, не хотѣлъ уже имѣть никакого дѣла съ театрами. Когда же ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было предложено мѣсто библіотекаря при знаменитой библіотекѣ въ Вольфенбюттелѣ, съ 600 талеровъ (550 руб. сер.) жалованья, онъ съ восторгомъ принялъ это приглашеніе, которое дѣйствительно спасало его отъ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ.

Мѣсто это было предложено ему отъ имени наслѣднаго принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который ждалъ его прїѣзда съ нетерпѣніемъ. Но болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло прежде, нежели Лессингъ выѣхалъ изъ Гамбурга. Профессоръ Эбертъ, черезъ котораго наслѣдный принцъ сдѣлалъ приглашеніе, рѣшительно недоумѣвалъ, какія остановки могли такъ долго задержать его; Лессингъ извинялъ свое промедленіе то болѣзнію, то неудобствомъ погоды, то различными другими предлогами; но истинная причина была совершенно другая—Лессингъ продавалъ свои остальные вещи, чтобы собрать небольшую сумму денегъ, какая нужна для переѣзда изъ Гамбурга въ Брауншвейгъ. Наконецъ, кое какъ дѣла были устроены, и въ апрѣлѣ 1770 года Лессингъ прїѣхалъ въ Брауншвейгъ, былъ представленъ ко Двору, и въ маѣ отправился къ своему библіотечарскому мѣсту въ Вольфенбюттель.

Первое время новой жизни прошло для Лессинга очень прїятно: библіотека очаровала его своимъ богатствомъ, сотнями тысячъ книгъ и огромною коллекціею рукописей, въ числѣ которыхъ многія были очень важны для науки и совершенно еще неизвѣстны. Лессингъ вступилъ въ должность съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для открытія и обнаруженія скрывавшихся въ ней сокровищъ, и поиски его были очень счастливы. Въ первые же дни по прїѣздѣ, онъ нашелъ очень важное для церковной исторіи XI вѣка сочиненіе извѣстнаго богослова Беренгарія Турскаго, до той поры считавшееся утраченнымъ, и немедленно издалъ обширное историко-теологическое изслѣдованіе о немъ съ обзоромъ его содержанія. За тѣмъ быстро слѣдовали другія важныя открытія и изслѣдованія. Къ каждому издаваемому отрывку или сочиненію, Лессингъ писалъ предисловіе, которое

бывало обыкновенно еще важнѣе самого сочиненія, объясненіемъ которому служило.

Но Лессингъ былъ не такой человѣкъ, котораго могли бы надолго удовлетворить старыя книги и рукописи. Не прекращая занятій ими, онъ скоро принялся за обработку давно задуманной трагедіи, которая изображала бы среди новаго міра коллизію, подобную той, которая извѣстна всѣмъ изъ римской легенды о судьбѣ Виргиніи. Въ 1772 году явилась „Эмилиа Галотти“. Мы не будемъ говорить объ успѣхѣ, который имѣла эта пьеса, — замѣтимъ только, что въ даровитой молодежи произвела она фуроръ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вспоминая о дѣйстви „Эмилиа Галотти“ на тогдашнюю литературу, Гете сравниваетъ нѣмецкую поэзію съ Латоною, которая, гонимая гнѣвомъ Геры, долго и напрасно искала себѣ пріюта, и говоритъ: „наконецъ поелѣ долгой, многолѣтней борьбы, возникла эта пьеса, „какъ островъ Делось, изъ пучины готтшедо-геллерто-вейссовскаго наводненія, „чтобы пріютно успокоить странствующую богиню. „Эмилиа Галотти“ ободрила насъ, молодыхъ людей; мы были очень много обязаны Лессингу“. Сравненіе нѣмецкой музы съ Латоною, а „Эмилиа Галотти“ съ островомъ Делосомъ, слишкомъ кудреватое, но оно довольно ясно показываетъ, что Гете (которому было тогда 23 года, и который въ слѣдующемъ году издалъ своего „Гецца“) и его литературнымъ друзьямъ „Эмилиа Галотти“ представилась, какъ явленіе, до той поры небывалое, безпримѣрное въ нѣмецкой поэзіи, какъ достиженіе цѣли, къ которой стремились все многолѣтнее развитіе нѣмецкой поэзіи, что на поэтовъ молодаго поколѣнія (и въ томъ числѣ Гете) эта трагедія имѣла сильнѣйшее вліяніе. Замѣтимъ здѣсь кстати слова: „она ободрила насъ, молодыхъ людей“ — они напомнимъ читателю то, что мы говорили о существенномъ характерѣ вліянія Лессинга: оно развязывало руки талантливымъ людямъ, оно вызывало на самостоятельную дѣятельность, — рѣдкое, какъ мы уже говорили, исключеніе изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ, по которому гений, возвышая васъ до себя, съ тѣмъ вмѣстѣ порабощаетъ васъ себѣ. У Лессинга была не такая натура: независимость была его задушевымъ желаніемъ для себя и для другихъ; подчинять себѣ другихъ было ему также противно, какъ и подчиняться другимъ. Черта, отличавшая характеръ человѣка, отразилась на духѣ и дѣйстви его произведеній.

Гете и его друзья 1770-тыхъ годовъ не ошибались, видя въ „Эмилиа Галотти“ явленіе, небывалое до той поры. Этою трагедіею начинается новый періодъ нѣмецкой поэзіи. Мы видѣли, что уже черезъ два фазиса развитія провелъ нѣмецкую поэзію Лессингъ своими двумя прежними драмами: „Сара Сампсонъ“ ввела въ поэзію патетизмъ и человѣка, вмѣсто прежней пустозвонной шумихи и деревянныхъ героевъ; „Минна фонъ-Барнхельмъ“ ввела въ нѣмецкую поэзію національный элементъ. Оставалось поэзіи совершить еще одинъ шагъ, чтобы занять положеніе, приличное ей въ національной жизни, — оставалось ей принять въ себя такое содержаніе, которое ставило ея произведенія въ гармонію съ великими историческими интересами національнаго развитія. Примѣръ тому, „ободрившій насъ, молодыхъ людей“, какъ признается за себя и своихъ друзей Гете, былъ показанъ „Эмилию Галотти“.

Мы не будемъ пересказывать здѣсь сюжетъ „Эмилиі Галотти“, отлагая это до другаго мѣста. Довольно замѣтить, что эта трагедія—всторія Виргиніи, совершающаяся при итальянскоѣ Дворѣ въ XVI, или, пожалуй, XVII, или, еще вѣрнѣе, въ XVIII вѣкѣ. Просимъ читателей вспомнить, что мы говорили о Германіи XVIII вѣка въ нашей первой главѣ, и для нихъ будетъ ясно, какое отношеніе имѣлъ такой сюжетъ къ фактамъ, совершавшимся въ глазахъ тогдашней нѣмецкой публики. „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“, „Эгмонтъ“, „Разбойники“, „Донъ Карлосъ“, „Коварство и Любовь“, „Вильгельмъ Телль“—все это драмы того разряда, который начинается „Эмилией Галотти“ *).

„Эмилиа Галотти“ въ поэзіи стоитъ на границѣ между эпохами дѣятельности двухъ различныхъ поколѣній; точно также стоитъ на границѣ между эпохами дѣятельности двухъ различныхъ поколѣній „Гамбургская Драматургія“ въ литературной критикѣ. До сихъ поръ, всѣ ряды, всѣ партіи литературы состояли изъ людей, бывшихъ сверстниками Лессинга или старше его. Онъ, человекъ далеко опередившій свое поколѣніе, былъ нравственно одинокъ между ними. Правда, многіе изъ нихъ были воспитаны имъ; почти всѣ остальные сильно были передѣланы его вліяніемъ. Но истинно въ плоть и кровь обращаются идеи воспитателя только у того, кто воспитанъ имъ съ самаго дѣтства. Изъ всѣхъ друзей Лессинга, ближайшимъ былъ Мендельсонъ; его развитіе подвергалось постоянному дѣйствію Лессинга съ болѣе ранней поры, нежели развитіе кого нибудь другаго; до появленія на сцену новыхъ людей, Лессингъ называлъ его „лучшею головою“, какою только знаетъ; по своему исключительному положенію въ обществѣ, Мендельсонъ былъ скорѣе всякаго готовъ къ принятію новыхъ пдей. И, однако же, Мендельсонъ, втеченіе многихъ лѣтъ ежедневно бесѣдуя съ нимъ, не понялъ Лессинга такъ хорошо, какъ человекъ новаго поколѣнія, Якоби, который провелъ съ Лессингомъ всего только нѣсколько вечеровъ. А между тѣмъ, Якоби, по своей натурѣ, былъ гораздо ниже Мендельсона и, между людьми новаго поколѣнія, былъ однимъ наименѣе способнымъ понимать Лессинга. Между своими сверстниками Лессингъ былъ совершенно одинокъ.

Но вотъ, воспиталось новое поколѣніе,—въ критикѣ появляются Гердеръ, Меркъ, Лихтенбергъ, Гете; въ поэзіи—Гете, Ленцъ, Клингеръ, Лейзевницъ, и, въ одно время съ ними, около начала 1770-тыхъ годовъ, всѣ безчисленные критики и поэты періода „бурныхъ стремленій“. Всѣ они воспитаны преимущественно Лессингомъ, многіе—исключительно Лессингомъ.

*) Мы проводили параллель между фазисами нѣмецкой литературы, ознаменованными появленіемъ „Сары Сампсовъ“ и „Мишны фонъ-Барнфельдъ“ и соответствующими фазисами русской литературы. Пополненіемъ „Эмилиі Галотти“ прекращается возможность такого сравненія, потому что въ русской литературѣ подобнаго періода мы не находимъ. Намъ могутъ указать на Гоголя и его продолжателей. Не уступая никому въ уваженіи къ этимъ писателямъ, мы должны, однако же, признаться, что, по широтѣ изображаемыхъ сюжетовъ, сравнивать ихъ произведенія съ произведеніями, названными нами изъ текста, невозможно. Когда смотришь на поэзію съ исторической точки зрѣнія, то нельзя не замѣтить, что обстановка, среди которой совершается въ поэтическомъ произведеніи дѣйствіе, есть элементъ чрезвычайно важный для значенія произведенія.

Каково-то будетъ отношеніе учителя къ нимъ, каково-то будетъ отношеніе ихъ къ учителю?

Именно тутъ и обнаружилась самымъ яркимъ и рѣдкимъ образомъ его натура, удивительная по своей необыкновенности, совершенно нормальная по своей разумности. Когда они выступили на сцену, онъ совершенно сошелъ съ этой сцены, вполне уступая имъ мѣсто. Онъ пересталъ работать для поэзіи, для литературной критики. „Теперь и безъ меня довольно исправныхъ работниковъ на этихъ поляхъ,—мое дѣло кончено, я сталъ бы только мѣшать имъ; они и безъ меня сдѣлаютъ все, что нужно,—они умѣютъ и хотятъ работать, пусть же трудятся, какъ умѣютъ и какъ хотятъ“. Роль воспитателя должна кончаться, когда воспитанники совершенно приготовлены.

Значило ли это, что онъ вполне ими былъ доволенъ? Значило ли это, что онъ увидѣлъ себя бозильнымъ поборотъ ихъ, если не былъ доволенъ ими? Или это значило, что онъ усталъ работать и радъ былъ случаю бросить работу? Въ извѣстныхъ отношеніяхъ, на всѣ эти вопросы надобно отвѣчать: „да“, въ другихъ отношеніяхъ—„нѣтъ“.

Новые дѣятели поэзіи и критики сильно возбуждали мысль своего народа, всѣ были проникнуты любовью къ добру и истинѣ, многіе изъ нихъ были чрезвычайно даровиты, нѣкоторые—геніальны: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Лессингъ могъ быть совершенно доволенъ ими. Еще важнѣе было то, что они были люди независимыхъ мѣтній и самостоятельныхъ стремленій: ихъ нельзя было ни запугать, ни ослѣпить авторитетомъ, они проверяли самымъ строгимъ образомъ каждый авторитетъ, и скорѣе расположены были, лишь бы только допустила истина, воспротивиться, чѣмъ послѣдовать ему—въ такомъ настроеніи умственной жизни была существеннѣйшая историческая потребность, оно требовалось и натурою самого Лессинга,—въ этомъ отношеніи, онъ могъ гордиться своими наслѣдниками. Каждый изъ нихъ шелъ по тому пути, какой самъ считалъ лучшимъ,—но по какому бы пути ни шелъ кто изъ нихъ, Лессингъ могъ видѣть, что этотъ путь, въ числѣ многихъ другихъ путей, указанъ и проложенъ имъ, Лессингомъ. Каждый изъ нихъ разрабатывалъ общее поле по своему, но поле это было то самое, которое указалъ Лессингъ, и цѣль у всѣхъ была общая, та самая, для которой трудился и онъ—пробужденіе сознанія въ нѣмецкомъ народѣ, пробужденіе энергіи и прямоты въ умственной жизни народа.

Люди новаго поколѣнія были воспитанники Лессинга и работали, вообще говоря, сообразно примѣру, поданному общимъ учителемъ. Конечно, мы не можемъ здѣсь перечислять всѣ признаки, которыми отразилось изученіе его произведеній на каждомъ изъ этихъ новыхъ дѣателей,—но пусть представителями родовой связи будутъ два значительнѣйшіе изъ нихъ, Гердеръ и Гете, которые, оставаясь каждый очень многостороннимъ, все-таки какъ бы раздѣлили между собою дѣятельность, обнимавшую у Лессинга чавно всѣ стороны литературы, и сдѣлались знамениты, одинъ—по преимуществу теоретическими трудами, другой—осуществленіемъ жественныхъ произведенійхъ.

Гердеръ до такой степени былъ пропитанъ сочиненіями изъ теоретическихъ произведеній учителя, что ост-

торое не подало бы ученику случая къ сочиненію въ томъ же родѣ, на ту же тему. Лессингъ писалъ „Защищенія“ (Rettungen—изысканія съ цѣлью возстановить добрую славу о характерѣ и нравственныхъ правилахъ того или другаго знаменитаго стараго писателя, по неосновательнымъ обвиненіямъ прослываемаго дурнымъ человѣкомъ), между прочимъ „Защищенію Горація“—и Гердеръ написалъ „Защищенію Горація“; Лессингъ написалъ изслѣдованіе объ эпиграммѣ—и Гердеръ написалъ изслѣдованіе объ эпиграммѣ: Лессингъ написалъ изслѣдованіе о баснѣ—и Гердеръ написалъ изслѣдованіе о баснѣ; различныя разсужденія или отдѣльныя мысли Лессинга породили изслѣдованія Гердера „О знаніи и незнаніи“, „Взгляды на будущность человѣчества“, „Полингенезисъ“ и т. д. „Литературными письмами“ Лессинга были порождены „Отрывки для нѣмецкой литературы“ Гердера; „Лаокоономъ“ и „Антикварскими письмами“ Лессинга—„Критическія лѣса“ Гердера и т. д. *). Не даромъ говорилъ Гердеръ, что „какъ онъ ни бѣется, а все таки единственный человѣкъ, интересующій его,—Лессингъ“. Мы по необходимости указываемъ только нѣкоторые изъ тѣхъ случаевъ, когда цѣлое сочиненіе Гердера все цѣликомъ возникло изъ сочиненія, написаннаго Лессингомъ; разсматривать связь идей Гердера съ идеями Лессинга было бы слишкомъ долго и неумѣстно здѣсь,—но легко угадать, до какой степени воззрѣнія Гердера обуславливались мыслями, указанными ему Лессингомъ, если большая часть его сочиненій прямо написаны на темы, данныя ему Лессингомъ. И не надобно воображать, чтобы такое отношеніе существовало только въ первый періодъ дѣятельности Гердера,—нѣтъ, оно не измѣнялось до конца его жизни.

Случайно, мы уже приводили нѣсколько сужденій Гете о дѣйствіи нѣкоторыхъ сочиненій Лессинга на развитіе самого Гете,—мы уже видѣли, какъ онъ самъ признавался, что „Лаокоонъ“ „озарилъ его какъ молнія“, и овладѣлъ его мыслью на многіе годы, что „Эмилиа Галотти“ „ободрила“ его,—прибавимъ къ этому слова Гете о „Миннѣ фонъ-Барнхельмъ“.—„Очень сильно подѣйствовала на насъ эта пьеса. Дѣйствительно, она была блестящимъ метеоромъ въ тѣ темныя времена. Она дала намъ понять, что существуетъ нѣчто высшее всего того, о чемъ знала тогданняя эпоха“. Мы видѣли также, какой сильный отпечатокъ на манеру Гете положили даже второстепенныя замѣчанія Лессинга, напримѣръ хотя бы о томъ, что описанію предмета должно въ поэзіи замѣняться разсказомъ его происхожденія и судьбы. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить **). Но мы лучше хотимъ замѣнить ихъ нѣсколькими чертами сходства между Лессингомъ и не однимъ Гете, а всѣми поэтами той эпохи, которой по духу и манерѣ принадлежать „Вертеръ“ и „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“.

Лессингъ осмѣялъ знаменитое правило о соблюденіи въ драмѣ трехъ единствъ, указавъ на Шекспира, какъ поэта, произведенія котораго должны вѣчно быть въ памяти каждаго драматурга,—тотчасъ послѣ этого является

*) Гервингусъ.

**) Напримѣръ: Гете, когда былъ въ Италіи, почелъ необходимою написать изслѣдованіе о статуѣ Лаокоона; перевелъ сочиненія Дидро, на которыя указалъ Лессингъ, и проч.

поклонение Шекспиру, подражание Шекспиру, забота о томъ, чтобы не показаться соблюдающимъ какое нибудь изъ трехъ единствъ; преимущественно влиянію Лессинга надобно приписать и преобладанію драмы въ тотъ періодъ нѣмецкой литературы: Лессингъ писалъ исключительно драмы, и всѣ начали писать драмы и драмы.

Тоже самое было и съ литераторами, которые дѣйствовали на ученомъ поприщѣ: Лессингъ былъ полигисторъ, и всѣ захотѣли быть полигисторами, трудиться не для одной какой нибудь науки, а для всѣхъ гуманитарскихъ наукъ за разъ, отъ эстетики и философіи до древностей и тоологій. Лессингъ писалъ все только отрывки, никогда не доканчивая всего сочиненія, какъ сначала хотѣлъ написать его, — и всѣ начали писать отрывки, и явилось въ нѣмецкой литературѣ цѣлое племя „фрагментаристовъ“; Лессингъ возставалъ противъ цеховой учености и педантства, — и всѣ начали возставать противъ цеховой учености и педантства. Наконецъ — общая черта, въ которой соединялись и поэты и мыслители періода, слѣдовавшаго за „Гамбургскою Драматургіею“ и „Эмилиею Галотти“: Лессингъ говорилъ о самостоятельности, о строжайшемъ перензслѣдованіи всего, что внушается авторитетами, завѣщано преданіемъ, о повѣркѣ собственнымъ анализомъ всѣхъ правилъ, всего, что принято нами съ дѣтства, какъ аксіомы, — независимость мнѣній стояла для него выше всего: — и самымъ горячимъ стремленіемъ періода, начавшагося съ 1770 годами, было стремленіе къ повѣркѣ, къ перензслѣдованію всѣхъ правилъ, всѣхъ авторитетовъ, неприниманіе ничего на-слово, общимъ лозунгомъ всѣхъ была самостоятельность и оригинальность.

Сильно было его влияніе на эту эпоху и всѣхъ лучшихъ ея дѣятелей: если имѣть въ виду только общія черты этихъ людей, то они всѣ сходятся въ томъ, что вышли изъ Лессинга. Но ихъ крикъ о самобытности не былъ пустою претензіею: дѣйствительно, развившись благодаря Лессингу, ни одинъ изъ нихъ не утратилъ черезъ это воспитаніе ни одной черты, принадлежавшей его личности. Укажемъ опять на одного изъ двухъ главныхъ представителей того времени, на Гердера. О Гете нечего и говорить: каждому изъ читателей, конечно, очевидно, что онъ нимало не напоминаетъ собою Лессинга; о подчиненности его, какъ поэта, Лессингу не можетъ быть и рѣчи: онъ несравненно выше своего воспитателя по поэтическому таланту. Но Гердеръ, всѣмъ обязанный Лессингу, напоминаетъ собою, однако же, вовсе не Лессинга, а другаго своего учителя, извѣстнаго полигистора Гаманна, который не долюбивалъ Лессинга и составлялъ рѣшительную противоположность съ нимъ: тотъ же фосфорическій блескъ отдѣльныхъ мыслей, но и тотъ же восточный тонъ восторженной рѣчи, та же безпорядица въ воззрѣніяхъ, тоже фантазерство, тоже раздражительность ипохондрическаго самолюбія, тотъ же отгѣнокъ чего-то въ родѣ юнгъ-пятилингизма или лафатерщины, — вообще, въ манерѣ и въ воззрѣніяхъ что-то похожее на Шатобриана. Отчасти превосходствомъ натуры, отчасти влияніемъ Лессинга значительно сгладились въ Гердерѣ эти недостатки и угловатости, — такъ они остались еще очень рѣзки. Вотъ одинъ изъ признаковъ, по которымъ можно судить о томъ, до какой степени отличались отъ обыкновенныхъ слѣдствій, какими

подчиненію чьому нибудь вліянію: Гаманнъ, гораздо менѣе Лессинга содѣйствовавшій развитію Гердера, отразился въ немъ со всѣми своими недостатками; Лессингъ, давній ему все, не навязалъ ему ничего чуждаго его натурѣ. Не говоримъ уже о томъ, что Гаманну Гердеръ до конца только поддакивалъ, какъ авторитету, а съ Лессингомъ съ самаго начала спорилъ. какъ съ простымъ человѣкомъ, нимало не стѣсняясь, -- а пробужденіе такой независимости и было существенной потребностью исторіи, главною задачею Лессинга.

Итакъ—возвращаемся къ нашимъ вопросамъ—Лессингъ могъ быть вполне доволенъ людьми, которымъ совершенно уступалъ критическое и поэтическое поприще? Быть можетъ, именно потому онъ и сошелъ съ этого поприща, что иного и лучшаго, нежели дѣлали они, и не могъ желать сдѣлать?—Не совсѣмъ.

Всѣ вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, люди молодаго поколѣнія были вѣрны Лессингу. Но въ частности, каждый изъ нихъ по кругу своихъ воззрѣній и сочувствій былъ гораздо одностороннѣе его*). Таковъ естественный ходъ историческаго развитія во всѣхъ сферахъ, что первоначальное равновѣсіе различныхъ элементовъ, обнимаемыхъ вновь возникшимъ стремленіемъ, разрушается при дальнѣйшемъ движеніи этого стремленія, такъ что одна сторона его беретъ перевѣсъ надъ другими, и основное единство распадается на множество направленій, изъ которыхъ одно, наиболѣе благоприятствуемое историческими обстоятельствами, становится господствующимъ, оттѣсняя всѣ другія на задній планъ.

Было бы слишкомъ долго и неумѣстно говорить здѣсь, почему сильнѣйшіе люди новаго поколѣнія, Гердеръ и Гете, склонились на ту, а не на другую сторону. Довольно сказать, что сторона, къ которой склонялись они, была антипатична Лессингу. У Гердера слабою стороною было излишнее преобладаніе воображенія надъ разсудкомъ, у Гете (въ ту эпоху, эпоху „Вертера“ и увлеченія поддѣльными оссіановскими пѣснями) сантиментальность. Отсюда происходило пристрастіе Гердера къ Гаманну, пристрастіе Гете къ людямъ, подобнымъ Лафатеру, уживчивость его съ людьми, подобными Юнгу-Штиллингу. Такія предпочтенія казались Лессингу неразумными и вредными, и произведенія, написанныя въ этомъ направленіи, фальшивыми. Чтобы не растягивать нашего разсказа, приведемъ только одинъ примѣръ—сужденіе Лессинга о „Вертерѣ“. Читатели знаютъ, что сюжетъ этого романа данъ Гете дѣйствительнымъ событіемъ—судьбою Іерусалема (сына извѣстнаго теолога), который лишилъ себя жизни. Вотъ знаменитое письмо Лессинга къ Эшенбургу объ этомъ романѣ:

*) Мы говоримъ о духѣ, проникавшемъ систему воззрѣній того или другаго изъ новыхъ дѣятелей, а не о широтѣ круга ихъ занятій,—занятія могли бы быть раздѣлены между различными людьми безъ вреда для всесторонности духа, ихъ оживлявшаго,—но эта всесторонность и была утрачена; а кругъ занятій у многихъ изъ людей новаго поколѣнія былъ чрезвычайно многостороненъ. Гете былъ въ этомъ отношеніи даже универсальнѣе Лессинга, обнимая, кромѣ тѣхъ отраслей знанія или мысли, для которыхъ трудился Лессингъ, и естественныя науки, которыя лежали внѣ круга дѣятельности Лессинга, хотя и бывшаго, подобно Штиллеру, въ молодости мелпкомъ.

„Чрезвычайно благодаренъ вамъ, любезный Эшенбургъ, за удовольствіе, которое доставили вы мнѣ, одолживъ роняя Гете. Возвращаю вамъ его даемъ раньше условнаго срока, чтобы другіе поскорѣе могли насладиться этими удовольствіемъ.

„Но какъ вамъ кажется: чтобы не надѣлать больше вреда, нежели пользы, не должно бы это столь теплое произведеніе имѣть коротковѣкій холодный эпилогъ? Нужно бы нѣсколько словъ о томъ, какъ развился въ Вертерѣ такой странный характеръ; какъ другой юноша съ подобными наклонностями можетъ уберечь себя отъ этого. Вѣдь овъ, пожалуй, можетъ принять политическую красоту за нравственную и вообразить, что если этотъ человѣкъ столь сильно возбуждаетъ наше участіе, то значить, что онъ былъ *хорошъ*. А онъ вовсе не былъ хорошъ. И если бы вашъ Іерузалемъ^{*)} былъ совершенно въ такомъ душевномъ еостояніи, то я... почти что, презиралъ бы его. Скажите, греческій или римскій юноша лишилъ-ли бы себя жизни *такъ* я *изъ-за такой причины*? Навѣрно, нѣтъ. О, они утѣли не поддаваться фантазерству въ любви, я во времена *Сократа* такую *ex erōtos katochē* (волинію отъ любви), доводящую до *ti tolmaîn para physin* (до лишенія себя жвапа) простили бы развѣ какой-нибудь дѣвченкѣ. Производить такихъ нелво-великихъ, презрѣнно-милыхъ оригиналовъ было предоставлено только нашему наво-европейскому воспитаеію, которое такъ отличо уявѣтъ превращать фвзическую потребность въ душевное совершенство. И такъ, любезный Гете, прибавьте въ концѣ еще маленькую главу, и тѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше“.

Лессингъ хотѣлъ очистить память своего молодого друга отъ „презрѣнной слабости“, которую взводилъ на него романъ,—для этого онъ издалъ сочиненія Іерузалема сына, съ предисловіемъ, въ которомъ изображалъ покойнаго, какъ человѣка съ мужественнымъ характеромъ и свѣтлой головой. Лессингъ такъ сильно возмущался „Вертеромъ“ Гете, что у него однажды мелькнула даже мысль развить эту тему съ здоровой мужественной точки зрѣнія: сохранился листокъ, на которомъ онъ набросалъ въ нѣсколькихъ строкахъ планъ первой сцены для драмы „*Werther, der besessene*“—„Вертеръ, болѣе достойный уваженія“.

Нѣтъ надобности доказывать, что Лессингъ былъ правъ въ своемъ недовольствѣ тенденціею, отразившеюся на „Вертерѣ“; онъ вѣрно предугадалъ, что романъ этотъ будетъ имѣть вредное вліяніе на молодежь, представляя въ идеальномъ свѣтѣ болѣзненное малодутіе своего героя.

Не былъ доволенъ Лессингъ и тѣмъ направленіемъ, какое получила драма въ періодъ „бурныхъ стремленій“. Онъ внушалъ уваженіе къ Шекспиру,—но молодежь, съ обыкновенною своею наклонностью доводить всякое чувство до крайностей, дошла въ энтузіазмѣ къ Шекспиру до нелѣпостей, и старалась какъ можно ближе подражать даже тому, что вовсе не важно въ Шекспирѣ и, скорѣе, составляетъ его недостатокъ, нежели достоинство: эксцентричность выраженій и другія особенности, объясняемый только вкусомъ вѣка, въ которомъ жилъ Шекспиръ, казались этимъ драматургамъ столько же драгоценными и необходимыми принадлежностями „геніальности“, какъ дѣйствительныя достоинства некспировыхъ драмъ. Тогда-то возникло понятіе о качествахъ поэта и его произведеній, извѣстное намъ по преданіямъ романтизма: только тотъ истинный поэтъ, кто растрепанъ, кто съ пренебреженіемъ смотритъ на людей, ведущихъ себя благоприлично, кто старается каждою строкою своихъ произведеній нюкировать разсудительныхъ

*) Лессингъ любилъ этого несчастнаго юношу.

людей. Это все называлось „тоніальностью“. Такія эксцентричныя замашки сильно не нравились Лессингу, который съотрѣлъ на искусство, какъ древній грекъ.

Молодежь инстинктивно предчувствовала, что Лессингъ не можетъ сочувствовать ея одностороннимъ излишествамъ, и если многіе изъ новыхъ дѣятелей литературы,—напримѣръ, Гердеръ и Лейбеницъ,—лично были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лессингомъ, то иные какъ-то чуждались его. Любопытное свидѣтельство послѣдняго оставилъ Гете о себѣ и своихъ лейпцигскихъ друзьяхъ въ своей автобіографіи. Весною 1768 года Лессингъ пріѣзжалъ въ Лейпцигъ,—Гете былъ тогда студентомъ Лейпцигскаго Университета (ему было 19 лѣтъ): „Вогъ знаетъ, что такое было у насъ тогда въ головѣ, рассказываетъ онъ:—намъ вздумалось не только не искать случая видѣть Лессинга, напротивъ, избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ могли бы мы встрѣтить его. Это временное дурачество, которое нерѣдко находитъ на самолюбивыхъ и капривныхъ юношей, было впоследствии наказано тѣмъ, что я уже никогда не имѣлъ случая узнать въ лицо этого великаго и чрезвычайно уважаемаго мною человѣка“.

Радуюсь вообще пробужденію свѣжихъ и могучихъ силъ, стремившихся вообще къ цѣлямъ, которыя были также и его цѣлями, Лессингъ замѣчалъ въ дѣятельности главныхъ людей молодаго поколѣнія и важныя ошибки, отъ которыхъ предвидѣлъ дурныя слѣдствія, — какъ то и исполнилось на дѣлѣ возникновеніемъ романтической школы: Шлегели, Тикъ и проч. произошли изъ односторонностей, которымъ поддались Гете, Гердеръ и ихъ друзья. Почему же онъ не боролся противъ этихъ уклоненій?

Борьба человѣка стараго поколѣнія противъ молодаго поколѣнія всегда бываетъ безуспѣшна, хотя бы этотъ человѣкъ и говорилъ правду. Историческія увлеченія не могутъ быть побѣждаемы въ самомъ началѣ своемъ отвлеченными разсужденіями, — только тогда они отвергаются обществомъ, когда они принеутъ плоды, по которымъ испытаетъ общество ихъ ошибочность и вредность. Съ успѣхомъ начать борьбу противъ увлеченій романтизма и фантазерства можно было только тогда, когда романтизмъ уже выказалъ, каковы послѣдствія этихъ наклонностей, являвшихся въ началѣ идеально-прекрасными, возвышенными и очаровательными,—уже только въ наши времена, а не въ 1770-тыхъ годахъ.

Чего невозможно сдѣлать, за то и не принимался Лессингъ. Духъ вѣка, всѣ живыя симпатіи націи, всѣ даровитые люди молодаго поколѣнія были бы противъ него, еслибъ онъ началъ борьбу противъ направленія, которое наложило свою печать на „Вертера“ и „Геца фонъ Берлихингена“. Напрасны были бы его усилія—а натура его была такова, что онъ не дѣлалъ ничего напраснаго. Не въ его характерѣ было бороться противъ новаго, онъ по природѣ своей былъ расположенъ только готовить его. А когда оно было приготовлено его трудомъ, когда онъ видѣлъ своихъ воспитанниковъ, которые были уже въ силахъ осуществить его мысль,—онъ уже терялъ охоту наблюдать за тѣмъ, чтобы эта мысль была во всѣхъ подробностяхъ исполнена именно такъ, какъ ему казалось лучше -- довольно того, что она исполняется—надобно же дать волю людямъ; нравственная опека,

предохраняя отъ ошибокъ, убиваетъ и энергію и разумъ, если будетъ простирается далѣе, нежели надлежитъ ей по закону природы. Въ историческомъ развитіи неизбежны увлеченія и сшибки—кто хотѣлъ бы непремѣнно воспрещать ихъ, воспрещалъ бы вмѣстѣ съ ними всякое развитіе, хотѣлъ бы убивать жизнь.

Натура Лессинга была такова, что работа становилась для него утомительна, какъ скоро онъ видѣлъ, что ова можетъ быть удовлетворительно исполнена другими, какъ скоро онъ чувствовалъ, что поставилъ вопросъ въ надлежащемъ свѣтѣ и вызвалъ людей для его разрѣшенія. Ему скучно стало писать для „Литературныхъ писемъ“, когда его трудами были уже достаточно приготовлены люди, могшіе продолжать это дѣло; и теперь, когда были приготовлены люди, могшіе продолжать дѣло, начатое его драмами, „Лаокоономъ“ и „Гамбургскою драматургіею“, ему скучно стало писать драмы и заниматься литературною критикою. Эти занятія утомили его, опротивѣли ему—много разъ онъ отказывался отъ всякихъ предложеній вновь заняться при томъ или другомъ театрѣ дѣломъ, которое столь блистательно исполнилъ при гамбургскомъ національномъ театрѣ; послѣ издашія „Эмилиі Галотти“, онъ во всѣхъ письмахъ говоритъ, что потерялъ всякое расположеніе и всякую способность писать драмы, и никогда уже ничего не думаетъ писать въ этомъ родѣ. Правда, черезъ нѣсколько лѣтъ написалъ еще драму, которая стоитъ выше всѣхъ прежнихъ, которую нѣмцы ставятъ выше всѣхъ произведеній самого Гете, кромѣ „Фауста“, — но она была внушена ему мыслями, уже совершенно чуждыми любви къ театру или желанію трудиться для искусства. У вей была другая цѣль.

Лессингъ усталъ работать — но только для тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ было теперь обезпечено. Не работать онъ не могъ. Мы знаемъ, что такое называется въ Сѣверо-Амервканскихъ Штатахъ колонистомъ „Дальняго Запада“—это человѣкъ, которому скучно жить и работать на тѣхъ заселенныхъ поляхъ, обработка которыхъ стала уже доступна силамъ cadaго; онъ уходитъ далеко за границы поселеній, въ невѣдомыя пустыни, прокладываетъ дорогу среди болотъ и лѣсовъ, поселяется одинокъ среди дикихъ звѣрей и враждебныхъ дикарей, прогоняетъ ихъ, очищаетъ землю отъ нихъ и открываетъ для цивилизаціи обширныя, обильныя области. Сколько битвъ выдержалъ онъ, сколько лишеній перенесъ онъ, сколько опасностей и затрудненій преодолѣлъ онъ!—Но вотъ, безопасенъ сталъ занятый имъ округъ, даетъ уже богатую жатву—тогда, привлеченные молвою, приходятъ по проложенной имъ дорогѣ толпы людей, селятся вокругъ него, привольно работаютъ, безъ всякихъ лишеній, въ безопасности начинаютъ веселую и сладкую жизнь. И онъ могъ бы наслаждаться всѣмъ, чѣмъ наслаждаются они,—именно ему больше всѣхъ и должно было бы наслаждаться, потому что все окружающее его благоденствіе возникло благодаря его предпримчивости, мужеству и силѣ. Но нѣтъ, ему уже скучно и противно жить на этомъ привольномъ, безопасномъ, роскошномъ мѣстѣ,—натура влечетъ туда, куда еще нѣтъ путей, гдѣ каждый шагъ соединенъ съ лишеніями, опасностями в борьбою. — и онъ, покидалъ спокойное село, опять идетъ въ пустыню, дальше и дальше, прокладывая путь цивилизаціи...

Таковъ былъ Лессингъ. Его трудами была открыта и очищена почва, на которой могла возникнуть богатая литература. Его дѣло было совершенно въ этой области. Онъ устремился къ завоеванію новыхъ областей для народной жизни.

Одинъ періодъ въ исторіи нѣмецкаго развитія былъ подготовленъ и вызванъ къ жизни его трудами. Онъ началъ работать для подготовленія слѣдующаго періода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Жизнь Лессинга въ Вольфенбюттелѣ.—Г-жа Кенигъ.—Препятствія къ браку.—Отношенія Лессинга къ Брауншвейгскому Двору.—Повѣдка въ Вину и путешествіе по Италіи.—Отношенія Лессинга къ тогдашнимъ нѣмецкимъ нравамъ.—Бракъ.—Кончина супруги.—Лессингъ изнемогаетъ.—Новый періодъ его литературной дѣятельности.—„Отрывки изъ Вольфенбюттельскаго Анонима“.—Борьба противъ обѣихъ враждующихъ между собою и съ католиками протестантскихъ партій.—Отрывки изъ полемическихъ статей.—Слѣдствія этой борьбы.—Отношенія Лессинга къ послѣдующей нѣмецкой философіи.—Отношенія къ нравственно-политическимъ наукамъ.—„Разговоры между Эрвстомъ и Фалькомъ“.—Общій характеръ дѣятельности Лессинга.—Его личный характеръ.

(1771—1781).

Новому періоду въ литературной дѣятельности Лессинга соотвѣтствовало измѣненіе характера и частной его жизни. До сихъ поръ, онъ былъ скитальцемъ и, едва основавшись въ одномъ городѣ, уже переѣзжалъ въ другой, чтобы также скоро покинуть его. Изъ Лейпцига переселялся онъ въ Берлинъ, изъ Берлина въ Виттенбергъ, изъ Виттенберга снова въ Берлинъ, изъ Берлина въ Бреславль, потомъ опять въ Берлинъ, потомъ въ Гамбургъ. Но, переселившись изъ Гамбурга въ Вольфенбюттелъ, онъ становится осѣлымъ человѣкомъ и живетъ въ этомъ городкѣ около одиннадцати лѣтъ, до самой своей смерти. Осѣлость не была у него слѣдствіемъ довольства Вольфенбюттелемъ; напротивъ, онъ постоянно и, какъ увидимъ, справедливо жаловался на положеніе своихъ дѣлъ и отношеній къ людямъ въ этомъ мѣстѣ. Не была она и слѣдствіемъ неподвижности, которая обыкновенно овладѣваетъ человѣкомъ, достигшимъ зрѣлыхъ лѣтъ: несмотря на то, что, поселяясь въ Вольфенбюттелъ, Лессингъ былъ уже не молодъ (въ 1770 году ему исполнилось сорокъ-одинъ годъ), онъ сохранилъ всю прежнюю пылкость характера и постоянно порывался переселиться изъ Вольфенбюттеля, то въ Вѣну, то въ Маннгеймъ. Но теперь онъ ужъ не могъ такъ беззаботно, какъ прежде, мнѣять немногое вѣрное, что имѣлъ, на совершенно невѣрное, чтобы совершенно съизнова, „съ-ничего“, начинать жизнь въ новыхъ отношеніяхъ. Прежде, не будучи связанъ ничѣмъ, онъ могъ поступать подобно своему дервишу Аль-Хафи (въ „Натанѣ Мудромъ“), который безъ котомки за плечами, только съ посохомъ въ рукѣ, идетъ съ Иордана на Гангесъ. Теперь, онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно.

Въ Гамбургѣ, изъ числа его знакомыхъ, самымъ близкимъ былъ не-гоціантъ Кенигъ, въ домѣ котораго собирались замѣчательнѣйшіе литераторы и ученые Гамбурга. Уѣзжая по торговымъ дѣламъ въ Австрію

лю, Кенигъ поручилъ свое семейство заботливости Лессинга. Лессингъ свято исполнялъ порученію друга. Черезъ нѣсколько времени, получено было извѣстіе, что въ Вееціи Кенигъ внезапно умеръ. Коммерческія дѣла его фирмы были, какъ обыкновенно, разстроены этимъ несчастіемъ. Теперь настало время доказать вполне искренность своей дружбы осиротѣвшему семейству. — Лессингъ, разумѣется, былъ не такой человѣкъ, чтобы измѣнить этой обязанности. Такимъ образомъ, онъ все болѣе и болѣе сближался съ г-жею Кенигъ, одною изъ образованнѣйшихъ и лучшихъ женщинъ своего времени. Она чувствовала признательность къ нему особенно за его нѣжную заботливость о ея дѣтяхъ. Дружба эта продолжалась болѣе года. Переселившись въ Вольфенбюттель, Лессингъ почувствовалъ, что дороже всего въ Гамбургѣ была для него г-жа Кенигъ. Осенью 1771 года, онъ поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы сказать ей о своихъ чувствахъ, и узнать, что она также сильно расположена къ нему. Они дали слово другъ другу, — но каждый изъ нихъ съ своей стороны прибавлялъ, что настоящее затруднительное положеніе его дѣлъ не позволяетъ ему вовлекать любимаго человѣка въ свои непріятности, и что, имѣя теперь согласіе на бракъ, онъ потребуетъ исполненія этого слова только тогда, когда устроить свои дѣла. Каждый изъ нихъ говорилъ, что затрудненія, которыми останавливается другой, вовсе не кажутся тяжелыми для него. Г-жа Кенигъ увѣряла, что бѣдность, которую она должна была бы теперь раздѣлять съ Лессингомъ, готова она переносить съ радостью, но не хочетъ обременять его своими дѣтьми, состояніе которыхъ теперь еще невѣрно. Лессингъ говорилъ, что всякія заботы и жертвы для ея дѣтей будутъ ему не обремененіемъ, а радостью, но что онъ не хочетъ заставлять терпѣть нужду любимую женщину. Оба они говорили правду, и доказали это впоследствии, — она дѣйствительно была совершенно довольна его скудными средствами къ жизни, онъ — заботился о ея дѣтяхъ съ такою же любовью, какъ мать. И тогда они были увѣрены въ искренности другъ друга. Но, будучи равно готовы на пожертвованія другъ для друга, равно не могли преодолѣть въ себѣ благородной деликатности, запрещавшей пользоваться этою готовностью, и рѣшились ждать того времени, когда препятствія, полагаемая взаимною деликатностью, будутъ устранены ихъ энергическими усиліями для устройства своихъ дѣлъ. Оба они думали, что каждый изъ нихъ скоро управится съ своими дѣлами, — но мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, и въ мучительныхъ хлопотахъ прошло около шести лѣтъ.

Это одно изъ тѣхъ положеній, которыя въ вымышленномъ разсказѣ казались бы натянутыми и неправдоподобными, какъ слишкомъ высокая идеализація чувствъ, но которыя нерѣдко встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, и въ хорошемъ, какъ въ дурномъ, далеко превосходящей границы поэтического правдоподобія, какъ то испыталъ на себѣ почти каждый. Лессингъ и г-жа Кенигъ, хорошо понимая другъ друга, знали одинъ въ другомъ невозможность поступить иначе, какъ упорно отказываться отъ предлагаемыхъ жертвованій, хотя бы то стоило отсрочки самаго драгоцѣннаго желанія. Ихъ привязанность другъ къ другу была чрезвычайно сильна, хотя, разумѣется, вовсе не имѣла саптинентальнаго оттѣнка, который не

только не былъ бы сообразенъ съ ихъ лѣтами, но и въ молодости былъ чуждъ ихъ характеру. Переписка ихъ сохранилась (они, поелѣ отъѣзда Лессинга въ Вольфенбюттель, до самой свадьбы видѣлись всего три-четыре раза,—дѣла удерживали ихъ вдали другъ отъ друга); въ ней нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какого нибудь нѣжничанья,—они даже не говорятъ другъ другу „ты“, но зато господствуетъ полное уваженіе и довѣріе другъ въ другу. Содержаніе и тонъ писемъ вообще таковы, какъ между старинными друзьями, которымъ нѣтъ ни нужды, ни охоты увѣрять другъ друга въ своихъ чувствахъ. Рѣчь идетъ о дѣлахъ, иредположеніяхъ, важныхъ и мелочныхъ событіяхъ жизни, но въ каждомъ словѣ видна самая нѣжная взаимная заботливость.

Со стороны Лессинга сила привязанности доказывается уже тѣмъ, что свои поступки онъ обыкновенно сообразуетъ съ мнѣніемъ г-жи Кенигъ. До сихъ поръ, никто никогда не имѣлъ вліянія на его образъ дѣйствій. Не только не слушалъ, но и не спрашивалъ онъ ни у кого совѣта, какъ поступить ему въ томъ или другомъ случаѣ. Мы видѣли, что важнѣйшіе шаги въ своей жизни онъ дѣлалъ, не считая нужнымъ заранѣе говорить о своихъ намѣреніяхъ даже самымъ близкимъ друзьямъ. Вейссе узналъ о его отъѣздѣ изъ Лейпцига въ Берлинъ,—иначе сказать, о рѣшимости бросить ученую карьеру для литературной,—потомъ Мендельсонъ узналъ о его отъѣздѣ изъ Берлина въ Бреславль,—иначе сказать, о его рѣшимости испытать, не лучше ли добывать себѣ средства къ жизни служебными, а не литературными занятіями,—только тогда, когда опустѣла квартира уѣхавшаго друга. Отношенія Лессинга къ г-жѣ Кенигъ были не таковы: онъ слушалъ ея совѣты, какъ ему поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ, потому что она совершенно понимала его характеръ, и одна изъ всѣхъ его друзей смотрѣла на вещи тѣми же самыми глазами, какъ онъ, но обладала большимъ житейскимъ благоразуміемъ, нежели онъ. Онъ слушался ея, потому что она не совѣтовала ему ничего, несогласнаго съ его правилами, какъ то дѣлали другіе, не имѣвшіе чрезвычайно щекотливаго чувства благородной гордости, какимъ отличался онъ. Подчиняясь вліянію г-жи Кенигъ, Лессингъ со времени своего переселенія въ Вольфенбюттель поступалъ въ своихъ отношеніяхъ съ людьми благоразумнѣе прежняго, и главнымъ образомъ ея совѣты удерживали его въ Вольфенбюттелѣ. Она доказывала ему, что трудно гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ найти человека, который такъ искренно расположенъ былъ бы къ нему, какъ наслѣдный принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, пригласившій его въ Вольфенбюттель и сохранившій съ нимъ постоянныя сношенія; что если кто нибудь, то скорѣе всѣхъ принцъ Фердинандъ можетъ дать ему положеніе, которымъ устранялось бы важнѣйшее препятствіе ихъ браку — недостаточность ередствъ Лессинга для семейной жизни.

Дѣйствительно, принцъ Фердинандъ былъ расположенъ къ Лессингу, и Лессингъ дѣлалъ все, что позволялъ его характеръ, для того, чтобы упрочить и улучшить свое положеніе въ Вольфенбюттелѣ. Г-жа Кенигъ также неутомимо хлопотала о приводеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ. И, однако же, около шести лѣтъ прошло прежде, нежели препятствія были устранены.

Такая медленность въ достиженіи цѣли, о которой заботилась г-жа Кенигъ, не имѣютъ ничего удивительнаго: привести въ порядокъ запутанныя и разстроеныя коммерческія дѣла — задача, требующая очень много времени. Но страшнымъ должно казаться, что Лессингъ, при благосклонности принца Фердинанда, такъ долго не могъ выйти изъ затрудненій, въ сущности ничтожныхъ: все дѣло состояло въ нѣсколькихъ лишний сотнѣхъ талеровъ жалованья, — этому желашю принцъ Фердинандъ, повидимому, могъ бы удовлетворить безъ всякихъ затрудненій, потому что жалованье, получаемое Лессингомъ по должности библіотекаря, дѣйствительно было скудно, и очевидно нуждалось въ увеличеніи; особенно странно покажется неисполненіе такого справедливаго желанія, когда мы скажемъ, что при Брауншвейгскомъ Дворѣ часто открывались должности, которыя желалъ получить Лессингъ и изъ которыхъ инья даже безъ всякой просьбы Лессинга предназначалось поручить ему. Но загадка эта очень легко объясняется тѣмъ, что мы уже знаемъ о Лессингѣ: у него былъ характеръ, съ которымъ никогда нельзя было возвыситься при тогдашнемъ нѣмецкомъ порядкѣ дѣлъ, когда все зависѣло отъ умѣнья пользоваться людьми. Гордому бѣдняку не поможетъ никакое благоразуміе, не поможетъ даже никакое благорасположеніе сильныхъ людей. Все, на что Лессингъ имѣлъ полное право, проходило мимо него, обиднымъ и тяжелымъ для него, незамѣтнымъ для принца Фердинанда образомъ, и годъ за годомъ шелъ, ни мало не улучшая его положенія. Утомительно было бы пересказывать всѣ эти мелкія неудачи и разочарованія. Скажемъ только о двухъ-трехъ случаяхъ, соединенныхъ съ единственнымъ біографическимъ фактомъ, о которомъ надобно упомянуть, говоря объ этомъ времени, — именно, съ поѣздкою Лессинга въ Италію.

Положеніе Лессинга въ Вольфенбюттелѣ было тяжело. Въ маленькомъ городкѣ скучно было бы ему, еслибъ даже не стѣснялся онъ недостаточностью своего жалованья. Онъ привыкъ жить въ Берлинѣ и Гамбургѣ, самыхъ большихъ и оживленныхъ городахъ тогдашней Германіи, центрахъ умственной дѣятельности всей страны; привыкъ проводить вечера въ большомъ и разнообразномъ обществѣ. Кромѣ того, и жалованье, получаемое Лессингомъ по должности библіотекаря, — всего 600 талеровъ, было незначительно. Поэтому, большою радостью для Лессинга было извѣстіе, что Іосифъ II, думая учредить въ Вѣнѣ Академію Наукъ, желаетъ знать, приметъ ли онъ мѣсто академика въ Вѣнѣ. Особенно пріятно это предложеніе было для Лессинга потому, что г-жа Кенигъ, по своимъ дѣламъ, тогда жила также въ Вѣнѣ. Но скоро обнаружилось, что намѣреніе Іосифа не одобряется Марією Терезією, которая не соглашалась терпѣть въ Вѣнѣ протестантскихъ ученыхъ, опасаясь за католическую религію, которой она была чрезвычайно предана. Однако же, Лессингъ бросилъ бы Вольфенбюттель, еслибъ не удержали его совѣты г-жи Кенигъ, предвидѣвшей, что въ Вѣнѣ Лессингъ не получитъ ничего. Дѣйствительно переговоры объ Академіи тянулись безъ всякаго результата, и наконецъ Іосифъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ то время, когда была еще нѣкоторая надежда, что проектъ основать Академію въ Вѣнѣ исполнится, Лессингъ былъ вызванъ изъ Вольфенбюттеля въ Брауншвейгъ принцемъ Фердинан-

домъ. Открылась вакансія брауншвейгскаго исторіографа, и наслѣдный принцъ, управлявшій государственными дѣлами по дряхлости царствующаго герцога, предложилъ Лессингу занять эту должность, съ сохраненіемъ должности библіотекаря въ Вольфенбюттелѣ. „Такимъ образомъ, ваше положеніе при нашемъ Дворѣ упрочится, прибавлялъ принцъ:—и притомъ, отъ васъ самихъ будетъ зависѣть, удовольствуетесь ли вы вашею ученою карьерою, или изберете себѣ другую“.—Этимъ словами принцъ очевидно выражалъ, что готовъ открыть Лессингу дорогу къ высокимъ государственнымъ почестямъ, какъ черезъ нѣсколько времени была она открыта для Гете герцогомъ Веймарскимъ. Не видно, чтобы Лессингъ желалъ или надѣялся быть министромъ; но по крайней мѣрѣ, несомнѣнно было, что онъ получаетъ мѣсто исторіографа, которое давало бы ему возможность начать семейную жизнь, о чемъ онъ такъ долго мечталъ. Но черезъ нѣсколько дней принцъ Фердинандъ уѣхалъ въ Потсдамъ, для свиданія съ Фридрихомъ II, въ службѣ котораго находился. Недѣли черезъ двѣ онъ хотѣлъ возвратиться,—но прожилъ въ Потсдамѣ около двухъ мѣсяцевъ. Дѣло Лессинга не двигалось впередъ. Принцъ возвратился—оно не двигалось впередъ; и наконецъ Лессингъ увидѣлъ, что не получить мѣста, которое безъ всякой просьбы съ его стороны вздумалъ было такъ положительно обѣщать ему принцъ. Его неудовольствіе было очеви сильно. Онъ хотѣлъ уѣхать изъ Вольфенбюттеля, и только совѣты г-жи Кенигъ удержали его.—„Я взбѣшенъ, писалъ онъ ей. — Безъ всякаго моего искательства призываютъ меня, даютъ мнѣ нѣжнѣйшія обѣщанія, —и потомъ—поступаютъ такъ, какъ будто ни о чемъ не было и помину. Два раза ѣздилъ я въ Брауншвейгъ; меня видѣли во дворцѣ, я спрашивалъ, въ какомъ положеніи мое дѣло. Отвѣта нѣтъ, или такой отвѣтъ, изъ котораго ничего не поймешь. Я воротился въ Вольфенбюттель и поклялся, что нога моя не будетъ въ Брауншвейгѣ, пока сами они не порѣшатъ этого дѣла. Лишь только я кончу свои начатые работы, которыхъ не могу кончить безъ Вольфенбюттельской библіотеки, ни что въ мірѣ не удержитъ меня здѣсь. Я думаю, что вездѣ могу найти то, что брошу здѣсь, — а если бы не нашелъ, то лучше буду просить милостыню подъ окнами, чѣмъ позволю поступать съ собою такимъ образомъ!“—Три мѣсяца Лессингъ не выходилъ изъ своей комнаты никуда, кромѣ библіотеки,—такъ велико было его негодованіе и его желаніе скорѣе кончить начатые работы, чтобы уѣхать изъ Вольфенбюттеля. Но г-жа Кенигъ доказала ему, что все-таки благоразуміе требуетъ остаться въ Вольфенбюттелѣ, пока нѣтъ въ виду ничего лучшаго, чѣмъ надежды на принца Фердинанда. „Со мною поступаютъ нестерпимо, отвѣчалъ Лессингъ г-жѣ Кенигъ: — и только ваше положительное запрещеніе могло удержать меня отъ необдуманнаго шага, рѣшиться на который я однако же каждую минуту чувствую искушеніе. И не долженъ ли я буду наконецъ сдѣлать его? Потому что, клянусь Богомъ, я не могу долѣе выносить этого“.—Черезъ полгода онъ пишетъ ей: „Четыре мѣсяца я, можно сказать, безвыходно сидѣлъ въ своемъ проклятомъ замкѣ. Только два раза ѣздилъ въ Брауншвейгъ, и то на нѣсколько часовъ, потому что далъ себѣ зарокъ не почевать въ Брауншвейгѣ *), гдѣ поступаютъ со мною (вы знаете,

*) Конечно для того, чтобы не быть обязаннымъ являться на придворные вечера.

о конѣ я говорю) невыносимо для меня; да и не сталъ бы я въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, ни за что въ мірѣ выносить этого. Потому я и не хочу подвергаться опасности встрѣтить его *). Въ январѣ будетъ годъ, какъ онъ самъ сдѣлать мнѣ это предложеніе, — до той поры я подожду, я потомъ напишу ему свое мнѣніе такъ горько, какъ навѣрное никто еще не писалъ ни одному изъ его собратій. Мнѣ ничего не остается, какъ только похорониться подъ своими книгами, чтобы, сколько можно, забыть всѣ мысли о будущемъ. Давно ужъ не писалъ я ни къ кому въ мірѣ, кронѣ васъ, мой другъ, — не отвѣчалъ ни братьямъ, ни матери, никому. Лучше всего было бы мнѣ разослать ко всѣмъ знакомымъ циркуляръ, чтобъ они считали меня умершимъ, потому что, мой другъ, я совершенно не въ силахъ писать“. Потомъ четыре мѣсяца не писалъ онъ и къ г-жѣ Кенигъ. Она успѣла однако же убѣдить его не ссориться съ Фердинандомъ, и не отказываться отъ Вольфенбюттельской должности, не имѣя въ виду ничего другаго. Такъ прошелъ еще годъ. Наконецъ, Лессингъ чувствовалъ, что долженъ хотя на время уѣхать изъ Вольфенбюттеля, чтобы сколько нибудь развлечься. Онъ взялъ отпускъ, и черезъ Берлинъ и Дрезденъ проѣхалъ въ Вѣну, гдѣ жила г-жа Кенигъ, — онъ хотѣлъ дожидаться совершеннаго окончанія ея дѣлъ, которыя были уже приведены въ порядокъ; потомъ они вступили бы въ бракъ и вмѣстѣ отправились бы въ Вольфенбюттель. Но едва прожилъ Лессингъ нѣсколько дней въ Вѣнѣ, какъ туда пріѣхалъ принцъ Брауншвейгскій Леопольдъ, думавшій сдѣлать путешествіе въ Италію, и сталъ просить Лессинга быть его спутникомъ. Отказаться отъ такого приглашенія значило бы разорвать всѣ связи съ Брауншвейгомъ, и Лессингъ долженъ былъ ѣхать, — такъ, противъ его воли, исполнилась давняя мечта его посѣтить Италію. Путешествіе длилось болѣе полугода, и въ началѣ 1776 года Лессингъ возвратился въ Вѣну, посѣтивъ вмѣстѣ съ принцемъ Леопольдомъ Венецію, Римъ и Неаполь. Между тѣмъ г-жа Кенигъ должна была, по своимъ дѣламъ, переѣхать изъ Вѣны въ Гамбургъ, и Лессингъ черезъ Дрезденъ и Каменецъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней съ матерью (отецъ его умеръ въ 1770 году), возвратился въ Вольфенбюттель. Дѣла, которыя г-жа Кенигъ хотѣла привести въ порядокъ прежде, нежели вступить во второй бракъ, приближались къ концу, и Лессингъ торопился устроить свое положеніе въ Вольфенбюттелѣ такъ, чтобы не замедлять свадьбы. Послѣ долгихъ переговоровъ, принцъ Фердинандъ прибавилъ ему 200 талеровъ жалованья, выдалъ 300 талеровъ, которые слѣдовало Лессингу получить въ счетъ жалованья еще за прежніе годы, далъ впередъ въ счетъ жалованья еще отъ 800 до 1.000 талеровъ и назначилъ болѣе просторную квартиру — изъ за этихъ жалкихъ вознагражденій тянулось дѣло около полугода. Наконецъ, Лессингъ имѣлъ въ рукахъ нѣсколько сотъ талеровъ, чтобы обзавестись домашнимъ хозяйствомъ на семейную ногу, назначена была ему и квартира, въ которой могъ онъ помѣститься съ женою и ея дѣтьми отъ перваго брака; все

*) Т. е. Фердинанда, потому что не удержался бы отъ упрековъ при встрѣчѣ съ нимъ.

было готово къ свадьбѣ; и 6-го октября 1776 года, Лессингъ прѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ жила г-жа Кенигъ, а черезъ два дня совершенно былъ обрядъ бракосочетанія, безъ всякой церемоніальности: Лессингъ не сдѣлалъ себѣ къ свадьбѣ даже новаго платья. Черезъ нѣсколько дней, также тихо, онъ ввелъ жену въ свой Вольфенбюттельскій домъ.

Эти немногіе примѣры довольно показываютъ, каково было положеніе Лессинга въ Вольфенбюттелѣ; а между тѣмъ брауншвейгеній Дворъ очень хорошо понималъ, какую честь приносить маленькой брауншвейгской землѣ то, что въ ней поселился писатель, которому удивляется вся Горманія. Принцъ Фердинандъ, всегда имѣвший большое вліяніе на дѣла, а въ послѣднее время управлявшій государствомъ лично, былъ расположенъ къ Лессингу: принцъ самъ пригласилъ его въ Вольфенбюттель, самъ потомъ предлагалъ открыть ему дорогу къ государственнымъ почестямъ; часто бесѣдовалъ съ нимъ дружески, бралъ у него читать различныя рукописи, защищалъ его, когда въ послѣдствіи изданіе одной изъ этихъ рукописей навлекло непріятности на Лессинга. Желанію Фердинанда сдѣлать что нибудь полезное для Лессинга доводило иногда до странныхъ споровъ, изъ которыхъ особенно любопытенъ одинъ: когда передъ свадьбою Лессингъ требовалъ прибавки жалованья, брауншвейгское правительство непремѣнно хотѣло, сверхъ денежныхъ наградъ, наградить его чиномъ гофъ-рата; Лессингъ, вообще не желая носить никакихъ титуловъ, не хотѣлъ принимать этого ранга, почетнаго въ нѣмецкомъ чиновначалии, и возникли жаркія пренія; наконецъ, доброжелательное правительство восторжествовало, и Лессингъ противъ воли принужденъ былъ сдѣлаться важнымъ чиновникомъ. Послѣ всѣхъ этихъ знаменъ благорасположенія, странно могло казаться, что нѣсколькихъ сотъ талеровъ, которые нужны были Лессингу, онъ долженъ былъ дожидаться нѣсколько лѣтъ, и до конца жизни оставался, съ житейской точки зрѣнія, въ незавидномъ положеніи. Но по отрывкамъ изъ писемъ, которые приведены выше, читатель видитъ уже, что это и не могло быть иначе. У принца Фердинанда было, конечно, много другихъ дѣлъ, кромѣ заботъ о Лессингѣ. Принцъ предложилъ ему мѣсто, потомъ, развлеченный болѣе важными дѣлами, вѣроятно, и забылъ о своемъ обѣщаніи. Лессингъ, какъ видимъ, не сказалъ самъ, или хотя бы черезъ кого нибудь другаго, ни одного слова, чтобы напомнить Фердинанду о его обѣщаніи. Мало того: очень можетъ быть, что кто нибудь другой сказалъ Фердинанду что нибудь, помѣнявшее исполненіе обѣщанія,—или похлопоталъ за какого нибудь другаго кандидата на мѣсто исторіографа, или намекнулъ принцу, что Лессингъ не доволенъ этимъ предложеніемъ; послѣднее было тѣмъ легче, что Лессингъ, конечно, принявъ предложеніе Фердинанда, не разсыпаясь въ выраженіяхъ своей радости и благодарности,—таково уже было его правило. Кромѣ того, вообще надобно сказать, что правила и образъ дѣйствій Лессинга совершенно не подходили къ тогдашнему порядку нѣмецкой жизни, тѣмъ менѣе годились для жизни въ придворномъ или аристократическомъ кругу. Уже одно дѣло о титулѣ гофъ-рата можетъ быть доказательствомъ тому, а такихъ анекдотовъ сохранилось довольно много, несмотря на скудость біографическихъ извѣстій о Лессингѣ. Все, что мы знаемъ о немъ, заставляетъ

полагать, что подобные случаи, при тогдашнихъ нѣмецкихъ нравахъ, представлялись ему ежедневно. Положительно намъ говорятъ его современники, что онъ чувствовалъ себя хорошо только въ кругу равныхъ ему людей,— сюда принадлежали также всѣ низшіе, потому что онъ обращался съ ними, какъ съ равными, и, дѣйствительно, не считалъ ихъ низшими себя. Мы уже упоминали, что съ своимъ слугою онъ обходится „какъ съ братомъ“, по выраженію его біографа. Ему пріятно было держать себя съ людьми низшаго званія такъ, чтобы они забывали разницу его и ихъ состоянія. Это относится не только къ общественному положенію, къ которому еще могутъ быть равнодушны люди, чувствующие, что главное право ихъ на общечеловѣческое уваженіе—умъ, талантъ или званіе (хотя и они рѣдко возвышаются до такого чувства), но и къ умственному превосходству, отказываться отъ котораго гораздо труднѣе: Лессингу несносно было затмѣвать своего собесѣдника, тяжело было даже, когда начинался ученый или литературный споръ, одерживать верхъ надъ своимъ собесѣдникомъ. Онъ старался, противъ обыкновеннаго правила всѣхъ споровъ, не доказывать, что его противникъ ошибается, а напротивъ, придавать его словамъ самый разумный смыслъ, объяснять ихъ такъ, чтобы они какъ можно ближе подошли къ истинѣ: собесѣдникъ его, мало-по-малу принуждаемый исправлять свое ошибочное мнѣніе, самъ не замѣчалъ того, что исправляетъ свои прежнія слова, при помощи Лессинга: ему казалось, напротивъ, что Лессингъ во всемъ или почти во всемъ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Это не было только слѣдствіемъ рѣдкой мягкости обращенія, которою отличался Лессингъ, по словамъ всѣхъ знавшихъ его: тутъ было и нѣчто другое, именно, желаніе не унижить, а возвысить своего собесѣдника въ глазахъ присутствующихъ. потребность явиться не высшимъ, а только равнымъ ему. Такой характеръ никогда не поведетъ къ особенно выгодной житейской обстановкѣ, но по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ неумѣстнымъ, напримѣръ, въ нынѣшней Франціи или въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ: а въ Германіи XVIII вѣка, онъ совершенно протинорѣчилъ всему заведенному порядку общежитія. Въ Лессингѣ жила иная душа, не мало не подходившій подъ норму нѣмецкихъ отношеній того времени, и это чувствовалось всѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Не то, чтобы онъ нарушалъ канія нибудь формы общежитія.—напротивъ, онъ соблюдалъ ихъ, какъ только можетъ соблюдать человѣкъ мѣлкого, непріязательнаго характера, желающій въ частной жизни одного только—добрыхъ отношеній со всѣми окружающими. Не то, чтобы онъ высказывалъ канія нибудь мнѣнія, несогласныя съ тогдашнимъ порядкомъ гражданского устройства въ Германіи: напротивъ, въ его письмахъ къ друзьямъ, нѣтъ ничего относящагося къ современнымъ государственнымъ событіямъ или къ какимъ бы то ни было политическимъ теоріямъ; сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, и разговоры его не касались этихъ предметовъ.

Да еслибъ и не дошло до насъ извѣстій о томъ, каніе вопросы были любимыми предметами разговоровъ Лессинга, всякій, знакомый съ его сочиненіями и перепискою, могъ бы быть увѣренъ, что гражданскія отношенія и государственное устройство не были въ числѣ этихъ предметовъ: къ

какимъ бы отращиванъ умственной дѣятельности ни влекли его собственныя наклонности, но говорилъ и писалъ онъ только о томъ, къ чему была устремлена или готова была устремиться умственная жизнь его народа. Все, что не могло имѣть современнаго значенія для націи, какъ бы ни было интересно для него самого, не было предметомъ ни сочиненій, ни разговоровъ его. Приведемъ одипъ примѣръ. Безъ всякаго сомнѣнія, если былъ въ Германіи до Канта человекъ, не менѣе одаренный природою для философіи, то это былъ Лессингъ. Самъ Лейбницъ, при всей своей геніальности, при всей своей привычкѣ къ математическому методу, далеко не имѣлъ той необычайно строгой діалектики, той способности опредѣлительно созерцать понятія и точно отличать ихъ другъ отъ друга, какою постоянно удивляетъ своего читателя Лессингъ. Не даромъ Лессингъ особенно любилъ Аристотеля.—онъ былъ родствененъ стагириту по названнымъ нами качествамъ. Прибавимъ, что и та особенность въ ходѣ мысли, которая у немногихъ мыслителей была такъ сильна, какъ у Лессинга,—эта неудержимая наклонность отъ частнаго вопроса переходить въ область общихъ соображеній, каждый фактъ возводить къ основнымъ принципамъ науки, въ паденіи яблока видѣть законъ тяготѣнія, постоянно съ необычайною силою влекла Лессинга отъ специальныхъ вопросовъ частныхъ наукъ въ сферу философскаго созерцанія. Если былъ когда нибудь человекъ, по устройству головы предназначенный для философіи, то это былъ Лессингъ. А между тѣмъ, онъ почти ни одного слова не написалъ собственно о философіи, ни одной страницы не посвятилъ ей въ своихъ сочиненіяхъ, и въ письмахъ своихъ говорить о ней почти только съ Мендельсономъ, да и то только въ отвѣтъ на вопросы, затрогиваемые Мендельсономъ, ограничиваясь тѣмъ, что нужно было для Мендельсона. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лично онъ самъ, наперекоръ своей натурѣ, такъ мало интересовался философіею? Напротивъ: онъ выдалъ намъ, чѣмъ была занята лично его мысль, когда чертилъ на дачѣ Глейма классическое „*hen kai pan*“ (единое и все)—а между тѣмъ, онъ толковалъ съ Глеймомъ о его „пѣсняхъ Гренадера“, и его поэмѣ „Халладать“. Дѣло въ томъ, что не время еще было чистой философіи стать живымъ средоточіемъ нѣмецкой умственной жизни,—и Лессингъ молчалъ о философіи; умы современниковъ были готовы оживиться поэзією, а не были еще готовы къ философіи,—и Лессингъ писалъ драмы и толковалъ о поэзіи. Не тяжелое ли самоотреченіе было это съ его стороны? Съ перваго взгляда, можетъ показаться такъ. Тому, въ комъ есть философскій духъ и кто разъ увлекся въ область философіи, трудно оторваться отъ ея великихъ вопросовъ для мелочныхъ, сравнительно съ ними, вопросовъ частныхъ наукъ, и если эти науки имѣютъ для него какую нибудь занимательность, то обыкновенно только ради отношеній своихъ къ задачамъ философіи. Но для натуръ, подобныхъ Лессингу, существуетъ служенію, болѣе милое, нежели служеніе любимой наукѣ,—это служеніе развитію своего народа. И если какой нибудь „Лаокоонъ“ или какая нибудь „Гамбургская Драматургія“ приходится болѣе на пользу націи, нежели система метафизики или оптологическая теорія, такой человекъ молчитъ о метафизикѣ, съ любовью разбирая литературные вопросы, хотя съ абсолютной научной точки зрѣнія

Виргилісва „Энеида“ и Вольтерова „Семирамида“ —предметы мелніе и почти пустые для ума, способнаго созерцать основные законы челоѣческой жизни.

Какъ молчалъ Лессингъ о философіи, точно также молчалъ онъ и о вопросахъ государственной жизни, — потому что умы его современниковъ были еще слишкомъ слабы для того, чтобы возбуждаться къ жизни философіею или государственными науками. Живымъ вопросомъ эпохи до сихъ поръ была для Германіи литература. Лессингъ служилъ ей, и молчалъ о томъ, что не нужно еще было той эпохѣ. Не дѣлая ничего на половину, онъ, если молчалъ, то уже молчалъ. Безъ случайнаго разговора съ Якоби, случайно вызваннаго самимъ Якоби, который и не предчувствовалъ, что съ Лессингомъ можно говорить объ этомъ, и который также случайно вздумалъ сдѣлать этотъ разговоръ эпизодомъ одного изъ своихъ сочиненій, мы только по догадкамъ могли бы судить о томъ, каковъ былъ хотя главный принципъ философской системы, таившейся въ мысли Лессинга—ни въ сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ самого Лессинга мы не имѣли бы ясныхъ указаний даже на этотъ принципъ (не говоримъ уже о подробностяхъ системы, до нынѣ остающихся мало извѣстными), —и никто изъ знакомыхъ Лессинга не могъ припомнить, чтобы имѣлъ съ нимъ разговоръ, подобный записанному у Якоби.

Точно также, Лессингъ почти ничего не писалъ и почти никогда не говорилъ о гражданскихъ отношеніяхъ,—почти все, что мы знаемъ положительнаго относительно его понятій объ этихъ предметахъ, основывается на нѣкоторыхъ страницахъ его „Разговоровъ между Эрнстомъ и Фалькомъ“. изданныхъ уже подъ конецъ его жизни, на двухъ-трехъ фразахъ, случайно попавшихся ему подъ перо въ перепискѣ съ друзьями, на нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ двумя или тремя изъ друзей, писавшихъ о немъ. Только въ послѣдніе годы своей жизни онъ увидѣлъ, что нѣмцы могутъ интересоваться наукою государственнаго устройства; до того времени, говорить объ этихъ вопросахъ ему казалось преждевременно. нѣмецкая нація казалась ему еще недостаточно приготовленной, чтобы живо заниматься теоріями гражданского общества, и онъ молчалъ. Но когда убѣжденія челоѣка составляютъ его натуру, а не бывають мнѣніями, принадлежащими только головѣ и не совпадающими съ его характеромъ, вся личность такого челоѣка, какъ бы, повидимому, ни сообразовался онъ съ обычаями, внушаетъ людямъ, имѣющимъ съ нимъ сношенія, тоже самое чувство, какое внушали бы его мысли, которыхъ они не знаютъ и, быть можетъ, не предугадываютъ. Въ Брауншвейгѣ, никто не предполагалъ, чтобы Лессингъ думалъ что нибудь особенное о порядкѣ дѣлъ, существовавшемъ въ Германіи его времени. Но всѣ инстинктивно чувствовали, что Лессингъ, какъ челоѣкъ, не приходится къ этому порядку, противъ котораго онъ, повидимому, ничего не имѣетъ даже въ мысли, не только не возстаетъ на дѣлѣ. Никто не могъ указать, почему бы онъ не годился для придворной жизни въ Брауншвейгѣ или какомъ бы то ни было другомъ нѣмецкомъ владѣніи: овъ соблюдалъ обычный этикетъ, онъ соблюдалъ обычаи обращенія, какія господствовали относительно каждаго ранга; онъ одобрялъ, повидимому, все, что могъ одобрять каждый благоразумный челоѣкъ, онъ меньше, нежели

кто-нибудь, говорилъ о злоупотребленіяхъ и недостаткахъ. — и однако же, всѣ чувствовали, что онъ вообще не подходитъ къ той сферѣ, въ которой живетъ такъ мирно, которою, повидимому, доволенъ точно также. какъ и всѣ. Потому-то, при всемъ своемъ расположеніи къ Лессингу, принцъ Фердинандъ и не могъ ничего сдѣлать для Лессинга.

Вступивъ въ бракъ съ г-жею Кенигъ, Лессингъ и не желалъ никакого измѣненія къ лучшему въ своихъ обстоятельствахъ. Глубокая симпатія, существовавшая между мужемъ и женою, дѣлала ихъ счастливыми. Люди, посѣщавшіе Лессинга въ это время, не могли говорить безъ восторга о характерѣ и качествахъ г-жи Лессингъ, и о тихой жизни въ ихъ домѣ. Осталось любопытное письмо Шпиттлера, впоследствии сдѣлавшагося знаменитымъ историкомъ. Онъ въ 1777 году, готовясь начать свою ученую карьеру, прожилъ нѣсколько времени въ Вольфенбюттелѣ, занимаясь въ тамошней библіотекѣ, и каждый день бывалъ у Лессинга.

„Я пробылъ въ Вольфенбюттелѣ около трехъ недѣль, авсагъ Шоптлеръ Мейзею, который не принадлежалъ къ числу друзей Лессинга:— „это были три счастливейшія и поучительнѣйшія недѣли въ моей жизни. Не знаю, знакомы ли вы лично съ Лессингомъ. Увѣряю васъ, это величайшій другъ человечества, сиясходительнѣйшій ободритель всякаго званія. Незамѣтно, съ нимъ сближаешься до того, что неизбежно забываешь, съ какимъ великимъ человекомъ говоришь. Если бы возможно было найти въ конѣ вѣдѣ больше любви къ людямъ, болѣе искренней готовяости сдѣлать добро каждому, то развѣ въ его сюрругѣ. Я не надѣюсь никогда въ жизни встрѣтить другую такую женщину. Безысусуственная доброта ея сердца, вѣчно аознаго кроткнвѣ спокойствіи, сообщается очаровательнѣйшею сннвнгіею всѣмъ, кто ннѣтъ счастье находпгся въ ея обществѣ. Знакомство съ этою женщиною высокаго благородства *) безконечно возвысило моея понятія о женщинахъ“.

Во кратокъ былъ счастливый періодъ въ жизни Лессинга: черезъ годъ, жена его умерла отъ родовъ, послѣ тяжелыхъ страданій. Вотъ отрывки писемъ, сохранившихся отъ времени страшнаго удара, которымъ приблизилась могла и для самого Лессинга,—писемъ изъ этого времени, исполненнаго переходовъ отъ радости въ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ надежды къ нравственному оцѣпенію при роковомъ ударѣ.

(Къ Эшенбургу, 3 января 1778 г.). „Пожалю минуту, когда жена моя лежать совершенно безъ памяти, чтобы благодарить Васъ за Ваше доброе участіе. Моя радость была коротка. Грустно мнѣ было терять сына—но онъ былъ слишкомъ уменъ,—онъ не хотѣлъ рождаться на свѣтъ,—желѣзными щипцами заставляли его явиться въ жизнь: онъ чувствовалъ, какъ гнусна жизнь, и разстался съ нею... Но онъ увлечетъ за собою и мать свою. Мало мнѣ надежды сохранить ее. Вздумаю я: дай же, я буду ннѣтъ радость въ жизни, какъ другіе люди. Но дурно пришлось мнѣ счастье. Ich wollte es auch einmal so gut haben, wie andere Menschen. Aber es ist mir schlecht bekommen.

(5 января, къ брату). „Четырнадцать печальнѣйшихъ дней въ моей жизни прожилъ я. Была мнѣ опасность потерять жену, потеря которой горько отравила бы весь остатокъ моей жизни. Она родила мнѣ хорошенькаго мальчика, здороваго и бодрого. Но онъ прожилъ только двадцать часовъ,—онъ не веревесъ жестокой операція,—для онъ мало радости ожидать отъ пиршества жизни, къ которому ваенльно пригласили

*) Шпиттлеръ выражается еще сильнѣе: dieser grossen Frau.— „этою великою женщиною“.

его?... Мать лежала безъ памяти цѣлыхъ девять пли десять дней, и каждый день, каждую ночь нѣсколько разъ прогоняли меня отъ ея постели, говоря, что мой вѣдь только дѣлаетъ тяжелье послѣднюю минуту ея. Потому что она я въ безпаятствѣ узнавала меня. Наконецъ, миновался кризисъ ея болѣзни, и съ третьяго дня я вѣрно надѣюсь, что сохравю ту, жизнь которой съ каждымъ часомъ становится необходимо мнѣ.

(7 января, къ Эшевбургу). „Должно быть, трагическое письмо написалъ я вамъ: не помню, что я писалъ. Стыжусь, если въ немъ было отчаяніе... Надежда на выздоровленіе моей жены опять ослабѣваетъ; я теперь надѣюсь только того, что скоро опять можно будетъ надѣяться.

(Эшенбургу, 10 января). „Жена моя умерла. И этотъ опытъ не мвновалъ меня. Радуюсь я, что ужъ не остается мнѣ такихъ опытовъ, и мнѣ легко...

(Брату, 12 января). „Моя жена умерла. Еслибъ ты ее аявлъ!.. Не буду вичего говорить о ней. Не, еслибъ ты ее зналъ“!..

Слишкомъ черезъ полгода, въ сентябрѣ 1778, онъ пишетъ Элизѣ Реймарусъ, подругѣ своей покойной жены:

„О, какъ часто готовъ я бываю проклинать то, что хотѣлъ быть счастливымъ, какъ другіе люди! Но я слишкомъ гордъ, чтобы считать себя несчастнымъ; я скрежешу зубами в оставлю мой челнокъ плыть, какъ хотять вѣтеръ и погода. Довольно того, что я самъ не хочу оорокнуть его“...

Смерть жены нанесла рѣшительный ударъ самому Лессингу. Онъ подряхлѣлъ, казался утомленнымъ, сдѣлался задумчивъ до разсѣянности. Часто въ обществѣ, когда кругомъ шелъ живой разговоръ, въ которомъ прежде онъ былъ бы самымъ живымъ участникомъ, онъ ендѣлъ, до того задумавшись, что казался дремлющимъ, и вдругъ, какъ бы очнувшись, спрашивалъ: „ну, что же такое“? Здоровье его быстро разрушалось. Лѣтомъ 1779 года онъ часто былъ боленъ такъ, что лежалъ въ постели. На слѣдующую зиму (1779—1780) здоровье его было еще хуже. „Эта зима очень печальна для меня, писалъ онъ въ концѣ ея: — изъ одной болѣзни я впадаю въ другую; ни одна изъ нихъ не смертельна, но каждая мѣшаетъ мнѣ владѣть моими душевными силами“. Лѣто не поправило его здоровья.

Но именно къ этимъ послѣднимъ тремъ годамъ жизни Лессинга, когда онъ, сокрушенный потерей жены, изнемогалъ тѣломъ, и жаловался, что отъ болѣзней изнемогають и духовныя силы его, относится самая сильная и блистательная дѣятельность его, какъ писателя. Всѣ прежшія побѣды его, какъ мыслителя, затмѣваются его послѣднимъ торжествомъ, всѣ ирежшіе его поэтическія произведенія далеко уступаютъ въ художественномъ достоинствѣ и историческомъ значеніи его послѣдней драмѣ.

Начался уже блистательный періодъ нѣмецкой литературы, подготовленный его трудами. Воспитавъ поэтовъ и критиковъ для своего народа, уннѣвъ людей, способныхъ продолжать его литературное дѣло, онъ уступилъ имъ дальнѣйшую разработку очищенной и вспаханной имъ почвы, и пошелъ далѣе съ своимъ плугомъ, принялся очищать и вспахивать новую мѣстность, на которую должна была перенестись послѣ литературной области жизнь нѣмецкаго народа. За Гердеромъ и Гете должны были явиться руководителями нѣмецкаго народа въ историческомъ движеніи Кантъ в Фихте, за поэзією философія. И тутъ, первымъ челоѣкомъ былъ Лессингъ. Приготовивъ періодъ поэзіи, онъ занялся трудами, которые приготовили пері-

одъ философіи. За совнаніемъ единства по племени должно было слѣдовать въ нѣмецкомъ народѣ водвореніе единства въ общихъ убѣжденіяхъ,—положивъ основаніе первому, Лессингъ теперь полагалъ основаніе второму. И на сколько второй періодъ былъ выше перваго по историческому содержанию, на столько же труднѣе и блистательнѣе было его приготовленіе, совершаемое теперь Лессингомъ.

Такъ оканчивали мы предъидущую главу. Въ началѣ этой мы упомянули о фактѣ, который повидимому находится въ странномъ противорѣчій съ мыслью о приготовленіи Лессингомъ философскаго періода въ умственной жизни Германіи: Лессингъ почти ничего не писалъ по собственно такъ называемой философіи, и метафизическая система его (да и то только въ общемъ очеркѣ) положительно сдѣлалась извѣстна уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, изъ случайно напечатаннаго другимъ ученымъ воспоминанія о случайномъ разговорѣ съ нимъ. И однакожъ, дѣйствительно это было такъ: человекъ, не писавшій чисто философскихъ сочиненій, дѣйствительно положилъ своими сочиненіями основаніе всей новой нѣмецкой философіи.

Начиная эту біографію, мы сказали, что хотимъ представить эпизодъ изъ исторіи нѣмецкой литературы, а не изъ исторіи нѣмецкой философіи или теологіи, что безмѣрно расширило бы объемъ нашего очерка, и безъ того уже слишкомъ длиннаго. И здѣсь, мы коснемся философско-теологической дѣятельности Лессинга только вскользь, на сколько это нужно, чтобы дополнить изображеніе личности Лессинга. О самомъ предметѣ его теологической полемики мы не будемъ говорить ничего, и расскажемъ только чисто біографическіе факты, и то какъ можно короче.

Издавая различныя рукописи, найденныя имъ въ Вольфенбюттельской бібліотекѣ, Лессингъ, между прочимъ, началъ печатать отрывки изъ сочиненія, авторъ котораго былъ въ то время неизвѣстенъ и которое имѣло предметомъ своимъ евангельскую и отчасти Ветхозавѣтную исторію. Сочиненіе это, принадлежавшее, какъ впоследствии открылось, извѣстному натуралисту и врачу Реймарусу, жившему въ Гамбургѣ и умершему около того времени, когда Лессингъ поселился въ Гамбургѣ, было написано въ духѣ англійскихъ деистовъ XVIII вѣка, враждебномъ христіанству. Написано оно было съ такою ученостью, что далеко превосходило въ научномъ отношеніи не только поверхностныя теологическія сочиненія Вольтера, но и англійскихъ деистовъ, изъ которыхъ заимствовалъ свою ученость Вольтеръ. Въ рукописи, оно извѣстно было нѣсколькимъ лицамъ и распространялось все болѣе и болѣе. Англійскій деизмъ, проникавшій въ Германію черезъ протестантскихъ богослововъ, и французскій вольтеріанизмъ, находившій себѣ послѣдователей и въ Германіи, какъ повсюду, между людьми свѣтскаго образованія, приготовляли читавшихъ эту рукопись къ тому, чтобы безусловно соглашаться съ мнѣніями автора. Протестантскіе и католическіе богословы, оставшіеся вѣрными символамъ своихъ исповѣданій, писали множество возраженій противъ Вольтера и англійскихъ деистовъ, но рукописи Реймаруса они не касались, и потому человекъ, знавшій ее, естественно приходилъ къ мысли, что мнѣнія, изложенныя Реймарусомъ съ большею ученою силою и полно-

тою, нежели какимъ нибудь другимъ противникомъ христіанства. остаются неопровержимы: „Вы опровергаете Вольтера и Толанда, думалъ онъ:—что жъ изъ этого? есть другое сочиненіе, гораздо болѣе ученое, нежели Вольтеръ и Толандъ, и, вѣроятно, оно неопровержимо, если вы молчите о немъ“.

Лессингъ думалъ вовсе не такъ. Онъ вовсе не считалъ мнѣнія Реймаруса справедливыми,—издавая отрывки изъ его рукописи, онъ снабжалъ каждый отрывокъ предисловіемъ, въ которомъ подробно объяснилъ, въ чемъ и какъ ошибался Реймарусъ, и доказывалъ, что на предметъ разысканій Реймаруса надобно смотрѣть совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели какъ смотрѣли деисты. Зачѣмъ же онъ издавалъ рукопись, выводы которой самъ признавалъ ошибочными? — у него были на то свои причины. Умственная жизнь его націи готовилась отъ литературныхъ вопросовъ перейти къ ученымъ, и изъ нихъ прежде всего и больше всего заняться теологическими (дѣйствительно, во всей послѣдующей нѣмецкой философіи важнѣйшая сторона—та, которая имѣетъ отношеніе къ теологіи). Натура Лессинга требовала, чтобы онъ пригото­вилъ націю къ этому новому перѣходу, подалъ бы свой рѣшительный голосъ, который бы и очистилъ поприще для слѣдующихъ трудовъ, и далъ бы имъ точное направленіе. Въ протестантской Германіи приготовлялось развитіе философіи; эта философія должна была имѣть главнымъ предметомъ своимъ теологическіе вопросы,—и Лессингъ началъ говорить о протестантской теологіи, въ которой были тогда двѣ враждебныя школы: старо-лютеранская и раціоналистская.

Какъ ученый, Лессингъ не былъ доволенъ мнѣніями лютеранскихъ богослововъ, слѣпо повторявшихъ каждое слово Лютера и не обращавшихъ вниманія на успѣхи наукъ и цивилизаціи; ему казалось, что они своею закоснѣlostью въ понятіяхъ, которыхъ не сталъ бы защищать самъ Лютеръ, если бы жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка, вредятъ и дѣлу протестантизма и успѣхамъ нѣмецкаго развитія. Еще менѣе былъ онъ доволенъ Вольтеромъ, его учителями, англійскими деистами и послѣдователями Вольтера и англійскихъ деистовъ въ Германіи. Ему казалось, что мнѣнія этихъ нововводителей не послѣдовательны, и не могутъ выдержать строгой научной критики. Какъ человѣкъ жизни, онъ, кромѣ ученыхъ побужденій не соглашаться ни съ протестантскими богословами, повторявшими Лютера, ни съ нововводителями, имѣлъ и другія, болѣе живыя причины желать, чтобы оба эти враждующія направленія уступили мѣсто другому, болѣе основательному взгляду, который господствовалъ въ первобытной христіанской церкви.

Реформа Лютера, принесшая много пользы и католической и протестантской Европѣ, имѣла также и свои вредныя слѣдствія для историческаго развитія, которыя особенно тяжело легли на Германію, и въ XVII и XVIII вѣкахъ оказывались уже чрезвычайно пагубными для благосостоянія нѣмецкаго народа. Реформа Лютера раздѣлила Германію на двѣ половины. католическую и протестантскую; этимъ враждебнымъ раздѣленіемъ отнималась всякая возможность національнаго единенія; оно было сильнѣйшимъ препятствіемъ къ національному единству. Съ этой точки зрѣнія, обѣ партіи протестантской теологіи, о которыхъ мы говорили, равно были виноваты: обѣ онѣ одинаково были враждебны католичеству, обѣ одинаково отталкивали;

пристрастными насмѣнками надъ католичествомъ почти половину нѣмецкаго народа отъ сочувствія образованныхъ стремленіямъ другой половины, потому что при всякомъ случаѣ кололи католикамъ глаза такъ называвшимся на ихъ языкѣ „католическимъ суевѣріемъ“. Цивилизація и національное единство представлялись нѣмецкимъ католикамъ чѣмъ-то враждебнымъ, потому что представлялись чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ лютеранскими предубѣжденіями противъ нихъ самихъ.

Лессингъ рѣшился провозгласить и доказать, что долженъ быть другой взглядъ, при которомъ исчезла бы вражда между католиками и протестантами. Такъ какъ непосредственно онъ имѣлъ дѣло съ протестантскою половиною Германіи, то онъ занялся преимущественно протестантскими предубѣжденіями, и предпринялъ дѣло, которое смутило своимъ величіемъ обѣ протестантскія партіи и послужило залогомъ примиренію католиковъ съ протестантами, и основаніемъ новой науки.

Тѣмъ протестантскимъ теологамъ, которые закоснѣли во мнѣніяхъ Лютера, онъ началъ говорить: „Оружіемъ Лютера вы можете бороться только съ католиками; но есть у васъ другіе, гораздо болѣе сильные противники, отъ которыхъ не защититъ васъ Лютеръ; эти противники — деисты. Вы думаете, что успѣшно опровергаете ихъ нападенія доказательствами, которыя были удовлетворительны для борьбы съ католиками. Вы ошибаетесь; напротивъ, вы отдаетесь имъ въ руки беззащитными: не послужатъ вамъ въ пользу аргументы, годные противъ католиковъ — напротивъ, всѣ эти аргументы обращаются противъ васъ деистами. Вы уже безсильны противъ Толанда и Вольтера, противъ Михаэлиса и Землера, и эта битва, которой вы теперь уже не можете выдерживать, еще ничтожна въ сравненіи съ тѣми, которыя вскорѣ должны начаться противъ васъ: теперь вы имѣете дѣло еще только съ одними застрѣльщиками, съ одною легкою конницею — за нею двинутся на васъ плотныя колонны строевой пѣхоты съ тяжелою артиллеріею — безсильные при всемъ напряженіи вашихъ силъ въ авангардномъ дѣлѣ, какъ устоите вы въ генеральной битвѣ? Вы воображаете, что всѣ силы противниковъ выставлены противъ васъ Вольтеромъ, Толандомъ и Михаэлисомъ: нѣтъ, деизмъ выведетъ противъ васъ людей, гораздо болѣе сильныхъ и искусныхъ. Вы думаете, что мои предсказанія — робость или обманъ? — вотъ вамъ доказательство, что это будетъ такъ: я издаю отрывки изъ рукописи, которая ходитъ по рукамъ въ протестантской Германіи, — рукописи, о которой до сихъ поръ вы не хотѣли подумать: сравните эти отрывки съ тѣмъ, что казалось вамъ до сихъ поръ замѣчательнѣйшимъ между сочиненіями деистовъ, — вы увидите, что передъ этимъ неизвѣстнымъ авторомъ ея Вольтеръ не болѣе, какъ шаловливый школьникъ, Михаэлисъ — не болѣе, какъ трусливый заяцъ. Лисица и волкъ были сильнѣе васъ — трудно ли будетъ растерзать васъ льву? Но и онъ — не послѣднее слово, не сильнѣйшій ратникъ деизма. Вы дождетесь того, что новыя поколѣнія воспитаютъ еще сильнѣйшихъ. Одна возможность вамъ побѣдить этихъ новыхъ противниковъ лютеранства: мнѣніи Лютера не защититъ вамъ противъ деистовъ; попробуйте защищать ученіе Христа, проповѣданное рыбакамъ и младенцамъ, и это ученіе защититъ васъ. Оно недоступно никакимъ на-

смѣшкамъ остроумія, никакимъ возраженіямъ учености. Оружіе враговъ опустится передъ учешемъ Христа, и они назовутъ васъ братьями своими, и благословятъ васъ. Но помните, что „тою мѣрою, которою мѣрите вы, будетъ возмѣрено вамъ“, по учешю Христа: то, что деисты возстаютъ противъ васъ, есть только слѣдствіе того, что вы сами возстаете противъ всѣхъ христіанъ, не признающихъ, подобно вамъ, каждое слово Лютера за кепогрѣшительное, — напримѣръ, противъ католиковъ. Вы ругаетесь надъ ними — и деисты поругались и поругаются надъ вами; вы устремляете всѣ силы ваши на то, чтобы уничтожить ихъ — и деисты уничтожаютъ васъ. Вы поднимаете ножъ противъ собратій вашихъ — помните же, что Христосъ сказалъ: „всякій, поднимающій ножъ, ножомъ погибнетъ“. Если вы хотите, чтобы проклятія противъ васъ обратились въ благословленія, сами „благословляйте, а не кляните“ — благословлять, а не клясть училъ Христосъ.

„Оставленія вражды противъ католиковъ требуетъ отъ васъ благоразуміе, говорилъ Лессингъ оротеставтскія богослованъ, оставшимся вѣрными ученію Лютера, — требуетъ ученіе Христа; когда вы проникнетесь духомъ этого ученія, вы увидите, что того же требуютъ истина и справедливость; вы все толкуете о томъ, что католики вѣрятъ папѣ, а вы не вѣрите папѣ, вы вѣрите Лютеру, а они не вѣрятъ Лютеру, и забываете, что вы одинаково съ ними вѣрите Христу. До сихъ поръ, вы обращали свое вниманіе на черты различія между исповѣданіями, оставляя въ тѣни черты единства, — а послѣднія гораздо многочисленнѣе в драгоцѣннѣе первыхъ и для васъ и для нихъ. Христосъ не спрашивалъ пришедшаго къ нему юношу, саддукейскую или фарисейскую секту считаетъ онъ справедливою, — онъ требовалъ отъ него любви къ Богу и ближнему, — а въ признаніи этихъ заповѣдей вы совершенно сойдетесь съ католиками“.

Такъ говорилъ онъ одной партіи протестантскихъ богослововъ, закоснѣвшей во мнѣніяхъ Лютера. Противной партіи, партіи деистовъ и рационалистовъ, онъ говорилъ:

„Вы торжествуете побѣду надъ вашими старо-лютеранскими и іезуитскими противниками, — но побѣда эта достается вамъ легко, слишкомъ легко для того, чтобы можно было вамъ торжествовать ее, чтобы можно было положиться на дѣйствительность ея. Вы видите, что укрѣпленія, воздвигнутыя противъ васъ, разрушаются отъ мелкой дробы, пускаемой въ нихъ вашимъ Вольтеромъ, отъ камней, бросаемыхъ изъ-за угла нашедшимъ Михаэлисомъ; но вѣдь эти старо-лютеранскіе и іезуитскіе форты воздвигнуты недавно, людьми, плохо знающими свое дѣло, отсталыми по наукѣ, узкимъ фанатиками по сердцу: а за ними скрывается древній замокъ, котораго строители не были похожи на вашихъ жалкихъ противниковъ, — этотъ замокъ до сихъ поръ оставался въ вашихъ выстрѣлахъ; его мирные жители — всѣ тѣ мнѣшны христіанъ, которые не знаютъ ни по-еврейски, ни даже по-латыни, эти младенцы душою, которыхъ признавалъ Христосъ истинными дѣтьми своими, — они и не слышали грома вашихъ бѣтъ, они не только не побѣждены вами, они даже не знаютъ васъ — равно же вамъ торжествовать побѣду. Нападая на отсталыхъ мнѣшъ нѣсколькихъ старо-лютеранскихъ пасторовъ или іезуитовъ, вы имѣете дѣло только съ ними, а не съ религіею Христа — эту религію, живущую не въ лютеровомъ катехизисѣ и не въ буллахъ папы, а въ сердцахъ мильоновъ людей, не такъ легко поколебать, какъ вы воображаете; она глубже и тверже вашихъ теорій. Но мы не вѣрите тому, что она ближе къ человѣческому сердцу и прочнѣе вашихъ теорій, какъ не бѣгаютъ и старо-лютеранскіе пасторы, что ихъ мнѣнія могутъ подвергнуться въ блискомъ будущемъ нападѣніямъ людей, болѣе сильныхъ, нежели вы? — Я вамъ докажу, что ваши теоріи и аргументы безсильны противъ религіознаго чувства, и докажу на томъ же самомъ сочиненіи, которое выставляю для усмиренія гордости вашихъ противниковъ. Никогда еще ваша партія не производила ничего столь глубокомысленнаго и

ученаго, какъ это сочиненіе,—и никто изъ насъ не въ состояніи наложить въ такой строгой формѣ такихъ сильныхъ доказательствъ въ пользу вашей теоріи. При той истодѣ обороны, второй держатся донынѣ вами противники, они сокрушаются подѣ бременемъ неотразимыхъ ударовъ,—я покажу вамъ, что эти удары не только не опасны для религіи Христа, что они даже не касаются ея. Вы увѣрены, что на вашей сторонѣ наука и логика,—я докажу, что логики нѣтъ въ вашей теоріи, что наука, на которую вы, по нашимъ словамъ, опираетесь, свидѣтельствуетъ противъ васъ, что вы или не умѣете или боитесь узнать истину. Я беру сочиненіе, которое далеко оставляетъ за собою всѣ другія ваша сочиненія силою мысли и знанія,—и я докажу, что ни одвѣвъ выводъ этого сочиненія не выдерживаетъ строгой научной критики, что основной взглядъ его противорѣчитъ требованіямъ челоѣческаго разума, а толкованія фактовъ, на которые опирается этотъ взглядъ, противорѣчатъ историческимъ аксіомамъ.

На этомъ рѣшительномъ испытаніи вы увидите, что, если вы легко можете уничтожать иѣвольныхъ отсталыхъ отъ науки педантовъ изъ старо-лютеранскихъ пасторовъ являющихся иезуитскихъ хитрецовъ, то противъ религіознаго чувства миллионовъ вы безсильны и даже неправы, какъ неправы передъ логикой и наукою, что система вашей борьбы во ведетъ васъ къ торжеству. Вы увидите, что благоразуміе требуетъ, чтобы вы оставили эту систему. Но съ тѣмъ вмѣстѣ вы увидите, что того же требуетъ отъ васъ и справедливость. Вы теперь, по чувствамъ своимъ относительно религіи, раздѣляетесь на два разряда: одни изъ васъ, какъ Землерь, хотя передѣлать протестантство сообразно съ своими теоріями, другіе, какъ англійскіе деисты, враждуютъ къ религіи. Первые убѣдятся, что, на сколько ихъ поправки ученіе отсталыхъ отъ науки мнѣній старопротестантскихъ пасторовъ и иезуитовъ, на столько же ученіе религіи, исповѣдуемой христіанами, возвышеннѣе и почтеннѣе этихъ велогическихъ поправокъ, и они потеряютъ всякую охоту передѣлывать его. Вторые убѣдятся, что враждебныя чувства, возбуждаемыя въ нихъ узкими или фанатическими мнѣніями старо-лютеранскихъ пасторовъ и иезуитовъ, нимало не возбуждаются тою религіею миллионовъ христіанъ, невреждимость которой отъ всѣхъ истиническихъ и рационалистическихъ нападеній докажу я, а что, напротивъ, эта религія въ каждомъ безпристрастномъ и любящемъ людей челоѣкѣ необходимо возбуждаетъ уваженіе и любовь къ себѣ, какъ скоро онъ пойметъ духъ ея; и они потеряютъ всякую охоту враждовать противъ нея,—напротивъ, будутъ чувствовать влеченіе къ ней, и въ исповѣдующихъ ее увидятъ братьевъ своихъ”.

Чтобы дать читателямъ хотя нѣбольшіе примѣры знаменитыхъ статей Лессинга объ этомъ предметѣ, —статей, съ которыми по силѣ мысли и изложенья могутъ быть сравнены развѣ „Провинціальныя письма“ Паскаля, мы приведемъ по отрывку изъ двухъ его листовъ. Одинъ, называющійся „Завѣщаніе Іоанна“, написанъ въ отвѣтъ на замѣчанія Шуманна и направленъ противъ старо-лютеранскихъ теологовъ, забывавшихъ о христіанской любви въ своей ревности сохранить непркосновеннымъ каждое слово Лютера. Отрывокъ, приводимый нами изъ другаго листка, озаглавленнаго „Парабола, съ маленькою просьбою и, на случай надобности, прощальнымъ письмомъ къ г. пастору Геце“ —направленъ главнымъ образомъ противъ рационалистовъ, желавшихъ передѣлывать ученіе церкви сообразно своимъ личнымъ теоріямъ.

ЗАВѢЩАНІЕ ІОАННА.

— qui in pectus Domini recubuit et
de purissimo fonte hausit revulum
doctrinarum.

Hieronymus.

(— который въ персяхъ Госиода воз-
лежалъ и изъ чистѣйшаго источника
почерпнулъ потокъ ученій.

Блаж. Іеронимъ).

Разговоръ.

ОНЪ и Я.

Онъ. Очень вы затруднялись этимъ листомъ *), но это в видно во салону листу.

Я. Неужели?

Онъ. Прежде вы писали яснѣе.

Я. Въ ваввеличайшей ясности была для пеня всегда величайшая красота.

Онъ. Нѣтъ, я вяжу, что вы начпнаете склоняться на вашу сторону ¹⁾, только вы лотите отдѣлаться намеками на вещи, которыя извѣстны развѣ одному изъ сотил читателей, да п вамъ стали извѣстны, быть можетъ, только за девъ вли за два ²⁾.

Я. Напримѣръ?

Онъ. Не касаюсь вашей учености.

Я. Напримѣръ?

Онъ. Та загадка, которою оканчивается вашъ листокъ — ваше „Завѣщаніе Іоанна“ ³⁾—я напрасно искалъ его у себя въ Грабіусъ в Фабриціусъ ⁴⁾.

Я. Да развѣ кромѣ книгъ нѣтъ вичего на свѣтѣ? ⁵⁾

Онъ. Такъ не книга это завѣщаніе Іоавва? Что жъ это такое?

*) Предъидущее полемическою брошюрою по этому же спору; она пазывается „О доказательствѣ духа и силы. Она, т. е. Шуманвъ, воображаетъ, что поставилъ Лессинга въ затруднительное положеніе, и что Лессингу было тяжело разрушить его возраженія.

1) Статья Шуманна противъ Лессинга была написана умѣреннымъ тономъ: потому п первый отвѣтъ Лессинга былъ очень дсликатенъ; нѣкоторые вообразили, что эта мягкость тона—слѣдствіе слабости, и въ похвалахъ, дѣлаемыхъ Лессингомъ умѣренности своего противника, увидѣли уступки его мнѣніямъ.

2) Онъ намекаетъ на то, что Лессингъ щеголяетъ ученостію, которую собираетъ наскоро изъ словарей и т. п. справочныхъ книгъ. Со времевъ Ланге, противники Лессинга любили твердить, что ученость Лессинга заимствована вся изъ „Словаря“ Бэля и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашніе спеціалисты, не занимавшіеся вичѣмъ, кромѣ своей спеціальной науки, очень трудно было понять, какимъ образомъ человекъ, писавшій о двадцати предметахъ, въ каждомъ предметѣ обладаетъ знаніями, чрезвычайно рѣдкими и въ спеціалистъ, который всю жизнь трудился надъ однимъ предметомъ. Въ наше время, когда педанство ослабло, это понимается легче, и никто не скажетъ о Гумбольдтѣ или лордѣ Врумѣ, что „они наскоро набираются своей мнимой учености“.

3) Предшествовавшая брошюра Лессинга, о которой ведется рѣчь, заключается словами: „Оканчиваю, желая: да соединитъ Завѣщаніе Іоанна всѣхъ раздѣленныхъ!“

4) Грабіусъ и Фабриціусъ — авторы библиографическихъ сочиненій. Фабриціусовы „Bibliotheca Græca“ и „Bibliotheca latina“ служатъ до сихъ поръ справочными книгами, содержа полнѣйшіе перечни греческихъ и латинскихъ авторовъ и сочиненій.

5) Чтобы понять иронию этого оборота, надобно вспомнить, что, по ученію строгихъ пютранъ, церковное предпие и ученіе церкви не имѣетъ никакой важности. Они не хотятъ знать ничего, кромѣ Библии. Католическая церковь, вѣрная въ этомъ случаѣ ученію первобытной церкви (сохранившемуся въ Православной церкви), признавая всю важность Библии, съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что христіанская религія основывается не на одной только Библии, а „какъ на Библии, такъ и на ученіи церкви и преланіи церковномъ“. Лессингъ говорилъ, что въ этомъ случаѣ ученіе Католической (и Греческой) церкви вѣрнее исторической истины и полнее односторонняго протестантскаго ученія.

Я. Последняя воля Іоанна;—последнія замѣчательныя, много разъ повторенныя слова умирующаго Іоанна,—вѣдь это тоже можетъ называться завѣщаніемъ? Можетъ?

Онъ. Конечно, можетъ.—Но теперь ужъ мнѣ не такъ это любопытно.—А, впрочемъ, что жъ это за слова? Я мало знакомъ съ Абдіею ⁶⁾, и тому подобными сочиненіями, откуда они, конечно, взяты.

Я. Нѣтъ, они взяты у писателя, менѣе подозрительнаго. Іеронимъ сохранилъ ихъ вамъ въ своемъ толкованіи въ посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Понимаете ихъ тамъ. Я не полагаю, чтобъ они вамъ понравились *).

Овъ. Почему знать?—Скажите же, что это за слова.

Я. На память? Съ обстоятельствами, которыя мнѣ теперь памяты или кажутся памятными?

Онъ. Разумѣется.

Я. Іоаннъ, тотъ благой Іоаннъ, который не хотѣлъ никогда разлучаться съ паствой, собранной имъ въ Эфесѣ, которому эта паства казалась достаточно великимъ поприщемъ его поучительныхъ чудесъ в его чудотворнаго ученія—этотъ Іоаннъ сталъ старъ, такъ старъ...

Онъ. Что благочестивое простодушіе думало, что онъ не умретъ.

Я. Хотя каждый съ каждымъ днемъ видѣлъ, что онъ все болѣе приближается къ смерти.

Онъ. Суетѣріе иногда слишкомъ много, иногда слишкомъ мало вѣрить чувствамъ. Ужъ в тогда, когда Іоаннъ умеръ, суетѣріе все полагало, что онъ не можетъ умереть, что онъ спитъ, а не умеръ.

Я. Какъ блпako иногда подходить суетѣріе къ истинѣ!

Овъ. Продолжайте разсказъ. Мнѣ тяжело слышать, что вы заступаесть за суетѣріе **).

Я. Неохотно в съ радостью, какъ другъ покидаетъ объятія друга, чтобы поспѣшить въ объятія своей подруги, постепенно, но быстро, видимо разлучалась чистая душа Іоанна отъ столь же чистаго, но изнемогавшаго тѣла. Скоро его ученики едва могли носить его даже и въ церковь.

И, однако же, Іоанну не хотѣлось пропустить ни одного собранія, и не пропустилъ онъ ни одного собранія паствы, не сказавъ наизадшія паствѣ, которой легче было бы лѣзвѣться наощущаго хлѣба, нежели этого наизадшія.

Овъ. Въ которомъ, вѣроятно, часто недоставало искусственной обработки.

Я. А вы любите искусственную обработку ***)?

Онъ. Смотря по тому, какова ова.

⁶⁾ Одна изъ апокрифическихъ книгъ Новаго Завѣта, которая разсказываетъ апостольскую исторію и приписывается Абдію или Авдію, первому епископу вавилонскому. Известно, что и Греческая, и Католическая, и Протестантская церкви признаютъ подобныя книги не заслуживающими вѣры, какъ подложныя и еретическія. Онъ намекаетъ, что Лессингъ любитъ еретиковъ и самъ еретикъ.

*) Намекъ, который объясняется, когда будутъ сказаны эти слова Іоанна Божьего. Читатель вспомнитъ, что, забывая для догматики о христіанской любви, лютеранскіе богословы должны были чрезвычайно разгнѣваться (и дѣйствительно разгнѣвались), когда Лессингъ сталъ напоминать имъ, какое важное мѣсто въ религіи Христа должна занимать христіанская любовь — за это особенно и стали осыпать его проклятіями обѣ протестантскія партіи.

**) Старо-лютеранскіе богословы, а тѣмъ болѣе рационалисты, находили, что Лессингъ отдаетъ суетѣрію предпочтеніе передъ просвѣщеніемъ, доказывая, что нѣкоторые католическіе догматы, отвергнутые протестантствомъ, принадлежали первобытной церкви (они сохранились въ Греческой церкви) и содержатъ въ себѣ истины, болѣе глубокія, нежели какія содержатся въ догматахъ, которыми замѣнило протестантство. Напримѣръ, Лессингъ говорилъ это о томъ догматѣ первобытной церкви, что христіанская религія основана не на одной только Библии, но съ гвмъ вмѣстѣ и на преданіи церковномъ.

***) Ировпческій намекъ на то, что протестантскіе богословы обрабатывали догматику по системѣ очень искусственной и, ставя въ томъ величайшую заслугу, забывали оживить свои системы духомъ христіанской любви.

Я. Навѣраое, низиданіе Іоанаа никогда не имѣло искусственной обработки, потому, что ово все шло отъ сердца; потому, что ово всегда было просто я кратко *), и съ каждымъ днемъ становилось проще в короче, до того, что наконецъ сократилось въ нѣсколько словъ.

Онъ. Какихъ же?

Я. „Милыя дѣти мои, любите другъ друга!“

Онъ. Немного словъ, во хоропія слова.

Я. Дѣйствительно, хоропіа, по вашему мнѣнію? — Но и хорошее, и наилучшее споро утомляетъ, когда становится ежедневнымъ. Въ первомъ собраніи паствы, когда Іоаннъ не *могъ* сказать ничего больше, какъ: „милыя дѣти моя, любите другъ друга!“ — слова эти чрезвычайно понравились паствѣ. Они еще понравились и во второмъ, я въ третьемъ, и въ четвертомъ собраніи, потому что паства говорила: слабый старецъ не *можетъ* сказать ничего больше этихъ словъ. Но и когда старецъ отъ времени до времени чувствовалъ себя довольно бодрымъ, и, одякожъ, ве говорилъ ничего больше этихъ словъ и все отпускалъ свою паству только съ назиданіемъ: „милыя дѣти моя, любите другъ друга!“ — когда увидѣли, что старецъ не то, чтобы только не могъ сказать ничего больше, что онъ преднамѣренно и ве хочетъ сказать ничего больше этихъ словъ, — то эти слова: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ показались слабыми, малозначительными. Братія и ученики стали скучать и наконецъ осмѣлились спросить благаго старца: „Но, учитель, почему же ты вѣчно повторяешь одно и то же?“

Онъ. Ну, чтожъ Іоаннъ?

Я. Іоаннъ отвѣчалъ: „Потому, что это повелѣлъ Господь: потому, что этого одного, если оно исполняется, довольно, — и достаточно“.

Онъ. Такъ вотъ что! Такъ вотъ въ чемъ ваше Завѣщаніе Іоанна?

Я. Да.

Онъ. Гм! гм!

Я. „Милыя дѣти мои, любите другъ друга!“

Онъ. Да, да!

Я. Это „Завѣщаніе Іоанна“ постановлъ нѣкогда симноломъ своего ученія Нѣкто. Который былъ *соль земли*.

Онъ. Такъ всегда отговариваются отъ бѣды нѣкоторые господа!.

Hieronymus in Epist. ad Galatas, cap. 6.

Beatus Ioannes Evangelista, cum Ephesi moraretur usque ad ultimam senectutem, et vix inter discipulorum manus ad Ecclesiam deferretur, nec posset in plura verba contexere, nihil aliud per singulas solebat proferre collectas, nisi hoc: Filioli, diligite alterutrum. Tandem discipuli et fratres, tacdio affecti, quod eadem semper audirent, dixerunt: magister, quare semper hoc loqueris? Qui respondit dignam Ioanne sententiam: Quia praeceptum Domini est, et si solum fiat, sufficit**).

*) Опять намекъ на то, что не слишкомъ вѣрные духу первобытной церкви протестантскіе богословы, излагающіе систему вѣры въ громаднхъ фоліантахъ, неизлечимыхъ страшною ученостію, такъ дѣлаютъ вѣрующіе доступнымъ только для спеціальныхъ ученыхъ.

**) Блаженный Іоаннъ евангелистъ дожилъ въ Эфесѣ до глубочайшей старости, такъ что ученики едва могли на рукахъ приносить его въ церковь, и, не имѣя силы сказать болѣе долгой рѣчи, онъ въ собраніи паствы каждый разъ ничего ве говорилъ, кромѣ слѣдующихъ словъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ Наконецъ, ученики и братія, наскучивъ тѣмъ, что вѣчно слышали одно и то же, сказали: „Учитель, почему каждый разъ говоришь ты одно и то же?“ — На то онъ далъ имъ отвѣтъ, достойный Іоанна: „Потому, что это заповѣдь Господа, и если ее одну исполнять, то и довольно“.

ПАРАБОЛА.

„Мудрый и дѣятельный царь большого, большого государства имѣлъ въ своей столицѣ дворецъ неизмѣримаго объема, евершевво особенной архитектуры.

„Неизмѣримъ былъ объемъ, потому что царь собралъ во дворцѣ вокругъ себя всѣхъ, которые были помощниками или орудіями его оравленіи.

„Странна была архитектура, потому что противорѣчила, можно сказать, всѣмъ принятымъ правиламъ; во ова правилась и соотвѣтствовала цѣли.

„Ова правилась,—преимущественно тѣмъ, что возбуждала удивленіе, которое ннушаютъ простота и величіе, когда кажутся скорѣе презрѣвшими богатство в украшеніи, вежели ве имѣющими ихъ.

„Ова соотвѣтствовала цѣли, — прочностью и удобствомъ. Прошло много, много лѣтъ, а весь дворецъ стоялъ все въ той же частотѣ и цѣлости, въ какой довершенъ былъ строителемъ, снаружи немного непонятный, во внутри повсюду свѣтлый и связанный.

„Всякій, кто воображалъ себя знатомъ въ архитектурѣ, особенно недоволяъ былъ наружными стѣнами дворца, которыя имѣли мало оковъ, разбросанныхъ здѣсь я тамъ, большихъ и маленькихъ, круглыхъ и четырехъ-угольныхъ, во тѣмъ больше за то имѣли дверей и воротъ различной формы и величины.

„Непонятно этимъ людямъ было, какъ черезъ столь малочисленныя окна въ столь многочисленныя поков можетъ проходить достаточно свѣта. Что главнѣйшіе изъ этихъ покоевъ получали свой свѣтъ сверху, не приходило почти никому въ голову.

„Они не понимали, зачѣмъ нужно столько и столь разнородныхъ входовъ, когда гораздо красивѣе было бы сдѣлать большой одинъ порталъ съ каждой стороны,—онъ, казалось имъ, удовлетворилъ бы потребности. Потому что почти никому не приходило въ голову, что черезъ многочисленные маленькіе входы самымъ короткимъ и безопыбчнымъ путемъ каждый, призываемый во дворецъ, можетъ приходиться туда, гдѣ онъ надобевъ.

„И, такимъ образомъ, возникли между мнимыми знатоками многочисленные споры,—споры эти обыкновенно велсь жарче всего тѣмъ, которые всего менѣе ниѣли случай ознакомиться съ внутренностью дворца.

„И было одно обстоятельство, о которомъ ва первый взглядъ можно было подумать, что оно необходимо очень облегчить и сократить споры, во которое именно и запутывало ихъ больше всего, которое именно давало имъ богатѣйшую пищу для упорнѣйшаго продолженія. Именно, полагали, что есть различныя древніе планы, которые приписывались первымъ строителямъ дворца; во эти планы оказались покрыты словами и знаками, языкъ и значеніе которыхъ было почти совершенно потеряны.

„Потому каждый объяснялъ эти слова а знаки по собственному желанію. Потому каждый, изъ этихъ древнихъ плановъ, составлялъ новый, какой ему хотѣлось, и нерѣдко тотъ или другой составитель такъ увлекался своимъ новымъ планомъ, что не только самъ считалъ его непреложнымъ, во то уговаривалъ, то принуждалъ и другихъ считать его непреложнымъ.

„Только немногіе говорили: „какое вамъ дѣло до вашихъ плановъ? — они всѣ для васъ равны. Довольно того, что мы каждую минуту убѣждаемся опытомъ, что преблагою мудростью исполненъ весь дворецъ, и что изъ него разливается по всей странѣ красота, порядокъ и благоденствіе.

„Часто плохо приходилось этимъ немногимъ! Потому что, когда, улыбаясь, они начинали нѣсколько ближе пслѣдовать тотъ или другой изъ отдѣльныхъ плановъ, то люди, считавшіе этотъ планъ непреложнымъ, съ воплемъ объявляли ихъ поджигателями и раззорителями дворца.

„Но они не останавливались этими криками, именно черезъ то становились достойны причисленія къ людямъ, трудившимся внутри дворца, и не имѣвшимъ ни времени, ни охоты вѣтшиваться въ распри, которыя и не касались ихъ.

„Однажды, когда споръ о планахъ не столько былъ примиренъ, сколько ослаб-

ленъ утомленіемъ,—однажды около полуночи, раздался внезапно голосъ сторожей: пожаръ! пожаръ во дворцѣ!

„Что же тогда произошло? Каждый вскочилъ тогда съ постели, и какъ будто пожаръ ве во дворцѣ, а въ собственномъ его домѣ, схватилъ то, что казалось ему драгоценнѣйшимъ изъ своего достоянія,—свой планъ. „Надобно только спасти планъ!—думалъ онъ: —если дворецъ и сгоритъ, то онъ тутъ, какъ есть, сохранится на бумагѣ!“

„И каждый выбѣжалъ съ своимъ плащомъ на улицу, я тамъ, прежде того, не желя оказывать помощь дворцу, одинъ сталъ показывать другому на своемъ плащѣ, въ какомъ мѣстѣ, по его соображенію, горитъ дворецъ. „Посмотри, сосѣдь,—вотъ, гдѣ горитъ онъ! Отсюда—вотъ, лучше всего гасить огонь?“—„Нѣтъ, сосѣдь, вѣрнѣе сказать, что вотъ—здѣсь горитъ онъ!“

Таковъ былъ духъ и характеръ борьбы, начатой Лессингомъ въ одно и то же время противъ закоснѣлыхъ старо-лютеранскихъ пасторовъ, считавшихъ вѣчною истиною каждое слово Лютера, и противъ нелогическихъ нововводителѣй, вздумавшихъ перетолковывать догматы и факты религіи по своему личному соображенію. Теперь надобно сказать хотя два-три слова о томъ, какъ началась и развилась эта борьба, и къ какимъ результатамъ привела она нѣмецкую націю.

По привычкѣ своей, всегда начинать съ какого нибудь частнаго случая. съ какого нибудь даннаго факта развѣіе общихъ мыслей, Лессингъ воспользовался сочиненіемъ Реймаруса, какъ поводомъ для изложенія своихъ мыслей о двухъ боровшихся въ лютеранствѣ партіяхъ. Въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи и литературы изъ сокровищъ Вольфенбюттельской библіютеки“ (Beiträge zur Geschichte und Literatur), онъ, въ числѣ многихъ другихъ найденныхъ имъ въ этой библіюткѣ сочиненій, сталъ печатать и отрывки изъ рукописи Реймаруса, къ каждому отрывку прибавляя свое предисловіе, какъ то дѣлалъ при каждомъ сочиненіи, печатаемомъ въ этихъ „Матеріалахъ“. Имени автора рукописи онъ не сообщилъ, не имѣя на то разрѣшенія отъ дѣтей, потому и самое сочиненіе Реймаруса осталось извѣстно подъ именемъ „Вольфенбюттельской рукописи“ или „Рукописи Вольфенбюттельскаго неизвѣстнаго“. Первый отрывокъ былъ напечатанъ въ третьемъ томѣ „Матеріаловъ“, въ 1774 году. Онъ не возбудилъ никакихъ воплей противъ Лессинга, потому что никто, еще не понявъ цѣли, которую имѣлъ въ виду Лессингъ. Изданіе отрывка изъ сочиненія, написаннаго нъ духѣ, враждобномъ хрисіанству, не могло никого удивить въ Германіи, давно уже познакомившейся съ сочиненіями Бэля, Вольтера, энциклопедистовъ и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. Притомъ, даже тѣ изъ лютеранскихъ теологовъ, которые были закоснѣлыми фанатиками лютеранства, были уже на столько благоразумны, что понимали, что сочиненія, подобныя Реймарусу, теряютъ часть своей опасности для ихъ ученія, когда издаются публично, вмѣсто того, чтобы распространяться въ рукописяхъ: тогда они становятся доступны опроверженіямъ, которымъ недоступны, пока таятся подъ секретомъ. Они помнили примѣръ Іеронима, на котораго впоследствии сослался Лессингъ, и который даже перевелъ самъ на латинскій языкъ сочиненіе Оригена „Peri arēton“, и доказалъ, что это дѣло полезно для истинной религіи. „Когда Іеронимъ перевелъ съ греческаго чрезвычайно вредное, по

его собственному мнѣнію, истинной христіанской религіи сочиненіе Оригена Peri archón, — зачѣтѣ, *перевелъ*! — а перевесть нѣчто болѣе, нежели просто издать (говорилъ Лессингъ, защищаясь противъ Геце), — когда онъ перевелъ это опасное сочиненіе съ тою цѣлью, чтобы охранить его отъ переправокъ и искаженій другаго переводчика, Руфина, то есть, чтобы сообщить это сочиненіе латинскому міру именно во всей его силѣ и во всей его искренности, — и когда ему за то нѣкоторые люди стали дѣлать упреки, будто бы онъ взялъ преступный соблазнъ на свою душу — каковъ былъ тогда отвѣтъ Іеронима? — O impudentiam singularem! Accusant medicum, quod venena prodiderit. — „О, удивительное безстыдство! они упрекаютъ врача за то, что онъ обнаружилъ тайный ядъ!“ — Зная этотъ примѣръ, многіе изъ ревностѣйшихъ защитниковъ стараго лютеранства, которому была особенно враждебна „Вольфенбюттельская рукопись“, даже выражали свою признательность Лессингу за то, что онъ началъ знакомить ихъ съ этимъ сочиненіемъ.

Но чувства эти совершенно измѣнились, когда (1777) въ 4-мъ томѣ „Матеріаловъ“ Лоссингъ издалъ еще пять отрывковъ изъ рукописи Реймаруса, съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ болѣе обнаружился мнѣніе Лессинга. Обѣ протестантскія партіи, враждовавшія между собою, поднялись противъ него.

Прежде всего и съ особенною жестокостью возстали старо-лютеранскіе ревнители, и во главѣ ихъ Геце, имя котораго пріобрѣло несчастное безсмертіе, благодаря его излишней охотѣ вступать въ неравную борьбу. Главнымъ содержаніемъ предисловія Лессинга къ издаваемымъ отрывкамъ было строгое разсмотрѣніе нападеній Реймаруса на христіанство, съ цѣлью доказать, что всѣ эти возраженія не могутъ поколебать той вѣры, которая живетъ въ сердцахъ народовъ, — и, однако же, лютеранскіе ревнители возмущались не жестокими нападеніями Реймаруса на христіанство, а тѣми опроверженіями, которыя противопоставляетъ ему Лессингъ, доказывая непоколебимость религіи съ той точки зрѣнія, которую указали мы выше. Нападать на защитника жесточе, нежели на врага — это казалось безприветрастнымъ людямъ такъ неестественно, что они предполагали безумными или недобросовѣстными этихъ фанатиковъ лютеранства. Однако же, на самомъ дѣлѣ, эти фанатики дѣйствовали очень логично: рукопись нападала на христіанство, — это не касалось ихъ ближайшимъ образомъ; но предисловіе къ рукописи, защищать религію Христа, положительно признавало, что не хочетъ и не можетъ защищать лютеранства, — это уже прямымъ образомъ было нестерпимую опасностью для лютеранъ.

Послѣ закоснѣлыхъ лютеранъ, возстали противъ Лессинга и нововводители — это было совершенно понятно, потому что онъ положительнымъ образомъ доказывалъ несостоятельность ихъ ученыхъ истолкованій.

Горячая полемика закипѣла въ Германіи. Шумъ поднялся, и опять, какъ въ дѣлѣ Клоца, всѣ сверстники Лессинга, — одни за то, что онъ не признаетъ ученія съ ученіемъ Лютера, другіе за то, что онъ открыто выступаетъ противъ христіанства, какою проникнуты изда-

Лессингъ, не слушая никакихъ предостереженій и софатовъ, неуклонно шельмъ предположенной цѣли. Первые нападенія на него за его предисловія къ отрывкамъ издаваемой имъ рукописи появились около времени смерти его жены, — и, жестоко пораженный своею утратою, онъ, быстрыми шагами приближаясь къ могилѣ, выказалъ въ этой борьбѣ, что если слабѣло его тѣло, то умъ его сохранилъ всю свѣжесть молодости, — и не только всю свѣжесть, — нѣтъ, и всю юнонскую силу идти впередъ и впередъ. Онъ издавалъ одинъ листокъ за другимъ противъ безчисленныхъ статей, брошюръ и книгъ, нападавшихъ на него, — и каждый изъ этихъ листовъ волновалъ умы Германіи, какъ никогда ничто еще не волновало ихъ, и каждый листокъ былъ блистательнымъ торжествомъ его генія.

Среди этой борьбы, онъ вспомнилъ о планѣ драмы, нѣкогда задуманной имъ, — и рѣшился написать эту драму, служащую поэтическимъ воплощеніемъ мысли, которую защищалъ онъ противъ закоснѣлыхъ лютеранъ. Эта драма — „Натанъ Мудрый“, выше котораго въ нѣмецкой литературѣ по колоссальному значенію стоитъ только „Фаустъ“ Гете, явилась въ 1779 году, за полтора года до кончины Лессинга, и написана имъ среди страданій всякаго рода.

Результаты борьбы, веденной Лессингомъ въ послѣдніе три года его жизни, были громадны. Она приготовила направленіе послѣдующей нѣмецкой философіи, которая только въ послѣднемъ періодѣ своего развитія стала на ту высоту мысли, которая была указана ей Лессингомъ, но съ самаго начала была вѣрна духу, проникавшему его сочиненія, написанныя по поводу „Вольфенбюттельской рукописи“ и споровъ, ею возбужденныхъ. По плану нашего очерка, имѣющаго главнымъ предметомъ одну литературную сторону дѣятельности Лессинга, мы только въ двухъ-трехъ словахъ коснемся отношенія между Лессингомъ и послѣдующими нѣмецкими философами.

Прямыхъ ученикомъ его не былъ ни одинъ изъ знаменитыхъ философовъ, — всѣ они считаютъ своимъ родоначальникомъ Канта; Фихте говоритъ, что его система — доисршеніе системы Канта, Шеллингъ былъ продолжателемъ Фихте, Гегель продолжателемъ Шеллинга, новая философія произонла изъ системы Гегеля. Но если мы сравнимъ всѣ эти системы между собою, то увидимъ, что духъ ихъ совершенно различенъ, — это потому, что у Фихте, Шеллинга и Гегеля были другіе учителя, кромѣ Канта. Они сами признаются, что очень многимъ обязаны Гердеру и Гете, подъ влияніемъ которыхъ воспиталось ихъ воззрѣніе на міръ, — черезъ Гердера и Гете имѣлъ на нихъ вліяніе и Лессингъ, который такъ могущественно господствовалъ надъ развитіемъ Гердера и Гете. Ужь эта одна сторона его дѣятельности на нихъ имѣетъ чрезвычайную важность. Но еще гораздо сильнѣе было то пліяніе, которое имѣлъ онъ на развитіе нѣмецкой философіи не посредствомъ того или другаго изъ воспитанныхъ имъ знаменитыхъ писателей, а силою направленія, развитаго имъ въ умственной жизни всего народа, среди котораго возникли эти философы. Часто, когда говорятъ объ исторіи философіи, имѣютъ въ виду только связь философскихъ системъ между собою, забывая о связи ихъ съ духомъ времени и общества, въ которомъ онѣ развились, — а между тѣмъ, это забываемое отношеніе обна-

ружввало всегда самое рѣшительное вліяніе на ихъ характеръ. О философіи, въ которой общія стремленія человечества находятъ самое прямое выраженіе, надобно сказать скорѣе, нежели о какой нибудь частной наукѣ, что она всегда бываетъ дочерью эпохи и націи, среди которой возникаетъ.

Изъ многихъ сторонъ родства всѣхъ философскихъ системъ, возникшихъ послѣ Канта въ Германіи, съ духомъ, проникавшимъ сочиненія Лессинга, мы замѣтимъ только двѣ, связь которыхъ съ характеромъ мнѣній Лессинга особенно ясна будетъ послѣ того, что имѣли мы случай сказать выше о его стремленіяхъ.

До Лессинга, нѣмецкая философія вообще имѣла протестантскій характеръ, даже въ случаяхъ, когда являлась враждебною христіанству. Послѣ Лессинга, хотя по прежнему всѣ главные дѣятели ея принадлежали протестантской половинѣ Германіи, она становится въ другое положеніе. Философское міросозерцаніе становится столь же независимо отъ односторонняго протестантскаго оттѣнка, какъ прежде было независимо отъ католическаго. Изъ достоянія протестантской половины Германіи, философія становится дѣломъ общенациональнымъ.

При всемъ различіи въ своихъ иринципахъ и выводахъ, всѣ нѣмецкія философскія системы сходятся въ томъ, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ враждебности противъ христіанства, какою отличались системы нѣкоторыхъ англійскихъ и французскихъ философовъ. Каковы бы ни были понятія того или другаго нѣмецкаго философа объ общей системѣ міра, во каждый изъ нихъ на религію смотритъ съ уваженіемъ, высоко цѣня важность ея. Всѣ они чужды того суроваго ожесточенія противъ религіи, которое замѣтно, напримѣръ, у Гоббеса, или той насмѣйки, которая видна у Вольтера. Всѣ они смотрятъ на религію съ серьезностью, полною уваженія.

Эти двѣ черты сходства уже достаточно показываютъ тѣсное родство послѣдующей нѣмецкой философіи съ тѣми стремленіями, которыми одушевленъ былъ Лессингъ въ своей послѣдней борьбѣ. Но вполнѣ оцѣнить геніальность его взгляда и силу его вліянія можетъ только тотъ, кто знакомъ съ новѣйшими нѣмецкими философскими системами, смѣнившими систему Гегеля: онѣ чрезвычайно близки къ тѣмъ понятіямъ, какія были выражены Лессингомъ. Мы ограничиваемся этими немногими словами, потому что разсмотрѣніе развитія философіи въ Германіи не составляетъ прямого предмета этой біографіи; но тотъ, кто захотѣлъ бы заняться отношеніями Лессинга къ послѣдующимъ нѣмецкимъ философамъ, найдетъ бы гораздо болѣе признаковъ его сильнаго вліянія на ихъ системы.

Впрочемъ, все это не составляетъ еще главнаго значенія дѣятельности Лессинга въ послѣдніе годы его жизни. Еще важнѣе, нежели вліяніе его на характеръ послѣдующихъ философскихъ системъ, было то, что онъ приготовилъ умъ своего народа для принятія философской мысли. До того времени, философія была дѣломъ школы, котораго чуждалось и пугалось общество, какъ чего то не только таинственнаго, но и ужаснаго, — философскія мысли, какъ скоро изъ тѣснаго записныхъ ученыхъ проникали до свѣдѣнія людей, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о ней, были отвергаемы ими, какъ что-то противъ природы и вѣчныхъ законовъ въ условіяхъ

жизни. Черезъ двадцать лѣтъ не такъ была принята обществомъ философія Фихте и потомъ Шеллинга,—напротивъ, общество встрѣчало философскія ученія съ живымъ сочувствіемъ, они быстро распространялись въ публикѣ и переходили въ ея убѣжденія. Эту перемѣну надобно отнести всего болѣе къ дѣйствию статей, написанныхъ Лессингомъ въ послѣдніе годы его жизни: онѣ приучили нѣмецкую публику къ духу философскаго изслѣдованія.

Отъ замѣчаній о развитіи умственной жизни въ Германіи обращаясь къ прямому вліянію послѣдняго періода дѣятельности Лессинга на общественную жизнь, надобно сказать, что оно было также рѣшительно: съ той поры начинается замѣтное и постоянное ослабленіе непріязни, существовавшей между католиками и протестантами. Главною причиною, поддерживавшею эту непріязнь, надобно считать презрѣніе протестантовъ къ католикамъ, какъ людямъ, зараженнымъ грубѣйшими суевѣрїями. До Лессинга, едва ли кто изъ протестантовъ смотрѣлъ на особенности, которыми отличалось католичество отъ протестантизма, иначе, какъ на невѣжественные предрасудки, унижительныя для ума человѣческаго. Нововводители, послѣдователи французскихъ энциклопедистовъ и англійскихъ деистовъ, были въ этомъ отношеніи не лучше, а можетъ быть даже хуже другихъ протестантовъ. Лессингъ сталъ говорить о католичествѣ безпристрастно, всегда съ уваженіемъ, иногда съ сочувствіемъ. Это простиралось до того, что многіе изъ его противниковъ обвинили его въ измѣнѣ лютеранству для католичества, а самъ онъ, когда протестантскіе богословы ему грозили запрошеніемъ писать и юридическимъ осужденіемъ его сочиненій, былъ увѣренъ, что если бы дѣло дошло до такой крайности, то онъ нанесть бы защиту отъ католиковъ, порекая дѣло на рѣшеніе Имперскаго совѣта, въ которомъ католическіе члены станутъ на его сторонѣ, когда онъ имъ объяснитъ, что осуждать его значило бы осуждать всѣхъ католиковъ. Примѣръ, авторитетъ и доказательства Лессинга открыли глаза большинству образованныхъ протестантовъ, и съ того времени насмѣшки надъ католиками ослабѣваютъ, ослабѣваетъ и возбуждаемое ими нерасположеніе католиковъ къ протестантамъ, и мѣсто непріязни занимаетъ терпимость и взаимное уваженіе. Мало того: Лессингъ развѣщалъ передъ нѣмцами воззрѣніе, въ которомъ должны сойтись, какъ братья, и католики и протестанты, и доказывалъ, что это воззрѣніе, будучи одно достойно человѣка по своему благородству, въ то же время одно только и должно считаться справедливымъ, потому что оно одно логично, оно одно внушается потребностями человѣческой природы и одно можетъ выдержать строгую научную критику. Эта сторона вліянія, конечно, казалась самою важною и для Лессинга. Именно, желаніе дать примирительное направленіе народной жизни и руководило Лессингомъ въ выборѣ теологическихъ вопросовъ предметомъ своей дѣятельности.

Но, будучи по преимуществу человѣкомъ жизни, почему не предпочелъ онъ вопросовъ, болѣе близкихъ къ жизни—почему не писалъ юридическихъ и политическихъ сочиненій? По той же самой причинѣ, по которой не писалъ и чисто философскихъ сочиненій,—потому, что умственная жизнь его націи не достигла еще въ его время той зрѣлости, чтобы живо интересоваться этими вопросами. Лѣтъ двадцать прошло послѣ его смерти до той

поры, когда настала для Германіи періодъ философскихъ интересовъ; еще позднѣе началась для нея пора юридическихъ и гражданскихъ стремленій.

Только въ одномъ мѣстѣ одного изъ своихъ сочиненій и писемъ Лессингъ нѣсколько касается понятій объ общественныхъ отношеніяхъ,—именно во второмъ изъ своихъ „разговоровъ между Эрнстомъ и Фалькомъ“, которые издалъ только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Предметъ этихъ разговоровъ—масонство. Эрнстъ, услышавъ, что его пріятель Фалькъ вступилъ въ число масоновъ, начинаетъ разспрашивать его о томъ, что такое масонство, о которомъ всѣ говорятъ, и о которомъ ни отъ кого нельзя добиться правды. Фалькъ, связанный обѣщаніемъ не открывать тайнъ масонства, отвѣчаетъ ему на этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ, разкитіемъ понятій Эрнста объ общественномъ бытѣ доводя его до заключенія, что собственно цѣлью масонства могло бы быть облегченіе неудобствъ жизни, но что эта цѣль или не понимается масонами, или понимается ребяческимъ образомъ.

„Во всѣ времена, всѣ благородные и гуманные люди“, заключаетъ Фалькъ, „заботились объ устраненіи и смягченіи неудобствъ, порождаемыхъ устройствомъ всѣхъ гражданскихъ обществъ“.—Эрнстъ, подъ вліяніемъ своей мысли о масонахъ, воображаетъ, что Фалькъ этими словами указываетъ ему главное стремленіе масоновъ. Обольщенный такимъ высокимъ нинятіемъ о нихъ, онъ вступаетъ въ орденъ масоновъ—и, совершенно разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, возвращается съ упреками къ Фальку. „Я думалъ найти въ масовскихъ ложахъ заботу о благѣ человѣчества, а нашелъ только одну праздную игру въ таинственныя фразы и церемоніи, подъ которыми нѣтъ ровно ничего серьезнаго и полезнаго“, говоритъ онъ своему другу.—„Но вѣдь я намекалъ тебѣ объ этомъ, сколько могъ, не нарушая положительнымъ образомъ обѣщанія хранить тайну ордена“, отвѣчаетъ Фалькъ:—„вольнo же тебѣ было замѣчать моихъ намековъ, довольно ясныхъ. Но теперь ты человѣкъ, посвященный въ тайны, я могу говорить съ тобою прямо“. Фалькъ начинаетъ разсказывать исторію Масонскаго ордена,—на томъ и останавливается пятый разговоръ. Далѣе, какъ мы говорили, слѣдовало бы, конечно, описаніе тогдашняго состоянія масонскихъ ложъ въ Германіи,—и изъ того возникали бы или размышленія о перемѣнахъ, кашія должны были произведены въ организациіи и стремленіяхъ ордена для того, чтобы онъ дѣйствительно приносилъ пользу обществу, или, что вѣроятнѣе, Фалькъ доказалъ бы, что никакія перемѣны и улучшенія не поведутъ ни къ чему дѣльному, потому что истинно великія и полезныя цѣли всегда достигаются только прямымъ и открытымъ образомъ дѣйствій, а не косвенными путями таинственныхъ обществъ, всегда оказывавшихся и должествующихъ оказываться безсильнымъ, и разговоры кончались бы провозглашеніемъ, что нѣмцы должны, покинувъ пустую игру въ масоны, подумать о приобрѣтеніи гражданскихъ добродѣтелей и дѣйствительномъ улучшеніи своего національнаго быта. Такъ надобно полагать, судя по ходу первыхъ пяти разговоровъ и дѣйствительному образу мыслей Лессинга о масонахъ, сохраненному нѣсколькими анекдотами. Въ Гамбургѣ, онъ вздумалъ поступить въ масонскій орденъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли справедливы его предположенія о пустотѣ масонства, и скоро вышелъ изъ ордена.

совершенно убѣдившись въ тонѣ. Когда одинъ изъ магистровъ масонской гамбургской логи, по принятіи Лессинга въ число ея членовъ, спросилъ его: „ну что, не правда ли, вы не нашли въ масонствѣ ничего противнаго государству и церкви?“—Лессингъ отвѣчалъ: „не только противнаго чему нибудь, но и ровно ничего не нашелъ“. Черезъ нѣсколько времени, Мендельсонъ разспрашивалъ его о масонствѣ и, но слыша отъ своего друга ничего дѣльнаго о цѣляхъ ордена, сказалъ ему: „вы, вѣроятно, боитесь разглашать тайны масонства?“—Лессингъ расхохотался и отвѣчалъ: „О, перестаньте, Мендельсонъ! — въ этомъ отношеніи орденъ совершенно безопасенъ“.

Предметъ, подавній Лессингу предлогъ къ разговорамъ Эрнста и Фалька, самъ по себѣ былъ незначителенъ въ глазахъ Лессинга, очевидно хотѣвшаго воспользоваться общимъ интересомъ, какой пробуждался въ Германіи толками о масонствѣ, единственно для того, чтобы, обнаруживъ пустоту этой забавы, обратить вниманіе, ею развлеченное, на предметы, болѣе достойныя мысли гражданина. Эти разговоры имѣютъ большую важность въ біографіи Лессинга, не по отношеніямъ въ масонству, которое служило ему только предлогомъ и казалось ему, совершенно справедливо, предметомъ незначительнымъ, но какъ сочиненіе, которымъ обнаруживается пагѣреніе Лессинга сдѣлать еще новый шагъ въ приготовленіи развитіи нѣмецкой жизни, какъ выраженіе намѣренія перейти отъ философско-теологическихъ вопросовъ къ вопросамъ общественнымъ. Только передъ самою кончиною своею Лессингъ увидѣлъ возможность обратить къ этимъ вопросамъ вниманіе нѣмецкой публики, — два послѣдніе разговора Эрнста и Фалька были напечатаны имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины; кончина застигла его раньше, нежели успѣлъ онъ написать объяснительныя и дополнительныя примѣчанія къ пятому разговору, которыми занимался въ послѣднее время жизни, и напечатанные имъ разговоры остались только свидѣтельствомъ того, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни, среди физическихъ страданій и борьбы съ Геце, онъ задумалъ новое дѣло, столь же важное, какъ два прежнія, имъ совершennыя: руководитель нѣмецкой націи сначала въ литературной, потомъ въ научной жизни, онъ передъ кончиною становился уже руководителемъ своей націи въ общественной жизни. Неудержимо стремилась впередъ могущественная мысль этого человѣка.

Границы дѣйствию этой мысли полагались не степенью силы ея, а степенью готовности нѣмецкаго общества живо принимать тѣ или другія япочатлѣнія, интересоваться тѣми или другими вопросами. Другіе писатели говорили о такихъ предметахъ, которыми сами они особенно интересовались или въ которыхъ были особенно сильны. Лессингъ говорилъ о томъ, что было наиболѣе доступно разумѣнію и интересамъ его публики въ данную эпоху. Умственная жизнь его публики была очень тѣсна и слаба. Онъ употреблялъ всѣ силы свои на то, чтобы постепенно расширять кругъ этой жизни, усиливать ея дѣятельность, возводить ее отъ однихъ интересовъ къ другимъ, болѣе живымъ и важнымъ. Смерть застала его при самомъ началѣ одного изъ такихъ фазисовъ, и мы видимъ, что при каждомъ новомъ фазисѣ онъ становился сильнѣе, обнаруживалъ все болѣе гениальности, что

могущество его мысли все только яснѣе и полнѣе охватывало предметъ, по мѣрѣ того, какъ предметы его дѣятельности становились выше и значительнѣе. На чемъ остановился бы этотъ процессъ, нельзя знать. Мы видимъ смерть его среди возростанія могущества его мысли, но не видимъ признаковъ того, чтобы какая-нибудь изъ разрѣшенныхъ имъ доселѣ задачъ поглотила все его силы или удовлетворила его. Мы видимъ, что, по мѣрѣ возвышенія важности вопросовъ, за которые онъ брался, ближе въ его сердцу становились эти вопросы,—но не видимъ еще, изъ всехъ представлявшихся ему, ни одного вопроса, который бы являлся личнымъ задунюемымъ его вопросомъ, разрѣшеніемъ котораго удовлетворялась бы потребность его личной натуры. Мы знаемъ только, чѣмъ до сихъ поръ позволяла являться Лессингу степень развитія его публики,—поэтомъ, критикомъ, ученымъ, теологомъ,—но не знаемъ, до какой степени исчерпывалась этими проявленіями его натура.

Половины того не сказалъ Лессингъ, что могъ сказать, что сказалъ бы, если бы прожилъ десять-пятнадцатью годами долѣе. Приближались историческія событія, которыя должны были сильно содѣйствовать пробужденію нѣмецкаго племени. Государственные перевороты во Франціи, потомъ войны германскихъ державъ съ Франціею и владычество Наполеона въ Германіи,—все это сдѣлало нѣмцевъ воспримчивыми къ многимъ понятіямъ, которыми до тѣхъ поръ не интересовались они. Положеніе Германіи было очень затруднительно; болѣе, нежели когда-нибудь, нуждалась она тогда въ руководителѣ. Почти все извѣстные сверстники Лессинга дожили до этого времени: Рамлеръ до 1798 года, Вейсе до 1804 года, Николай до 1811 года, Виландъ до 1813; дожили до этихъ событій и люди, бывшіе старше Лессинга: Клопштокъ, родившійся пятью, и Глеймъ, родившійся десятью годами ранѣе Лессинга, дожили до 1803 года. Лессингъ былъ одаренъ отъ природы тѣлосложеніемъ болѣе крѣпкимъ, нежели все эти люди. Но слишкомъ тяжела была его жизнь, и онъ одинъ, въ которомъ болѣе всехъ нуждалась Германія, не дожилъ до той поры, когда его ясный умъ и могущественное слово наиболѣе нужны были для его народа. Всего только пятьдесятъ лѣтъ было ему, но его крѣпшій организмъ уже изнемогалъ подъ бременемъ зла, не подозрѣваемого въ немъ медиками, потому что оно не свойственно было его годамъ, и принадлежитъ только періоду глубокой старости,—источникомъ его болѣзни было отвердѣніе хрящей, какъ узнали врачи послѣ его смерти,—то самое отвердѣніе, которое бываетъ причиною смерти столѣтнихъ стариковъ, когда организмъ совершенно ветшаетъ отъ продолжительной жизни. Онъ въ свои немногіе годы пережилъ и перенесъ слишкомъ много: нравственная сторона его существа выдержала все, оставалась бодрой и свѣжа до послѣдней минуты; но физическій организмъ сокрушился.

Со времени кончины своей супруги, Лессингъ изнемогалъ; съ каждымъ годомъ онъ становился хилѣе и хилѣе; симптомы одной болѣзни смѣнялись симптомами другой, все усиливаясь; но оставалась при всехъ другихъ болѣзняхъ одна, служившая основаніемъ для всехъ другихъ,—тяжелое удушье, становившееся все сильнѣе и сильнѣе. Друзья и доктора его опасались па-

ралича. Онъ чувствовалъ тяжесть во всемъ организмѣ, утомленіе, доводившее его до летаргической дремоты. Въ концѣ 1780 и началѣ 1781 годовъ это отяжелѣніе организма усилилось до такой степени, что съ открытыми глазами онъ иногда терялъ сознаніе, не находилъ или забывалъ слово для окончанія фразы въ разговорѣ, не былъ иногда въ состояніи правильно написать двухъ строкъ; зрѣніе его затмѣвалось порою, такъ что онъ не могъ читать, вмѣсто одной буквы писалъ другую. Полагая, что скука одинокой вольфенбюттельской жизни губить его, онъ, въ началѣ февраля 1781 года, поѣхалъ въ Брауншвейгъ, чтобы нѣсколько развлечь себя обществомъ. Но нѣ Брауншвейгѣ болѣзнь усилилась такъ, что друзья увидѣли ея смертельность. До сихъ поръ припадки удушья и летаргій миновались въ нѣсколько минутъ; но 13-го февраля, рано вечеромъ возвратившись изъ дружеской бесѣды, онъ почувствовалъ чрезвычайно тяжелый и продолжительный припадокъ удушья, такъ что долго не могъ сказать ни слова. Однакоже, онъ не хотѣлъ послать за докторомъ, и велѣлъ прислугѣ оставить его одного въ комнатѣ, которую приказалъ запереть. Ночь провелъ онъ очень дурно; однакоже, на другой день поутру, сталъ одѣваться, чтобы ѣхать домой, въ Вольфенбюттель. Друзьямъ стоило большаго труда убѣдить его, что поѣздка эта была бы выше его силъ въ настоящее время, и уговорить его послать за лейбъ-медикомъ Брикманомъ, его пріятелемъ. Брикманъ тотчасъ же пустилъ ему кровь, и страданія больного облегчились. Друзья послали въ Вольфенбюттель за падчерицею Лессинга, Амалією Кёнигъ. Она поспѣшила пріѣхать. Припадки удушья часто возобновлялись, то сильнѣе, то слабѣе. Иногда казалось, что смерть очень близка, иногда надежда оживлялась въ друзьяхъ. Брикманъ и Зомиеръ, другой докторъ, надѣялись, что побѣдить болѣзнь. Но самъ онъ зналъ, что приближается минута смерти. Ночь съ 14-го на 15-е была опять очень тяжела, но поутру Лессингъ сталъ чувствовать себя хорошо. Онъ могъ поддерживать разговоръ съ друзьями, иногда даже начиналъ шутить съ Брикманомъ и другими, даже вставалъ съ постели. Вечеромъ Амалія сидѣла въ залѣ, передъ комнатою больного, и плакала,—ее просили уходить изъ его комнаты, когда она не могла удерживаться отъ слезъ. Въ залъ вошли нѣсколько знакомыхъ, чтобы узнать о здоровьѣ Лессинга; ему сказали это. Онъ всталъ,—отворилась дверь его комнаты, онъ вошелъ въ залъ, страшно блѣдный, поклонился, встрѣчая гостей, — молча пожалъ руку дочери, съ выраженіемъ нѣжной любви во взглядѣ,—и упалъ. Его поддержали, отнесли на кровать. Тихо, спокойно закрылъ онъ глаза,—онъ уже скончался; выраженіе любви и спокойной радости еще сохранилось на лицѣ его.

Это было 15-го февраля 1781 года, въ 9 часовъ вечера. Лессингъ скончался на 52 году жизни.

Не пышно было погребеніе, совершенное 20-го февраля, — да и хорошо, что не пышно было оно, потому что издержки, сдѣланныя на этотъ предметъ брауншвейгскимъ придворнымъ вѣдомствомъ, — 154 талера съ нѣсколькими грошами, были потомъ, какъ слѣдуетъ, вычтены изъ суммы, слѣдовавшей въ выдачу отъ казны наслѣдникамъ Лессинга.

На берлинскомъ театрѣ 24 февраля, на гамбургскомъ театрѣ 9 марта, потомъ на другихъ нѣмецкихъ театрахъ даны были траурные спектакли по случаю смерти перваго драматурга Германш. Послѣ траурныхъ прологовъ, играли „Эмилию Галотти“ на сценѣ, обитой чернымъ сукномъ. Актеры выходили на сцену въ траурномъ платьѣ.

Были вырѣзаны двѣ медали въ память покойнаго; одна, въ Брауншвейгѣ, Круллемъ. другая, въ Берлинѣ, Абрамсономъ.

Лицевая сторона обѣихъ медалей одипакова: бюстъ Лессинга; кругомъ бюста „Gotthold Ephraim Lessing“, внизу: „Natus MDCCXXIX“. На оборотѣ брауншвейгской медали: „Poëta, Philosophus, Philologus. Criticus, Germaniae Decus, Musarum et Amicorum dum vivebat amor, nunc desiderium sempiternum“. На оборотѣ берлинской медали—погребальная урна; надъ урною склоняются Истина, съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, и Природа, съ лицомъ, закрытымъ траурною вуалью; кругомъ идетъ надпись: „Veritas Amicum luget, Aemulum Natura“; на пьедесталѣ урны: „Nathan der Weise“; внизу: „Denatus MDCCCLXXXI *).

Въ 1853 г. воздвигнуть, по національной подпискѣ, памятникъ Лессингу въ Брауншвейгѣ.

Лессингъ былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, широкой кости, такъ что казался плотнымъ, хотя никогда не имѣлъ полноты. Ласковое выраженіе пронизательныхъ темноглубыхъ глазъ придавало его правильному лицу особенную прелесть. Взглядъ его, обыкновенно кроткій и чрезвычайно спокойный, былъ въ то же время такъ выразителенъ, что, говоря, будто не только вблизи, но еще на очень дальнемъ разстояніи собесѣдники чувствовали его силу. Подъ конецъ его жизни распространилась мода носить парики, но онъ никогда не слѣдовалъ ей, жалѣя своихъ густыхъ, прекрасныхъ темнорусыхъ волосъ, въ которыхъ рано начала показываться сѣдина. Походка и манеры его были непринужденны: едва ли не первый изъ нѣмецкихъ ученыхъ ч поэтовъ онъ умѣлъ держать себя, какъ свѣтскій человѣкъ. Одѣвался онъ изящно, хотя всегда очень скромно. Одною изъ особенныхъ привычекъ его было то, что зимою никогда не носилъ онъ плаща, и круглый годъ ходилъ въ лѣтнемъ платьѣ, — привычка, свидѣтельствующая о чрезвычайной крѣпости здоровья. Ни въ наружности, ни въ манерахъ Лессинга не было ничего такого, что называется поразительнымъ или особенно замѣчательнымъ. Но каждый, встрѣчаясь съ нимъ, хотя бы не зналъ его имени, чувствовалъ, что видитъ передъ собою человѣка необыкновеннаго. Въ запискахъ Тьебо, француза, долго жившаго въ Берлинѣ и оставившаго намъ очень любопытныя наблюденія о тогдашней жизни въ столицѣ Пруссіи, сохранился анекдотъ, довольно любопытный. „Однажды, говоритъ Тьебо, я пошелъ къ Зульцеру и засталъ его съ другимъ знакомымъ, Бегленомъ, передъ большою, только что конченною картиною. Кар-

*) Надписи: на брауншвейгской медали: „Поэтъ. Философъ, Филологъ, Критикъ, честь Германіи, при жизни любовь, нынѣ вѣчноскорбная утрата музъ и друзей“. — На берлинской: „Истина оплакиваетъ въ немъ друга. природа—соперника.—Натанъ Мудрый.—Скончался 1781“.

тина эта произвела на меня замѣчательное впечатлѣніе. Мы сидѣли и говорили, но мои глаза невольно все обращались на картину. На ней была изображена фигура мужчины. „Кажется, эта картина очень занимает васъ? сказалъ Беглень—Что вы скажете о ней?“—„Бьюсь объ завладѣ, сказалъ а, что это чей-нибудь портретъ, и портретъ должно быть очень похожій“. — „Почему же вы такъ думаете?“—„Потому что въ лицѣ очень много натуры.“—„Въ такомъ случаѣ скажите, какое понятіе составляете вы по этому портрету о человѣкѣ, котораго онъ изображаетъ?“—„Этотъ мужчина долженъ быть человѣкъ большого ума, дѣятельнаго, очень живаго и пылкаго ума. Тѣ же качества должны отражаться и на его характерѣ. Кромѣ того, въ характерѣ у него должна быть замѣчательная твердость и большая природная веселость. Онъ добродушенъ, любитъ удовольствіи и честенъ, по опасно затрогивать его убѣжденія или предубѣжденія“. — „Значить, вы знакомы съ этимъ человѣкомъ?“ — „Нѣтъ, я никогда не видалъ человѣка, изображеннаго на этомъ портретѣ“. — „А вотъ вы рассказали о его качествахъ такъ вѣрно, какъ будто прожили съ нимъ цѣлую жизнь. Это портретъ г. Лессинга, писанный г. Граффомъ“. — „Это большая честь г. Граффу, потому что я никогда не видывалъ г. Лессинга“.

Домашній образъ жизни Лессинга былъ простъ. любовь къ порядку доходила въ немъ до страсти. Въ кабинетѣ его господствовала чрезвычайная чистота. Въ Вольфенбюттелѣ, когда онъ писалъ, на рабочемъ столѣ обыкновенно сидѣла его любимая кошка, и, если случалось ой разорвать или привести въ безпорядокъ бумаги, онъ не сердился, а начиналъ ухаживать за нею, зная, что эти безпорядки она дѣлаетъ только тогда, когда нездорова.

Въ Вольфенбюттелѣ Лессингъ вставалъ въ шесть часовъ. Черезъ два или три часа пилъ въ кабинетѣ кофе и продолжалъ работать до двѣнадцати часовъ, не выходя изъ кабинета, кромѣ тѣхъ дней, когда ему нужно было заняться въ Библиотекѣ. Въ первомъ часу онъ обѣдалъ (въ Германіи тогда вообще обѣдали очень рано). Часто изъ Библиотеки приводилъ онъ къ обѣду гостей и потомъ очень наивно извинялся въ своемъ хлѣбосольствѣ передъ женою и дочерью, которая занималась хозяйствомъ по смерти жены. „Мнѣ не ловко было не пригласить ихъ, говорилъ онъ. Но если къ обѣду приготовлено мало, такъ я буду ѣсть только закуску“. Обѣдъ былъ очень незатѣйливъ. Никогда не дѣлалъ Лессингъ замѣчанія, если какое нибудь кушанье приготовлено неудачно. Какіо бы гости ни были за обѣдомъ, но разговоръ всегда шелъ за столомъ только о такихъ предметахъ, чтобы въ немъ могло участвовать все семейство: ученые вопросы и споры отлагались до другаго времени дня. Лессингъ говорилъ очень быстро и живо; но никогда не овладѣвалъ разговоромъ одинъ, всегда стараясь, чтобы онъ былъ общимъ. Послѣ обѣда Лессингъ никогда не спалъ; онъ отправлялся съ семействомъ прогуливаться пѣшкомъ или игралъ съ дѣтьми. Участвовать въ играхъ дѣтей было всегда его любимымъ удонольствіемъ. Вечеръ обыкновенно посвящалъ онъ обществу. До женитьбы онъ почти каждый день посѣщалъ театръ или знакомыхъ. Послѣ женитьбы знакомые обыкновенно со-

бирались въ его домъ. Въ Бреславлѣ Лессингъ пристрастился къ картамъ. Впослѣдствіи, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, не могъ вести большой игры и долженъ былъ бросить это развлеченіе; тогда наклонность къ азартной игрѣ обратилась у него на лотерею. Изъ Франціи, гдѣ государственныя лотереи были однимъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, эта финансовая спекуляція перешла и къ нѣмецкимъ правительствамъ. Лоттереи разъятрывались непрерывно, съ огромными выигрышами, на очень немногіе изъ безчисленныхъ билетовъ, продававшихся по очень дешевой цѣнѣ. Лессингъ постоянно бралъ лотерейные билеты, и чрезвычайно занимали его расчеты вѣроятностей выигрыша на тотъ или другой нумеръ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ просилъ одного изъ друзей взять для него три билета, изъ которыхъ особенно разчитывалъ онъ на одинъ № 52 и доказывалъ, что этотъ нумеръ, по всей вѣроятности, долженъ выиграть. Любовь къ азартнымъ играмъ была у него не слѣдствіемъ жадности къ деньгамъ, которыми онъ очень мало дорожилъ, но слѣдствіемъ страсти его рисковать. Кромѣ картъ и лоттерей, онъ очень любилъ шахматную игру. Шахматы были началомъ сближенія его съ Мендельсономъ. Въ Гамбургѣ онъ особенно любилъ играть въ шахматы съ Клопштокомъ, потому что Клопштокъ очень забавно сердился, когда проигрывалъ.

По своей разговорчивости и блестящему остроумію, Лессингъ былъ очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Посреди самаго живаго разговора онъ часто вдругъ останавливался и молчалъ нѣсколько минутъ, увлекшись мыслью куда нибудь далеко отъ предмета бесѣды. Въ обществѣ онъ не давалъ воли своей наклонности къ горькому юмору, и шутки его были очень мягки и веселы. Но въ кругу семейства и близкихъ друзей его знали, какъ человѣка, который, при всей врожденной веселости характера, смотритъ на человѣческую жизнь чрезвычайно печально. При разсказѣ о какомъ нибудь бѣдствіи или пошлости, онъ улыбался такъ горько, что люди, видѣвшіе его въ такія минуты, увѣряютъ насъ, что никогда не видѣли человѣка столь печальнаго. При живости характера, онъ не могъ иногда удерживаться отъ гнѣва, и первый взрывъ негодовація былъ страшенъ холодною и равнодушнѣмъ, съ какимъ произносилъ два-три убійственно-саркастическія слова. Но порывъ гнѣва проходилъ быстро, и Лессингъ черезъ минуту становился снова добродушнѣйшимъ изъ людей, осуждая себя за то, что такъ серьезно разсердился на человѣческія глупости, заслуживающія только состраданія. Шутливость была неизмѣнною чертою всѣхъ его разговоровъ. У него, какъ и у всѣхъ добродушныхъ мизантроповъ, она постоянно прикрывала глубокое состраданіе къ бѣдствіямъ человѣческой жизни и глубокую скорбь сердца.

При чрезвычайной мягкости и снисходительности обращенія, домашніе необыкновенно любили его. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Лессинга, Кампе, проѣзжая черезъ Брауншвейгъ и остановившись въ гостиницѣ, спросилъ у кельнера, зналъ ли онъ покойнаго Лессинга? Кельнеръ этотъ нѣкогда служилъ Лессингу. При одномъ имени покойнаго, онъ заплакалъ и долго разсказывалъ Кампе о томъ, какъ добръ былъ Лессингъ, какъ безъ всякой разчетливости помогалъ каждому нуждающемуся. „Часто выговари-

валъ я ему за то, прибавлялъ "слуга, но безъ всякой пользы". Для родныхъ и друзей Лессингъ постоянно жертвовалъ собою. Но самую отличительною чертою его характера было великодушіе. Друзьямъ служила источникомъ неистощимыхъ шутокъ его склонность во что бы то ни стало защищать оскорбляемыхъ или несчастныхъ, какъ бы ни были эти люди виноваты въ своихъ бѣдахъ. Жесточайшему врагу своему онъ прощалъ все, ~~какъ~~ скоро узнавалъ о какой нибудь непріятности, поразившей этого человѣка: тогда всѣ прежнія причины осуждать его или досадовать на него забывались Лессингомъ для желанія, чѣмъ возможно облегчить его судьбу и ~~утѣ~~шитель его.

К О Н Е Ц Ъ.